ISSN 2957-8418

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ «ИНСТИТУТ ПЕРЕПОДГОТОВКИ
И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ СУДЕЙ, РАБОТНИКОВ
ПРОКУРАТУРЫ, СУДОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ ЮСТИЦИИ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Минск
РИВШ
2025

УДК 34/03(082)

Сборник научных трудов основан в 2019 г.,
индексируется в Российском индексе научного цитирования с 2025 г.

Р е к о м е н д о в а н о
Советом учреждения образования «Институт переподготовки
и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов
и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»
(протокол № 5 от 26 сентября 2025 г.)

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:
доктор юридических наук, профессор *О. Н. Здрок* (гл. ред.);
кандидат юридических наук, доцент *М. А. Городецкая* (отв. ред.);
кандидат юридических наук, доцент *Т. Н. Пунько*;
кандидат юридических наук, профессор *А. В. Барков*;
кандидат юридических наук, доцент *Л. Л. Зайцева*;
кандидат юридических наук, доцент *Е. В. Новикова*;
Е. В. Годунова, Е. Б. Кравцова, Н. А. Савченко

П68	**Правосудие** и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. Вып. 4. / Учреждение образования ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета ; редкол. : О. Н. Здрок (гл. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2025. – 295 с.

© Учреждение образования «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», 2025
© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2025

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Здрок О. Н. – директор УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», доктор юридических наук, профессор *(главный редактор);*

Барков А. В. – профессор кафедры судебной деятельности УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь;

Городецкая М. А. – заместитель директора по научно-методической работе УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», кандидат юридических наук, доцент *(ответственный редактор)*;

Зайцева Л. Л. – заведующий кафедрой прокурорской деятельности УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», кандидат юридических наук, доцент;

Калинкович В. Л. – первый заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, Заслуженный юрист Республики Беларусь;

Каменецкий Ю. Ф. – начальник УО «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент;

Карпович Н. А. – заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь;

Коваленко Е. И. – Министр юстиции Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент;

Марчук В. В. – профессор кафедры уголовного права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор;

Мещанова М. В. – заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, доцент;

Новикова Е. В. – заведующий кафедрой судебной деятельности УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», кандидат юридических наук, доцент;

Пунько Т. Н. – заместитель директора по учебной работе УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета», кандидат юридических наук, доцент;

Функ Я. И. – председатель Международного арбитражного суда при БелТТП, доктор юридических наук, профессор;

Шахрай И. С. – профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, доцент;

Швед А. И. – Генеральный прокурор Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Республики Беларусь.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые читатели!

Перед вами 4-й выпуск сборника научных трудов «Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение» УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета» (далее – Институт), имеющий для Института особое значение.

Указанный сборник издается Институтом с 2019 г. с периодичностью выхода издания один раз в два года (три предшествующих выпуска вышли в свет в 2019 г., 2021 г. и 2023 г.). Сборнику присвоен международный стандартный сериальный номер (ISSN). С 2025 г. сборник включен в наукометрическую базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Вместе с тем, отметив в 2024 г. свое 25-летие, коллектив Института поставил перед собой новые задачи развития, в том числе и в рамках научной и издательской деятельности. В частности, по результатам издания 4-го выпуска сборника Институт намерен обратиться в Высшую аттестационную комиссию Республики Беларусь с заявлением о его включении в перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертаций по юридическим наукам и установить новую периодичность выхода сборника – один раз в год.

В связи с этим при подготовке настоящего выпуска была проделана огромная подготовительная работа по обновлению требований к опубликованию и рецензированию научных статей, усилению состава редакционного совета и редакционной коллегии научного издания за счет привлечения высококвалифицированных научных кадров из числа докторов и кандидатов юридических наук.

В формировании настоящего выпуска традиционно приняли участие ученые белорусских и зарубежных учреждений высшего образования, практические работники Верховного Суда Республики Беларусь, Конституционного Суда Республики Беларусь, иных государственных органов и организаций.

Тематика научных статей, представленных в настоящем выпуске, является достаточно широкой и охватывает актуальные вопросы деятельности судов, органов прокуратуры, следствия и юстиции, вопросы правового регулирования общественных отношений в сфере гражданского, хозяйственного, семейного, трудового, финансового и экологического права, теоретические и прикладные проблемы уголовного права и криминологии, современные проблемы правосудия, прокурорской и следственной деятельности, а также междисциплинарные проблемы юстиции.

Среди многообразия статей, представленных в сборнике, обращают на себя внимание исследования, посвященные научной оценке новых полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь, которые он приобрел в соответствии с изменениями, внесенными в 2022 г. в Конституцию Республики Беларусь; новеллам Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, в частности тенденциям развития института примирительных процедур; актуальным вопросам реформирования уголовного и уголовно-процессуального законодательства; правовым аспектам цифровизации общественных отношений.

Уверена, что 4-й выпуск сборника научных трудов «Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение» окажется полезным как для научных, так и для практических работников и внесет весомый вклад в дальнейшее развитие и совершенствование национальной правовой системы.

С наилучшими пожеланиями,
главный редактор,
директор УО «Институт переподготовки
и повышения квалификации судей,
работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»,
доктор юридических наук, профессор О. Н. Здрок

РАЗДЕЛ 1
ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ, ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ, СЛЕДСТВИЯ И ЮСТИЦИИ

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ: СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Миклашевич Петр Петрович,
Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь,
Заслуженный юрист Республики Беларусь

Аннотация. В статье анализируется расширение полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь согласно изменениям и дополнениям Конституции, принятым на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г.: введение конституционной жалобы, запросов судов общей юрисдикции в Конституционный Суд, других полномочий. Исходя из анализа современных тенденций конституционного контроля в различных государствах обосновывается переход к конкретному конституционному контролю как новый этап развития конституционного правосудия в Беларуси, исследуются теоретические и практические аспекты его реализации.

Ключевые слова: конституционная жалоба, конституционное правосудие, конкретный конституционный контроль, полномочия Конституционного Суда Республики Беларусь.

Введение. Различные полномочия конституционных судов, механизмы и процедуры конституционного контроля служат общей цели – эффективному выполнению органами конституционного правосудия конституционной функции по утверждению верховенства и прямого действия Конституции. Современные тенденции развития конституционного правосудия свидетельствуют, что системный подход в осуществлении конституционного контроля, полнота законодательного обеспечения полномочий Конституционного суда, определенность при реализации их на практике обеспечивают действенность и результативность конституционного правосудия по утверждению верховенства Конституции в нормотворчестве и правоприменении.

Формы конституционного контроля и условия его осуществления имеют особенности с учетом правовой системы страны, конституционно-правовых традиций и других факторов.

Основная часть. Конституционный контроль можно разделить на предварительный (до вступления в силу нормативного акта) и последующий (после вступления в силу нормативного акта), а также на абстрактный (не касающийся применения нормативного акта или международного договора в конкретном деле) и конкретный (в связи с конкретным делом) [1, с. 324].

Из многообразия практики конституционных судов различных стран рождается понимание, что, несмотря на собственные пути развития

конституционных процессов в государствах, органы конституционного контроля объединены общей целью – обеспечить верховенство Конституции, защиту конституционного строя, конституционных прав и свобод граждан.

1. Толкование Конституции

Реализация Конституционным Судом Республики Беларусь полномочий, возложенных на него Конституцией и Кодексом о судоустройстве и статусе судей, обусловливает необходимость осуществления толкования норм Конституции.

В зарубежных странах полномочие по официальному толкованию Конституции, как правило, принадлежит конституционным судам.

Востребованность именно конституционно-судебного толкования, в отличие от парламентского, обусловлена особой конституционно-юридической природой конституционного правосудия, специфическим характером деятельности конституционных судов по разрешению правовых коллизий, узловых проблем национальной правовой системы.

Как отмечают российские коллеги, исследуя методологические аспекты конституционного контроля, задачи конституционного нормоконтроля не идентичны задачам правоприменения, пусть даже высшего, будучи функционально связаны не только с применением права, но и с его созданием. Являясь источниками права особого, обладающего нормативным единством с конституционными положениями, вида, решения Конституционного Суда, осуществляя оценку конституционности ординарного законодательства, они одновременно раскрывают нормативное содержание конституционного регулирования [2].

С момента принятия в 1994 г. Конституции Республики Беларусь и до внесения изменений и дополнений в 2022 г. правом официального толкования Конституции был наделен Парламент, который реализовал данное право один раз – в 1997 г. [3].

Обновленной Конституцией предусмотрено право Конституционного Суда давать официальное толкование Конституции по предложениям Президента, Президиума Всебелорусского народного собрания, палат Парламента, Верховного Суда, Совета Министров.

Наделение Конституционного Суда указанным полномочием отражает его высокий авторитет как органа, осуществляющего правовую охрану Конституции и обладающего необходимым профессиональным потенциалом раскрывать сущностное содержание конституционных положений в их системной взаимосвязи.

2. Последующий конституционный контроль

Осуществление Конституционным Судом последующего конституционного контроля, т. е. проверка действующих нормативных правовых актов на соответствие Конституции, показало свою эффективность на этапе формирования национальной правовой системы.

В период активного государственно-правового строительства после принятия Конституции 1994 г. Конституционным Судом рассмотрено 60 дел (1994–2000 гг.). Производство возбуждалось, как правило, на основании предложений уполномоченных субъектов. Так, по предложению Президента было

рассмотрено 14 дел, Председателя Верховного Совета – 12, Генерального прокурора – 5 дел; вносили предложения и другие уполномоченные государственные органы.

В условиях сформировавшейся правовой системы, согласованного взаимодействия властей в последующие годы активность уполномоченных субъектов по внесению предложений в Конституционный Суд снизилась: в 2001–2007 гг. Конституционный Суд рассмотрел 13 дел, в 2008–2022 гг. – одно дело по предложению Палаты представителей Национального собрания.

Последующий конституционный контроль показал свою эффективность в процессе формирования национального законодательства и в целом правового государства. Однако в условиях достигнутой политической и социальной стабильности в стране, системного взаимодействия властей в законотворческом процессе объективно снизилась активность уполномоченных субъектов по внесению предложений в Конституционный Суд.

Таким образом, конструктивное взаимодействие государственных органов в процессе конституционно-правового строительства, недопущение ими нарушений конституционных принципов и норм, четкость и слаженность работы государственного механизма, реальное проявление конституционного правосознания и правовой культуры ведет к объективному уменьшению количества обращений в Конституционный Суд со стороны уполномоченных государственных органов.

В настоящий период развитие последующего конституционного контроля обусловлено расширением круга государственных органов, правомочных обращаться в Конституционный Суд, и необходимостью дальнейшего обеспечения конституционного правопорядка.

В обновленной Конституции установлено, что последующий конституционный контроль нормативных правовых актов осуществляется по предложениям не только Президента, палат Парламента, Верховного Суда, Совета Министров, как было ранее, но и Президиума Всебелорусского народного собрания. Тем самым конституционная функция по контролю нормативных правовых актов сохраняется и развивается в целях обеспечения конституционализации права.

3. Предварительный контроль конституционности законов

3.1. Обязательный предварительный контроль конституционности законов

В 2008 г. Конституционный Суд был наделен правом осуществлять обязательный предварительный контроль конституционности всех законов, принятых Парламентом, до подписания их Президентом.

За прошедший период Конституционным Судом было принято 1026 решений, в которых дана оценка конституционности законодательного регулирования общественных отношений в различных сферах. На соответствие Конституции проверено 10 кодексов, 183 общих и специальных закона, 505 законов о внесении изменений и дополнений в законодательные акты, 328 законов о ратификации международных договоров.

Все законы, проверенные Конституционным Судом в порядке обязательного предварительного контроля, признаны соответствующими Конституции.

Признавая конституционность принятых законов, в отношении их отдельных положений Конституционный Суд формулировал правовые позиции, направленные на уяснение конституционно-правового смысла норм законов, исходя из норм и принципов Конституции. Сформулировано 305 правовых позиций, в которых обращалось внимание законодателя на выявленные в законах случаи правовой неопределенности, пробелы и коллизии, а правоприменителям указывалось на необходимость точного понимания содержания законодательных норм и соблюдения конституционно-правового режима их применения в своей деятельности. Из 155 указанных правовых позиций, адресованных законодателю, к настоящему времени более 60 учтено в процессе осуществления законотворческой деятельности.

Своими решениями, принятыми в порядке обязательного предварительного контроля законов, Конституционный Суд оказал позитивное влияние на развитие конституционной доктрины. Правовые позиции, которые формулировались Конституционным Судом исходя из правового анализа конституционных норм в их логической взаимосвязи, способствовали обеспечению единства и согласованного взаимодействия всех государственных органов в соответствии с их конституционными полномочиями, соблюдению конституционной законности в законодательном процессе и правоприменительной практике.

Следует подчеркнуть, что правовые позиции Конституционного Суда обусловили взвешенность и ответственность парламентариев по соблюдению конституционных норм и принципов при принятии законов, способствовали формированию уверенности граждан в конституционности норм принятых законов, повысив их доверие к закону.

При этом проверка конституционности норм законов в порядке обязательного предварительного контроля носила абстрактный характер – через призму развития в них конституционных ценностей, принципов и норм, соблюдения пределов дискреции законодателя по ограничению прав и свобод граждан.

Осмысливая пройденный путь, необходимо отметить значительный вклад Конституционного Суда Республики Беларусь в воплощение в жизнь верховенства Конституции, утверждение конституционной законности, формирование конституционного правосознания и правовой культуры, неуклонное соблюдение конституционных положений всеми государственными органами, должностными лицами и гражданами.

3.2. Факультативный предварительный контроль

Согласно обновленной Конституции, Конституционный Суд реализует конституционную функцию по обеспечению верховенства Конституции в форме предварительного конституционного контроля по предложениям Президента в отношении проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию; законов, принятых Парламентом, до их подписания Президентом; не вступивших в силу международных договоров Республики Беларусь.

Наделение Конституционного Суда полномочием по проверке конституционности проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию свидетельствует о повышении роли органа судебного конституционного контроля в процессе конституционных преобразований, необходимости

обеспечения потребности дальнейшего общественного развития в конституционно-правовом измерении.

Предварительный контроль конституционности законов, предусмотренный обновленной Конституцией, осуществляется только по предложению Президента и характеризуется следующими особенностями:

▪ предварительный характер – проверке подвергаются законы, принятые Парламентом, до подписания их Президентом, т. е. до вступления законов в силу;

▪ абстрактный характер – проверка конституционности норм законов осуществляется посредством абстрактного сопоставления положений Конституции и норм законов;

▪ рассмотрение дел осуществляется в отсутствие спора и аргументов сторон в процессе в особом письменном порядке;

▪ предварительный контроль конституционности законов не лишает уполномоченных субъектов права инициировать их проверку в порядке последующего конституционного контроля исходя из практики применения.

Обновленная Конституция составляет основу конституционного законодательства, обеспечивающего современное эффективное государственно-правовое строительство. Конституционное законодательство определяет правовую характеристику государства, правовое положение личности и статус гражданина, организацию государственной власти, устанавливает основы правовой системы.

Конституционные преобразования, отражающие объективные тенденции развития общества и государства, потребовали обновления конституционного законодательства, формирования конституционно-правовых отношений на новой конституционной основе.

Полагаем, что принятые Парламентом законы, относящиеся к конституционному законодательству, до их подписания Президентом, следует, как правило, направлять в Конституционный Суд для проверки их конституционности.

В целом осуществление предварительного конституционного контроля позволяет упреждать возникновение конституционных конфликтов, оказывать стабилизирующее влияние на всех участников конституционных отношений, нацеливать законодателя и правоприменителей на неукоснительное соблюдение Конституции и конституционно-правового режима.

В порядке предварительного конституционного контроля реализуется также полномочие Конституционного Суда по проверке по предложениям Главы государства конституционности не вступивших в силу международных договоров. Верховенство Конституции обязывает государственные органы исходить из безусловных конституционных приоритетов на национальном уровне и необходимости их сохранения в наднациональном и международном регулировании.

4. Конкретный конституционный контроль

4.1. Индивидуальная жалоба

Конституционная жалоба является наиболее распространенной формой защиты конституционных прав и свобод граждан, и в большинстве стран постсоветского пространства, а также европейских государств в различных формах существует институт конституционной жалобы.

Дискуссии о преимуществах и недостатках введения в Беларуси конституционной жалобы велись достаточно давно [4]. Следует подчеркнуть, что Конституционный Суд последовательно отстаивал необходимость конституционной жалобы [5], и определенные элементы данного механизма защиты прав и свобод граждан в практике Конституционного Суда были сформированы в ходе рассмотрения дел об устранении пробелов, исключении коллизий и правовой неопределенности в законодательстве.

Таким образом, и сложившиеся объективные условия конституционно-правового развития национальной правовой системы, и практика конституционного правосудия способствовали установлению института конституционной жалобы в Республике Беларусь на конституционном уровне.

Согласно ст. 116[1] Конституции Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных судами общей юрисдикции в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты.

Рассмотрение дел по индивидуальным конституционным жалобам позволит не допускать действия судебных постановлений, основанных на неконституционных нормах законов, а также исключать искажение конституционно-правового смысла норм законов при применении в судебном деле.

Введение института конституционной жалобы в национальную правовую систему означает переход к конкретному конституционному контролю. Конкретный конституционный контроль является наиболее распространенной формой контроля, осуществляемого конституционными судами различных государств, в ходе которого оценивается конституционность нормы закона: как она применяется в конкретном деле, не искажен ли конституционно-правовой смысл закона при правоприменении.

При этом следует учитывать, что Конституционный Суд, принимая решение по делу в порядке последующего контроля, оценивает как буквальный смысл правовых норм, так и смысл, придаваемый им практикой применения (ст. 55 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве» (в ред. от 17 июля 2023 г.). Следует согласиться с российскими коллегами, что конституционно-судебный контроль можно осуществлять не только в тех случаях, когда нормы закона по его буквальному смыслу вступают в противоречие с конституционными положениями, но и тогда, когда буквальный смысл нормы соответствует Конституции, однако в результате сложившейся правоприменительной практики она приобретает иной смысл, не соответствующий Конституции [6].

В течение 2024 г. в Конституционный Суд поступило 530 обращений, из которых 103 в определенной мере отвечают критериям конституционной жалобы. В жалобах изложены вопросы, связанные с нарушением прав при применении трудового, жилищного, земельного, пенсионного, налогового, а также уголовно-процессуального, административного и гражданского процессуального законодательства. Поступающие жалобы граждан изучаются в установленном Законом «О конституционном судопроизводстве» порядке

и определяется способ их дальнейшего разрешения с учетом соблюдения условий допустимости, общих требований к содержанию конституционной жалобы.

Анализ жалоб показывает, что гражданами не соблюдаются в полной мере положения данного Закона, что является основанием для отказа в возбуждении производства по делу.

В целях оказания содействия гражданам в осуществлении их права на доступ к конституционному правосудию Конституционный Суд проводит широкое информирование граждан, юридического сообщества о своей деятельности по защите конституционных прав и свобод граждан, о практической реализации положений обновленной Конституции. Эффективность реализации конституционной жалобы во многом будет зависеть от деятельности адвокатов, имеющих право представлять интересы граждан в Конституционном Суде, от качества оказания юридической помощи в целях осуществления и защиты прав и свобод граждан.

Реализуя полномочие принимать решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты, Конституционный Суд исходит из необходимости своевременного устранения из правового регулирования законодательных пробелов, правовой неопределенности, которые, как правило, нарушают системность и согласованность правовых норм, затрудняют правоприменение.

Наличие в законодательных актах пробелов и правовой неопределенности не позволяет в полной мере обеспечивать конституционный принцип верховенства права, создает возможность такого понимания и применения правовых норм, которое может приводить к нарушению конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Исходя из принципа верховенства права Конституционный Суд при рассмотрении и разрешении дела по конституционной жалобе (решение от 30 января 2025 г.) признал наличие конституционно значимого пробела в правовом регулировании, вызвавшего правовую неопределенность взаимосвязанных положений ст. 12.4 Процессуально-исполнительного кодекса об административных правонарушениях и ст. 7.4 Кодекса об административных правонарушениях, поскольку в системе действующего законодательства они не обеспечивают правовую определенность при наложении административных взысканий за совершение нескольких административных правонарушений, образующих совокупность.

Национальному собранию Республики Беларусь предложено устранить выявленный пробел в правовом регулировании с учетом правовых позиций Конституционного Суда, изложенных в данном решении; правоприменителям рекомендовано до внесения соответствующих изменений в законодательные акты при наложении административных взысканий за совершение нескольких административных правонарушений, образующих совокупность, обеспечить соблюдение принципов справедливости и разумности.

Конституционный Суд полагает, что введением конституционной жалобы в национальную правовую систему укрепляются конституционно-правовые основы судебной защиты граждан, обеспечивается их прямой доступ

к конституционному правосудию, что позволяет Конституционному Суду определить конституционность и юридические последствия проверяемого закона, исключить искажение конституционно-правового смысла закона при его применении в конкретном судебном деле.

4.2. Запрос судов общей юрисдикции в Конституционный Суд

В русле мировой тенденции усиления конкретного контроля в деятельности конституционных судов находится такая модель взаимодействия конституционных и верховных судов при обеспечении конституционной законности, как преюдициальный запрос. Преюдициальным запросом традиционно обозначают полномочие конституционных судов проверять по запросам судов общей юрисдикции конституционность норм закона или иного нормативного правового акта, подлежащего применению при рассмотрении конкретного дела, – в ходе судебного процесса в суде общей юрисдикции.

Общепризнано, что суды общей юрисдикции первыми выявляют конституционные проблемы, связанные с применением законов, что отмечается многими конституционалистами [7; 8]. По утверждению В. Д. Зорькина, основной блок проблем, связанных с конституционностью норм, на сегодняшний день заключается не столько в формулировках проверяемых положений, сколько в применении, их судебном истолковании [9].

В целом приоритет конкретного конституционного контроля над абстрактным становится современной тенденцией как в государствах постсоветского пространства, так и во многих европейских государствах, на что указывалось автором ранее [10]. Например, в практике Конституционного Совета Франции за период 2020–2022 гг. по запросам судов вынесено более 75 % решений – по приоритетному вопросу о конституционности, который является механизмом, аналогичным преюдициальному запросу [11].

Как постоянное и значимое направление деятельности Конституционного Суда Российской Федерации определяется рассмотрение дел по запросам судов российскими конституционалистами: «Принимаемые Конституционным Судом РФ по итогам проверки конституционности законов по запросам судов решения, как и в иных конституционно-судебных процедурах, являются обязательными и окончательными, позволяя освобождать законодательную систему от действия неконституционных актов (норм), выявлять конституционный смысл проверяемых положений, предотвращать вынесение судебных решений вопреки конституционным требованиям» [7, с. 2].

Согласно обновленной Конституции Республики Беларусь Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения по запросам судов, проверяя конституционность нормативных правовых актов, подлежащих применению при рассмотрении судами конкретных дел.

Установление данного механизма на конституционном уровне служит последовательному разграничению компетенции Конституционного Суда и судов общей юрисдикции в утверждении конституционной законности.

Полагаем, что суды общей юрисдикции, наделенные правом инициирования, будут активно направлять запросы в Конституционный Суд при возникновении сомнений в конституционности нормативных правовых актов, подлежащих

применению при рассмотрении конкретных дел. Устранение возникших сомнений в конституционности нормативных правовых актов до принятия судами общей юрисдикции постановлений существенно уменьшит риски неконституционного правоприменения.

Последовательная реализация конституционной нормы о запросах судов общей юрисдикции в Конституционный Суд в законодательстве и на практике послужит формированию действенного механизма взаимодействия системы судов общей юрисдикции и Конституционного Суда по укреплению конституционной законности, поднимет на более высокий уровень систему судебной защиты прав и свобод граждан.

Заключение. Осуществляя конституционное правосудие, Конституционный Суд утверждает верховенство Конституции и ее прямое действие, конституционную законность в нормотворчестве и правоприменении.

Введение конституционной жалобы, запроса судов общей юрисдикции в Конституционный Суд означает новый этап в развитии конституционного правосудия в Беларуси – переход к конкретному конституционному контролю в целях конституционализации правоприменительной практики, защиты конституционных прав и свобод граждан.

Список цитированных источников

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Т. Я. Хабриева, Л. В. Андриченко, С. Н. Нанба [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой. – М. : ИЗИСП, 2023. – 368 с.

2. Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» : одобр. решением Конституц. Суда Рос. Федерации от 19 окт. 2021 г. // Конституционный Суд Российской Федерации. – URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/ Maintenance/Documents/ Aspects2021.pdf (дата обращения: 17.10.2024).

3. О толковании части первой статьи 143 Конституции Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 1997 г. № 43-З // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. – 1997. – № 24. – Ст. 459.

4. Теоретические и практические аспекты, связанные с индивидуальной конституционной жалобой в европейской модели конституционного правосудия : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–14 мая 2010 г. / Конституц. Суд Респ. Беларусь. – Минск : Белорус. Дом печати, 2010. – 176 с.

5. Миклашевич, П. П. Доступ к конституционному правосудию в правовой системе Республики Беларусь / П. П. Миклашевич // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2011. – № 3. – С. 41–44.

6. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю. А. Андреева, В. В. Балытников, Н. С. Бондарь [и др.] ; под ред. Г. А. Гаджиева. – М. : Норма, Инфра-М, 2012. – 672 с.

7. Кокотов, А. Н. Запросы судов в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке части 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации / А. Н. Кокотов // Журн. конституц. правосудия. – 2014. – № 6. – С. 1–6.

8. Малютин, Н. С. Тенденции модернизации конституционного контроля в Российской Федерации / Н. С. Малютин // Конституц. и муницип. право. – 2020. – № 3. – С. 63–68.

9. Выступление В. Д. Зорькина на встрече Президента Российской Федерации с судьями Конституционного Суда Российской Федерации 12 декабря 2019 г. // Президент Российской Федерации. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62309 (дата обращения: 17.10.2024).

10. Миклашевич, П. П. Конституционный контроль в современных условиях / П. П. Миклашевич // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2016. – № 1. – С. 57–66.
11. Конституционный Совет Франции. – URL: http://www.conseil-constitutionnel.fr/bilan-statistique (дата обращения: 10.11.2024).

Рецензент: Здрок О. Н.,
директор УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»,
доктор юридических наук, профессор.

Дата поступления статьи: 21.02.2025.

CONSTITUTIONAL JUSTICE: MODERN DEVELOPMENT

Petr P. Miklashevich

Annotation. The article analyses the extension of the powers of the Constitutional Court of the Republic of Belarus in accordance with the amendments and additions to the Constitution adopted at the republican referendum on 27 February 2022: the introduction of a constitutional complaint, requests of courts of general jurisdiction to the Constitutional Court, and other powers. Based on the analysis of current trends in constitutional review in various states, the article explains the transition to concrete constitutional review as a new stage in the development of constitutional justice in Belarus, and considers the theoretical and practical aspects of its implementation.
Keywords: constitutional complaint, constitutional justice, concrete constitutional review, powers of the Constitutional Court of the Republic of Belarus.

УДК 347.91

ПУТИ ПРОДВИЖЕНИЯ ИДЕИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУРАХ

Борисова Елена Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского процесса юридического факультета
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
eaborisovaea@gmail.com

Аннотация. Тенденцией развития современного гражданского судопроизводства и законодательства о нем является мирное (дружественное) урегулирование спора в примирительных процедурах. Примирительные процедуры позволяют урегулировать как социальный конфликт, так и спор о праве, как вне суда, так и после обращения в суд за защитой нарушенного права. В таком урегулировании в большей степени заинтересовано государство, стремящееся снизить расходы на судебную систему. Для того чтобы достичь высокого уровня положительного общественного восприятия идеи урегулирования спора в процедурах переговоров, медиации, посредничества требуется активизация государства по проведению соответствующих мероприятий. Опыт Франции и Германии в этом направлении представляется интересным и может служить ориентиром в деле правового регулирования и последующего продвижения

идеи урегулирования спора в примирительных процедурах.

Ключевые слова: примирительные процедуры, урегулирование спора, медиация, судопроизводство, примирительное заседание.

Введение. В современных правопорядках не ослабевает интерес к примирительным процедурам, направленным на мирное (дружественное) урегулирование споров как вне суда, так и в суде, проводятся различные мероприятия по расширению судебных и внесудебных возможностей дружественного завершения социального и (или) правового противостояния сторон общественных отношений, по распространению в обществе информации о примирительных процедурах, их преимуществах перед судебным разбирательством в государственном суде, третейском суде (арбитраже).

Как представляется, общий вектор реформирования законодательства направлен на развитие внесудебных порядков урегулирования споров, среди которых на первом месте стоят переговоры, медиация, посредничество. Известно, что законодательное закрепление примирительных процедур не свидетельствует об их реальном внедрении в судебную систему, судопроизводство. Для реального внедрения необходимы дополнительные условия, среди которых не последнее место занимает информированность общества о существовании таких процедур и преимуществах (в сравнении с судебной защитой права) их использования.

Основная часть. Можно задействовать самый разный арсенал «агитационных» средств: от рекламных щитов, баннеров до информационно-просветительских программ радио, телевидения, различных интернет-ресурсов. Лучший эффект, как правило, достигается в результате личностного общения между теми, кто хорошо осведомлен о всех плюсах внесудебного урегулирования споров и кто осведомлен не в полной мере или не осведомлен вовсе. К такому способу продвижения в рамках реформы «Правосудие XXI века» прибегла Франция в лице Министерства финансов.

Интересно, что именно Министерство финансов Франции активно способствует развитию процедур урегулирования юридических конфликтов «в целях модернизации государственной политики и ограничения расходов на систему функционирования правосудия посредством закрепления законной обязанности по осуществлению попыток примирения сторон до обращения в государственный суд по определенным категориям дел» [1, с. 5].

26 мая 2023 г. Хранителем Печати, министром юстиции Э. Дюпон-Моретти была организована деятельность делегации «послов примирения». Перед ними была поставлена задача популяризации во французском обществе и (что не менее важно) в юридической профессиональной среде идеи внесудебного урегулирования споров. Для этого послы совершали визиты в судебные апелляционные округа, где на встречах с судьями, юристами, студентами юридических образовательных учреждений, медиаторами, работающими автономно или в соответствующих центрах, примирителями, журналистами, гражданами «рекламировали инструменты» примирения, выявляли наличие местных практик мирного урегулирования споров и их результатов, содействовали распространению передового опыта, проводя соответствующие конференции, презентации,

учебные курсы. Деятельность послов примирения демонстрировала важность государственной политики внесудебного мирного урегулирования споров и тем самым побуждала, в первую очередь, представителей юридической профессии, к использованию имеющихся в законодательстве инструментов примирения.

Чтобы представить общественности весь спектр имеющихся в активе французских юристов вариантов мирного урегулирования спора в состав делегации послов вошли три судьи, три представителя науки, три адвоката, один нотариус и один судебный комиссар (судебный пристав-исполнитель). В ряде случаев послов сопровождал член Национального совета по посредничеству (НСМ). Такой состав позволил гарантировать плодотворный, многоаспектный обмен мнениями. Согласно данным отчета послов примирения, их визиты произвели заметный эффект на местах, позволили активизировать политику внесудебного урегулирования в различных юрисдикциях, получить информацию о существующих препятствиях и трудностях, дать ответы на некоторые вопросы и, «благодаря своему опыту, подлить масла в колеса» [2, с. 6].

Представляется, что подобные мероприятия, направленные на популяризацию в обществе примирительных процедур, полезны в любом государстве. Все необходимые составляющие, такие как интерес государства к внесудебному урегулированию споров о праве, наличие судей, адвокатов, нотариусов, приставов-исполнителей, прошедших соответствующее обучение по программам повышения квалификации и успешно применяющих свои знания на практике, представителей науки гражданского процесса, готовых к исполнению миссии продвижения теории и практики мирного урегулирования споров, имеются. На такой вариант продвижения примирительных процедур не влияет преследуемая государством цель: прагматичная – снизить расходы государства на судебную систему или идеалистичная – обеспечить общественное понимание (осознанный выбор) приоритета урегулирования спора посредством примирительных процедур. В обоих случаях эффект будет налицо.

Продвижение процедур урегулирования споров во многом зависит и от профессионализма лиц, непосредственно участвующих в урегулировании споров. В первую очередь речь идет о медиаторах. В данном случае примером может служить деятельность Министерства юстиции Германии по правовому регулированию подготовки профессиональных медиаторов.

В принятое 21 августа 2016 г. «Постановление о подготовке сертифицированных медиаторов» в 2023 г. были внесены изменения, согласно которым обучение сертифицированного медиатора должно включать два этапа. Первый этап – прохождение курса обучения объемом не менее 130 часов посещения (с обязательным учетом часов, указанных в графе III приложения к постановлению). При этом определено, что до 40 % посещаемых занятий может проводиться в виртуальной форме при условии, что помимо проверки посещаемости, обеспечивается возможность личного взаимодействия преподавателей и участников обучения, а также участников обучения друг с другом. Второй этап – прохождение не позднее трех лет после завершения курса обучения пяти контролируемых руководителем медиаций, каждую из которых участник обучения проводил в качестве медиатора или сомедиатора. Согласно предписаниям

постановления сертифицированный медиатор должен регулярно принимать участие в мероприятиях по повышению своей квалификации. Объем учебных мероприятий составляет не менее 40 часов каждые четыре года. Если сертифицированный медиатор не выполняет свои обязательства, то он утрачивает право именоваться и использовать наименование «сертифицированный медиатор» [3].

Немаловажным организационным мероприятием, влияющим на продвижение примирительных процедур, является собирание, обобщение и фиксация информации, например, о тех же медиаторах, готовых осуществлять деятельность по урегулированию правовых споров. Все тот же французский и немецкий опыт показывает, что соответствующие сведения можно получить с сайтов соответствующих центров, ассоциаций, обществ посредничества и урегулирования конфликтов, правовых споров. При этом, как правило, указываются направления деятельности организации, например, урегулирование наследственных, семейных, бизнес-споров, с указанием медиаторов, которые (в силе своей специализации) готовы оказать соответствующую помощь [4]. Такой подход позволяет в каждом регионе (в каждой местности) предложить и обеспечить работу медиатора.

Что касается случаев: а) предложения суда сторонам обратиться к процедуре медиации; б) направления судом сторон с их согласия на процедуру медиации, то здесь видится плодотворным иной подход к формированию сведений (информации) о медиаторах. В его основе – обеспечение доверия суда к личности медиатора, его профессионализму и, как следствие, доверие сторон по делу, рассматриваемому судом, к избираемому медиатору. В этом контексте представляется интересным опыт Франции.

В соответствии с предписаниями французских Кодекса судебной организации (ст. P. 312-13-1 и P. 312-43), Гражданского процессуального кодекса (ст. 131-1 и последующие), Закона № 95-125 от 8 февраля 1995 г. об организации судов и гражданского, уголовного и административного судопроизводства (ст. 22-1 A) и принятом в их исполнение постановлением Государственного совета от 9 октября 2017 г. списки (также – реестр) медиаторов, которые могут проводить медиацию на основании определения судьи, составляются и ведутся апелляционными судами (неслучайно послы примирения осуществляли свою миссию в апелляционных судебных округах). В список, установленный для сведения судей, включаются медиаторы по гражданским, коммерческим и социальным делам. В списке имеются специальные разделы, предназначенные для семейных медиаторов и для онлайн-сервисов, предоставляющих посреднические услуги. Список доступен для общественности на веб-сайте апелляционного суда, а в случае отсутствия такового – также на сайте Министерства юстиции. Составляется список каждые три года и при необходимости может быть изменен в любое время.

Постановление от 9 октября 2017 г. призывает все находящиеся в юрисдикции апелляционного суда суды, ведомственные советы по доступу к закону, а также единые службы (контактные центры) для спорящих сторон всеми способами информировать общественность о существовании этого списка. В списке могут быть зарегистрированы как медиаторы, так и организации,

осуществляющие посредническую деятельность. Требования для регистрации тех и других определены ст. 131-5 ГПК Франции и указанным постановлением.

Список посредников по гражданским, коммерческим и социальным делам составляется общим собранием судей апелляционного суда или специальным комитетом, которому общее собрание делегирует свои права. Решение о составлении списка принимается после заслушивания советника апелляционного суда, ответственного за контроль деятельности судебных примирителей и медиаторов и координацию их действий в пределах юрисдикции апелляционного суда. В данном случае усматривается некоторое сходство с формированием списка судебных примирителей Пленумом Верховного Суда Российской Федерации (ст. 9 Регламента проведения судебного примирения).

Постановлением от 9 октября 2017 г. определен и порядок исключения медиатора из списка, отказа в регистрации. Решение об отказе в регистрации или об исключении из списка может быть обжаловано медиатором посредством подачи жалобы в Кассационный суд Франции. Например, в 2022 г. Кассационный суд, рассматривая такую жалобу, отменил решение общего собрания судей Апелляционного суда Меца, указав, что, недопустимо принятие решения на основе критериев, «чуждых» установленным в ст. 2 постановления от 9 октября 2017 г. В частности, Кассационный суд указал, что риск конфликта интересов, связанный с профессиональной адвокатской деятельностью, которой ранее занимался медиатор, не может служить оправданием отказа в регистрации в списке медиаторов [6].

В соответствии с предписаниями ст. 10 постановления от 9 октября 2017 г. при первой регистрации в списке медиаторов при апелляционном суде медиатор или руководитель соответствующей организации приносит присягу следующего содержания: «Я клянусь, что буду выполнять свои обязанности медиатора добросовестно и в меру своих знаний и убеждений, а также не разглашать и не использовать любую информацию, которая может стать мне известной в ходе выполнения моих обязанностей». Члены, в том числе почетные члены, регулируемых юридических и судебных профессий освобождаются от принесения присяги.

Представляется, что приведенный опыт заслуживает внимания. Например, в России областные и равные по компетенции суды, действующие как суды апелляционной инстанции, могли бы обеспечить порядок составления и ведения таких списков медиаторов. Это позволило бы сформировать в каждом субъекте Российской Федерации соответствующее информационное поле, что оказало бы влияние на отношение граждан к институту медиации и медиаторам, формирование доверия к примирительной процедуре. Наличие в суде такого списка облегчило бы деятельность судов по оказанию содействия в предложении выбора медиатора или организации, осуществляющей посредническую деятельность, по осуществлению контроля за течением процедуры, обеспечило бы правовую грамотность и содержательность достигнутого сторонами медиативного соглашения, утверждаемого судом в качестве мирового соглашения.

Рассмотренные главным образом организационные мероприятия государства, заинтересованного в развитии примирительных процедур, направленных

на урегулирование спора его сторонами, представляют как теоретический интерес (могут быть осмыслены), так и практический интерес (могут быть ориентиром в принятии тех или иных мер, направленных на реформирование законодательства). Приведенные примеры позволяют понять, что развитие, например, той же медиации должно быть поступательным, поскольку требует формирования в обществе, юридической профессиональной среде, среде медиаторов, посредников общей правовой культуры урегулирования споров.

Следующий шаг в продвижении примирительных процедур видится в процессуальном оформлении идеи сотрудничества суда и сторон в мирном урегулировании спора, предполагающего «построение модели гражданского судопроизводства, основанной на распределении и организации действий суда и сторон, балансе прав и обязанностей сторон, полномочий суда в целях обеспечения справедливого и эффективного судебного разбирательства» [6, с. 9–10]. Речь идет о процессуальном оформлении взаимоотношений примирительных процедур, например, о разработке процедуры примирительного заседания. Е. И. Носырева, размышляя в ходе подготовки своей докторской диссертации (конец XX – начало XXI в.) над перспективами развития в России альтернативного, примирительного производства и его внедрения в судебную систему полагала необходимым определение в процессуальных кодексах примирительного производства как предварительного, самостоятельного этапа, предшествующего стадии судебного разбирательства [7, с. 303–334]. Эта идея была позднее поддержана в работах белорусских коллег – И. А. Бельской [8], О. Н. Здрок [9]. О плодотворности идеи, ее успешной практической реализации свидетельствует зарубежный (например, немецкий и французский) опыт.

Во Франции Декретом от 29 июля 2023 г. «О мерах содействия дружественному урегулированию споров в судах общей юрисдикции» в ГПК был введена глава 5 «Примирительное заседание», нормы которой вступили в действие с 1 ноября 2023 г. В самом общем виде процедура выглядит так. Судья после возбуждения производства по делу может по ходатайству одной из сторон или по собственной инициативе после выяснения их мнения принять решение о вызове их на заседание с целью примирения (примирительное заседание), которое проводится соответствующим судьей-примирителем. В соответствии с законом такое решение является мерой судебного управления делом. Оно не освобождает судью от рассмотрения дела. Цель примирительного заседания – дружественное урегулирование спора между сторонами посредством взвешенного (сбалансированного) сопоставления их точек зрения, оценки их соответствующих потребностей, позиций и интересов, а также понимания правовых принципов, применимых к спору. Судья, который проводит примирительное заседание, может ознакомиться с доводами и документами, которыми обменялись стороны. Он может осуществлять любые действия, которые сочтет необходимыми, в том числе производить расчеты, оценивать, устанавливать обстоятельства. Примирительное заседание проводится в зале судебных заседаний в отсутствие секретаря суда в соответствии с порядком, установленным судьей, который проводит примирительное заседание. Вся информация, полученная в ходе примирительного заседания, является конфиденциальной, если стороны не договорились об ином.

Судья-примиритель вправе прекратить примирительное заседание в любой момент, что является мерой судебного управления делом. По окончании заседания стороны могут заявить ходатайство судье, который проводил примирительно заседание, об утверждении их соглашения. Судья, который проводил примирительное заседание, информирует судью, рассматривающего спор по существу, о прекращении примирительного заседания и, при необходимости, передает ему судебный протокол об утверждении соглашения (ст. 774.1–774.4 ГПК Франции).

Схожая процедура проводилась ранее и проводится сейчас в Коммерческом суде Парижа [1, с. 55], имеет место в немецком гражданском процессе и закреплена в результате реформ 2000 г. в ГПУ Германии (§ 278) как примирительное (согласительное) слушание (*Güteverhandlung*) [10, с. 116–122].

Заключение. Выводы относительно изложенного не новы.

Любые изменения в процессуальный закон, в закон о медиации, иной нормативный акт, направленные на решение задачи урегулирования спора посредством той или иной примирительной процедуры, должны проистекать из концепции, основанной на: 1) «диагностике» имеющейся практики урегулирования споров до обращения в суд и в ходе судебного разбирательства; 2) выявлении проблем теоретико-практического свойства и предложений их решения, основанных на достижениях российской науки гражданского процесса, зарубежного опыта реформирования гражданского судопроизводства.

Примерами такого подхода могут служить проведенное в 2015 г. исследование о необходимости судебной реформы «Правосудие XXI века» (реформа J 21), принятие во Франции закона № 2016-1547 от 18 ноября 2016 г. «О модернизации правосудия XXI века» [11] и последовательное проведение мероприятий, направленное на развитие идеи мирного (дружественного) урегулирования споров посредством использования примирительных процедур.

Список цитированных источников

1. Дегтярева, В. С. Примирительные процедуры в ГПК России и в ГПК Франции : дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3 / Дегтярева Виктория Сергеевна ; Ин-т зак-ва и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М., 2023. – 250 л.

2. Rapport de mission des ambassadeurs de l’amiable au ministre de la Justice (Mai 2023–Juin 2024). – URL: https://commissaire-justice.fr/actualites/remise-rapport-ambassadeurs-amiable-justice-2024?action=genpdf&id=4482 (date of access: 05.03.2025).

3. Verordnung über die Aus- und Fortbildung von zertifizierten Mediatoren (Zertifizierte-Mediatoren-Ausbildungsverordnung – ZMediatAusbV). – URL: https://www.buzer.de/ZMediatAusbV.htm (date of access: 05.03.2025).

4. Ассоциация медиаторов. Конвенционная и судебная медиация. – URL: https://co-mediation.fr (дата обращения: 05.03.2025).

5. Arrêt de la Cour de Cassation, Deuxième chambre civile, du 6 octobre 2022. – URL: https://juricaf.org/arret/FRANCE-COURDECASSATION-20221006-2260088 (date of access: 05.03.2025).

6. Логинова, Д. А. Сотрудничество суда и сторон в гражданском судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук : 5.1.3 / Логинова Диана Андреевна ; МГУ им. В. М. Ломоносова. – М., 2024. – С. 9–10.

7. Носырева, Е. И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Носырева Елена Ивановна ; Ин-т государства и права РАН. – Воронеж, 2001. – 362 л.

8. Бельская, И. А. Посредничество (примирение) в хозяйственном процессе: актуальные проблемы и тенденции развития : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15 / Бельская Ирина Александровна ; БГУ. – Минск, 2012. – 159 л.

9. Здрок, О. Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Здрок Оксана Николаевна ; БГУ. – Минск, 2019. – 393 с.

10. Печегина, П. Д. Задачи гражданского судопроизводства : монография / П. Д. Печегина. – М. : Городец, 2024. – 192 с.

11. Etude d'impact projet de loi portant application des mesures relatives à la justice du XXI ème siècle. – URL: https://www.senat.fr/leg/etudes-impact/pjl14-661-ei/pjl14-661-ei.html (date of access: 05.03.2025).

Рецензент: Здрок О. Н.,
директор УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»,
доктор юридических наук, профессор.

Дата поступления статьи: 07.03.2025.

WAYS TO PROMOTE THE IDEA OF DISPUTE RESOLUTION THROUGH CONCILIATORY PROCEDURES

Elena A. Borisova

Abstract. A key trend in the development of modern civil litigation and its legislation is the peaceful (amicable) resolution of disputes through conciliatory procedures. These procedures make it possible to resolve both social conflicts and legal disputes, either outside the court or after initiating legal proceedings to protect violated rights. The state has a strong interest in such resolution, as it seeks to reduce the maintenance costs of the judicial system. To achieve a high level of public acceptance of dispute resolution through negotiation, mediation, and conciliation, it is necessary for the state to actively promote and implement relevant initiatives. The experience of France and Germany in this area is particularly noteworthy and can serve as a valuable reference point for the legal regulation and further promotion of the idea of dispute resolution through conciliatory procedures.

Keywords: conciliatory procedures, dispute resolution, mediation, litigation, conciliation hearing.

УДК 347.91

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО ПРИМИРЕНИЮ СТОРОН В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Здрок Оксана Николаевна,
доктор юридических наук, профессор,
директор УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»

Аннотация. В статье результируется формирование национальной модели правового регулирования примирительных процедур в судопроизводстве по гражданским и экономическим делам, определяются ее основные черты, исследуются и прогнозируются тенденции дальнейшего развития гражданского процессуального законодательства по вопросам примирения сторон в связи с принятием Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь.

Ключевые слова: примирение, содействие примирению сторон, примирительные процедуры, гражданский процесс, судопроизводство по гражданским и экономическим делам.

Введение. Содействие суда примирению сторон при рассмотрении гражданских и экономических дел и складывающиеся в целях реализации данной задачи судопроизводства процессуальные и процедурные отношения являются относительно новым, но актуальным сегментом предмета правового регулирования отрасли гражданского процессуального права.

Правовое нормирование вопросов организации на досудебном этапе и после возбуждения дела в суде примирительных процедур с целью содействия самостоятельному урегулированию правового спора его участниками интенсивно развивалось в Республике Беларусь в последнее десятилетие в рамках Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) с достаточно существенными для каждого из них особенностями [1; 2, с. 75–76].

С 1 января 2026 г. вступит в силу Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), предусматривающий унифицированное и обновленное правовое регулирование общественных отношений, составляющих на сегодняшний день сферу действия ГПК и ХПК. В КГС регулирование вопросов примирения сторон по делу получило свое дальнейшее развитие, о чем свидетельствует появление в структуре процессуального кодекса гл. 20 «Примирение в гражданском судопроизводстве».

Проблематика примирительных процедур продолжает оставаться актуальным направлением исследований в рамках науки цивилистического процессуального права и стратегическим направлением развития отечественного законодательства о судопроизводстве. Вслед за Концепцией совершенствования законодательства Республики Беларусь 2002 г., Указом Президента Республики

Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности судов общей юрисдикции», Резолюцией Республиканской конференции судей от 25 октября 2017 г. Концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, определяя приоритеты развития законодательства о судоустройстве, судопроизводстве, адвокатуре, нотариате и медиации, закрепила в п. 44.5 необходимость расширения применения медиации и иных альтернативных способов урегулирования споров (далее – АРС) в целях снижения нагрузки на судебную систему, самостоятельной выработки гражданами и субъектами хозяйствования взаимоприемлемых решений, повышения правовой культуры и этики делового оборота.

Настоящая статья имеет целью на основе исследования основных этапов становления правового регулирования отношений по примирению сторон при рассмотрении судами гражданских и экономических дел, анализа действующего гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства Республики Беларусь, а также норм КГС выявить принципы и нормы, на которые опирается современная белорусская модель организации примирительных процедур в их взаимосвязи с судопроизводством, и определить тенденции и перспективы дальнейшего развития процессуального законодательства в части регулирования соответствующих вопросов. По большей части выводы относительно поставленных вопросов уже были сделаны автором в более ранних публикациях, где отмечены, в частности, такие тенденции, как *целевое использование примирительных процедур* в судопроизводстве Республики Беларусь по гражданским и экономическим делам не столько как средства снижения судебной нагрузки, а прежде всего *в рамках концепции социального правосудия как способа урегулирования конфликта*, лежащего в основе правового спора, что обусловливает *нормирование вопросов организации примирительных процедур на началах диспозитивности (добровольности) при содействии суда* [3, с. 4, 8, 15, 24, 26, 34; 4]. В продолжение заявленной тематики настоящая статья акцентирует внимание на исследовании вопроса о том, насколько устойчивы наметившиеся тенденции развития отечественного процессуального законодательства в сфере регулирования примирительных процедур и, в частности, не подверглись ли они трансформации в связи с принятием КГС.

Основная часть. В Республике Беларусь правовое регулирование примирительных процедур в судопроизводстве по гражданским и экономическим делам начало интенсивно развиваться в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации), который предусмотрел возможность проведения по спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых и семейных правоотношений (если иное не предусмотрено законодательными актами или не вытекает из существа соответствующих отношений), процедуры медиации, представляющей собой переговоры сторон с участием третьего нейтрального лица – медиатора – в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого

соглашения. Закон о медиации закрепил принцип добровольного участия сторон в медиа-ции (ст. 3), а также требования к медиатору, в том числе о его специальной подготовке (ст. 4), введя тем самым в правовую систему Республики Беларусь модель медиации как процедуры квалифицированного профессионального посредничества, организуемой по инициативе и на основе соглашения сторон. Законом о медиации (ст. 2) заинтересованным лицам была представлена возможность организовать процедуру медиации как до обращения в суд, так и после возбуждения дела в порядке гражданского или хозяйственного судопроизводства; при этом определено, что особенности проведения медиации после возбуждения производства по делу в суде регулируются процессуальным законодательством.

В целях реализации положений Закона о медиации Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 59-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам развития медиации» (далее – Закон от 12 июля 2013 г.) были внесены соответствующие изменения и дополнения в Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК), ГПК и ХПК, направленные на создание правовых условий по активному применению медиации как одного из современных альтернативных судопроизводству способов разрешения (урегулирования) споров. В частности, названным законом было предусмотрено:

▪ дополнение ГК положениями о приостановлении сроков исковой давности в случае заключения соглашения о применении медиации;

▪ переименование урегулированной на то время в ХПК процедуры посредничества (гл. 17 ХПК) в примирительную процедуру с определением ее как процедуры медиации, осуществляемой под руководством и при участии должностного лица суда (примирителя);

▪ дополнение ГПК и ХПК нормами, предоставляющими сторонам право до вынесения судом решения по делу заключить соглашение о применении медиации с целью передачи спора для урегулирования с участием медиатора, что влекло за собой в гражданском судопроизводстве приостановление производства по делу (ст. 160 ГПК в ред. Закона от 12 июля 2013 г.) с возможностью сторон в последующем на основе выработанного медиативного соглашения заявить суду ходатайство об утверждении отказа истца от иска, признания иска ответчиком или мирового соглашения (ст. 285^1 ГПК), а в хозяйственном судопроизводстве – оставление заявления без рассмотрения (ст. 40^1, 151 ХПК) с предоставлением сторонам права при необходимости обратиться в суд с заявлением о выдаче исполнительного документа на принудительное исполнение медиативного соглашения (ст. 262^1–262^3 ХПК).

Наиболее крупные изменения, в соответствии с которыми функционирует действующее законодательство Республики Беларусь по вопросам примирения сторон в судопроизводстве по гражданским и экономическим делам, состоялись в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 277-З «Об изменении законов» (далее – Закон от 18 декабря 2019 г.), который внес существенные коррективы по вопросам применения сторонами процедуры

медиации в Закон о медиации, в ГПК, ХПК, ГК, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС).

Прежде всего в Законе от 18 декабря 2019 г. с учетом объединения судов Республики Беларусь в единую систему, что предопределяло задачу унификации процессуального законодательства, был предусмотрен ряд мер, направленных на сокращение имеющихся на тот момент различий в правовом регулировании примирительных процедур в гражданском и хозяйственном судопроизводстве.

В частности, в рамках унификации правового регулирования вопросов организации примирительных процедур в гражданском и хозяйственном судопроизводстве Закон от 18 декабря 2019 г. закрепил в ГПК возможность выбора сторонами процессуальных последствий заключения ими соглашения о применении медиации – если ранее это являлось исключительно основанием для приостановления производства по делу, то теперь стороны получили право ходатайствовать об оставлении их заявления без рассмотрения. В связи с внесенными изменениями производство по гражданскому делу подлежало приостановлению на время проведения процедуры медиации, только если сторонами не было заявлено ходатайство об оставлении заявления без рассмотрения (ст. 160 ГПК).

Закон от 18 декабря 2019 г. также установил единый для гражданских и экономических дел механизм обеспечения исполнимости соглашений, выработанных по результатам медиации. С этой целью была изменена редакция ст. 15 Закона о медиации путем закрепления права сторон независимо от категории частноправового спора обратиться в суд с заявлением о выдаче исполнительного документа на принудительное исполнение медиативного соглашения. Основания к отказу в выдаче исполнительного документа, которые ранее закреплялись ст. 15 Закона о медиации, с учетом предмета правового регулирования были транспортированы в соответствующие статьи ГПК (ст. 464^5) и ХПК (ст. 262^3). ГПК был дополнен гл. 35^1, которая по аналогии со ст. 262^1–262^3 ХПК урегулировала порядок рассмотрения судом заявления о выдаче исполнительного документа на принудительное исполнение медиативного соглашения.

Помимо этого, Закон от 18 декабря 2019 г. расширил сферу применения медиации, закрепив возможность ее использования в целях примирения супругов при расторжении брака (п. 1-1 ст. 2 Закона о медиации) и предусмотрел использование дополнительных правовых возможностей информирования сторон о медиации как способе урегулирования частноправовых споров. С этой целью:

▪ в ст. 1 и 9^1 Закона о медиации были включены положения о предоставлении сторонам возможности до проведения медиации принять участие в информационной встрече с медиатором – беседе сторон (стороны) с медиатором, в ходе которой разъясняются цели, принципы, правила проведения процедуры медиации, права и обязанности ее участников, функции медиатора, правовые последствия заключения медиативного соглашения;

▪ в ст. 35^1, 36 КоБС была закреплена обязанность суда, а также органа, регистрирующего акты гражданского состояния, при принятии заявления о расторжении брака разъяснять заинтересованным лицам возможность принять участие в информационной встрече с медиатором.

В развитие указанных положений Закона от 18 декабря 2019 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 июня 2020 г. Правила проведения медиации (утвержденные постановлением Советом Министров от 28 декабря 2013 г.) были дополнены гл. 3-1, закрепившей следующие принципы проведения информационной встречи с медиатором: добровольность; право ее рекомендации судом, органами, регистрирующими акты гражданского состояния, иными государственными органами, адвокатами, нотариусами; безвозмездность, если иное не определено соглашением сторон (стороны) и медиатора; краткосрочность с примерной продолжительностью консультации до 30 мин.; отсутствие необходимости согласованных действий сторон (право сторон обратиться по вопросу информационной встречи к разным медиаторам).

В условиях организации медиации и иных примирительных процедур на началах добровольности в национальном законодательстве определилась тенденция *использования наряду с информированием субъектов правоотношений о преимуществах примирительных процедур также мер их экономического стимулирования к выбору примирительных процедур* как средств разрешения (урегулирования) правовых споров. В частности, пп. 2.5 п. 2 ст. 292 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК) предусматривает возврат уплаченной суммы государственной пошлины, если заявление оставлено без рассмотрения в связи с подачей в суд соглашения о применении медиации и вынесением судом определения о передаче спора для урегулирования сторонами с участием медиатора (медиаторов); пп. 4.25–4.2.7 п. 4 ст. 292 НК регулируют возврат государственной пошлины в размере 50 % от уплаченной плательщиком суммы в случае достижения сторонами примирения в суде. За рассмотрение экономическим судом искового заявления при наличии согласованного сторонами ходатайства о проведении примирительной процедуры ставки государственной пошлины применяются в размере 50 % от установленной ставки (пп. 2.2 п. 2 ст. 286 НК).

Правовое регулирование общественных отношений по примирению сторон при рассмотрении судами гражданских и экономических дел получило свое дальнейшее развитие в КГС.

В целом КГС подтвердил приверженность тем тенденциям в регулировании примирительных процедур, о которых уже говорилось применительно к Закону от 12 июля 2013 г. и Закону от 18 декабря 2019 г., в том числе таким как:

▪ организация примирительных процедур на основе принципа добровольности (ст. 165 КГС) с предоставлением сторонам права в любой момент отказаться от дальнейшего участия в переговорах по урегулированию спора, в том числе когда примирительная процедура проводится по инициативе суда (п. 11 ч. 2 ст. 171, ч. 3 ст. 173 КГС);

▪ процессуальное информирование сторон о праве на добровольное урегулирование спора путем проведения примирительных процедур (п. 2 ч. 2 ст. 251, ст. 267 КГС);

▪ закрепление диспозитивного права сторон определять вариант организации процедуры медиации после возбуждения дела в суде – в рамках приостановленного производства по делу либо с окончанием судебного процесса путем

заявления ходатайства об оставлении заявления без рассмотрения (ст. 42, п. 19 ст. 128, п. 6 ч. 1 ст. 132, ч. 3 и 4 ст. 176 КГС) [5];

▪ обеспечение исполнимости соглашений по результатам примирительных процедур (ст. 168, ч. 2 ст. 170, ч. 2 ст. 175, гл. 45 КГС).

Наряду с этим некоторые новеллы КГС акцентируют новые направления в развитии правового регулирования вопросов примирения сторон в судопроизводстве по гражданским и экономическим делам.

Прежде всего с принятием КГС явно определилась *тенденция формирования полноценного отраслевого института гражданского процессуального права*, о чем свидетельствует появление в Общей части нового процессуального регламента самостоятельного структурного раздела – гл. 20 КГС «Примирение в гражданском судопроизводстве», закрепившего виды примирительных процедур, организация которых допускается при рассмотрении судами гражданских и экономических дел (ч. 4 ст. 165, ст. 169, 171, 176 КГС), принципы проведения примирительных процедур (в частности, добровольности, конфиденциальности, добросовестности, сотрудничества и равноправия сторон – ч. 2 ст. 165 КГС), требования к мировому соглашению и иным соглашениям, выступающим результатами примирительных процедур (ст. 166–167, 170, 175 КГС).

Отдельные нормы о примирении по-прежнему, как это имеет место в ХПК (ст. 4, 6, 40^1, 63, 79, 133^1, 151, 171) и ГПК (ст. 6, 39^1, 61, 79, 160, 165, 261, 264, 285, 285^1, 414) сохранены в КГС при регулировании таких вопросов, как право на обращение в суд, процессуальные права сторон, полномочия представителей, правила распределения судебных расходов, порядок подготовки дела к судебному разбирательству и судебного разбирательства, временные перерывы в судебном процессе, допустимость доказательств и др. (ст. 5, 9, 42, 62, п. 2 ч. 2 ст. 81, 97, 128, 132, 133, 150, 157, 238, 249, 251, 252, 267, 272, 274 КГС). Вместе с тем само наличие гл. 20 КГС свидетельствует *об окончательном утверждении в концепции развития отечественного процессуального права представления о примирительных процедурах как неотъемлемом элементе судопроизводства по гражданским и экономическим делам*.

При этом размещение гл. 20 в Общей части КГС свидетельствует об отходе в теории гражданского процесса от понимания примирительных процедур как элемента исключительно искового производства. В развитие данной концептуальной идеи ст. 358 КГС впервые предусмотрела возможность организации примирительных процедур при рассмотрении дел, вытекающих из административных и иных публичных отношений. Пока это возможность проведения только одного из видов примирительных процедур – переговоров сторон. Вместе с тем, по словам Л. А. Колесниковой, «с учетом сущности и особенностей дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений … продолжается изучение и рассмотрение возможностей расширения допустимости и способов примирения по таким делам в пределах дискреционного усмотрения государственного органа или должностного лица, участвующего в деле» [2, с. 78].

О восприятии законодательством теоретического представления о примирительных процедурах как общеотраслевом институте свидетельствуют также ст. 149, 150, ч. 5 ст. 165, п. 8 ч. 2 ст. 171, ст. 186, п. 2 и 3 ч. 2 ст. 358 КГС,

закрепляющие в качестве возможных результатов примирительных процедур заключение сторонами соглашения по фактическим обстоятельствам дела либо соглашения о судебных расходах, а также совершение такого одностороннего процессуального действия, как признание обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, что в принципе видится достижимым по любому гражданскому делу как в рамках искового, так и неискового производства.

Закрепление широкого перечня возможных результатов примирительных процедур с включением в их число признания стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения (ч. 5 ст. 165 КГС), свидетельствует о широком подходе разработчиков КГС к *определению понятия «примирительные процедуры» как совмещающего в себе не только собственно примирительные – направленные на окончательное в материально-правовом смысле урегулирование правового спора, но и согласительные процедуры*, *имеющие целью достижение процессуальных результатов, способствующих более быстрому рассмотрению дела при проведении судебного разбирательства* [6, с. 65].

Несмотря на появление в КГС гл. 20, следует констатировать сохранение в отечественном процессуальном законодательстве тенденции *рамочного правового регулирования примирительных процедур* в русле общего для сферы АРС принципа ее минимального нормирования с целью обеспечения учета потребностей сторон в урегулировании их спора в условиях экономичной, конфиденциальной и, как правило, неформальной процедуры. В частности, ст. 169 КГС предоставляет сторонам право при организации переговоров при содействии их адвокатов самим определять порядок проведения таких переговоров. Пункт 2 ч. 2 ст. 171 КГС закрепляет право сторон вносить должностному лицу экономического суда предложения о порядке проведения примирительной процедуры.

Одной из наиболее значимых следует отметить ст. 9 КГС, определяющую задачи и принципы гражданского судопроизводства и предусматривающую при этом, что судопроизводство должно поощрять и развивать сотрудничество при разрешении споров. Указанная норма позволяет констатировать тенденцию развития процессуального законодательства Республики Беларусь по *нормативному закреплению содействия суда в примирении сторон в качестве задачи гражданского судопроизводства*.

При этом новый кодекс более четко, по сравнению с ГПК и ХПК, определяет пределы соответствующей активности суда, базируясь на идее о том, что суд не должен непосредственно заниматься примирением сторон, а призван лишь создавать для этого необходимые условия. В частности, в отличие от ст. 264 ГПК, определяющей, что предварительное судебное заседание может быть проведено с целью примирения сторон, ст. 252 КГС закрепляет, что целью предварительного судебного заседания выступает *выяснение судом возможности урегулирования спора* до судебного разбирательства. Определяя порядок организации переговоров сторон при содействии их адвокатов, ст. 169 КГС акцентирует внимание на том, что данная примирительная процедура проводится *«без участия суда»*. Приведенные положения КГС свидетельствуют

об устойчивом развитии правового регулирования судебных примирительных процедур на основе принципа *делегирования функции по непосредственному примирению сторон лицам, не входящим в состав суда*, *рассматривающего дело по существу*.

Осуществление функции содействия примирению сторон реализуется судом прежде всего посредством выполнения обязанности по разъяснению сторонам их права урегулировать спор в рамках медиации или иных примирительных процедур, а также действий по выяснению у сторон такой возможности и по инициированию примирительной процедуры, в том числе путем назначения примирителя (ч. 3 ст. 165, п. 12 ч. 1 ст. 249 КГС). Наряду с этим, как правильно указывает Е. А. Унукович, «интегрирование примирительных процедур в судебную деятельность вносит изменения в содержание данной деятельности, смещая акцент на *выполнение судом контрольной функции за ходом реализации примирительной процедуры и ее результатом*» [7, с. 200], что также можно рассматривать как одну из современных тенденций в развитии правового регулирования вопросов примирения сторон в гражданском судопроизводстве. В частности, в соответствии с ч. 6 ст. 165 КГС примирение сторон осуществляется в срок, установленный судом; при недостижении сторонами примирения либо истечении установленного судом срока для примирения сторон производство по делу осуществляется в порядке, установленном КГС. В соответствии с ч. 7 ст. 166, 167, 170 КГС к полномочиям суда отнесено утверждение мирового соглашения и иных соглашений, заключенных по результатам примирительных процедур.

Допуская возможность примирения сторон на любой стадии производства по делу (ч. 1 ст. 165 КГС), КГС вслед за ГПК и ХПК особо выделяет стадии возбуждения производства по делу и подготовки дела к судебному разбирательству. В частности, ст. 249 КГС определяет принятие судом мер к примирению сторон как одну из задач данной стадии и регулирует действия суда по содействию сторонам в добровольном урегулировании спора, в том числе такие как разъяснение сторонам соответствующих прав, назначение примирителя, назначение предварительного судебного заседания для выяснения возможности примирения (п. 2, 12 ч. 2 ст. 251, ст. 252 КГС). В соответствии с ч. 4 ст. 238 КГС исковое заявление может содержать ходатайство сторон о назначении примирителя; сведения о предпринятых стороной (сторонами) действиях, направленных на примирение, если такие действия предпринимались. При этом в случае подачи одновременно с исковым заявлением согласованного сторонами ходатайства о назначении примирителя для проведения примирительной процедуры, предусмотренной ст. 171 КГС, в исковом заявлении могут не указываться доказательства, подтверждающие основания исковых требований. Приведенные нормы свидетельствуют о тенденции *нормативного поощрения примирения сторон на ранних стадиях судопроизводства* путем предоставления сторонам права на добровольное урегулирование спора на любой стадии судебного процесса вплоть до исполнения судебного постановления, но с концентрацией основных действий суда по выяснению возможности примирения сторон на стадиях возбуждения дела и подготовки дела к судебному разбирательству.

С принятием КГС явно проявилась такая черта и тенденция в регулировании вопросов примирения сторон при рассмотрении судами гражданских и экономических дел, как *обеспечение многообразия примирительных процедур*. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 165 КГС предусмотрена возможность организации при рассмотрении гражданских и экономических дел различных видов примирительных процедур, включая переговоры сторон по выработке условий мирового соглашения, переговоры сторон при содействии их адвокатов, медиацию, примирительную процедуру (имеется в виду процедура урегулирования спора в экономических судах с участием примирителя из числа лиц, занимающих государственную гражданскую должность в суде, – ст. 171–172 КГС).

При этом показательно, что в КГС, в отличие от ст. 1 ХПК, уже не содержится определение примирительной процедуры с участием должностного лица экономического суда как медиации, проводимой после возбуждения дела. Такой подход законодателя представляется правильным – наличие у примирителя полномочия давать сторонам рекомендации о скорейшем урегулировании возникших вопросов и сохранении между ними деловых связей (п. 6 ч. 2 ст. 171 КГС) не позволяет характеризовать примирительную процедуру, урегулированную ст. 171–175 КГС, как медиацию, и обусловливает ее видовую самостоятельность в системе примирительных процедур, предусмотренных КГС, что, в свою очередь, способствует *реализации в гражданском процессуальном законодательстве принципа вариативности примирительных процедур*.

В юридической литературе отмечается необходимость дальнейшего развития гражданского процессуального законодательства в направлении обеспечения многообразия и вариативности примирительных процедур. В частности, следует согласиться с Е. А. Унукович, что многообразие предусмотренных КГС соглашений, которые могут быть заключены по результатам примирительных процедур (мировое соглашение, соглашение об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов, соглашение о примирении по результатам примирительной процедуры, предусмотренной ст. 171–175 КГС), «не является объективным показателем реального расширения возможностей сторон по выбору имеющихся форм примирения, поскольку не содержит принципиальных сущностных отличий в выборе заключаемых сторонами соглашений». Действительное расширение такой возможности стало бы реальным за счет предоставления сторонам по гражданским делам возможности реализации тех форм примирения, которые на сегодняшний день могут быть реализованы исключительно в рамках судопроизводства по экономическим делам – а именно примирительной процедуры, урегулированной в действующем законодательстве гл. 17 ХПК, а в КГС – ст. 171–175 [7, с. 201–202].

Несмотря на расширение в КГС видового разнообразия примирительных процедур, их правовое регулирование свидетельствует о *сохранении в отечественном процессуальном законодательстве определенного приоритета медиации среди иных видов примирительных процедур,* что можно определить как отличительную черту и одновременно как тенденцию развития национальной модели правового регулирования примирительных процедур в гражданском судопроизводстве. В частности, соглашение сторон о применении медиации

остается в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 132 КГС (так же, как это в настоящее время имеет место в ст. 160 ГПК) основанием для обязательного приостановления производства по делу, в то время как назначение примирительной процедуры при участии примирителя экономического суда и ходатайство сторон о проведении переговоров при содействии их адвокатов выступают факультативными основаниями для приостановления производства (п. 14 и 15 ст. 133 КГС). Представляется правильным, что при последующем совершенствовании процессуального законодательства данная тенденция требует устранения. Несмотря на то, что обращение сторон к медиатору как профессиональному посреднику действительно имеет массу преимуществ с точки зрения качества оказываемой таким лицом помощи в урегулировании спора, тем не менее законодатель не должен с помощью процессуальных средств отдавать явное предпочтение определенной форме организации примирения сторон, будь то медиация или иная процедура.

Заключение. В результате принятия Закона о медиации, изменений и дополнений, внесенных в ГПК, ХПК, ГК, КоБС, НК (в том числе Законом от 12 июля 2013 г. и Законом от 18 декабря 2019 г.), разработки КГС представляется возможным вести речь о формировании национальной модели правового регулирования примирительных процедур в их взаимосвязи с судопроизводством по гражданским и экономическим делам, *основными чертами* которой являются (они могут быть одновременно рассмотрены в качестве *тенденций развития* соответствующей сферы правового регулирования):

▪ придание деятельности по примирению сторон организованного, упорядоченного характера путем регламентации последовательности действий участников соответствующих отношений (оформление в качестве специальных процедур, интегрированных в судопроизводство);

▪ консолидация соответствующих норм в полноценный отраслевой институт гражданского процессуального права;

▪ целевое использование примирительных процедур в рамках концепции социального правосудия не столько как средства снижения судебной нагрузки, а прежде всего как способа урегулирования конфликта, лежащего в основе правового спора, и последовательное проведение на этой основе принципа добровольности примирительных процедур при активной роли суда, призванного содействовать примирению сторон;

▪ нормативное закрепление содействия примирению сторон в качестве задачи гражданского судопроизводства с определением в качестве функционала суда действий по разъяснению сторонам права на урегулирование спора путем примирения, по инициированию примирительных процедур, по контролю за их ходом и результатами, но при этом путем делегирования функции по непосредственному примирению сторон лицам, не входящим в состав суда, рассматривающего дело по существу;

▪ расширение сферы применения примирительных процедур за пределы искового производства, в том числе их допущение в производстве по делам, возникающим из административно-правовых и иных публичных отношений, что во многом обусловлено широким подходом к пониманию примирительных процедур как направленных не только на окончательное в материально-правовом

смысле урегулирование правового спора, но и на достижение процессуальных результатов (соглашение о судебных расходах, доказательствах и т. п.), способствующих более быстрому рассмотрению дела при проведении судебного разбирательства;

▪ стимулирование участников правоотношений к выбору примирительных процедур посредством разъяснения их преимуществ судом, а также посредством использования экономических стимулов в виде установления пониженных ставок государственной пошлины либо оснований для возврата государственной пошлины при готовности сторон правового спора к участию в примирительных процедурах и (или) достижении примирения;

▪ обеспечение видового разнообразия примирительных процедур за счет привлечения к участию в переговорах посредников с разными квалификационными характеристиками (медиатор – наличие навыков профессионального ведения переговоров, адвокат – возможность предоставить квалифицированную юридическую помощь, должностное лицо экономического суда – знание судебной практики), с сохранением определенного приоритета процедуры медиации;

▪ концентрация вопросов организации примирительных процедур на стадиях возбуждения производства по делу и подготовки дела к судебному разбирательству при сохранении возможности примирения сторон на последующих стадиях процесса;

▪ обеспечение исполнимости соглашений по результатам примирительных процедур;

▪ вариативность процессуальных последствий заключения сторонами соглашения о применении медиации – наряду с возможностью проведения медиации в рамках приостановленного производства по делу, предоставление истцу права заявить суду ходатайство об оставлении заявления без рассмотрения (с возвратом государственной пошлины и с сохранением возможности повторного обращения в суд в случае неудачной попытки внесудебного примирения).

Список цитированных источников

1. Скобелев, В. П. ГПК и ХПК: нужно больше точек сближения / В. П. Скобелев // Промышленно-торговое право. – 2017. – № 1 – С. 56–67.

2. Колесникова, Л. А. Развитие и совершенствование примирительного судопроизводства по спорам экономического характера / Л. А. Колесникова // Белорусское правосудие: исторический опыт и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Верхов. Суда Респ. Беларусь, Минск, 15 февр. 2023 г. / БГУ; редкол. : Л. Л. Голубева (гл. ред.), С. А. Калинин, О. Н. Романова. – Минск : БГУ, 2023. – С. 74–80.

3. Здрок, О. Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Здрок Оксана Николаевна ; БГУ. – Минск, 2019. – 50 с.

4. Здрок, О. Н. Правовое регулирование примирительных процедур в проекте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь / О. Н. Здрок // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. Вып. 8 / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2023. – С. 275–281.

5. Скобелев, В. П. Об отдельных вопросах применения медиации в проекте Кодекса гражданского судопроизводства / В. П. Скобелев // Белорусское правосудие: исторический опыт и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Верхов. Суда Респ. Беларусь, Минск, 15 февр. 2023 г. / БГУ; редкол. : Л. Л. Голубева (гл. ред.), С. А. Калинин, О. Н. Романова. – Минск : БГУ, 2023. – С. 436–440.

6. Таранова, Т. С. Соглашение по обстоятельствам дела в аспекте примирительной процедуры / Т. С. Таранова // Актуальные проблемы использования примирительных процедур как формы разрешения споров в национальном и международном праве : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23 апр. 2010 г. – Минск : БГЭУ, 2010. – С. 65–67.

7. Унукович, Е. А. Судебная компетенция в контексте развития альтернативных способов разрешения (урегулирования) цивилистических споров / Е. А. Унукович // Практика осуществления правосудия и правоохранительной деятельности в контексте функционирования национальной правовой системы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию Ин-та переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорус. гос. ун-та, Минск, 5–6 сент. 2004 г. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: М. А. Городецкая (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2024. – С. 199–202.

Рецензент: Марчук В. В.,
профессор кафедры уголовного права
УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
доктор юридических наук, профессор.

Дата поступления статьи: 07.03.2025.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF MEDIATION IN CIVIL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Oksana N. Zdrok

Abstract. The article summarises the formation of a national model for the legal regulation of conciliatory procedures in judicial proceedings related to civil and economic cases, defines its main features, and explores and forecasts trends in the further development of civil procedural legislation regarding the reconciliation of parties in connection with the adoption of the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus.

Keywords: reconciliation, facilitation of reconciliation between parties, conciliatory procedures, civil process, judicial proceedings in civil and economic cases.

УДК 347.91.95

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРИМЕНЕНИЯ ПАРТИСИПАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ КАК СПОСОБА УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРА СТОРОН ПУТЕМ ПЕРЕГОВОРОВ ПРИ УЧАСТИИ АДВОКАТОВ

Кацубо Сюзанна Викторовна,
медиатор Учебно-практического центра «Медиация и право»
mediatorks@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей применения и перспектив внедрения партисипативной процедуры урегулирования споров в Республике Беларусь. На основе анализа законодательства, научных публикаций по теме исследования

рассматриваются организационные механизмы внедрения данной процедуры и предлагаются методические подходы к ее эффективной реализации, обосновывается необходимость дальнейшего развития нормативной базы, повышения квалификации специалистов и популяризации партисипативной процедуры среди участников правовых отношений. Акцентируется внимание на преимуществах и препятствиях в развитии в национальной правовой системе альтернативных способов разрешения споров (конфликтов) с участием адвокатов.

Ключевые слова: партисипативная процедура, альтернативное разрешение споров, медиация, фасилитация, консенсус, правоприменительная практика, судебная система, переговоры, соглашение.

Введение. В Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, отмечаются положительные тенденции формирования и развития национальной правовой системы, среди которых сохранение социальной направленности законодательства. Одной из характерных ее черт является наличие эффективных государственных институтов, защищающих интересы как всего белорусского народа, так и отдельных граждан (п. 20). В сфере развития законодательства о судоустройстве, судопроизводстве, адвокатуре, медиации ставится задача расширять применение альтернативных способов урегулирования споров в целях снижения нагрузки на судебную систему, самостоятельной выработки гражданами и субъектами хозяйствования взаимоприемлемых решений, повышения правовой культуры (п. 44.5). Приведенные положения названного важнейшего нормативного правового акта стратегического характера согласуются с нормами Конституции Республики Беларусь о праве каждого на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод, в том числе о праве пользоваться в любой момент помощью адвокатов и других своих представителей в суде (ст. 62), а также о проявлении социальной ответственности, внесении посильного вклада в развитие общества и государства (ст. 21).

Социальная направленность государства и правовой системы Республики Беларусь предполагает развитие примирительных процедур как формы реализации прав и свобод граждан, возможности активно влиять на процесс принятия решений и социальной ответственности.

Данные процедуры, основанные на принципах добровольности, конфиденциальности и равноправия сторон, позволяют снизить нагрузку на судебную систему, повысить удовлетворенность участников конфликта и достигать устойчивых взаимовыгодных решений.

Такой подход соответствует современным тенденциям развития правовой системы и способствует реализации конституционных положений о социальной ответственности.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена закреплением в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. (далее – КГС) нового вида примирительной процедуры, к которому могут обратиться стороны искового производства – переговоры по урегулированию спора при участии адвокатов, известной в мировой практике под названием «партисипативная процедура». В связи с этим возникает необходимость комплексного

анализа правовых, организационных и методических аспектов применения новой процедуры урегулирования споров в национальной правовой системе с целью выработки единых стандартов и методических рекомендаций ее проведения.

Целью является исследование на основе анализа правового регулирования в КГС переговоров при участии адвокатов, а также исследования зарубежного опыта применения партисипативной процедуры в судопроизводстве по гражданским делам, выработка рекомендации по применению нового вида примирительных процедур.

Для достижения поставленной цели были поставлены задачи: исследования соответствующей нормативно-правовой базы, в том числе сравнительно-правового анализа законодательства стран, закрепляющих возможность применения партисипативной процедуры (переговоров сторон при участии их адвокатов); определения роли адвокатов в переговорах сторон по урегулированию спора; рассмотрения организационных механизмов внедрения в правовую систему данного вида примирительных процедур; анализа методических подходов к проведению переговоров сторон с участием адвокатов; выявления проблем и формулирования предложений по их решению.

Вопросам применения альтернативных способов разрешения споров, в том числе партисипативной процедуры, посвящен ряд научных публикаций белорусских исследователей О. В. Мороза, И. А. Бельской [1], О. Н. Здрок [2; 3], В. С. Каменкова [4], Т. С. Тарановой, И. Н. Полещук [5] и др., в которых авторами обосновывались предложения о применении и необходимости законодательного закрепления дополнительных процедур урегулирования споров при посредничестве профессиональных юристов.

Возможность использования партисипативной процедуры (переговоров с участием адвокатов) исследовалась также в научных публикациях российских авторов, исследователей и практикующих юристов (адвокатов) Республики Казахстан (Н. А. Аманжолов [6], Т. М. Есимова [7] и др.).

Основная часть. Прогрессивным шагом вперед с точки зрения формирования нового процессуального института примирительных процедур стало принятие КГС, который вступает в силу с 1 января 2026 г. Предусмотренная ст. 169–170 КГС процедура переговоров по урегулированию спора при содействии адвокатов (партисипативная процедура) представляет собой урегулирование споров, сочетающее элементы классических переговоров, медиации и судебного примирения, предлагая качественно новый формат урегулирования конфликтов.

Действующие Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс (далее – ХПК) закрепляют право сторон передать спор, подведомственный суду, для урегулирования с участием медиатора путем заключения соглашения о применении медиации (ст. 40^1 ХПК, ст. 39^1 ГПК).

Основным нормативным правовым актом, регулирующим проведение медиации, является Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации», который определяет понятие медиации, права и обязанности сторон, статус медиатора, а также основные принципы указанной процедуры.

Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» определяет права и обязанности адвокатов, не исключая их участия в переговорах и медиации. Они отражаются и в Правилах профессиональной этики адвоката, утвержденных постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 30 сентября 2021 г. № 180.

Следует отметить, что адвокаты играют важную роль в процедуре медиации, выполняя такие функции, как консультирование сторон, разъяснение сторонам их прав и обязанностей, возможных последствий участия в процедуре медиации. Важными функциями адвокатов при их участии в процедуре медиации с целью оказания сторонам правового спора (конфликта) квалифицированной юридической помощи являются также подготовка документов и представление интересов сторон, участие в переговорах, защита интересов своих клиентов и обеспечение соблюдения их прав и интересов при выработке условий медиативного соглашения. Важную задачу адвокаты выполняют в обеспечение законности, так как они контролируют соблюдение правовых норм в ходе процедуры, что способствует достижению справедливого и законного результата, минимизации рисков их оспаривания в будущем.

В Республике Беларусь адвокаты могут выступать не только как представители сторон медиации, но и как медиаторы (при наличии соответствующего свидетельства), что расширяет их роль в системе альтернативного разрешения спора.

КГС закрепляет возможность урегулирования спора, возникающего из гражданских, семейных, трудовых и других правоотношений, путем проведения переговоров сторон при содействии их адвокатов (ст. 170 КГС).

Следует отметить, что в последние годы в юридической литературе и теории альтернативного разрешения споров наблюдается тенденция роста интереса к концепции участия, которая предполагает вовлечение всех заинтересованных сторон в процесс принятия решений. В адвокатской практике это может проявляться через использование партисипативной процедуры, которая способствует более открытому и прозрачному взаимодействию между адвокатами и их клиентами. Партисипативное разрешение споров предполагает активное участие сторон конфликта в процессе его разрешения. Такая процедура не только повышает уровень доверия к юридической системе, но и способствует улучшению качества правовых услуг [1].

Важная роль в партисипативной процедуре отводится адвокатам сторон. В отличие от медиации, где нейтральный посредник лишь организует переговорный процесс, в данной процедуре адвокаты активно участвуют в анализе правовых позиций, формулируют конкретные предложения по урегулированию спора и обеспечивают юридическую корректность достигнутых договоренностей.

Это ключевой признак, отличающий партисипативную процедуру от медиации. Как отмечает О. Н. Здрок, «медиатор, управляя переговорами сторон, обладает лишь процедурной директивностью, не имея при этом права оценивать правовые позиции сторон и предлагать им варианты соглашения. Адвокат же в партисипативной процедуре обладает как процедурной, так и экспертной

(содержательной) директивностью. Он активно участвует и в анализе проблемы, и в выработке соглашения путем внесения сторонам соответствующих предложений относительно его возможного содержания» [3]. Безусловно и то, что переговоры сторон по выработке условий мирового соглашения в данной процедуре выходят на новый уровень – профессиональных переговоров. Это обеспечивается за счет использования адвокатами своих специальных профессиональных компетенций и, в первую очередь, правовых знаний.

Важно отметить, что предусмотренная КГС модель партисипативной процедуры является судебной примирительной процедурой, осуществляется после возбуждения судом дела искового производства на любой стадии процесса, но проводится «без участия суда».

Механизм применения ст. 169–170 КГС предполагает четкую последовательность действий. Процесс начинается с совместного ходатайства сторон, подаваемого в суд, рассматривающий дело. При этом участие в партисипативной процедуре возможно как для физических, так и для юридических лиц. Удовлетворяя ходатайство, суд определяет срок проведения указанной примирительной процедуры и решает вопрос о приостановлении производства по делу на период переговоров.

Проведение переговоров в рамках данной процедуры предполагает, что адвокаты осуществляют правовой анализ ситуации, разрабатывают варианты разрешения конфликта и обеспечивают соблюдение интересов своих доверителей. К условиям, форме и содержанию, а также порядку заключения, утверждения, обжалования и исполнения соглашения применяются правила, предусмотренные КГС для мирового соглашения, признания иска либо отказа от иска. Соглашение, заключенное по результатам переговоров сторон при содействии адвокатов, подписывается сторонами, их адвокатами и подлежит утверждению судом.

Аналоги процедуры урегулирования спорных правоотношений при посредничестве адвокатов, вводимой ст. 169–170 КГС, известны мировой правовой практике. В частности, в сравнительном плане представляет интерес партисипативная процедура, существующая во Франции и Казахстане.

В Казахстане партисипативная процедура закреплена в ст. 181 и 182 ГПК Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. Согласно ст. 181 ГПК Республики Казахстан стороны вправе до удаления суда для вынесения решения заявить ходатайство об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры. Партисипативная процедура проводится без участия судьи путем проведения переговоров между сторонами по урегулированию спора при содействии адвокатов обеих сторон либо лиц, являющихся членами палаты юридических консультантов в соответствии с Законом Республики Казахстан от 5 июля 2018 г. «Об адвокатской деятельности и юридической помощи».

Статья 182 ГПК Республики Казахстан посвящена соглашению об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры и его исполнению. В частности, судья (состав суда), в производстве которого находится дело, проверяет содержание соглашения об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры и выносит определение о его утверждении и прекращении

производства по делу. Если стороны не достигли соглашения в порядке партисипативной процедуры или условия соглашения судом не утверждены, разбирательство дела проводится в общем порядке. Исполнение соглашения об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры, утвержденное судом, производится по правилам исполнения мирового соглашения.

В развитие норм ГПК Республики Казахстан о партисипативной процедуре были разработаны Методические рекомендации по проведению партисипативной процедуры адвокатами, одобренные Президиумом Республиканской коллегии адвокатов Республики Казахстан 11 марта 2016 г. (протокол № 12) [8] (далее – Методические рекомендации).

Параграф второй Методических рекомендаций определяет партисипативную процедуру как реализуемый по добровольному согласию сторон «переговорный процесс урегулирования спора между сторонами с обязательным участием их адвокатов, без участия судьи, в целях достижения ими взаимоприемлемого соглашения» [8].

Казахскими специалистами отмечается, что введение в законодательство Республики Казахстан норм о применении в гражданском судопроизводстве партисипативной процедуры приблизило построение судебной системы к международным стандартам в области гражданского судопроизводства [6; 7].

Во Франции данный альтернативный способ урегулирования споров законодательно закреплен с 2010 г. Основой для создания партисипативной процедуры во Франции стал позитивный опыт применения «коллаборативного права» (*collaborative law*) в Северной Америке и «партисипативной юстиции» (*justice participative*) в Канаде [9; 10].

Партисипативная процедура во Франции закреплена в Новом гражданском процессуальном кодексе (далее – ГПК Франции) (ст. 1542–1564) и Гражданском кодексе (далее – ГК Франции) (ст. 2062–2068). Основная цель партисипативной процедуры в соответствии с указанными актами состоит в стимулировании сторон к досудебному урегулированию споров при участии адвокатов. Партисипативная процедура во Франции имеет ограничения применения к трудовым спорам.

Французское законодательство предусматривает два этапа партисипативной процедуры: конвенционная стадия – стороны и их адвокаты ведут переговоры с целью достижения соглашения (ст. 1543–1546 ГПК Франции); стадия судебного утверждения оглашения для придания ему обязательной силы (ст. 1557–1564 ГПК Франции).

Соглашение о проведении партисипативной процедуры должно включать: сроки проведения процедуры, предмет спора, перечень документов и порядок их обмена, данные о сторонах (ст. 1545 ГПК Франции, ст. 2063 ГК Франции).

До истечения срока соглашения стороны не могут обращаться в суд (ст. 2062, 2065 ГК Франции). Однако если одна из сторон нарушает условия, то другая вправе инициировать судебное разбирательство досрочно.

Особенностью партисипативной процедуры во Франции выступает возможность привлечения специалистов (экспертов) при согласии сторон (ст. 1547–

1554 ГПК Франции). При этом роли адвокатов и экспертов (специалистов) разграничиваются следующим образом: адвокаты организуют переговоры и обмен документами (ст. 1545 ГПК Франции), задача экспертов (специалистов) – давать объективные заключения, не выступая в пользу одной из сторон.

Французская модель партисипативной процедуры доказала свою эффективность в таких аспектах, как снижение нагрузки на суды, гибкость процесса и юридическая защищенность – утвержденное судом соглашение имеет силу исполнительного документа.

В Республике Беларусь практике партисипативной процедуры еще только предстоит быть сформированной после вступления в силу КГС. Безусловно, потребуется дальнейшее совершенствование нормативной базы, подготовка квалифицированных специалистов и популяризация этой процедуры.

Участие адвокатов в партисипативной процедуре требует детального методического осмысления, поскольку именно они выступают ключевыми посредниками между сторонами конфликта.

Методические аспекты партисипативной процедуры могут охватывать широкий спектр вопросов, связанных с организацией, проведением и оценкой эффективности такой процедуры. Они включают выбор подходящих методов, разработку алгоритмов взаимодействия между участниками, а также использование специальных техник для достижения взаимовыгодных решений.

Практика применения партисипативной процедуры может способствовать эффективности в разрешении широкого спектра споров: от семейных и трудовых конфликтов до коммерческих и административных разногласий. Она может найти применение в различных областях, где важно достижение консенсуса и сохранение отношений между сторонами.

Применение партисипативной процедуры включает многочисленные преимущества для физических и юридических лиц, основными из которых являются: экономия времени и ресурсов; сохранение отношений после разрешения спорной ситуации; выработка нестандартных решений, конфиденциальность.

Формирование правовых, организационных и методических условий применения процедуры переговоров по урегулированию спора с участием адвокатов сторон позволят сделать такую процедуру более доступной и эффективной, будет способствовать укреплению доверия к правовой системе и повышению качества разрешения споров.

Трудно не согласиться с утверждением В. С. Каменкова о том, что если закон не запрещает и конфликтующие стороны сами нашли путь урегулирования существующего между ними конфликта, то это лучше для сторон, для государства, для общества, нежели самое законное судебное постановление [4]. Данное высказывание отражает ключевую философию альтернативного разрешения споров (АРС), включая партисипативную процедуру. Оно подчеркивает преимущество добровольного урегулирования конфликтов перед принудительным судебным решением, отражает современный тренд в праве – смещение акцента с формального судебного разрешения споров на гибкие, ориентированные на интересы сторон механизмы.

Заключение. Переговоры при содействии адвокатов (партисипативная процедура) предусмотрены ст. 169–170 КГС и представляют собой эффективный инструмент альтернативного разрешения споров. Преимущество партисипативной процедуры перед другими примирительными процедурами состоит в том, что адвокаты оказывают квалифицированную юридическую помощь сторонам как в поиске приемлемого варианта, так и в плане соблюдения законности при составлении текста соглашения об урегулировании спора [3]. Ее ключевые преимущества – снижение нагрузки на суды, гибкость в урегулировании конфликтов и возможность достижения взаимовыгодных решений при участии адвокатов. Однако успешное применение этого механизма требует дальнейшего совершенствования, включая разработку методических рекомендаций и специализированную подготовку адвокатов.

Перспективы развития партисипативной процедуры связаны с ее интеграцией в национальную правовую систему при сохранении принципа добровольного участия сторон. Важными шагами станут популяризация процедуры среди населения, а также обеспечение четких процессуальных гарантий. Это позволит создать сбалансированный механизм досудебного урегулирования споров, отвечающий потребностям современного общества.

Для применения партисипативной процедуры в Республике Беларусь, на наш взгляд, целесообразно принять некоторые меры правового и организационного характера:

- внести в КГС дополнения с конкретизацией норм, регулирующих проведение партисипативной процедуры с участием адвокатов;
- используя учебно-методический потенциал системы повышения квалификации провести серию обучающих семинаров (курсов) для адвокатов по партисипативной процедуре;
- разработать Методические рекомендации по проведению партисипативной процедуры адвокатами, применяя положительный опыт Республики Казахстан в данной сфере, а также опыт конкретизации правил проведения медиации в Республике Беларусь, где после вступления в силу Закона о медиации постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2013 г. № 1150 были утверждены Правила проведения медиации;
- для просвещения населения принять организационные меры по распространению информации о преимуществах партисипативной процедуры в СМИ.

Список цитированных источников

1. Основы альтернативного разрешения споров: пособие / В. И. Самарин [и др.] ; под ред. О. В. Мороза [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – 223 с.

2. Здрок, О. Н. Правовое регулирование примирительных процедур в проекте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь / О. Н. Здрок // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 23.05.2025).

3. Здрок, О. Н. Переговоры при содействии адвокатов: новелла КГС / О. Н. Здрок. – URL: https://jurist.by/zhurnal/statia/peregovory-pri-sodejstvii-advokatov-novella-kgs 8/9 (дата обращения: 21.04.2025).

4. Каменков, В. С. О последних новеллах в правовом регулировании медиации в Республике Беларусь / В. С. Каменков // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 23.05.2025).

5. Полещук, И. Н. Партисипативная процедура как способ эффективного альтернативного разрешения спорных правоотношений / И. Н. Полещук // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» ; редкол.: И. Э. Мартыненко [и др.] ; под ред. И. Э. Мартыненко. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2018. – Вып. 3. – С. 317–323.

6. Аманжолов, Н. А. Эффективность применения партисипативных процедур в гражданском процессе / Н. А. Аманжолов. – URL: https://repoitory.kazguu.kz (дата обращения: 06.04.2025).

7. Есимова, Т. М. Партисипативная процедура как новый институт примирительных процедур в гражданском судопроизводстве Республики Казахстан / Т. М. Есимова // Достижения и перспективы современной науки : материалы Междунар. (заочной) науч.-практ. конф. / Баспасы «Академия», Науч.-изд. центр «Мир науки». – Электрон. текст. данн. (3,42 Мб.). – Астана : Баспасы «Академия», 2017. – 1 оптический компакт-диск (CD-ROM). – С. 220–227.

8. Методические рекомендации по проведению партисипативной процедуры адвокатами : одобр. президиумом Респ. кол. адвокатов Респ. Казахстан 11 марта 2016 г., протокол № 12). – URL: http://advoktura.kz (дата обращения: 06.04.2025).

9. Зверева, Н. С. Партисипативная процедура – новый альтернативный способ урегулирования споров во Франции / Н. С. Зверева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 4. – С. 49–53.

10. Цувина, Т. А. Партисипативные процедуры как альтернативный способ разрешения частноправовых споров во Франции / Т. А. Цувина // Цивільний процесс на зламі століть: матеріали наук.-практ. конф., присвяч. 50-річчю заснування каф. цив. процессу, Харьків, 20–21 жовт. 2016 р. / за заг. ред. К. В. Гусарова. – Харьків : Право, 2016. – С. 148–151.

Рецензент: Здрок О. Н.,
директор УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»,
доктор юридических наук, профессор.

Дата поступления статьи: 05.05.2025.

PROSPECTS FOR THE APPLICATION OF PARTICIPATORY PROCEDURE AS A METHOD OF NEGOTIATED SETTLEMENT OF THE PARTIES' DISPUTE WITH THE PARTICIPATION OF LAWYERS

Suzanna V. Katsubo

Abstract. The article is devoted to the study of the possibilities of application and prospects of implementation of the participatory procedure of dispute resolution in the Republic of Belarus. Based on the analysis of legislation, scientific publications on the topic of the study, the organizational mechanisms of the introduction of this procedure are considered and methodological approaches to its effective implementation are proposed, the need for further development of the regulatory framework, professional development of specialists and popularization of participatory procedure among the participants of legal relations is substantiated. Attention is paid to the advantages and obstacles in the development of alternative ways of dispute (conflict) resolution in the national legal system. Special attention is paid to the role of lawyers in mediation, negotiations and other conciliatory practices.

Keywords: participatory procedure, alternative dispute resolution, mediation, legal, organizational, methodological aspects, mediator, facilitation, consensus, law enforcement, judicial system, negotiation, agreement.

РАЗДЕЛ 2
ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО, ХОЗЯЙСТВЕННОГО, СЕМЕЙНОГО, ТРУДОВОГО, ФИНАНСОВОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

УДК 346.7

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МЕЖОТРАСЛЕВОГО ХАРАКТЕРА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Амельченя Юлия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь
aua_post@tut.by

Аннотация. В статье изучен межотраслевой характер правового регулирования государственных закупок, научные подходы к определению места государственных закупок в системе права. Исследованы группы отношений, возникающих в сфере государственных закупок, которые соотнесены с компонентами системы государственных закупок, предложенной автором, в результате чего аргументировано позиционирование государственных закупок как межотраслевого института на стыке неоднородных отраслей права.

Ключевые слова: государственные закупки, межотраслевой институт, комплексный институт, система государственных закупок.

Введение. Уникальность государственных закупок как экономико-правового явления состоит в том, что, с одной стороны, для государства приоритетно удовлетворение потребностей в товарах (работах, услугах) за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов. Коль скоро используются указанные средства, то и содержание правовых норм, обеспечивающих эффективность, целевой характер их использования, будет императивным, публично-правовым. Об этом также отмечается в отечественных исследованиях, посвященных вопросам административной ответственности за нарушения в сфере государственных закупок, родовым объектом которых «являются общественные отношения в области финансов» [1, с. 163].

С другой стороны, в силу действия ст. 3 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон) правовое регулирование отношений в сфере государственных закупок осуществляется, в первую очередь, нормами Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), которые характеризуются диспозитивностью, хотя, согласимся, что в гражданском законодательстве присутствуют и императивные,

публичные нормы, предназначенные для выполнения «функций гражданского права как элемента системы права» [2, с. 47].

Само законодательство о государственных закупках построено на сочетании гражданско-правового и административно-правового метода регулирования. Последний проявляет себя при реализации Министерством антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ) контрольных функций, функций по рассмотрению жалоб и др. И, кроме того, национальное правовое регулирование выстроено с учетом международно-правовых актов, составляющих право Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС).

Основная часть. Разнородность отношений в сфере государственных закупок в доктрине привела к плюрализму мнений относительно их правовой природы, соотношения и роли публичных и частных элементов и, как следствие, к отсутствию единого подхода к их отраслевой принадлежности. Они позиционируются:

1) как «институт в российском праве» [3];

2) как комплексный институт права [4, с. 22] (гражданского права [5, л. 176], с оговоркой, однако, что «нормы законодательства о контрактной системе в сфере государственных закупок, отраженные в гражданском, антимонопольном, административном, бюджетном законодательстве» [5, л. 179]), регулирующий «относительно самостоятельную обособленную группу отношений, связанную с финансовым обеспечением публичных закупок как частью финансовых отношений, входящих в предмет финансового права» [6], для которого характерно наличие норм, регулирующих как внутриотраслевые *(выражены в меньшей степени)*, так и межотраслевые правоотношения *(выражены в большей степени)*» [6];

3) как межотраслевой институт [4, с. 22; 7, с. 89; 8; 9, с. 12; 10, с. 14], объединяющий нормы различных отраслей [10, с. 14] права;

4) комплексный (межотраслевой) институт [11, с. 9–10];

5) как «новое структурно-правовое образование» [12, с. 166]. О. А. Беляева называет его «право публичных закупок», но при этом «определить отраслевую принадлежность публичных закупок не представляется возможным, на них в равной степени воздействуют нормы административного, гражданского, финансового права» [13, с. 187];

6) как специальный правовой режим [14, с. 139; 15, с. 611];

7) как «способ специального опосредующего государственного воздействия на экономику, осуществляемый в целях обеспечения публичных и общественных интересов за счет бюджетных источников финансирования» [16].

Л. В. Андреева указывает на межотраслевой характер законодательства о закупках, где присутствуют и императивные и диспозитивные нормы [17, с. 77].

В правоприменительной практике была предпринята попытка определить институт государственных закупок как «специальный институт», регулирующий «особые правоотношения, для которого, однако, характерны и применимы многие элементы гражданских правоотношений» [18].

Некоторые российские исследователи [19, с. 207], как и белорусские [20,

с. 603], указывая на комплексную природу государственных закупок, приходят к выводу об их отнесении к «пограничным» межотраслевым институтам [20, с. 603], но акцент при этом ставится на «организационно-управленческие отношения, регулируемые нормами административного права» [20, с. 601], и «роль административно-правового регулирования, которое наиболее ярко выражается при формировании закупочной системы, а также на стадиях организации и проведения закупок (работ, услуг)» [20, с. 602], наряду с наличием отношений, регулируемых финансовым правом в части «расчета и утверждения объема финансового обеспечения при осуществлении закупок; установления обязательных требований к предельным ценам товаров, работ, услуг» [20, с. 601].

Используя терминологию «пограничный», данный автор со всей вероятностью руководствуется подходом, предложенным С. В. Полениной. Однако, как будет отмечено далее, такая пограничность связана с тем, что институты образуются на стыке смежных однородных отраслей права [21, с. 75–76], а для государственных закупок отрасли, регулирующие отношения, – частные и публичные – нельзя признать однородными. Можно предположить, что причина для подобного заключения состоит в том, что в исследовании не упоминаются договорные отношения, но именно они составляют наряду с иными содержание государственных закупок и относятся к частноправовым, входящим в предмет гражданского права.

Г. А. Лысаковский для государственных закупок и закупок за счет собственных средств предлагает использовать комплексный подход и рассматривать их на межотраслевом уровне [4, с. 22]. Данным исследователем предлагается механизм правового регулирования закупок. В то же время единый механизм для двух полярных сфер закупок, где действуют различные принципы регулирования, различается функциональное назначение, невозможен. Сами правовые средства, используемые в механизме правового регулирования, различаются, в первую очередь, за счет того, что содержание норм, регулирующих государственные закупки, определяется правом ЕАЭС.

По нашему мнению, факт наличия норм разных отраслей права, в первую очередь, гражданского, бюджетного, административного, регулирующих взаимосвязанные отношения, для государственных закупок бесспорен. А рассуждая о месте государственных закупок в системе права, наиболее верным видится их понимание как межотраслевого института. В основу данного тезиса положены взгляды С. С. Алексеева на структуру права. Он, в частности, в своей работе «Общие теоретические проблемы системы советского права» выделяет смешанные институты, когда «на стыках отдельных правовых сфер, в точках их соприкосновения иногда в институт проникают элементы, свойственные другой отрасли» [22, с. 132]. Разновидностью таких смешанных институтов являются «правовые общности, имеющие черты межотраслевых объединений юридических норм», «когда институт, имеющий по своей основе государственно-правовую природу, как бы “притягивает” нормы целого ряда отраслей и образует вместе с ними определенное единство» [22, с. 134].

Хотя надо признать, что ранее в работе «Общие теоретические проблемы системы советского права» С. С. Алексеев смешанный правовой институт

не отделял от комплексного, отмечая, что «комплексный (смешанный) правовой институт представляет собой составную часть данной отрасли права, которая содержит в себе отдельные элементы метода правового регулирования иной отрасли права» [23, с. 83]. Именно наличие в таком институте методов, характерных для другой отрасли, делает его комплексным.

С. В. Поленина, в свою очередь, в числе комплексных институтов, характеризуемых «как институты данной отрасли, которые включают ряд элементов иного метода правового регулирования…», различала межотраслевые институты как наиболее распространенную «разновидность комплексных правовых институтов» [21, с. 74], возникающую «на стыке смежных отраслей права, т. е. отраслей, обладающих известной общностью круга регулируемых ими отношений» [21, с. 74].

Данным исследователем межотраслевые комплексные правовые институты подразделялись на межотраслевые функциональные и межотраслевые «пограничные». В первом случае такие институты «возникают на стыке смежных неоднородных отраслей права, например гражданского и административного», вторые образуются на стыке смежных однородных отраслей права, например, гражданского и семейного, и «характеризуются наличием между нормами смежных однородных отраслей права, образующих данный институт, подвижной предметно-регулятивной связи» [21, с. 75–76].

Современные исследователи комплексный характер межотраслевого правового института доказывают наличием единого метода правового регулирования и предмета [24, с. 95]. Для государственных закупок, как минимум, единый метод отсутствует. Говорить о наличии единого предмета также спорно по причине того, что отношения в сфере государственных закупок охвачены неоднородными отраслями права.

Принимая во внимание вышеизложенное, наиболее обоснованным видится именно межотраслевой подход к государственным закупкам, который формирует межотраслевой институт государственных закупок на стыке неоднородных отраслей права. При этом общественные отношения, составляющие такой межотраслевой институт, входят в круг регулируемых гражданским, бюджетным, в некоторой степени административным правом.

Содержание такого межотраслевого института охватывает:

1) отношения, характеризующиеся публичным содержанием, – возникающие в связи с использованием заказчиками как получателями бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов (бюджетно-правовые), в том числе опосредованные информационным обеспечением – взаимодействием электронных торговых площадок, товарной биржи, государственной информационно-аналитической системы управления государственными закупками и автоматизированной системы финансовых расчетов, а также связанные с контролем использования таких средств и применением мер ответственности;

2) отношения управленческого содержания, связанные с рассмотрением жалоб МАРТ (ст. 52–53 Закона), осуществлением контроля в данной сфере, включая мониторинг (п. 3 Указа Президента Республики Беларусь от 16 декабря

2009 г. № 510, п. 7 Перечня контролирующих (надзорных) органов, уполномоченных проводить проверки, и сфер их контрольной (надзорной) деятельности, утвержденного названным Указом), проведением камеральных проверок (ст. 54 Закона), вынесением предписаний (ст. 55 Закона), составлением протоколов об административных правонарушениях при нарушении законодательства о государственных закупках (подп. 35 ч. 1 ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях), наличием компетенции на включение поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в список поставщиков (подрядчиков, исполнителей), временно не допускаемых к участию в процедурах государственных закупок, в связи с чем субъект утрачивает право на участие в процедурах государственных закупок в течение двух лет, и компетенции МАРТ на разъяснение законодательства о государственных закупках (ст. 10 Закона);

3) отношения организационного (процедурного) содержания прослеживаются для планирования государственных закупок (ст. 19 Закона), при выборе вида процедур государственных закупок (ст. 18 Закона) и установлении правил их проведения в части установления компетенции заказчика (организатора), комиссии по государственным закупкам, эксперта (экспертной организации) по совершению действий, принятию решений в связи с организацией и проведением процедур государственных закупок, в том числе на электронной торговой площадке. Также имеются особые требования к участникам процедур государственных закупок (ст. 16, 16–1, 29 Закона), в том числе исключающие конфликт интересов, антиконкурентный сговор субъектов рынка, требования к предмету государственной закупки, к содержанию документов, опосредующих организацию и проведение государственных закупок (документов, предоставляемых для подготовки и подачи предложения, протоколов заседания комиссии по государственным закупкам, локальных правовых актов), к порядку ведения делопроизводства;

4) отношения частноправового содержания, связанные с заключением, исполнением, изменением и расторжением договора государственной закупки, а также иных договоров, опосредующих осуществление государственных закупок, заключение которых предусмотрено законодательством о государственных закупках, с обеспечением защиты прав и законных интересов потенциальных участников и участников процедур государственных закупок. Для регулирования названных частноправовых отношений, а также иных гражданско-правовых аспектов, проявляющих себя в управленческих отношениях (например, представительство и доверенность для участника процедуры государственной закупки), в соответствии со ст. 3 Закона последовательно применяются нормы ГК.

Некоторые авторы отношения в сфере государственных закупок в части информационного и аналитического обеспечения относят к самостоятельной группе организационно-управленческих отношений [20, с. 601] и даже позиционируют как элемент системы государственных закупок [7, с. 150–151]. Однако, как представляется, такое информационное и аналитическое обеспечение как вспомогательный модуль оптимизирует взаимодействие субъектов в цифровой форме, структурирует информацию, формирует транспарентность закупок

и открытость для потенциальных участников, выступая элементом управленческих отношений в связи с организацией процесса государственных закупок.

Заключение. Обозначенные выше группы отношений с позиции системного подхода, предложенного нами [25], формируют компоненты системы государственных закупок, функциональное назначение которой состоит в удовлетворении потребностей государства в товарах (работах, услугах) в совокупности с сопутствующими целями их правового регулирования, отвечающими экономическим, экологическим, социальным приоритетам развития государства, включая следование принципам устойчивого развития [25].

Таким образом, идентификация приведенных выше групп отношений позволяет сделать следующий вывод. По своему содержанию они являются разнородными, для их регулирования используются различные методы (императивный, диспозитивный), и они выстраиваются по различным принципам, присущим бюджетному, гражданскому, административному праву, а также специальным принципам, закрепленным в Законе. В общетеоретическом значении государственные закупки рассматриваются как межотраслевой институт на стыке неоднородных отраслей права, сочетающий частноправовые и публично-правовые нормы. Использование системного подхода в исследовании таких отношений позволяет проследить объединяющую связь в виде их подчиненности функциональному назначению системы государственных закупок для обеспечения потребности заказчиков в товарах (работах, услугах), что предопределяет выработку и применение наиболее подходящих правовых средств, при которых возможно функционирование или развитие системы государственных закупок.

Список цитированных источников

1. Бильдейко, А. А. Административная ответственность за нарушения законодательства о закупках товаров (работ, услуг) и прокурорский надзор в данной сфере : монография / А. А. Бильдейко. – Барановичи : БарГУ, 2023. – 428 с.

2. Витушко, В. А. Нормы гражданского права как комплексная, многомерная и многофункциональная система / В. А. Витушко // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2020. – Вып. 5. – С. 39–48.

3. Подшибякина, Е. В. Развитие института государственных закупок в российском праве / Е. В. Подшибякина // Публичные закупки: проблемы правоприменения : материалы Третьей Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 9 июня 2015 г. / МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : Юстицинформ, 2015. – С. 179-184.

4. Лысаковский, Г. А. Особенности правового регулирования закупок товаров, работ и услуг: теоретические и практические аспекты / Г. А. Лысаковский // Право.by. – 2020. – № 5. – С. 19–24.

5. Гусейнли, И. В. Гражданско-правовое регулирование отбора исполнителей и финансового обеспечения контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / Гусейнли Имади Али Вугар оглы ; Сарат. гос. юрид. акад. – Саратов, 2024. – 206 л.

6. Кикавец, В. В. Финансовый контроль публичных закупок в Российской Федерации : монография / В. В. Кикавец, Ю. К. Цареградская ; под ред. В. В. Кикавца. – М. : Проспект, 2022. – 208 с.

7. Шмелева, М. В. Система государственных (муниципальных) закупок: методология и реализация : монография / М. В. Шмелева ; под ред. Е. В. Вавилина. – М. : Юстицинформ, 2021. – 604 с.

8. Малыхина, Е. А. Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: особенности финансово-правового регулирования : автореф. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / Малыхина Елена Александровна ; Сарат. гос. юрид. акад. – Саратов, 2015. – 30 с.

9. Левушкин, А. Н. Поставка товаров для государственных нужд: современный взгляд на проблемы правового регулирования / А. Н. Левушкин // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 нояб. 2016 г.): сб. науч. ст. / Отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова ; Пермский гос. нац. исслед. ун-т, юрид. фак-т [и др.]. – М. : Статут, 2017. – С. 253–260.

10. Гапанович, А. В. О принципе единства контрактной системы в сфере закупок / А. В. Гапанович // Гражданское право. – 2024. – № 4. – С. 13–16.

11. Зарубин, А. С. Основания возникновения и защита прав участников размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Зарубин Алексей Сергеевич ; Моск. акад. экономики и права. – М., 2012. – 26 с.

12. Беляева, О. А. Гражданско-правовые аспекты отношений по государственному оборонному заказу / О. А. Беляева // Идеи и традиции отечественной цивилистики: рубежи эпох и новые горизонты : сб. материалов к XVII Научным чтениям памяти проф. С. Н. Братуся / О. А. Беляева, М. М. Вильданова, О. В. Гутников [и др.] ; Ин-т закон-ва и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М. : Юриспруденция, 2023. – С. 163–173.

13. Научные концепции развития российского законодательства : монография / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова ; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – 8-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2024. – 656 с.

14. Беляева, О. А. «Договор закупки» – фантомы гражданско-правовых обязательств / О. А. Беляева // Модернизация гражданского законодательства : сб. материалов к XV Ежегодным науч. чтениям памяти проф. С. Н. Братуся / редкол.: В. М. Жуйков, О. В. Гутников, С. А. Синицын, М. Л. Шелютто ; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М. : Статут, 2020. – С. 139–148.

15. Кабытов, П. П. Анализ содержания и структуры контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд / П. П. Кабытов // Вестник СПбГУ. Право. – 2020. – Т. 11, вып. 3. – С. 601–624.

16. Петров, Д. А. Контрактная система в сфере закупок и публичные закупки как способы государственного воздействия на экономику / Д. А. Петров // Конкурентное право. – 2013. – № 3. – С. 2–5.

17. Андреева, Л. В. Государственные закупки в России: правовое регулирование и меры по его совершенствованию : монография / Л. В. Андреева. – М. : Проспект, 2023. – 231 с.

18. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. № 308-ЭС21-20570 по делу № А63-8366/2020 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 04.02.2025).

19. Чижик, А. П. Теоретические основы правового регулирования конкуренции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд / А. П. Чижик // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 3. – С. 206–211.

20. Колосова, М. В. Государственные закупки в системе права Республики Беларусь / М. В. Колосова // Научные труды Белорусского государственного экономического университета : сб. ст. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т ; редкол.: А. В. Егоров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2023. – Вып. 16. – С. 598–605.

21. Поленина, С. В. Комплексные правовые институты и становление новых отраслей права / С. В. Поленина // Правоведение. – 1975. – № 3. – С. 71–79.

22. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит-ра, 1975. – 264 с.

23. Алексеев, С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права / С. С. Алексеев. – М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1961. – 187 с.

24. Малый, А. Ф. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования / А. Ф. Малый, С. О. Логунова // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 91–96.

25. Амельченя, Ю. А. Системный подход к сфере государственных закупок: теоретическое осмысление / Ю. А. Амельченя // Судовы веснік. – 2025. – № 1. – С. 72–79.

Рецензент: Бакиновская О. А.,
заместитель руководителя Института – начальник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права
Института правовых исследований Национального центра законодательства
и правовой информации Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 05.02.2025.

THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE INTERSECTORAL NATURE OF PUBLIC PROCUREMENT LEGAL REGULATION

Julia A. Amelchenia

Abstract. The article is examined the intersectoral nature of public procurement legal regulation, scientific approaches determining the place of public procurement in the legal system. The author analyzes groups of relations arising in public procurement which are correlated with the components of public procurement system proved by the author, as a result of which the positioning of public procurement as an interdisciplinary institution at the junction of miscellaneous branches of law is argued.

Keywords: public procurement, intersectoral institute, integrated institute, public procurement system.

УДК 347.19

ВЛИЯНИЕ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ESG-ПРИНЦИПОВ НА ИНТЕРЕСЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Белоусова Снежана Дмитриевна,
младший научный сотрудник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права
Института правовых исследований Национального центра законодательства
и правовой информации Республики Беларусь
snezhana_belousova_1998@mail.ru

Аннотация. В статье автором анализируются доктринальные подходы к содержанию категории «интерес юридического лица», обосновывающие, что юридическому лицу присущ самостоятельный интерес либо он сводится к интересам его акционеров (участников). Подчеркивается, что все чаще юридические лица рассматриваются как важные участники реализации концепции устойчивого развития. Делается вывод, что в современных реалиях интересы юридические лица, в первую очередь коммерческого, трансформируются под влиянием устойчивого развития и ESG-принципов, в том числе посредством нормативно-правовых предписаний в гражданском праве.

Ключевые слова: юридическое лицо, интересы юридического лица, устойчивое развитие, ESG-принципы.

Введение. Концепция устойчивого развития оказывает все большее влияние на деятельность практически любого юридического лица. Более того, как подчеркивает М. В. Мажорина, она «в ряде случаев навязчиво претендует на новый глобальный мировоззренческий паттерн, видоизменяет социум, перестраивает бизнес- и управленческие модели и, как следствие, побуждает к перестройке правовую надстройку» [1, с. 10].

Так, в 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН в рамках Резолюции 70/1 была принята Повестка дня в области устойчивого развития (*The 2030 Agenda for Sustainable Development*), в которой были определены основные направления глобального развития на период до 2030 г., включающая 17 целей устойчивого развития. При этом в ЦУР подчеркивается, что достижение устойчивого развития требует коллективных усилий правительств, гражданского общества и частного сектора [2]. В результате юридические лица все чаще рассматриваются не только как движущие силы экономического роста, но и как ключевые участники процесса обеспечения устойчивости и социальной справедливости [3].

Основная часть. В науке гражданского права относительно категории «интерес» было высказано множество разных суждений. Наиболее точной видится позиция В. П. Грибанова, считавшего интерес осознанной потребностью, необходимостью, прошедшей через сознание людей и принявшей форму сознательного побуждения [4].

При этом учеными отдельно отмечается, что категория «интерес» применима в отношении юридических лиц наряду с физическими. В частности,

они подчеркивают, что «несмотря на дискуссионность вопроса о включении в правовой статус юридического лица такого элемента, как интересы, трудно отрицать формирование воли юридического лица в конечном счете теми или иными физическими лицами. А следовательно, к юридическим лицам вполне применимо и понятие интереса» [5, с. 43]. Такого же мнения придерживается К. А. Рывкин, утверждая, что «если юридические лица считаются самостоятельными субъектами права, то это значит, что они также признаются носителями правовых (в том числе имущественных) интересов» [6, с. 31].

Исходя из этого, в правовой литературе интерес юридического лица представляется как побудительная причина получения какого-либо желаемого результата, «ради достижения которого юридическое лицо вступает в правоотношения, а также совершает иные согласованные действия, направленные на их возникновение, изменение или прекращение, руководствуясь своей право-субъектностью, целями и задачами своего создания и деятельности…» [7, с. 12].

Ряд ученых считают, что юридическому лицу как самостоятельному субъекту права присущ самостоятельный интерес, который не сводится к интересам его акционеров (участников) [8; 9]. При этом С. С. Данилова подчеркивает, что «интерес компании, по сути, представляет собой правовую фикцию по причине невозможности самостоятельного осознания и реализации такого интереса непосредственно самим обществом» [9].

Другие авторы высказывают мнение, что интересы юридического лица составляют сумму отдельных интересов его акционеров (участников). Так, Д. И. Степанов указывает, что «любое указание на интересы юридического лица есть не более чем вмененный интерес, присвоенный фиктивному субъекту права, каковым является юридическое лицо. В таком случае интересы юридического лица по факту просто отождествляются с интересами того, кто стоит за таким лицом, т. е. с интересами его участников или учредителей» [10, с. 38].

В данном контексте заслуживает внимания мнение А. В. Ефимова, который занимает среднюю позицию между указанными подходами и отмечает, что «сомнение по поводу интереса юридического лица обоснованно в той мере, в которой само оно рассматривается как своеобразная арена, на которой сталкиваются интересы различных лиц. Данный подход в большей степени необходим для исследования так называемых внутрикорпоративных процессов, которые происходят в отдельно взятом юридическом лице». В иных случаях ученый исходит из того, что юридическому лицу присущ собственный интерес, содержание которого составляет улучшение (прирост) его социально-экономических показателей вне зависимости от дальнейших манипуляций, совершаемых с данными показателями [11].

Белорусское гражданское законодательстве в ряде статей затрагивает как интересы юридического лица (в частности, ч. 2 п. 3 ст. 46, п. 3 ст. 49 Гражданского кодекса Республики Беларусь, ч. 6, 7 ст. 33, ч. 12 ст. 57 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах»), так и интересы участников (акционеров) юридического лица (например, ч. 1 п. 3 ст. 70 Гражданского кодекса Республики Беларусь, ч. 7 ст. 45, ч. 12 ст. 52 Закона

Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах»). Однако наличие нормативного положения о приоритете интересов юридического лица перед интересами отдельных его участников, возлагая на членов органов управления юридического лица и фактически контролирующих его лиц обязанность действовать в интересах общества добросовестно и разумно, по мнению И. С. Шиткиной, свидетельствует о наличии у юридического лица собственного интереса [12].

Как отмечает С. С. Данилова, интересы коммерческого юридического лица «заключаются в получении прибыли и обеспечении эффективного функционирования». Вместе с тем интересы юридического лица в зависимости от конкретных обстоятельств, целей и условий участия в гражданском обороте могут меняться [9].

Ввиду этого возникает вопрос о том, какую роль юридические лица должны играть в обществе и могут ли юридические лица функционировать только в собственных интересах, в особенности коммерческие [13]. В современных реалиях как различные природные и социальные изменения влияют на характер деятельности юридических лиц, так и сами юридические лица способны влиять на природные и социальные процессы [11], поэтому одним «из элементов новой парадигмы устойчивого развития являются ESG-принципы» [14, с. 82].

Внедрение ESG-принципов привело к тому, что мировое сообщество стало переосмысливать содержание интересов коммерческого юридического лица и (или) их корпоративной цели (в зависимости от юрисдикции в законодательстве зарубежных стран, как правило, используется один из указанных терминов, при этом исследователи признают их схожими по своему значению [15]). Так, в ноябре 2018 г. Британская академия опубликовала свой первоначальный отчет о будущем корпорации, в котором предлагалось иное понимание корпоративной цели. В частности, указывается, что цель юридического лица должна фокусироваться не только на получении прибыли, но и общественных целях, которые связаны с более широким вкладом юридического лица в общественные интересы и общественные цели. При этом предполагается, что корпоративные цели должны с выгодой решать проблемы для людей и планеты и избегать получения прибыли от создания проблем для людей и планеты [16].

Несмотря на то, что идея о том, что коммерческие юридические лица и корпоративное управление должны способствовать устойчивому развитию, получает все большее признание, все же государства не достигли единообразия относительно того, как именно это должно происходить. В данном контексте представляет интерес нормотворческий опыт стран, где направленность на обеспечение устойчивости уже учитывается при формировании новых правовых норм частного права. Так, в 2019 г. в ст. 1833 Гражданского кодекса Франции были внесены изменения, предусматривающие, что компания должна управляться в своих корпоративных интересах с учетом социальных и экологических проблем, возникающих в связи с ее деловой деятельностью [17]. Соответственно, как отмечают ученые, в таком случае интересы компании не ограничиваются лишь максимизацией акционерной стоимости, а склоняются к смешанному пониманию социального взаимодействия, которое увязывает интересы акционеров

в максимизации прибыли с интересами заинтересованных сторон и, в более широком смысле, с интересами окружающей среды и общества [15].

Вместе с тем игнорирование социальных и экологических вопросов не предполагает особый режим ответственности. Любой судебный иск о возмещении ущерба за непринятие во внимание этих вопросов по-прежнему требует соблюдения стандартных условий ответственности (наличие вины, ущерба и причинно-следственной связи между ними). Поэтому простого установления социального или экологического ущерба будет недостаточно для привлечения к ответственности компании или ее руководителя [18].

В целом же в доктрине существуют различные мнения по поводу того, следует ли юридическому лицу в своей деятельности учитывать интересы иных лиц. С одной стороны, А. В. Ефимов подчеркивает, что «для включения интересов работников и иных стейкхолдеров при управлении юридическим лицом не существует ни практических, ни теоретических оснований, поскольку стейкхолдеры не имеют никакого отношения к имуществу юридического лица … юридическое лицо служит исключительно интересам своих участников, которые непосредственно сами или посредством других лиц осуществляют управление юридическим лицом» [11]. С другой стороны, «коммерческая организация современного типа должна быть основана на модели командного производства, служащей не только интересам акционеров, но и интересам общества» [11]. В связи с этим он предлагает решать вопросы о приоритете интересов акционеров или стейкхолдеров в зависимости от экономических характеристик (показателей) юридических лиц и масштабов их деятельности [11].

Заключение. Таким образом, концепция устойчивого развития, а также ESG-принципы становятся важным фактором, влияющим на деятельность юридических лиц. Несмотря на то, что в доктрине отсутствует устоявшееся мнение относительно того, что представляют собой интересы юридического лица, очевидно, что концепция устойчивого развития и ESG-принципы оказывают влияние на их интересы. Ранее интерес коммерческого юридического лица состоял лишь в получении прибыли. В современных реалиях коммерческие юридические лица вынуждены руководствоваться не только собственными интересами, заключающимися в максимизации прибыли, но и учитывать влияние своей деятельности на общество и окружающую среду, что нашло отражение в гражданском законодательстве ряда зарубежных стран.

Список цитированных источников

1. Мажорина, М. В. Экоклиматические и ESG-споры: практика, риски, перспективы / М. В. Мажорина // Lex Russica. – 2024. – № 77 (9). – С. 9–21.

2. Цели в области устойчивого развития. – URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (дата обращения: 05.03.2025).

3. Anyachebelu, N. Ch. Corporate Environmental Responsibility and Legal Compliance in Achieving Sustainable Development Goals (SDG) / Nnamdi Chijioke Anyachebelu, Chiamaka Ifeatu Orabueze, Prince Onyemaechi Nweke // Webology. – 2021. – Vol. 18, № 6. – URL: https://www.researchgate.net/publication/389042346_Corporate_Environmental_Responsibility_And_Legal_Compliance_In_Achieving_Sustainable_Development_Goals_SDG (date of access: 06.03.2025).

4. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М. : Статут, 2000 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2025).

5. Бакаева, О. Ю. О соотношении частных и публичных интересов / О. Ю. Бакаева, Н. А. Погодина // Журнал российского права. – 2011. – № 4. – С. 36–47.

6. Рывкин, К. А. Юридические лица как носители основных прав: российская и европейская практика / К. А. Рывкин // Журнал российского права. – 2007. – № 11 (131). – С. 30–39.

7. Осипов, А. А. Интерес и субъективное гражданское право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Осипов Александр Александрович ; Рос. гос. акад. интеллектуал. собственности. – М., 2011. – 26 с.

8. Михайлов, С. В. О корпоративном интересе / С. В. Михайлов // Корпорации и учреждения : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2007. – С. 119–126 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2025).

9. Данилова, С. С. Интерес хозяйственного общества в корпоративном праве РФ и Германии: понятие, содержание / С. С. Данилова // Предпринимательское право. – 2013. – № 3. – С. 37–46.

10. Степанов, Д. И. Интересы юридического лица и его участников / Д. И. Степанов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 1. – С. 29–83.

11. Ефимов, А. В. Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц : монография / А. В. Ефимов. – М. : Проспект, 2024. – 376 с. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2025).

12. Шиткина, И. С. Выявление и учет общих экономических интересов группы компаний (участников холдинга) при совершении крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность / И. С. Шиткина // Закон. – 2019. – № 6. – С. 172–181 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2025).

13. Harper, H. Corporate Climate Governance / H. Harper, E. Virginia // European Corporate Governance Institute. – 2024. – URL: https://ssrn.com/abstract=4934244 (date of access: 06.03.2025).

14. Чеховская, С. А. Цели корпорации и устойчивое развитие: правовые аспекты / С. А. Чеховская // Устойчивый экономический рост и право : сб. материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти проф. С. Н. Братуся. – М. : Юриспруденция, 2021. – С. 79–90.

15. Ferrarini, G. Corporate Purpose and Sustainability / G. Ferrarini // European Corporate Governance Institute – Law Working Paper #559/2020. – 2020. – URL: https://ssrn.com/abstract=3753594 (date of access: 06.03.2025).

16. Principles for Purposeful Business. – URL: https://www.thebritishacademy.ac.uk/documents/224/future-of-the-corporation-principles-purposeful-business.pdf (date of access: 06.03.2025).

17. Code civil. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000038589931 (date of access: 06.03.2025).

18. French Legislation on Corporate Purpose // Harvard Law School Forum on Corporate Governance. – URL: https://corpgov.law.harvard.edu/2019/06/08/french-legislation-on-corporate-purpose/ (date of access: 06.03.2025).

Рецензент: Минько Н. С.,
ведущий научный сотрудник отдела исследований в области гражданского,
экологического и социального права Института правовых исследований
Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 14.03.2025.

THE IMPACT OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND ESG PRINCIPLES ON THE INTERESTS OF A LEGAL ENTITY

Snezhana D. Belousova

Abstract. In the article, the author analyzes doctrinal approaches to the content of the category "interest of a legal entity", justifying that a legal entity has an independent interest or it is reduced to the interests of its shareholders (participants). It is emphasized that legal entities are increasingly considered as important participants in the implementation of the concept of sustainable development. It is concluded that in modern realities, the interests of a legal entity, primarily a commercial one, are transformed under the influence of sustainable development and ESG principles, including through regulatory prescriptions in civil law.

Keywords: legal entity, interests of a legal entity, sustainable development, ESG principles.

УДК 367.963

РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Мацкевич Игорь Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
ректор Университета прокуратуры Российской Федерации,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
государственный советник юстиции 3-го класса,
Почетный работник прокуратуры Российской Федерации
agp@agprf.org

Жубрин Роман Владимирович,
доктор юридических наук,
проректор – директор Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры Российской Федерации,
государственный советник юстиции 3-го класса,
Почетный работник прокуратуры Российской Федерации
agp@agprf.org

Бут Надежда Дмитриевна,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора
и укрепления законности в сфере оборонно-промышленного комплекса
и социально-экономической сфере Научно-исследовательского института
Университета прокуратуры Российской Федерации,
старший советник юстиции
ndbut@mail.ru

Добрецов Денис Григорьевич,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере оборонно-промышленного комплекса и социально-экономической сфере Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации,
старший советник юстиции
denisdobretsov@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы развития правового регулирования экологических отношений в контексте обеспечения национальной безопасности и социального благополучия. Подчеркивается ключевая роль государства в реализации экологических прав граждан, социальная ориентированность экологической политики, связь охраны природы с качеством жизни населения, значение национальных проектов для улучшения состояния окружающей среды. Отмечается важность прокурорского надзора в обеспечении законности, включая деятельность природоохранных прокуратур, необходимость синхронизации законодательства в рамках ЕАЭС, СНГ, Союзного государства, а также научного сотрудничества для разработки эффективных правовых механизмов. Подчеркивается тесная взаимосвязь модернизации экологического права с целями обеспечения баланса между эксплуатацией природных ресурсов и их сохранением для будущих поколений.

Ключевые слова: экологическое законодательство, прокурорский надзор, обеспечение законности, экологические права.

Введение. Сегодня государство принимает активные меры к обеспечению экологических прав каждого гражданина страны. На высшем уровне неоднократно ставились задачи по обеспечению экологической безопасности при модернизации экономики в процессе инновационного развития [1], снижению воздействия на природные объекты, вовлечению отходов во вторичный оборот, развитию системы наблюдения за качеством окружающей среды и др. [2]. Такая позиция является логическим продолжением эволюции осмысления обществом не просто важности, но и критической для выживания человечества необходимости формирования сбалансированного в части эксплуатации и охраны взаимодействия с окружающей средой.

Охрана окружающей среды как особый вид деятельности возникла в результате совокупного действия целого комплекса факторов, определяющих процессы и явления, связанные с развитием общества в экономическом, политическом, научно-техническом и других аспектах.

Рассуждая о перспективах развития экологического права, М. М. Бринчук указывает на то, что «показателем социального государства является достойная жизнь каждого человека и общества. В той мере, в какой экологические проблемы затрагивают интересы человека, в частности его здоровье, экологическое является органичной частью социального. Это в полной мере относится к категории “социальное государство”, и, соответственно, к качеству жизни» [3, с. 16].

Поэтому, нисколько не умаляя важности решения сугубо экологических задач как средства сохранения природы на планете, отметим вместе с тем несомненную социальную ориентированность усилий государства в данной сфере,

поскольку в конечном итоге они направлены на обеспечение подходящих условий для жизни настоящего и будущих поколений людей.

Основная часть. Социальная природа человека определяет возможность формирования указанных условий на основе выстраивания такой системы общественных отношений, связанных с охраной окружающей среды, рациональным природопользованием и обеспечением экологической безопасности, которая позволяла бы минимизировать негативное воздействие на окружающую среду в целом и отдельные ее компоненты без необходимости снижения обеспеченности каждого в отдельности и общества в целом необходимыми для полноценного развития природными ресурсами в широком, доктринальном смысле этого понятия, сходного по содержанию с понятием «природные условия», а не только как источников энергии, продуктов производства и предметов потребления, имеющих потребительскую ценность (абз. 15 ст. 1) [4], т. е. ресурсов по сути своей экономических.

Та же социальная природа в условиях современного общества и государства требует опосредования общественного взаимодействия правом, трансформации его в правоотношения. Как справедливо отмечает А. В. Корнев, «право как универсальный регулятор общественных отношений и как один из инструментов формирования нужной социальной реальности – явление цивилизации и культуры … оказывает огромное влияние на действительность, на те отношения, которые имеют место в обществе» [5, с. 11–22].

В таком контексте, по нашему глубокому убеждению, следует рассуждать, осмысливая эколого-правовое регулирование на международном и национальном уровнях, анализируя систему публично-правовых институтов, обеспечивающих государственное управление охраной природы и использованием ее ресурсов.

Один из основоположников отечественной школы экологического права О. С. Колбасов, признавая зарождение идей охраны природы вне зависимости от права, вместе с тем указывал на его посредническую роль между такого рода идеями и их практическим осуществлением, подчеркивая при этом, что от качества самого права зависит, будет ли оно способствовать быстрому претворению научных идей в жизнь либо тормозить этот процесс [6, с. 7].

Оценка качества правового регулирования либо даже качества его воздействия на общественные отношения широко дискутируется в современной российской правовой науке, в том числе применительно к природоохранной тематике [7, с. 29–36; 8; 9; 10, с. 49–55].

Современное состояние нормативного правового регулирования общественных отношений в экологической сфере в Российской Федерации является результатом более чем векового его развития, начиная от первых декретов советской власти об охране природы [11; 12; 13], через законодательство Союза ССР, по ряду позиций опережавшее зарубежный опыт [14; 15; 16], и до бурного развития нормотворчества в постсоветский период, охватившего все без исключения базовые направления взаимодействия общества и государства по вопросам охраны и использования природных объектов и в смежных областях

(экологического мониторинга и контроля, государственной экологической экспертизы, ответственности за совершение правонарушений и т. п.).

Относительно новой формой регулирования общественных отношений в экологической сфере стало издание документов государственного стратегического планирования, определяющих принципиальные векторы их развития во взаимосвязи с потребностями поступательного социально-экономического и политического развития страны.

Так, указывая на то, что народ является носителем суверенитета Российской Федерации и ее главным достоянием (п. 28), а также на то, что дальнейшее развитие человеческого потенциала должны обеспечить меры, направленные в том числе на создание комфортной и безопасной среды для проживания (п. 31), Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия) [17] относит охрану окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптацию к изменениям климата к национальным интересам Российской Федерации (подп. 6 п. 25). Кроме того, в числе стратегических национальных приоритетов, реализация которых позволяет осуществлять обеспечение и защиту национальных интересов Российской Федерации, Стратегия называет экологическую безопасность и рациональное природопользование (подп. 7 п. 26). Отдельный раздел Стратегии посвящен именно вопросам экологической безопасности и рационального природопользования.

В связи с вышесказанным немаловажной представляется увязка обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования с качеством окружающей среды, необходимым для благоприятной жизни человека, наряду с сохранением и восстановлением природной среды, сбалансированным природопользованием, смягчением негативных последствий изменения климата (п. 82). Совершенно очевидно, что такая повестка также требует достаточно подробного урегулирования правовыми нормами, в данном случае – смежными с экологическим правом.

Нельзя не отметить, что Стратегия, посвящая самостоятельный раздел вопросам экологической безопасности и рационального природопользования, тем не менее увязывает данную проблематику с вопросами экономической безопасности, определяя наряду с прочими разнообразие природно-климатических условий и минерально-сырьевых ресурсов как факторы, которые создают благоприятные условия для модернизации российской экономики, развития промышленного потенциала России (п. 61). Кроме того, экологические и экономические проблемы смыкаются в части обеспечения энергетической безопасности (подп. 15 п. 67) и создания стратегических резервов минерально-сырьевых ресурсов (подп. 34 п. 67).

Таким образом, экологическая безопасность рассматривается как один из базовых элементов комплексной национальной безопасности, целью которой является обеспечение качества окружающей среды, сохранение и восстановление природной среды, сбалансированное природопользование, смягчение негативных последствий изменения климата.

Аналогичным образом трактуется экологическая безопасность в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. [18]

(мероприятия Плана по реализации данной стратегии, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2019 г. № 1124-р реализуются и в 2025 г.), прямо указывающей на то, что она является составной частью национальной безопасности. К внутренним вызовам экологической безопасности отнесены, в частности, существенная криминализация и наличие теневого рынка в сфере природопользования (подп. «к» п. 20), а также нецелевое и неэффективное использование средств, поступающих в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации в качестве платы за негативное воздействие на окружающую среду, возмещение вреда, причиненного окружающей среде, административных штрафов и других экологических платежей и налогов (подп. «м» п. 20).

При этом в качестве основных механизмов реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности рассматривается повышение эффективности государственного экологического надзора, производственного и общественного экологического контроля, а также государственного экологического мониторинга (подп. «л» п. 27).

Основами государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г.) формирование эффективной системы управления в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, предусматривающей взаимодействие и координацию деятельности органов государственной власти, определено в качестве одной из задач, решение которых обеспечивает достижение стратегической цели государственной политики в области экологического развития (подп. «а» п. 9).

Обозначенная выше социальная сущность правоотношений в экологической сфере со всей очевидностью раскрывается в конституционных нормах. Так, в Конституции Российской Федерации закреплены права каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением (ст. 42). Вместе с этим на каждого возложена обязанность сохранять природу и бережно относиться к природным богатствам (ст. 58). Кроме того, Конституцией Российской Федерации установлено, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории; допускается частная собственность на землю и иные природные ресурсы (ст. 9). Экологические положения присутствуют также в ст. 36 Конституции Российской Федерации, определяющей, что граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю; владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. Согласно ст. 41 Конституции Российской Федерации в России поощряется деятельность, способствующая экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию. Вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, природопользования

Конституцией Российской Федерации отнесены к совместному ведению России и ее субъектов (ст. 72).

Тесная взаимосвязь экологических и гуманитарных задач содержится также в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации (далее – Доктрина) [19]. В частности, среди национальных интересов государства в сфере продовольственной безопасности Доктрина в развитие положений Стратегии называет устойчивое развитие и модернизацию рыбного хозяйства (подп. «в» п. 7), развитие аквакультуры (рыбоводства) (подп. «е» п. 7). При этом продовольственная безопасность определена необходимым условием реализации стратегического национального приоритета – повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения.

Правовое регулирование отношений в сфере охраны окружающей среды, природопользования и обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации базируется на Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», в котором закреплены: а) принципы и объекты охраны окружающей среды; б) компетенция России и ее субъектов, органов местного самоуправления, специально уполномоченных государственных органов в области охраны природы и использования ее ресурсов; в) права и обязанности граждан и общественных организаций.

Законодательным регулированием на федеральном уровне охвачены все наиболее важные с экологической точки зрения направления охраны природы и природопользования. Отдельные вопросы экологической безопасности регулируются федеральными законами от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения», от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», от 21 июля 1997 г. № 117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений», от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». В развитие положений федеральных законов принят значительный массив подзаконных нормативных правовых актов на федеральном уровне, а также законов и подзаконных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, актов органов местного самоуправления в пределах их компетенции в этой сфере.

В последние годы совершенствование российского экологического законодательства в части модернизации регулирования системы обращения с отходами производства и потребления, мониторинга состояния атмосферного воздуха, водных объектов, формирования и эксплуатации информационных систем, отражающих сведения о состоянии окружающей среды, а также позволяющих контролировать эксплуатацию природных ресурсов (например, единой государственной автоматизированной информационной системы «Лес-ЕГАИС», а с 1 января 2025 г. – государственной информационной системы лесного комплекса «ГИС-ЛК»), развития экологического туризма, преодоления угроз, связанных с изменением климата, и др., проходило с учетом целей национального проекта «Экология» [20], главной из которых являлось создание благоприятной для граждан окружающей среды путем достижения национальной цели развития Российской Федерации на период до 2030 года «Комфортная и безопасная среда

для жизни» [21] через реализацию мероприятий входящих в него федеральных проектов.

Полагаем, что в связи с началом реализации в 2025 г. нового национального проекта «Экологическое благополучие» и потребностью в его синхронизации с целями, задачами и результатами национального проекта «Экология» в ближайшее время не только останется актуальным принятие новых и корректировка действующих нормативных правовых актов в экологической сфере, но и потребуется научное осмысление взаимосвязи правового регулирования, проектного управления и достигнутых результатов, выражающихся, по нашему мнению, как в реальном улучшении состояния окружающей среды, так и в укреплении законности в этой сфере.

В данном контексте определенный интерес представляет научная позиция о том, что законность есть мера действия закона [22, с. 6]. В связи с этим очевидно возрастает роль права как регулятора общественных отношений, фундамента законности в экологической сфере. При этом «глубина соблюдения правовых предписаний позволяет говорить об уровне законности в деятельности <…> органа или организации, в сфере правоотношений, на территории административно-территориальной единицы, региона или страны в целом» [23, с. 5]. Соответственно, одним из принципиальных условий обеспечения законности является эффективность государственной системы надзора за исполнением законов.

Осознание тесной взаимосвязи экологических и социальных проблем, а также необходимости их комплексного решения в том числе на правовом уровне характерно не только для Российской Федерации. Так, в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 года [24] самостоятельный раздел 9 посвящен обеспечению экологической безопасности на основе развития зеленой экономики, включающему обеспечение экологически безопасной среды проживания (подраздел 9.1), сохранение и рациональное использование природного потенциала, биологического и ландшафтного разнообразия (подраздел 9.2), эффективное и безопасное обращение с отходами (подраздел 9.3).

Общность целей и задач Российской Федерации и Республики Беларусь в экологической сфере обусловлена сходными факторами, влияющими на состояние окружающей среды, такими как накопление отходов, загрязнение природных объектов, истощение природно-ресурсного потенциала, деградация естественных экосистем. Указанные факторы отражены, например, в Стратегии в области охраны окружающей среды Республики Беларусь на период до 2035 года [25], в которой, кроме прочего, подчеркивается, что проблемные экологические ситуации создают риски для здоровья людей, устойчивого природопользования, биологического и ландшафтного разнообразия.

Задача обеспечения биоразнообразия, разумеется, актуальна для Российской Федерации и, несмотря на кажущуюся оторванность от насущных экологических проблем, с которыми регулярно сталкиваются граждане, является одной из центральных в сфере охраны окружающей среды. Необходимо подчеркнуть, что эта проблема представляет интерес в связи с необходимостью достижения таких национальных целей развития на период до 2030 г. и на перспективу

до 2036 г., как сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, комфортная и безопасная среда для жизни, экологическое благополучие.

В соответствии со ст. 2 Конвенции ООН о биологическом разнообразии, ратифицированной Российской Федерацией тридцать лет назад [26], биологическое разнообразие означает вариабельность живых организмов из всех источников, включая, среди прочего, наземные, морские и иные водные экосистемы и экологические комплексы, частью которых они являются; это понятие включает разнообразие в рамках вида, между видами и разнообразие экосистем. Поддержание биоразнообразия важно как с позиций сохранения жизни на планете, учитывая потребность эволюционных механизмов в «резервных» видах живых организмов для замещения исчезающих в определенных экосистемах, так и с точки зрения обеспечения потребностей нынешнего и будущих поколений людей в продовольствии и здравоохранении, на что прямо указано в Конвенции.

Всемирная организация здравоохранения, кроме того, отмечает тесную взаимосвязь здоровья людей с биоразнообразием, указывая, в частности, на предотвращение вспышек и пандемий инфекционных заболеваний, разнообразие питания и продовольственную безопасность, а также обеспечение лекарствами. При этом подчеркивается, что экосистемы и биоразнообразие подвергаются прямой угрозе в первую очередь из-за деятельности человека [27]. С правовых позиций полагаем, что сохранение биоразнообразия путем реализации комплексных мер правотворческого и правоприменительного характера создает условия для реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду, тем самым обеспечивая сохранение здоровья граждан и иных необходимых параметров благополучия людей.

Развивая мысль о том, что обеспечение законности в экологической сфере является равнодействующей качественного правового регулирования и полноценного контроля его практического применения, отметим актуальность реализации прокуратурой Российской Федерации функции прокурорского надзора как одного из элементов системы государственного управления [28] и инструмента воздействия на правовую действительность. Комплексный и универсальный характер компетенции прокуроров позволяет обеспечивать четкое функционирование всего государственного механизма, при необходимости осуществлять его своевременную донастройку, а главное – защищать права и свободы граждан [29].

Руководствуясь положениями Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», Генеральный прокурор Российской Федерации в своем приказе от 15 апреля 2021 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере» обязал прокуроров всех уровней считать надзор за исполнением законодательства в экологической сфере одним из основных направлений деятельности органов прокуратуры и осуществлять его комплексно, гласно, с максимальным использованием возможностей институтов гражданского общества, подчеркнув при этом, что важнейшей задачей надзорной деятельности необходимо считать

реализацию установленного ст. 42 Конституции Российской Федерации права каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Важность решения природоохранных задач прокурорско-надзорными средствами обусловила функционирование в системе прокуратуры Российской Федерации специализированных межрайонных природоохранных прокуратур, подчиняющихся прокурорам субъектов Российской Федерации. Кроме того, в целях осуществления скоординированного надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании в бассейнах рек Амура и Волги, а также на Байкальской природной территории на правах прокуратур субъектов Российской Федерации функционируют соответственно Амурская бассейновая (в подчинении – 7 межрайонных природоохранных прокуратур), Байкальская (в подчинении – 8 межрайонных природоохранных прокуратур) и Волжская (в подчинении – 19 межрайонных природоохранных прокуратур по всему бассейну Волги, а также российскому побережью Каспийского моря) межрегиональные природоохранные прокуратуры. Деятельность специализированных прокуратур охватывает все экологические направления, а также ориентирована на решение смежных задач – борьбу с коррупцией, защиту прав предпринимателей, правовое просвещение населения в природоохранной сфере и др. В условиях вынужденно введенных в связи с санкционным давлением на Российскую Федерацию ограничений контрольной (надзорной) деятельности [30] природоохранная надзорная деятельность прокуратуры является действенным инструментом выявления и пресечения нарушений законов и, соответственно, обеспечения законности в рассматриваемой сфере правоотношений и позволяет в полной мере отстаивать национальные интересы страны. Например, в рамках исполнения поручений Президента Российской Федерации по декриминализации лесного комплекса [31] при активном участии прокуроров за последние пять лет удалось снизить количество регистрируемых преступлений по ст. 260 УК Российской Федерации «Незаконная рубка лесных насаждений» на 46,4 % (с 12 260 до 6 567). В докладе Генерального прокурора Российской Федерации И. В. Краснова на 21-м заседании Генеральных прокуроров государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в ноябре 2023 г., посвященном прокурорскому надзору за реализацией в России приоритетных национальных проектов, была отмечена работа прокуроров по надзорному сопровождению национального проекта «Экология» в бассейне р. Волги и на Байкале, позволившая реально снизить антропогенную нагрузку на эти уникальные водные объекты [32]. В 2024 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации в судебном порядке взыскала с так называемого «крабового короля» О.К. и аффилированных с ним организаций 358,7 млрд руб. в связи с незаконным получением квот на вылов водных биоресурсов, что в свое время позволило этим лицам установить иностранный контроль над стратегически важной отраслью российской экономики [33].

Единство окружающей среды, наличие значительного количества трансграничных природных объектов на территории стран бывшего Советского

Союза обусловливают необходимость тесного сотрудничества Российской Федерации и сопредельных государств по линии прокурорских служб для решения задач правовой охраны природы, защиты экологических прав граждан. Отметим, что в большинстве заключенных Генеральной прокуратурой Российской Федерации с зарубежными прокуратурами соглашений о сотрудничестве имеются положения о взаимодействии в природоохранной сфере [34, с. 21–22]. Организационно-распорядительными документами Генерального прокурора Российской Федерации определены конкретные полномочия прокуроров на данном направлении. Например, приказом от 10 марта 2022 г. № 136 «О порядке реализации Дополнительного протокола к Соглашению о сотрудничестве между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Республики Казахстан» Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуре предоставлено право осуществлять непосредственное рабочее взаимодействие информационно-методического характера в перечисленных в Дополнительном протоколе формах с прокуратурами приграничных областей и Главной транспортной прокуратурой Республики Казахстан.

Отмеченная и иная деятельность прокуроров в значительной мере способствует обеспечению режима законности в экологической сфере, а через это – укреплению суверенитета страны в отношении природных ресурсов, улучшению условий жизни людей, сохранению биоразнообразия не только в нашей стране, но и на планете в целом, поскольку в результате прокурорского вмешательства удается сохранять места обитания многих редких эндемичных видов животных и растений, являющихся неотъемлемой частью общемирового экологического баланса.

Вместе с тем в условиях динамически изменяющихся факторов природного, социально-экономического, политического характера, влияющих на состояние окружающей среды в стране и в мире, сохраняется значительный потенциал совершенствования как экологического законодательства, в том числе в части его синхронизации в рамках Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза, Союзного государства, так и механизмов взаимодействия дружественных государств по его исполнению, в связи с чем нельзя не отметить, что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (подп. 18 п. 83) связывает достижение целей обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования с решением задачи развития международного сотрудничества в области охраны окружающей среды.

Заключение. В связи с изложенным представляется возможным сформулировать следующие выводы и предложения.

Комплексный характер экологического права как отрасли, регулирующей общественные отношения в сфере взаимодействия общественных и государственных институций, граждан по поводу охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, предполагает при работе по совершенствованию правового регулирования учет потребности в социальной ориентации содержания норм в увязке с общенациональными целями и задачами в области обеспечения суверенитета государства, его экономической, энергетической, продовольственной безопасности, защиты граждан от действия природных

и природно-антропогенных факторов, связанных с качеством окружающей среды.

Нуждается в постоянном совершенствовании с учетом меняющихся вызовов деятельность органов публичной власти, обеспечивающих реализацию норм природоохранного права, защиту прав граждан в экологической сфере. Несмотря на объективное различие функций в зависимости от исторического, политического, экономического, географо-климатического контекста отдельных государств, ввиду фактического единства направленности на комплексное решение экологических и социально-экономических задач органы публичной власти любых государств имеют точки соприкосновения, достаточные для выработки единых позиций относительно форм и методов воздействия на общественные отношения, согласования усилий по обеспечению законности в сфере охраны и использования трансграничных природных объектов, более тесного взаимодействия на сопредельных территориях.

Полагаем одним из ключевых направлений совершенствования деятельности по модернизации экологического законодательства укрепление межвузовских научных связей России и Беларуси в части обмена наработками в области исследования проблем правового регулирования общественных отношений в экологической сфере, данными о наиболее эффективной практике противодействия правонарушениям, посягающим на объекты окружающей среды и правоотношения, складывающиеся по поводу их охраны, продуктивных публично-правовых механизмах взаимодействия государственных, в том числе правоохранительных, органов между собой, а также с общественными организациями, которые занимаются вопросами экологии. Результатом такого взаимодействия должны стать совместные исследования по указанным вопросам.

Список цитированных источников

1. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года : утв. Президентом Рос. Федерации 30 апр. 2012 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2025).

2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февр. 2024 г. // Официальный сайт Президента Рос. Федерации. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73585 (дата обращения: 17.02.2025).

3. Бринчук, М. М. Развитие экологического права в конституционно-цивилизационном аспекте / М. М. Бринчук // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 1. – С. 14–21.

4. Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 янв. 2002 № 7-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2025).

5. Корнев, А. В. О некоторых тенденциях развития системы российского законодательства в условиях кризиса / А. В. Корнев // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 11–22.

6. Колбасов, О. С. Экология: политика – право : Правовая охрана природы в СССР / О. С. Колбасов ; АН СССР, Ин-т государства и права. – М. : Наука, 1976. – 230 с.

7. Тихомиров, Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров. – М. : Формула права, 2008. – С. 29–36.

8. Воробьева, С. А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект): дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Воробъева Светлана Анатольевна ; Южно-Уральск. гос. ун-т. – Челябинск, 2014. – 225 л.

9. Хлуденева, Н. И. Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды : монография / Н. И. Хлуденева ; Ин-т зак-ва и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М. : ИНФРА-М, 2014. – 172 с.

10. Бессарабов, В. Г. Роль российской прокуратуры в обеспечении конституционной законности / В. Г. Бессарабов, М. М. Какителашвили // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2013. – № 5 (37). – С. 49–55.

11. О лесах : декрет Всерос. Центральн. Исполнительн. Ком. от 27 мая 1918 г. // СУ РСФСР. – 1918. – № 2. – Ст. 522.

12. О сроках охоты и о праве на охотничье оружие : декрет Всерос. Центральн. Исполнительн. Ком. от 27 мая 1919 г. // СУ РСФСР. – 1919. – № 21. – Ст. 256.

13. Об охране зеленой площади (садов, парков, пригородных лесов и других зеленых насаждений) : совместное постановление комиссаров внутренних дел и здравоохранения от 29 апреля 1920 г. // СУ РСФСР. – 1920. – № 32. – Ст. 157.

14. Об утверждении Инструкции о порядке привлечения к ответственности лесонарушителей в лесах государственного и местного значения Союза ССР : постановление СНК СССР от 26 авг. 1939 г. // СП СССР. – 1940. – № 2. – Ст. 29.

15. Основы земельного законодательства Союза ССР // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1968. – № 51. – Ст. 485.

16. Основы водного законодательства Союза ССР // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1970. – № 50. – Ст. 566.

17. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2025).

18. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Рос. Федерации от 19 апр. 2017 г. № 176 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2025).

19. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности : Указ Президента Рос. Федерации от 21 янв. 2020 г. № 20 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2025).

20. Паспорт национального проекта «Экология» : утв. президиумом Совета при Президенте Рос. Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2025).

21. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Рос. Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2025).

22. Тихомиров, Ю. А. Как обеспечить законность? Новый подход / Ю. А. Тихомиров // Российское правосудие. – 2016. – № 8. – С. 5–11.

23. Винокуров, А. Ю. Принцип законности как основа функционирования органов публичной власти и институтов гражданского общества / Ю. А. Тихомиров // Вестн. Ун-та прокуратуры Рос. Федерации. – 2020. – № 6 (80). – С. 5–10.

24. Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – URL: https://economy.gov.by/files/NSUR-2035-1.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

25. Стратегия в области окружающей среды Республики Беларусь на период до 2035 года // Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. – URL: https://minpriroda.gov.by/ru/strategiya35-ru/ (дата обращения: 25.02.2025).

26. О ратификации Конвенции о биологическом разнообразии : Федеральный закон от 17 февр. 1995 г. № 16-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2025).

27. Сборник рекомендаций ВОЗ и других учреждений ООН в отношении здоровья и окружающей среды. Protection of nature, biodiversity and ecosystems for health // Всемирная организация здравоохранения. – URL: https://www.who.int/tools/compendium-on-health-and-environment/nature-and-health (дата обращения: 12.11.2024).

28. Бессарабов, В. Г. Прокуратура в системе государственного контроля Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.02, 12.00.11 / Бессарабов Владимир Григорьевич ; НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Рос. Федерации. – М., 2001. – 483 л.

29. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации на саммите руководителей прокурорских служб «Группы двадцати» 22.10.2024 // Официальный сайт КСГП СНГ. – URL: https://www.ksgp-cis.ru/news/news-item/8974 (дата обращения: 26.02.2025).

30. Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : постановление Правительства Рос. Федерации от 10.03.2022 № 336 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 06.03.2025).

31. Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития и декриминализации лесного комплекса, состоявшегося 29.09.2020 // Официальный сайт Президента Рос. Федерации. – URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/64379 (дата обращения: 25.02.2025).

32. Единый портал прокуратуры Российской Федерации. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=91354326 (дата обращения: 26.02.2025).

33. Суд отклонил апелляционные жалобы на решение по иску ГП // Официальный сайт информационного агентства «ТАСС». – URL: https://tass.ru/proisshestviya/21161397 (дата обращения: 22.01.2025).

34. Международное сотрудничество органов прокуратуры в природоохранной сфере : учебное пособие / М. М. Какителашвили, Г. Л. Куликова, М. С. Мотуренко [и др.] ; под общ. ред А. А. Тимошенко ; Генер. прокуратура Рос. Федерации, Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М. : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2023. – 81 с.

Рецензент: Рождественская Т. Э.,
профессор кафедры финансового права
ФГАОУ ВО «Московский государственный университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)»,
почетный работник сферы образования Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор.

Дата поступления статьи: 12.03.2025.

DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION AND PROSECUTORIAL SUPERVISION OF THE IMPLEMENTATION OF LAWS IN THE ENVIRONMENTAL FIELD

Igor M. Matskevich, Roman V. Zhubrin,
Nadezhda D. Booth, Dennis G. Dobretsov

Abstract. The article discusses the issues of development of the legal regulation of environmental relations in the context of ensuring national security and social well-being. The key role of the state in the realization of environmental rights of citizens is emphasized. the social orientation of environmental policy, the link between nature protection and the quality of life of the population, the importance of national projects for improving the environment. The importance of prosecutorial supervision in ensuring legality, including the activities of environmental prosecutor's offices, the need to synchronize legislation within the EAEU, the CIS, the Union State, as well as scientific cooperation to develop effective legal mechanisms is noted. It emphasizes the close relationship between the modernization of environmental law and the goals of ensuring a balance between the exploitation of natural resources and their conservation for future generations.

Keywords: environmental law, prosecutorial supervision, ensuring legality, environmental rights.

УДК 349.6

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОЛОГИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НАУЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Минько Наталья Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела исследований
в области гражданского, экологического и социального права
Института правовых исследований Национального центра законодательства
и правовой информации Республики Беларусь
natallia.minko@gmail.com

Минько Леонид Францевич,
кандидат технических наук,
ведущий инженер по охране труда сектора по охране труда, промышленной
и пожарной безопасности государственного учреждения «Республиканский
центр по гидрометеорологии, контролю радиоактивного загрязнения
и мониторингу окружающей среды»
leonid.minko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются перспективные направления и актуальные аспекты экологизации экономики на евразийском пространстве. Отмечается важность дальнейшей разработки концепции формирования единого эколого-безопасного пространства государств – участников ЕАЭС и формирования Экологической повестки ЕАЭС в виде отдельного документа, учитывающего современные вызовы и угрозы экологической безопасности. Обозначена важность ряда вопросов: экологической кластеризации на евразийском пространстве, разработки и реализации региональных систем экологической безопасности, управления экологическими рисками и развития экологического комплаенса (систем управления окружающей средой, СУОС).

Ключевые слова: экологизация экономики, экологическая кластеризация, евразийское пространство, система управления окружающей средой, управление экологическими рисками, Экологическая повестка ЕАЭС.

Введение. Актуальность вопросов экологизации экономики связана с необходимостью обеспечения экологической безопасности. На II Минской международной конференции по евразийской безопасности Глава белорусского государства обозначал важность *безопасности* как одного из звеньев в системе общечеловеческих ценностей, базы, без которой все остальное невозможно [1].

А. Н. Захарин, Р. В. Нутрихин утверждают, что «разработка и закрепление в актах ЕАЭС правовых основ экологической безопасности не только выведет законодательство стран-участниц Союза в данной сфере на новый качественный правовой уровень, но и создаст основу для эффективного сотрудничества между государствами, послужит действенным средством исполнения международных обязательств в сфере охраны и рационального использования окружающей среды» [2, с. 145].

Концептуально значимым направлением, отмеченным Т. И. Макаровой, должно выступать экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности в логике непрерывного учета экологического фактора в процессе ведения хозяйственной деятельности [3, с. 4]. Н. А. Карпович подчеркивает важность «реализации мер сбалансированного социально-экономического и экологосовместимого развития, включая обеспечение рационального природопользования, осуществление эффективного контроля за соблюдением законодательства в области охраны окружающей среды» [4, с. 27]. Т. В. Ефимцева обосновывает необходимость заключения многостороннего соглашения об охране окружающей среды в рамках ЕАЭС [5].

Аспекты экологизации экономики и социальной сферы, обеспечения стратегических интересов в сфере экологии и экологической безопасности затрагивались в трудах отечественных и зарубежных ученых (А. Г. Авдей, О. А. Бакиновская, С. Н. Балашенко, И. И. Бобылев, В. А. Богоненко, М. М. Бринчук, С. А. Боголюбов, А. В. Бондарь, Г. Е. Быстров, Г. А. Василевич, А.К. Голиченков, Н. С. Губская, Д. М. Демичев, М. Н. Дмитрук, М. М. Довгялло, Н. И. Дорохов, О. Л. Дубовик, В. А. Егизаров, Л. С. Жегалин, А. А. Жлоба, Н. А. Карпович, С. П. Кацубо, В. В. Кванина, Е. И. Коваленко, О. С. Колбасов, М. А. Кравцова, О. И. Крассов, И. П. Кузьмич, Е. В. Лаевская, В. Е. Лизгаро, Т. И. Макарова, И. П. Манкевич, О. В. Мороз, Л. Н. Мороз, Г. А. Мисник, А. И. Михнюк, А. И. Михайлова, П. Г. Никитенко, М. Г. Орлова, В. В. Петров, Т. В. Петрова, И. П. Пушкарев, В. В. Саскевич, Е. Л. Середа, Д. Г. Сидоренко, В. Г. Тихиня, О. Н. Толочко, О. А. Хотько, И. М. Чиж, А. П. Чуракова, Е. В. Шаршун, И. С. Шахрай, Н. А. Шингель, А. Э. Юницкий и др.).

Можно согласиться с О. А. Хотько в том, что «эффективность законодательного обеспечения экологической безопасности напрямую зависит от применяемых правовых средств в первую очередь, поскольку именно они направлены на гарантирование такой безопасности. Их особая роль – в самостоятельном выполнении определенных функций (охранительной, воспитательной, регулятивной, превентивной), направленных на формирование и развитие механизма обеспечения экологической безопасности в отдельных сферах деятельности» [6, с. 162].

Учитывая указанное, сформулируем цель исследования – концептуально-правовое обоснование перспективных направлений экологизации экономики на евразийском пространстве с учетом требований экологической безопасности.

В качестве научного инструментария для проведения данного исследования были выбраны следующие общенаучные и специальные методы: контент-анализа, системного анализа, сравнительно-правовой, формально-юридический методы, риск-ориентированный подход. Отметим, что в рамках настоящего исследования также применяется интегративный методологический подход, основанный на требованиях системности, научной объективности, эмпиричности и критического анализа, что обеспечивает глубокое, всестороннее понимание правовых процессов и перспективы их развития в условиях региональной интеграции.

Основная часть. Перспективной тенденцией совершенствования правового обеспечения реализации экономического механизма охраны окружающей среды и природопользования в государствах – членах ЕАЭС определена необходимость развития экологоориентированной модели сотрудничества, проведение согласованной экологической политики [7, с. 51].

А. А. Волосатова, А. А. Ученов, Д. О. Скобелев анализируют дальнейшее формирование концепции внедрения принципов «зеленой» экономики в Евразийском экономическом союзе и рекомендуют при доработке вышеотмеченной концепции уточнить направления реализации принципов зеленой экономики на уровне ЕАЭС следующим образом: «повышение ресурсной эффективности и бережное отношение к природным ресурсам в интересах будущих поколений; повышение энергоэффективности, энергосбережение и расширение использования возобновляемых источников энергии; увеличение инвестиций в зеленые и климатические проекты, проекты, направленные на повышение ресурсной эффективности производства (в том числе путем внедрения наилучших доступных технологий); минимизация образования отходов, вовлечение вторичных ресурсов в экономический оборот (в том числе путем создания промышленных симбиозов) [8, с. 17].

Развитие экономического сотрудничества в сфере «зеленых» технологий и защиты окружающей среды является одним из разделов Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 [9].

Поэтому видится необходимой актуализация положений Договора о ЕАЭС в направлении дальнейшей разработки концепции формирования единого эколого-безопасного пространства государств – участников ЕАЭС (выработанной и обоснованной в рамках научной школы кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета) и формирования Экологической повестки ЕАЭС в виде отдельного документа, учитывающего современные вызовы и угрозы экологической безопасности. Важно разработать и внедрить механизмы оценки воздействия на окружающую среду, которые станут основой для строительства устойчивых производственных процессов и потребительских практик. Ключевым элементом в этом процессе является активное вовлечение бизнеса и гражданского общества в экологический диалог (развитие ГЧП). Их мнения и предложения могут существенно обогатить разработку новых норм и стандартов, которые будут учитывать интересы всех участников. Создание информационных платформ для обмена мнениями и совместного принятия решений поможет наладить эффективное сотрудничество между различными секторами экономики.

Таким образом, дальнейшая разработка доктрины (концепции) формирования единого эколого-безопасного пространства государств – участников ЕАЭС, учитывая вышеуказанные аспекты, видится возможной в направлении формирования Экологической повестки ЕАЭС как отдельного документа и может охватывать несколько ключевых направлений:

1) международное сотрудничество в области экологии (деятельности в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности): государства – члены ЕАЭС призваны сотрудничать в области экологии, обмениваясь опытом и технологиями для улучшения экологической ситуации в регионе;

2) разработка и внедрение общих экологических стандартов: в рамках ЕАЭС должны разрабатываться и внедряться общие экологические стандарты (правовые, технические), которые помогают снизить негативное воздействие на окружающую среду;

3) мониторинг, контроль и оценка экологической ситуации: государства – члены ЕАЭС должны проводить регулярный мониторинг, контроль и оценку экологической ситуации, что позволяет выявлять и своевременно устранять экологические риски и угрозы;

4) развитие «зеленых» технологий в различных сферах, формирование «зеленой» экономики (сокращение выбросов парниковых газов, внедряя экологически чистые технологии и улучшая энергоэффективность; развитие возобновляемых источников энергии, т. е. расширение использования солнечной, ветровой и других возобновляемых источников энергии для уменьшения зависимости от ископаемых топлив; экологически чистое производство с разработкой систем управления окружающей средой (СУОС) / экологического комплаенса с возможностью автоматической (IT) оценки экологических рисков; экологически чистый транспорт, в том числе развитие инфраструктуры для экологически чистого транспорта, такого как электромобили и гибридные транспортные средства; экологически чистое строительство, внедрение стандартов и технологий, которые обеспечивают минимальное воздействие на окружающую среду при строительстве и эксплуатации зданий и др.).

В рамках этой инициативы важно закрепить базовые принципы правового регулирования рационального природопользования и охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности, что позволит эффективно решать экологические проблемы и учитывать интересы всех участников экономической деятельности.

О. Л. Дубовик обращает внимание на такие принципы, как «комплексный подход в решении вопросов охраны окружающей среды, что подкрепляется принципами совместимости данных»; а также обращает внимание на «организацию управления с учетом не только административно-территориального, но и природно-географического районирования; разделение хозяйственно-организаторских и контрольно-надзорных полномочий» [10, с. 13]. Подчеркнем, что важным аспектом данного процесса является внедрение комплексных механизмов, способствующих интеграции «зеленых» технологий и практик устойчивого управления природными ресурсами, включая разработку экологического комплаенса / систем управления окружающей средой (СУОС). Для успешного функционирования СУОС организации должны разрабатывать свое руководство (экологическую политику), учитывающее требования указанных стандартов, состояние производства и окружающей среды, устанавливать перечень экологических рисков.

Актуализация положений Договора о ЕАЭС и других актов права Союза в направлении разработки Экологической повестки ЕАЭС является ключевым шагом к формированию единого правового пространства, обеспечивающего устойчивое развитие его государств-членов. Важным аспектом данного процесса является внедрение комплексных механизмов, способствующих интеграции «зеленых» технологий и практик управления экологическими рисками (экологического менеджмента) с разработкой экологических карт различной тематики. Карты экологических рисков – это сложный аналитический инструмент, который помогает в систематизации и визуализации потенциальных угроз окружающей среде на определенной территории, содержит графическое изображение, в котором отображаются уровни воздействия различных факторов, таких как промышленная деятельность, сельское хозяйство, транспорт, а также природные явления, влияющие на экосистему. Данные карты позволят выявить наиболее уязвимые районы, оценить вероятность и последствия экологических катастроф, а также разработать стратегии для их предотвращения. Для создания таких карт должны использоваться геоинформационные системы, которые обрабатывают данные о загрязнении, биологическом разнообразии и климатических изменениях. Ключевыми элементами являются карты почв, водоемов, растительности и факторы, которые могут негативно повлиять на них. Карты экологических рисков на евразийском пространстве будут служить важным инструментом для государственных и надгосударственных органов, экологических организаций и бизнеса, позволяя принимать обоснованные решения в сфере охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

На уровне ЕАЭС видится возможным принятие решений, которые бы учитывали потенциал экологической кластеризации. Правовое регулирование экологической кластеризации в ЕАЭС представляет собой стратегическое направление, способствующее формированию устойчивого и экологически ответственного экономического пространства. Урегулирование вопросов экологической кластеризации в ЕАЭС требует комплексного подхода, включающего как экономические, так и экологические аспекты. Кроме того, важным шагом может стать создание единой платформы для обмена опытом между государствами-членами ЕАЭС, которая позволит выявить лучшие практики и успешные модели экологических кластеров с последующим возможным заключением соответствующего соглашения.

Заключение. Обобщая указанное, отметим, что стратегические направления предлагаемой Экологической повестки ЕАЭС могут предусматривать следующее: дальнейшая разработка научных основ концепции (доктрины) формирования единого эколого-безопасного пространства государств – участников ЕАЭС; разработка терминологических (категориальных) основ, предложений по гармонизации законодательства, сертификации и стандартизации в области экологической безопасности, охраны окружающей среды и рационального природопользования; оптимизация взаимодействия субъектов обеспечения экологической безопасности, охраны окружающей среды и рационального природопользования на всех уровнях – национальном, наднациональном и международном; выработка предложений и рекомендаций для национальных и наднациональных

органов по совершенствованию существующей нормативной правовой базы в области обеспечения экологической безопасности, охраны окружающей среды и рационального природопользования; разработка методов и предложений по унификации интерфейсов, протоколов обмена, форматов данных и процедур управления, аппаратных и программных средств для создания и постепенного расширения информационных систем в области экологической безопасности, охраны окружающей среды и рационального природопользования; формирование фондов охраны природы (экологических фондов); разработка и внедрение организационно-правовых и экономических механизмов улучшения экологического состояния евразийского региона; выработка алгоритмов принятия управленческих решений в порядке целенаправленного снижения экологических рисков и в чрезвычайных ситуациях.

Текущие задачи Экологической повестки могут охватывать такие направления, как разработка принципов и единых методических подходов по обеспечению экологической безопасности, организация разработки и реализации региональных систем экологической безопасности, управления экологическими рисками и развития экологического комплаенса / СУОС; разработка рекомендаций по проведению политики, инициирующей реализацию мер экологической безопасности, управления экологическими рисками и развития экологического комплаенса / СУОС; организация взаимодействия национальных и наднациональных структур для реализации интегрированного подхода по созданию систем экологической безопасности, управления экологическими рисками и развития экологического комплаенса / СУОС; заключение соглашений в экологической сфере, обеспечивая совместные усилия в решении актуальных экологических проблем и формирование единых подходов к охране окружающей среды, уменьшению экологических рисков, формирование и реализация программ по оздоровлению экологической обстановки в регионе и выработка механизмов рационального природопользования; анализ механизмов действия экологического законодательства (эколого-правовых механизмов) и разработка рекомендаций по их совершенствованию, разработка новых актов экологического законодательства в целях реализации мер сбалансированного социально-экономического и экологосовместимого развития, осуществление эффективного контроля за соблюдением законодательства в области охраны окружающей среды, видами и размерами воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности, сохранением биологического и ландшафтного разнообразия; внедрение передового опыта формирования профессиональных компетенций в сфере «зеленой» экономики и экономики замкнутого цикла (циркулярной) экономики; создание устойчивых инновационных циркулярных бизнес-моделей; проведение экологического мониторинга, контроля, оценки, создание «зеленых» карт территорий и др.

Создание на евразийском пространстве информационных платформ для обмена мнениями и совместного принятия решений поможет наладить эффективное сотрудничество между различными секторами экономики на национальном, наднациональном и международном уровнях.

Список цитированных источников

1. Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко на II Минской международной конференции по евразийской безопасности. – URL: https://president.gov.by/ru/events/ii-minskaa-mezdunarodnaa-konferencia-po-evrazijskoj-bezopasnosti (дата обращения: 05.02.2025).

2. Захарин, А. Н. Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства стран-участниц ЕАЭС / А. Н. Захарин, Р. В. Нутрихин // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 1. – С. 145–151.

3. Макарова, Т. И. Стратегические приоритеты науки экологического права и их отражение в законодательстве об охране окружающей среды // Эволюция научной школы аграрного, экологического и природоресурсного права: преемственность и стратегия будущего : сб. ст. по материалам круглого стола с международ. участием, посвящен. памяти проф. Н. В. Сторожева, Минск, 30 мая 2024 г. / БГУ, Юрид. фак., Каф. экологического и аграрного права ; под ред. Т. И. Макаровой, И. С. Шахрай. – Минск : БГУ, 2024. – С. 3–5.

4. Карпович, Н. А. Развитие гарантий права на благоприятную окружающую среду в изменениях и дополнениях Конституции Республики Беларусь / Н. А. Карпович // Эволюция научной школы аграрного, экологического и природоресурсного права: преемственность и стратегия будущего : сб. ст. по материалам круглого стола с междунар. участием, посвящен. памяти проф. Н. В. Сторожева, Минск, 30 мая 2024 г. / БГУ, Юрид. фак., Каф. эколог. и аграр. права ; под ред. Т. И. Макаровой, И. С. Шахрай. – Минск : БГУ, 2024. – С. 26–29.

5. Ефимцева, Т. В. Некоторые подходы к решению вопросов энергетики и экологии в законодательстве интеграционных объединений (на примере Европейского Союза и Евразийского экономического союза) / Т. В. Ефимцева // Lex Russica. – 2019. – № 8 (153). – С. 164–178.

6. Хотько, О. А. Правовые принципы и правовые средства обеспечения экологической безопасности // Инновационный потенциал развития юридической науки и практики в современном мире : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2023. – С. 160–164.

7. Теоретико-правовые аспекты развития экологического, природоресурсного и аграрного законодательства Республики Беларусь в контексте участия Республики Беларусь в интеграционных процессах / О. А. Бакиновская [и др.] ; под ред. И. П. Манкевич [и др.]. – Минск : ИВЦ Минфина, 2019. – 375 с.

8. Волосатова, А. А. Формирование концепции внедрения принципов зеленой экономики в Евразийском экономическом союзе: роль гармонизации подходов к повышению ресурсной эффективности / А. А. Волосатова, А. А. Ученов, Д. О. Скобелев // Вестник евразийской науки. – 2022. – Т. 14. – № 4. – URL: https://esj.today/PDF/23ECVN422.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

9. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года / Официальный Интернет-сайт ЕЭК. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 01.06.2024).

10. Дубовик, О. Л. Экологическое право в вопросах и ответах : учеб. пособие / О. Л. Дубовик. – М. : Проспект, 2001. – 304 с.

Рецензент: Слижевская О. В.,
ведущий научный сотрудник сектора эколого-правовых исследований
центра государственного строительства и права государственного научного
учреждения «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси»,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 05.02.2025.

PERSPECTIVE DIRECTIONS OF ECOLOGIZATION OF ECONOMY IN EURASIAN SPACE: SCIENTIFIC AND LEGAL ASPECTS

Natallia S. Minko, Leonid F. Minko

Annotation. The article considers perspective directions and actual aspects of ecologization of economy in the Eurasian space. The importance of further development of the concept of formation of a common environmentally safe space of the EAEU member states and formation of the EAEU Environmental Agenda in the form of a separate document that takes into account modern challenges and threats to environmental security is noted. The importance of a number of issues is outlined: environmental clustering in the Eurasian space, development and implementation of regional environmental safety systems, environmental risk management and development of environmental compliance (environmental management system, EMS).

Keywords: greening of the economy, environmental clustering, Eurasian space, environmental risk management system, EAEU Environmental Agenda.

УДК 349.2

ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОГОВОРА НА РАБОТНИКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ОТПУСКЕ ПО УХОДУ ЗА РЕБЕНКОМ

Опанасюк Ирина Олеговна,
магистр юридических наук,
старший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь
opan-irina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с предоставлением гарантий работникам, находящимся в отпуске по уходу за детьми и распространения на них норм коллективного договора. Автором изучена правоприменительная практика и предложены пути разрешения возникших спорных ситуаций.

Ключевые слова: гарантии и права работников, профсоюз, социальный отпуск по уходу за ребенком, коллективный договор.

Введение. Гарантии реализации трудовых прав женщин и работников, имеющих семейные обязанности, находят свое непосредственное закрепление в гл. 19 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), а также в локальных нормах организации. Одним из основных локальных правовых актов (далее – ЛПА) является коллективный договор.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует об актуальности вопроса применения нанимателем отдельных дополнительных гарантий,

предусматриваемых коллективным договором, в отношении работников, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

Основная часть. Согласно части первой ст. 361 ТК коллективный договор – ЛПА, регулирующий трудовые и социально-экономические отношения между нанимателем и работающими у него работниками [1]. При этом положения, закрепленные в коллективном договоре, в том числе о гарантиях и компенсациях, предоставляемых в соответствии с законодательством, применяются в отношении всех работников организации (часть вторая ст. 365 ТК).

Статья 4 Закона Республики Беларусь от 22 апреля 1992 г. № 1605-XII «О профессиональных союзах» (в ред. от 19 мая 2022 г.) закрепляет правило, что принадлежность или непринадлежность граждан к профсоюзам не влечет каких-либо ограничений их трудовых, социально-экономических, политических, личных прав и свобод, гарантируемых законодательством [2]. Поскольку коллективный договор заключается профсоюзами от имени своих членов, то в первую очередь он распространяется на членов профсоюза. Однако на не членов профсоюза коллективный договор также будет распространяться в порядке, предусмотренном частью второй и третьей ст. 365 ТК.

Статья 364 ТК раскрывает содержание коллективного договора. Гарантии, распространяющиеся на работников, имеющих семейные обязанности, предусмотрены п. 11 части второй ст. 364 ТК: коллективный договор может содержать положения о предоставлении дополнительных гарантий многодетным и неполным семьям, а также семьям, воспитывающим детей-инвалидов [1]. Однако в соответствии с п. 18 части второй ст. 364 ТК в коллективном договоре можно предусматривать и другие условия в отношении иных работников с семейными обязанностями, которые будут улучшать их положение по сравнению с трудовым законодательством.

Для сравнения ст. 157 Трудового кодекса Республики Казахстан о содержании и структуре коллективного договора в 2024 г. дополнена подп. 17^1 п. 2 о том, что в коллективный договор включаются положения *«о гарантиях и льготах родителям и иным законным представителям, имеющим ребенка (детей) в возрасте до трех лет»* [3]. Можно сделать вывод о том, что законодатель подчеркивает важность закрепления дополнительных гарантий для рассматриваемой категории работников на уровне коллективных договоров.

Следующей проблемой является неоднозначность урегулирования в коллективном договоре вопроса, связанного с оказанием материальной помощи и предоставлением отдельных выплат работникам, находящимся в отпусках по уходу за детьми. Например, п. 45 раздела «Дополнительные компенсации, гарантии и вознаграждения работникам» коллективного договора учреждения образования (далее – УО) Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» на 2023–2025 годы предусмотрено положение о том, что «*наниматель обязуется установить следующие компенсации, гарантии и вознаграждения...»* [4]. И далее в этом же пункте приведен перечень сотрудников, которые вправе рассчитывать на указанные выплаты. Однако в приведенном пункте четко не прописано, распространяется ли указанные гарантии на работников, находящихся в социальном отпуске по уходу за детьми. Поскольку

коллективный договор распространяется на всех работников, от имени которых он заключен, то предусмотренные им гарантии, компенсации и иные выплаты должны предоставляться и работникам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет.

Например, подп. 3.9–3.10 п. 3 Положения об оказании материальной помощи и единовременной выплате на оздоровление работникам, являющегося приложением коллективного договора на 2019–2022 г. (с продлением его действия на период 2022–2025 г.) УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (далее – Гродненский университет) предусмотрено, что *«на основании приказа ректора работникам университета (в том числе находящимся в отпуске по уходу за ребенком) может быть оказана единовременная материальная помощь на приобретение сельхозпродуктов и в иных случаях только при наличии денежных средств на эти цели»* [5]. В данном случае в коллективном договоре правильно подчеркнуто, что указанный пункт распространяется на всех работников университета, в том числе находящихся в отпуске по уходу за ребенком.

Обратим внимание, что в коллективном договоре могут предусматриваться и гарантии непосредственно для работников, находящихся в отпуске по уходу за ребенком. Например, в подп. 7.2.6 п. 7 главы 7 «Гарантии в сфере социальной защиты» коллективного договора Минского филиала УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации» на 2020–2023 годы прописано: «*стороны договорились производить выплату материальной помощи состоящим на учете в первичной профсоюзной организации работников филиала не менее 6 месяцев, и находящимся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет либо являющимися одинокими родителями, в размере 3 базовых величин 1 раз в год»* [6].

Нередко в коллективных договорах организаций предусмотрено условие, что наниматель устанавливает дополнительные компенсации, гарантии и вознаграждения работникам, выплачиваемые из собственных средств при наличии финансовых возможностей [4]. В таком случае считаем, что если у нанимателя имеется недостаток финансовых средств, то он должен снижать установленный размер выплат по коллективному договору всем работникам (включая находящихся в социальном отпуске по уходу за ребенком) или не предоставлять их вовсе в силу указанной причины.

Также есть проблема применения условий коллективного договора о предоставлении путевок в санатории. В частности, П. А. Гуцко отмечает, что «в правоприменительной практике известны случаи, когда лицам, работающим по трудовому договору, но находящимся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет, отказывают в предоставлении путевок в санаторий Республики Беларусь, а также их несовершеннолетним детям. Это не способствует реализации социальной функции права социального обеспечения и ведет к ограничению прав не только женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет, но и иных лиц» [7, с. 55].

Проблема непредоставления льготных путевок ребенку в санаторий на оздоровление нередко затрагивает и работников, имеющих детей-инвалидов

в возрасте до 18 лет, которые находятся в отпуске по уходу за детьми. Так, в подп. 6.10 раздела 6 «Дополнительные компенсации, гарантии и вознаграждения работникам» коллективного договора между администрацией и работниками государственного предприятия «Коммунальник Калинковичский» на 2022–2025 годы имеется указание о том, что «*наниматель совместно с профкомом устанавливает право приобретать путевки детям работников – членам профсоюза в детские оздоровительные учреждения с оплатой до 50 % стоимости путевки*» [8]. Как видно из приведенного примера, в норме ЛПА содержится оговорка, что право на льготную путевку имеют дети работников – членов профсоюза. Полагаем, что в данном случае не важно, уплачивает ли работник, находящийся в социальном отпуске по уходу за детьми, членские взносы или нет, так как в этот период времени с ним сохраняются трудовые отношения и членство в профсоюзной организации. Следовательно, он имеет право на льготную путевку на оздоровление ребенка.

Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 28 августа 2006 г. № 542 «О санаторно-курортном лечении и оздоровлении населения» (далее – Указ № 542) для детей-инвалидов может быть выделена путевка по месту работы одного из родителей за счет средств государственного социального страхования. Для ее получения необходимо обратиться в комиссию по оздоровлению по месту работы. Путевки в детские санатории выдаются бесплатно. При этом п. 8 Указа № 542 устанавливает, что право на санаторно-курортное лечение или оздоровление с оплатой путевки в зависимости от получаемого денежного дохода в размерах, имеют: лица, за которых работодателем уплачиваются обязательные страховые взносы на социальное страхование в бюджет фонда; лица, самостоятельно уплачивающие обязательные страховые взносы на социальное страхование в бюджет фонда, и др. [9]. Исходя из этого наниматель, учитывая тот факт, что работник, находясь в социальном отпуске, не производит профсоюзные отчисления и взносы в Фонд социальной защиты населения, ограничивает их правом на получение льготной путевки на ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет.

Таким образом, с одной стороны, условие, предусмотренное п. 8 Указа № 542, носит императивный характер. Тем не менее, так как п. 11 части второй ст. 364 ТК устанавливает, что коллективный договор может содержать дополнительные гарантии семьям, воспитывающим детей-инвалидов, считаем, что в целях обеспечения поддержания здоровья ребенка и полной реализации социально-трудовых прав работника, наниматель по согласованию с профсоюзом (представляющим интересы работников) вправе предусмотреть и закрепить в коллективном договоре предоставление работнику, находящемуся в социальном отпуске и имеющему ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет, полную или частичную оплату путевки на оздоровление ребенка. Также следует согласиться с мнением П. А. Гуцко, что с целью совершенствования механизма реализации социальной функции права социального обеспечения предлагается обеспечить реализацию прав лиц, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, на санаторно-курортное лечение [7, с. 56].

Согласно позиции Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь: *нормы коллективного договора распространяются на всех*

работников – членов профсоюза, состоящих в трудовых отношениях с нанимателем на дату его подписания. При этом ограничений по распространению его норм на работников, имеющих семейные обязанности, в частности находящихся в отпусках по беременности и родам, по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, законодательство о труде не содержит. Наряду с этим нахождение работников в указанных отпусках не прекращает трудовых отношений с нанимателем и членство в профсоюзе. В связи с этим полагаем, что увязка распространения коллективного договора на членов профсоюза в зависимости от уплаты ими членских взносов не соответствует законодательству о труде [10].

Федерация профсоюзов Беларуси обращает внимание в своем разъяснении относительно вопроса применения ст. 365 ТК следующее: *в целях единообразного применения указанной статьи и трансформации ее положений в коллективном договоре было подготовлено соответствующее разъяснение совместно с Министерством труда и социальной защиты. При этом каких-либо исключений и извлечений в отношении работников – членов профсоюза (не зависимо от вида и рода их деятельности) не предусмотрено* [11].

Интересным представляется практический опыт Российской Федерации по применению положений коллективного договора. Обычно в коллективные договоры предприятий включаются пункты, которые повторяют положения Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), т. е. повторно закрепляются те права работников с семейными обязанностями, которые уже гарантированы федеральным законодательством. Основная причина этого – имитация социальной направленности коллективного договора. Практический смысл в этом может быть только один: если из ТК РФ будет исключено какое-то право работника, то на данном предприятии оно будет продолжать действовать до конца действия коллективного договора. Например, в коллективном договоре завода «Фольксваген» в Калуге (профсоюз МПРА), кроме гарантий предусмотренный ТК РФ, есть следующие дополнительные льготы для семейнообязанных работников: освобождение от работы с сохранением зарплаты родителей детей до 7 лет для посещения поликлиники с детьми (не более 3 раз в год и не более 12 ч); подарки к Новому году всем работникам и несовершеннолетним детям; компенсационные выплаты на свадьбу, при рождении ребенка и смерти родственника; право отцу ребенка использовать очередной отпуск в удобное для него время в период отпуска по беременности и родам матери ребенка [12].

Считаем, что данный положительный опыт России может быть перенят и использован в белорусской правоприменительной практике при совершенствовании условий коллективного договора и расширения гарантий работникам с семейными обязанностями.

Заключение. На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. Гарантии, предусмотренные трудовым законодательством, обеспечивают реализацию установленных работникам социально-трудовых прав. Порядок предоставления гарантий, компенсаций и вознаграждений сотрудникам организации регулируется нормами ТК, а их конкретные виды и процедура

выплаты определяются, как правило, на локальном уровне путем заключения коллективного договора между нанимателем и работающими у него работниками.

2. Так как часть первая ст. 365 ТК содержит норму о том, что коллективный договор распространяется на работников, от имени которых он заключен, значит, он был заключен и от имени работников, находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет, работников, имеющих ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет, либо они присоединились к нему после его заключения. Следовательно, данные работники не могут быть исключены из числа получателей, содержащихся в коллективном договоре материальной помощи, льгот, компенсаций, выплат и вознаграждений. Полагаем, что целесообразно распространить опыт Гродненского университета и в коллективных договорах делать уточнение о том, что положения о дополнительных выплатах распространяются на работников организации (в том числе находящихся в отпуске по уходу за ребенком).

3. В целях совершенствования механизма реализации социальной функции права социального обеспечения и соблюдения положений п. 11 части второй ст. 364 ТК представляется необходимым сохранить право предоставления льготных путевок работнику в период нахождения его в социальном отпуске, но имеющему ребенка-инвалида до 18 лет, несмотря на временное приостановление выплаты профсоюзных взносов.

4. С целью акцентирования внимания нанимателя и профсоюза на имеющиеся проблемы в сфере обеспечения прав работников, находящихся в социальном отпуске по уходу за детьми, представляется необходимым дополнить часть вторую ст. 364 ТК п. 11^1 следующего содержания: *«гарантиях социально-экономических прав женщин и работников, имеющих семейные обязанности».* Считаем, что данное положение будет способствовать повышению гарантии реализации трудовых прав лиц с семейными обязанностями, поскольку они являются уязвимой категорией работников. При этом в коллективном договоре наниматель совместно с профсоюзом вправе предусмотреть как общие, так и специальные компенсации, вознаграждения и выплаты для указанных лиц.

Список цитированных источников

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г., № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 29 июня 2023 г. № 273-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.02.2025).

2. О профессиональных союзах : Закон Респ. Беларусь от 22 апр. 1992 г. № 1605-XII : в ред. от 19 мая 2022 г. № 171-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.02.2025).

3. Трудовой кодекс Республики Казахстан : 23 нояб. 2015 г., № 414-V ЗРК : в ред. Закона Респ. Казахстан от 21 июля 2024 г. № 61-VII // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=80710 (дата обращения: 11.02.2025).

4. Коллективный договор Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» на 2023–2025 годы // Международный университет МИТСО. – URL: https://www.mitso.by/images/2023/05/koll_dogovor_2023.pdf (дата обращения: 11.02.2025).

5. Положение об оказании материальной помощи и единовременной выплате на оздоровление работникам учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», 27 июня 2022 г. // Гродненский государственный университет имени Янки Купалы. – URL: https://profcom.grsu.by/wp-content/ uploads/2022/08/KD-2022.pdf (дата обращения : 11.02.2025).

6. Коллективный договор Минского филиала учреждения образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации» на 2020–2023 годы // Минский филиал учреждения образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации». – URL: http://mtk-bks.by/_file/_pdf/kol-dogovor-2020-2023.pdf?ysclid=m7bxvl1i6t950817562 (дата обращения 19.02.2025).

7. Гуцко, П. А. Функции права социального обеспечения и проблемы их реализации / П. А. Гуцко // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 8. – С. 51–57.

8. Коллективный договор между администрацией и работниками государственного предприятия «Коммунальник Калинковичский» на 2022–2025 годы // Государственное предприятие «Коммунальник Калинковичский». – URL: https://kupkk.by/dokumenty/ kollektivnyj-dogovor-na-2022-2025-gody?ysclid=m7btte9jg3818853074 (дата обращения: 19.02.2025).

9. О санаторно-курортном лечении и оздоровлении населения : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 авг. 2006 г. № 542 : в ред. от 2 нояб. 2023 г. № 343 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 11.02.2025).

10. О предоставлении информации : письмо М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь от 28 нояб. 2024 г. № 4-1-12/6899.

11. О предоставлении информации : письмо Федерации профсоюзов Беларуси от 26 нояб. 2024 г. № 03-11/284.

12. Профсоюзы и работники с семейными обязанностями. Результаты исследования / Конференция труда России. – URL: https://ktr.su/content/news/ detail.php?ELEMENT_ID=24748 (дата обращения: 11.02.2025).

Рецензент: Синьков Б. Б.,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин и профсоюзной работы
УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 11.03.2025.

PROBLEMS OF EXTENDING THE COLLECTIVE AGREEMENT TO EMPLOYEES ON PARENTAL LEAVE

Irina O. Opanasyuk

Abstract. The article discusses the problems related to the provision of guarantees to employees on parental leave and the extension of collective agreement norms to them. The author has studied law enforcement practice and proposed ways to resolve disputes.

Keywords: guarantees and rights of employees, trade unions, social leave for childcare, collective agreements.

УДК 347

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭМБРИОНА IN VITRO: ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Пунько Татьяна Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель директора по учебной работе
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»
tanya_punko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об определении морального и правового статуса эмбриона *in vitro*, что имеет ключевое значение для этико-правового регулирования манипуляций с эмбрионами в процессе исследований и в клиническом применении вспомогательных репродуктивных технологий. Анализируется влияние религиозной антропологии (христианских традиций) на развитие репродуктивных технологий и технологий редактирования эмбриона человека. Делается вывод о необходимости интегрировать прорывные научные достижения, в том числе в сфере репродуктивных технологий, в классическое правовое регулирование, прежде всего путем их легализации на национальном уровне. Эмбрион *in vitro* следует определять в качестве объекта права, однако ввиду особенностей его статуса как носителя потенциальной человеческой жизни для этого объекта необходимы исключения из общего правового режима вещей.

Ключевые слова: эмбрион *in vitro*, биоэтика, этико-правовое регулирование, репродуктивные технологии, редактирование генома человека.

Введение. Последние три десятилетия характеризуются существенными биомедицинскими достижениями, которые позволяют производить различные манипуляции с человеческим телом и его составными частями. Конечно, такие процессы требуют правового и этико-морального регулирования. Генная инженерия, трансплантология, репродуктивные технологии, использование новых средств и методов – все это, несомненно направлено на улучшение качества жизни, но вместе с тем порождает целый спектр этических и правовых проблем. Как следствие, право все больше внедряется в биоэтику, что привело к формированию нового межотраслевого правового образования – биоправа.

Международное право и современная правоприменительная и правореализационная практика уже позволяют выделить довольно большой круг проблем – это вопросы юридического оформления, обеспечения и защиты соматических прав человека, правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ), легализация или запрет абортов, правовое регулирование трансплантации, генетики клонирования, манипуляций со стволовыми клетками; вопросы самоубийств, эвтаназии и другие вопросы, так или иначе затрагивающие права человека, являющиеся ключевой категорией биоправа [1, с. 46].

В результате нового этапа научно-технического прогресса, развития новых технологий – IT и биотехнологий – появление новых прав человека стало объективной закономерностью. При этом следует согласиться с мнением ученых, которые считают, что соматические права формируются не вне уже сложившейся системы прав человека, а в рамках данной системы, на уже существующей основе [1, с. 46]. «Соматические права являются частью общей системы естественных прав, где право на жизнь и право на смерть являются центральными» [2, с. 12].

Особое место в системе соматических прав занимают репродуктивные права, которые включают элементы целого ряда личных прав человека: права на жизнь, на охрану здоровья, права на личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Современные репродуктивные технологии подвергают сомнению многие принципы правового статуса гражданина, которые, безусловно, имеют прямое отношение к регулированию гражданских прав и обязанностей. Среди основных проблем, возникающих в сфере реализации репродуктивных прав граждан путем применения ВРТ, можно выделить проблему определения места человеческого эмбриона в иерархии правовых ценностей и в структуре правоотношения.

Применение современных технологий оказывает существенное влияние на многие классические правовые отношения, несет этические и правовые риски, связанные с внедрением таких технологий в социальные отношения, урегулированные нормами гражданского и семейного права.

Между тем полагаем, что задача юридического осмысления отношений, складывающихся на основе научных достижений, состоит не в установлении границ и запретов, которые способны остановить науку и прогресс, а в том, чтобы интегрировать прорывные научные достижения и новые возможности, в том числе в сфере репродуктивных технологий, в классическое правовое регулирование.

Основная часть. Современные репродуктивные технологии подвергают сомнению многие принципы правового регулирования гражданских и семейных отношений. В наибольшей степени это связано с появлением возможности зарождения и развития эмбриона в лабораторных условиях. Достижения науки генетики в сфере разработки условий для жизнеспособности эмбрионов человека *in vitro* открыли перспективы развития такой формы ВРТ, как экстракорпоральное оплодотворение (далее – ЭКО). Данные технологии получили широкое распространение с конца 1970-х гг., когда 10 ноября 1977 г. в одной неприметной лаборатории в английском городе Олдем произошло чудо: оплодотворенная в чашке Петри яйцеклетка была успешно пересажена в матку женщины. Через 38 недель родилась Луиза Джой Браун – первый ребенок, зачатый вне организма женщины или, как впоследствии станут называть таких детей, – «ребенок из пробирки». Это событие сразу вызвало массу дискуссий не только научного, но и религиозного, морального и правового характера. Впоследствии зачатие и раннее развитие эмбрионов вне материнского организма стали нередко осуществлять в связке с процедурой преимплантационной генетической диагностики (далее – ПГД), проводимой для профилактики наследственных

заболеваний. Проведение такой диагностики добавило к процедуре ЭКО новые проблемы, актуализировавшие морально-религиозные дискуссии, поскольку соответствующая технология предполагает селекцию человеческих эмбрионов с последующей отбраковкой зародышей с хромосомными мутациями [3, с. 7].

В настоящее время процедуры ЭКО и ПГД легитимированы и легализованы (с разной степенью ограничений) во многих странах мира. Однако вопрос о статусе человеческого эмбриона *in vitro* остается дискуссионным как в актах международного права, так и на уровне национальных законодательств разных стран.

В современной правовой доктрине проблема правовой идентификации эмбриона *in vitro* сводится к двум противоположным точкам зрения, а именно рассмотрение эмбриона как субъекта или как объекта права. Такая поляризация связана с различными подходами к пониманию эмбриона с точки зрения медицинской, юридической и философской науки.

С точки зрения современной медицинской науки человек как биологический индивидуум формируется сразу после слияния родительских половых клеток, когда образуется неповторимый набор генов. Как следствие, некоторые ученые считают, что началом жизни следует считать пребывание в утробе матери. Эмбрион – это начало новой жизни, поэтому он не может никому принадлежать и быть объектом сделок. Второй подход к пониманию данного вопроса рассматривает эмбрион как несформировавшегося человека, не имеющего самостоятельного существования, судьба которого полностью зависит от воли лиц, предоставивших генетический материал для его создания.

Отнесение эмбриона *in vitro* к субъектам права базируется на концепции отождествления момента появления человека с моментом зачатия и возникновением права на жизнь. Следует сразу отметить, что такой подход, при всей несомненной значимости защиты эмбриона *in vitro* как носителя новой жизни и новой личности, связан с установлением целого ряда запретов и ограничений для правового регулирования искусственного прерывания беременности, развития репродуктивных технологий, а также связан с полным отрицанием суррогатного материнства. В антрополого-правовой концепции правовой личности субъектность эмбриона предлагается определять через «потенциального лица в праве» [4, с. 102].

Концепция рассмотрения эмбриона *in vitro* как объекта правоотношения исходит из того, что начальная фаза искусственного зарождения и развития зародыша (как минимум до момента его переноса в организм женщины) недостаточна для предоставления режима защиты основных прав человека. При этом определение места эмбриона *in vitro* в системе объектов имеет различные вариации в доктрине от утверждения, что «эмбрион является индивидуально-определенной, движимой, неделимой, потребляемой вещью, право собственности на которую принадлежит лицам (или лицу), обратившимся за медицинской помощью» [5, с. 135], до признания эмбриона *in vitro* «объектом *sui generis*, уникальным в своем роде, поскольку он обладает потенциалом человеческой жизни» [6, с. 354].

В данной связи крайне интересными и заслуживающими внимания являются рассуждения доктора юридических наук В. В. Лапаевой о причинах и основаниях таких существенных расхождений в понимании статуса эмбриона *in vitro*. По мнению ученого, «исторически сформировавшееся многообразие подходов к решению проблемы статуса эмбриона, в том числе эмбриона *in vitro* в разных странах и регионах мира в своей основе носит социокультурный характер, а истоки наблюдающихся различий уходят в глубины религиозной антропологии». Сравнительный анализ правового регулирования репродуктивных технологий показал, что жесткое или даже запретительное регулирование манипуляций с эмбрионами *in vitro* характерно для европейских государств с устойчивыми христианскими традициями, а также для государств, подписавших Американскую конвенцию о правах человека (1969 г.) [7]. В технологически развитых странах, где доминируют буддизм, ислам и иудаизм, имеет место самое мягкое законодательное регулирование.

Наиболее жестких позиций в вопросе морального статуса эмбриона придерживаются страны, население которых исповедуют католицизм и православие. Согласно документации Римско-католической церкви, достоинство личности должно признаваться в каждом человеческом существе от зачатия до естественной смерти, при этом зачатием считается момент оплодотворения яйцеклетки [3, с. 8]. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви «зарождение человеческого существа признается даром Божиим, поэтому с момента зачатия всякое посягательство на жизнь будущей человеческой личности преступно» [8]. Американская конвенция о правах человека также содержит норму о том, «право человека на жизнь защищается законом с момента зачатия» (п. 1 ст. 4), поэтому государства, присоединившиеся к данному акту, придерживаются запретительной политики в области манипуляций с человеческим эмбрионом.

Показательно, что США, Канада и ряд других государств Конвенцию не подписали, а Мексика ратифицировала ее с оговоркой, позволяющей не признавать указанное право эмбриона. Вместе с тем следует отметить, что в США действует запрет на федеральное финансирование исследований и медицинских практик, в ходе которых человеческие эмбрионы уничтожаются или подвергаются риску, превышающему уровень, который разрешен для исследований. А в отдельных штатах на уровне Верховного суда принимаются решения в духе Американской конвенции о правах человека. Так, в США 16 февраля 2024 г. Верховный суд Алабамы постановил, что замороженные эмбрионы являются детьми, разрешив рассмотрение двух исков о неправомерной смерти против Клиники по лечению бесплодия в г. Мобил, штат Алабама. Данное решение вызвало переполох среди жителей штата, желающих прибегнуть к ЭКО или другим ВРТ. Примечательно, что в постановлении Верховного суда Алабамы неоднократно упоминаются Бог и святость жизни, цитируются Библия и ученые-библеисты. Судья Грег Кук, единственный судья, не согласившийся с решением, заявил, что решение должно было быть принято законодателями, а не судом [9].

Между тем за рамками христианской цивилизации «не наблюдается столь трепетного отношения к статусу человеческого эмбриона, находящегося на начальных этапах развития. Для мусульман человеческая жизнь начинается

на девятой неделе после зачатия, когда ангел вдыхает душу в зародыш, а для буддизма, в котором отсутствует понятие души, не принципиален и сам момент зарождения человека» [3, с. 12].

Регулирование научных исследований с эмбрионами и их генетическим модификациями в таких странах, как Япония, КНР осуществляется на уровне исполнительной власти или актов профессионального сообщества. Такая ситуация дает этим странам определенные преимущества в современной глобальной (научной, экономической и политической) конкуренции в сфере геномики человека.

В настоящее время Япония делит с США первое место в мире по количеству обращений к процедуре ЭКО, также лидерами в сфере репродуктивной медицины являются такие страны, как: Турция, Южная Корея и Индия. По мнению специалистов, в ближайшем будущем КНР станет лидером отбора эмбрионов с улучшенным интеллектуальным потенциалом в рамках ПГД.

В настоящее время легальные ограничения, которые ставят на пути неконтролируемого развития биотехнологий международные акты и национальное законодательство многих стран, не способны обеспечить надлежащий уровень защиты. При этом даже такие ограничения декларируются далеко не всеми государствами [10, с. 35].

Особое значение вопрос о статусе эмбриона *in vitro* приобретает в сфере отношений, связанных с редактированием генома эмбриона. Возможность редактирования генома эмбриона может быть реализована по нескольким направлениям, которые связаны с разным уровнем дискуссионности: в процессе научных исследований; в клинической практике этиотропной терапии, направленной на предотвращение причин генетических заболеваний у еще не рожденного человека; в целях совершенствования (или, как нередко говорят, дизайна) физических и когнитивных качеств будущего ребенка [3, с. 18].

В соответствии со ст. 13 Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины «вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено лишь в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека» [11].

Достигнутый ранее консенсус в вопросе редактирования генома человека подвергается сегодня сомнениям и обсуждению целесообразности со стороны отдельных ученых, так называемых «трансгуманистов», приветствующих идею ускоренной и целенаправленной генетической трансформации человеческой природы [3, с. 18].

Основные биоэтические дискуссии по поводу использования технологии редактирования генома на эмбрионах возникли в 2015 г. после публикации статьи китайских ученых-генетиков об экспериментах с коррекцией мутации, проводившейся на нежизнеспособных эмбрионах, в результате чего стали очевидны возможности метода CRISPR/Cas9 (от англ. *Clusters Regularly Interspaced Short Palindromic Repeats*). На этой волне ученые из лондонского Института Фрэнсиса Крика добились разрешения от регулирующих органов Великобритании

на использование технологии CRISPR/Cas9 на здоровых человеческих эмбрионах с оговоркой, что генно-модифицированные эмбрионы не будут использованы для рождения человека [3, с. 20].

В начале 2019 г. Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ) приняла решение о созыве Экспертного комитета по разработке глобальных стандартов в сфере надзора за исследованиями по редактированию генов человека в целях рассмотрения научных, этических, социальных и юридических вызовов, связанных с редактированием генов человека, для обеспечения надлежащей оценки риска и пользы. Поводом послужило исследование китайского ученого Хэ Цзянькуй (*He Jiankui*), который способствовал созданию первых в мире людей с искусственно измененными генами. ДНК новорожденных девочек-близнецов, зачатых при помощи ЭКО, было изменено посредством метода CRISPR/Cas9 в целях формирования у детей иммунитета к вирусу ВИЧ, носителем которого являлся их отец [12, с. 147].

Научное сообщество крайне критически отнеслось к эксперименту китайского ученого, вследствие чего в марте 2019 г. 18 ведущих исследователей и специалистов из семи стран опубликовали в *Nature* призыв ввести временный мораторий и создать «международную структуру, в которой страны, сохраняя за собой право принимать свои собственные решения, добровольно обязуются не одобрять любое клиническое использование редактирования зародышевой линии, если не выполнены определенные условия». При этом такой запрет не подлежит распространению, во-первых, на редактирование генома эмбриона в исследовательских целях (при условии, что эмбрион не подлежит пересаживанию в матку женщины), а во-вторых, на редактирование генома в соматических клетках человека в целях лечения заболеваний [13].

Созданный в 2019 г. Экспертный консультативный комитет по разработке глобальных стандартов управления и надзора за редактированием генома человека рекомендовал ВОЗ создать действующий на принципах прозрачности и инклюзивности реестр, охватывающий все исследования клинических приложений для редактирования генома как соматических клеток, так и зародышевых клеток. В отчете о заседании комитета говорилось, что отсутствие регистрации соответствующих исследований следует считать «фундаментальным нарушением ответственных исследований» [14].

Следует отметить, что инициативы ВОЗ, профессиональных международных институтов и организаций направлены на обеспечение устойчивого, открытого, этически и социально приемлемого регулирования репродуктивных технологий и технологий редактирования эмбриона человека. Отсутствие консенсуса в обществе и среди ученых по данной проблематике делают крайне сложными, практически невозможными попытки введения международно-правового регулирования данных отношений. В связи с этим, на наш взгляд, особое значение приобретают акты национального правового регулирования, подходы законодателей конкретных стран с учетом исторических, культурных, социальных и экономических факторов развития общества.

Заключение. Попытки некоторых авторов уйти от формально-юридического обоснования места эмбриона *in vitro* в системе правоотношения

к рассмотрению данной проблемы с точки зрения антрополого-правового регулирования, концепций «многоуровневой человеческой жизни» [15] или «потенциального лица в праве» [4] не разрешают уже существующие проблемы, связанные
с использованием ВРТ. Эмбрион – это лишь начало жизни, а не человек, так как он не обладает правоспособностью, поэтому представляется, что эмбрион должен рассматриваться как специфический объект правоотношений, который является началом новой жизни. Такой подход позволяет производить с эмбрионом не запрещенные законодательством манипуляции, отражает практику вовлечения эмбрионов в гражданский оборот. Вместе с тем указывает на недопустимость распространения на него правил об обороте вещей, возникновения права собственности на данный объект и т. п.

Использование же технологии в целях улучшения каких-либо характеристик организма и свойств личности, повышения его функциональных возможностей порождает целый ряд опасений, связанных с развитием практик «дизайна» детей, созданием новых форм общественного неравенства и в целом с вмешательством в существующий социальный порядок и эволюцию человечества.

Список цитированных источников

1. Третьякова, Е. С. Теоретико-правовой анализ соматических прав человека / Е. С. Третьякова // Наука. Общество. Государство. – 2023. – № 4. – С. 46–56 (44).

2. Галюкова, М. И. Биогенетические права человека: новый вектор развития четвертого поколения прав / М. И. Галюкова // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (г. Владивосток, 30–31 марта 2023 г.). – Владивосток : Дальневосточный ун-т, 2023. – С. 29–32.

3. Лапаева, В. В. Статус человеческого эмбриона in vitro как этико-правовая проблема: религиозные истоки разногласий в подходах / В. В. Лапаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 4–24.

4. Павлов, В. И. Модификация правосубъектности человека под влиянием конвергертных технологий: проблема правовой идентификации эмбрионов in vitro / В. И. Павлов, Л. В. Павлова // Право.by. – 2023. – № 3 (83). – С. 99–108.

5. Дружинина, Ю. Ф. Правовой режим эмбриона in vitro / Ю. Ф. Дружинина // Журнал российского права. – 2017. – № 12. – С. 129–140.

6. Царева, Л. В. Правовое положение эмбрионов in vitro / Л. В. Царева, В. В. Шилко // Семейное право: современные проблемы теории и практики : материалы междунар. круглого стола, Минск, 16–17 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2020. – С. 346–355.

7. Американская конвенция о правах человека (1969 г.) – URL: https://www.refworld.org/ru/legal/multilateraltreaty/oas/1969/ru/20081 (дата обращения: 10.03.2025).

8. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви / Официальный портал Белорусской Православной Церкви. – Минск, 2000–2025. – URL: http://church.by/docs/osnovy-socialnoj-koncepcii-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi (дата обращения: 10.03.2025).

9. Alabama supreme court rules frozen embryos are ‘children’// The Guardian. – 20 febr. 2024. – URL: https://www.theguardian.com/us-news/2024/feb/20/alabama-supreme-court-frozen-embryos-children-ruling-ivf (date of access: 09.03.2025).

10. Лапаева, В. В. Международное регулирование отношений в сфере биомедицины: взаимодействие права и морали / В. В. Лапаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 22–44.

11. Совет Европы, Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине, ETS/STE No. 164. – 4 апр. 1997. – URL: https://www.refworld.org/ru/legal/multilateraltreaty/coe/1997/ru/139462 (дата обращения: 10.03.2025).

12. Ксенофонтова, Д. С. Правовые основы генной терапии: в поисках баланса интересов / Д. С. Ксенофонтова // Lex Russica. – 2019. – № 6 (151). – С. 143-152.

13. Eric Lander et al. Adopt a moratorium on heritable genome editing // Nature. – 2019. – 13 March. – URL: https:// www.nature.com/articles/d41586-019-00726-5 (date of access: 09.03.2025).

14. Greely, HT. CRISPR'd babies: human germline genome editing in the 'He Jiankui affair'. J Law Biosci / HT Greely. – 2019. – Aug. 13; 6 (1). – P. 111–183. – URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC6813942/ (date of access: 09.03.2025).

15. Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы: пер. с нем. / Ю. Хабермас. – М.: Весь Мир, 2002. – 144 с.

Рецензент: Шимкович М. Н.,
заведующий кафедрой гражданского и хозяйственного права
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 14.03.2025.

LEGAL STATUS OF THE IN VITRO EMBRYO: ETHICAL AND LEGAL PROBLEMS OF DETERMINATION

Tatyana N. Punko

Abstract. The article examines the issue of determining the moral and legal status of an in vitro embryo, which is of key importance for the ethical and legal regulation of manipulations with embryos in the process of research and in the clinical application of assisted reproductive technologies. The influence of religious anthropology (Christian traditions) on the development of reproductive technologies and human embryo editing technologies is analyzed. The conclusion is made about the necessity to integrate breakthrough scientific achievements, including in the field of reproductive technologies, into classical legal regulation, primarily by legalizing them at the national level. The in vitro embryo should be defined as an object of law, however, due to the peculiarities of its status as a carrier of potential human life, exceptions from the general legal regime of things are necessary for this object.

Keywords: in vitro embryo, bioethics, ethical and legal regulation, reproductive technologies, human genome editing.

УДК 349.227

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УСТАНОВЛЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ПОРЯДКА ПРЕКРАЩЕНИЯ СРОЧНОГО ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Рахимберганова Бону Давлатназаровна,
старший преподаватель Центра повышения квалификации юристов при Министерстве юстиции Республики Узбекистан
bondav0116@gmail.com

Аннотация. В данной статье анализируются проблемы, возникающие в процессе прекращения срочного трудового договора в практике применения права, а также исследуется практика рассмотрения подобных споров в судах. На основе анализа предлагаются рекомендации и даются предложения по совершенствованию трудового законодательства.

Ключевые слова: трудовой договор, срок, уведомление, расторжение договора, выходное пособие, работодатель, сотрудник.

Введение. Основания и порядок прекращения трудового договора четко изложены в законодательных актах, и это не означает, что проблемы в этой области отсутствуют. Однако ошибки и недостатки, допускаемые работодателями при расторжении трудового договора, могут привести не только к нарушению прав сотрудников, но и к ущербу для репутации самих работодателей. Особенно это касается случаев, когда руководители бюджетных организаций незаконно увольняют сотрудников, что может подорвать доверие граждан к государственным учреждениям.

Основной причиной возникновения таких проблем является незнание работодателями и административными работниками, действующими от их имени, содержания некоторых норм трудового законодательства.

Статья 155 Трудового кодекса Республики Узбекистан непосредственно посвящена общим основаниям прекращения трудового договора, и любые другие основания для прекращения договора, не предусмотренные законом, запрещены.

Основная часть. Основания для прекращения трудового договора имеют свою классификацию, и различные ученые дают разные толкования этой классификации. Например, по словам Ю. П. Орловского: «Трудовой договор может быть расторгнут по разным основаниям. Некоторые из них применяются по инициативе работодателя, другие – по инициативе сотрудника, третьи – по инициативе третьих лиц, а четвертые – не попадают ни под одну из вышеупомянутых категорий» [1]. Такая классификация оснований для прекращения трудового договора может привести к неясности. Например, вопрос, в какой категории классификации следует отнести расторжение срочного трудового договора по истечении срока, остается проблемным. Юрист А. А. Иноятов считает, что «основания для прекращения трудового договора можно разделить на пять групп в зависимости от того, кем была инициирована эта процедура» [2].

Следует отметить, что основания, предусмотренные ст. 155 Трудового кодекса Республики Узбекистан, можно классифицировать следующим образом: расторжение трудового договора по инициативе сторон или на основе их соглашения, расторжение трудового договора по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, и расторжение трудового договора в результате наступления определенных юридических фактов (истечение срока, смена владельца предприятия и др.). Такая классификация оснований для прекращения трудового договора может быть реализована на основе общих оснований.

Рост числа споров о восстановлении на работе в судах указывает на нарушение порядка прекращения трудового договора. Например, в Узбекистане в 2022 г. было рассмотрено 3 150 таких дел, а в 2023 г. количество этих дел увеличилось до 3 269. Согласно статистике за первые три месяца 2024 г., поступило 735 исковых заявлений о восстановлении на работе [3].

Для того чтобы расторжение трудового договора считалось законным, необходимо соблюдение двух основных условий:

а) трудовой договор должен быть расторгнут на одном из оснований, предусмотренных законом;

б) при расторжении трудового договора как работник, так и работодатель обязаны соблюдать все установленные требования по расторжению договора [4].

Необходимо подчеркнуть, что основание для прекращения срочного трудового договора – это истечение его срока. Это не означает, что такой договор нельзя расторгнуть по другим основаниям, предусмотренным ст. 155 Трудового кодекса Республики Узбекистан. Таким образом, такой договор может быть расторгнут до истечения срока по другим основаниям.

В соответствии со ст. 158 Трудового кодекса Республики Узбекистан, срочный трудовой договор не прекращается автоматически по истечении срока его действия. Для прекращения такого договора одной из сторон должно быть выражено намерение прекратить трудовые отношения. Обычно это выражается в виде заявления сотрудника об увольнении или приказа работодателя о расторжении трудового договора. Каждая из сторон может потребовать прекращения трудовых отношений по истечении срока договора. Если трудовые отношения продолжаются и ни одна из сторон не требует прекращения договора, то он считается продленным на неопределенный срок, и расторжение договора на этом основании невозможно. Даже если расторжение трудового договора задерживается на один день, то такое действие считается незаконным.

Русский ученый Т. В. Сувалова подчеркивает, что работодатели часто сталкиваются с проблемой поиска сотрудников, которые хотят работать на таких должностях. По ее мнению, «сотрудники не хотят искать новую работу, поскольку срочные работы заканчиваются в установленный срок. Когда нет возможности постоянно нанимать сотрудников, возникает необходимость часто использовать такие трудовые договоры, особенно в целях расширения строительства и производства продукции» [5]. Основание для прекращения срочного трудового договора по истечении срока без соблюдения определенных условий и оснований также охлаждает желание сотрудников работать на таких должностях. В отличие от долгосрочной работы, срочные трудовые договоры могут

оказать отрицательное воздействие на личную жизнь людей в нескольких аспектах. Возможности для таких сотрудников, как покупка жилья или создание семьи, ограничены, что снижает уверенность в стабильности их жизни. Такая неопределенность может вызвать стресс и создать неясность в будущем. Поэтому влияние срочных трудовых договоров на здоровье и благосостояние стало объектом многолетних исследований [6].

Тем не менее работа по срочному трудовому договору оказывает более высокое влияние на благосостояние, чем безработица. Хотя существует множество исследований, сравнивающих срочную и постоянную работу, результаты сильно различаются. Это может быть связано с различиями в методах измерения или в особенностях разных стран. Поэтому переход к более гибким рыночным отношениям на основе срочных трудовых договоров следует проводить с осторожностью. Важно, чтобы в этот процесс были включены гарантии трудового законодательства для сотрудников, работающих по срочным договорам, и соблюдение порядка прекращения этих договоров.

Таким образом, при проверке законности прекращения трудового договора по истечении срока следует учитывать, что работодатель должен соблюдать правила уведомления, предусмотренные ст. 158 Трудового кодекса Республики Узбекистан, а также ограничения по срокам прекращения договора. Если сотрудник по истечении срока договора уведомил работодателя о намерении уволиться в соответствии со ст. 158 Трудового кодекса Республики Узбекистан, а работодатель не увольняет его, то несмотря на истечение срока договора, сотрудник имеет право не выходить на работу с следующего дня после окончания срока договора. Работодатель должен уволить сотрудника, предоставив трудовую книжку и произведя окончательный расчет согласно основаниям, предусмотренным ст. 158 Трудового кодекса Республики Узбекистан. Если эти обязательства не выполнены, то работодатель обязан выплатить заработную плату за период прогула и компенсировать другие виды ущерба.

Расторжение трудового договора по истечении его срока, даже если работодатель подает требование о расторжении, не может рассматриваться как увольнение по инициативе работодателя. Поэтому в этом случае не применяются специальные процедуры и дополнительные гарантии для сотрудника при расторжении трудового договора. «В данном случае рассматривается ситуация, при которой для прекращения трудового договора по истечении срока не требуется согласие сотрудника, и трудовой договор может быть расторгнут даже в период временной нетрудоспособности» [7].

Как отмечает С. Г. Фомченков, «основательность прекращения срочного трудового договора определяется в результате проверки трех условий: законности заключения срочного трудового договора; обоснованности прекращения (действительное истечение срока договора или его неистечение); соблюдения процедуры прекращения» [8].

С учетом этих правил можно сказать, что, если срочный трудовой договор был заключен незаконно, то его расторжение также будет незаконным. Это указано в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан от 20 ноября 2023 г. № 26 «О практике применения законодательства,

регулирующего расторжение трудового договора». Я. П. Синдяйкина и И. С. Сипкина также подчеркивают, что «при расторжении трудового договора по истечении его срока суды обязаны проверять, был ли договор законно заключен» [9]. Напоминаем, что такая проверка не выходит за рамки рассмотрения судебного иска.

Во втором случае срок договора должен действительно истечь. В случае возникновения спора суды проводят тщательное расследование фактической ситуации и делают выводы (постановление Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан от 20 ноября 2023 г. № 26).

В третьем случае внимание уделяется соблюдению процедуры прекращения договора. Стоит отметить, что согласно ст. 105 Трудового кодекса Республики Узбекистан 1995 г., для прекращения срочного трудового договора по истечении срока не требовалось уведомления сторон. Однако, согласно ст. 158 Трудового кодекса Республики Узбекистан, принятой в 2022 г., было введено требование соблюдения срока уведомления для прекращения срочного трудового договора. Иными словами, срочный трудовой договор прекращается по истечении срока его действия. При расторжении трудового договора по истечении его срока одна сторона трудовых отношений должна уведомить другую сторону о расторжении договора письменно минимум за три календарных дня до прекращения действия договора, за исключением случаев, когда трудовой договор был заключен на определенный срок для замещения отсутствующего сотрудника.

В этом процессе существует единственная проблема: является ли несоблюдение срока уведомления основанием для восстановления работника на работе или нет, это не ясно. Судебные органы могут принять решение в пользу как работодателя, так и работника. Если провести аналогию, то, когда трудовой договор расторгается по инициативе работодателя, и работодатель соблюдает процедуру прекращения, но не уведомляет работника, тогда суд, не принимая решения о восстановлении на работе, может обязать работодателя выплатить компенсацию, которая соответствует сроку уведомления.

Однако, если проанализировать п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Республики Узбекистан от 20 ноября 2023 г. № 26 «О практике применения законодательства, регулирующего расторжение трудового договора», то там указано, что суды должны проверять вопрос уведомления работника. Если будут выявлены другие нарушения, и работник будет восстановлен на работе, но его не уведомили, то суды могут не восстановить работника и в этом случае, что будет означать нарушение обязательных процедур. Невыполнение уведомления не является исключением и не может считаться законным нарушением.

Российский ученый Ю. С. Батусова также отмечает, что «факт ненадлежащего уведомления работника сам по себе не является основанием для восстановления работника на работе» [10]. Подтверждая эту точку зрения, можно сказать, что работник, заключая трудовой договор, заранее знает, когда его договор будет расторгнут. Поэтому несоблюдение этой нормы не должно иметь серьезных последствий для работодателя.

Таким образом, чтобы новая норма, внесенная в Кодекс, не оказалась ненужной, а также с целью повышения ответственности работодателей,

предлагается следующая редакция ч. 1 ст. 158 Трудового кодекса Республики Узбекистан:

«Срочный трудовой договор прекращается по истечении срока его действия. Для прекращения трудового договора по истечении срока его действия сторона, которая принимает решение о расторжении трудовых отношений, должна уведомить другую сторону письменно как минимум за три календарных дня до прекращения действия трудового договора, за исключением случаев, когда срочный трудовой договор заключен на определенный срок для замещения отсутствующего работника. Работодатель, который не уведомил работника в срок, должен выплатить ему компенсацию, соответствующую сроку уведомления».

Кроме того, согласно ч. 3 ст. 158 Трудового кодекса Республики Узбекистан, трудовой договор, заключенный на период отсутствия работника, чье рабочее место (должность) сохраняется, прекращается с момента возвращения этого работника на работу. В том случае, когда работник возвращается на работу, а также когда на его место был принят временный работник, который знал о расторжении договора с этим работником, последний день его работы считается днем его увольнения (ч. 2 ст. 170). Таким образом, для обоих работников – как для возвращающегося, так и для уходящего – день окончания срока трудового договора считается рабочим днем.

Необходимо отметить, что эта проблема является одной из актуальных на практике. Работодатель не может одновременно платить заработную плату двум работникам, если оба из них занимают одно и то же место работы, что особенно важно, если оба работают в одном штате. Этот вопрос решается работодателями путем установления неполного рабочего времени для работников, с расторжением договора с одним работником и продолжением трудовой деятельности другого на условиях ч. 3 ст. 158 Трудового кодекса Республики Узбекистан. В таком случае работодатель выплачивает заработную плату только за половину рабочего дня.

Однако для установления неполного рабочего времени работодатель и работник должны достичь соглашения, которое будет официально оформлено приказом работодателя. В законодательстве нет конкретных норм, регулирующих установление неполного рабочего времени. Таким образом, для предотвращения подобных проблем необходимо установить четкие правила в законодательстве относительно сроков и условий прекращения договора, а также при необходимости прописать дополнительные процедуры.

В частности, в ч. 3 ст. 158 Трудового кодекса Республики Узбекистан необходимо четко указать, что работник, желающий вернуться на работу, обязан уведомить работодателя как минимум за 3 дня до возвращения, а также следует уточнить, что работодатель может уволить временного работника, принявшего место возвращающегося работника, только при соблюдении этих условий, что позволит избежать ненужных действий со стороны работодателя.

Заключение. В связи с этим предлагается следующая редакция ч. 3 ст. 158 Трудового кодекса Республики Узбекистан:

«Трудовой договор, заключенный на время отсутствия работника, чье рабочее место (должность) сохраняется, прекращается с момента возвращения этого работника на работу. В этом случае работник, который намерен вернуться на работу, обязан уведомить работодателя об этом как минимум за 3 дня до возвращения».

Кроме того, для того чтобы срочный трудовой договор считался обоснованным, работодатель не должен забывать о гарантиях, предоставляемых беременным женщинам, как это предусмотрено ст. 408 Трудового кодекса Республики Узбекистан.

Также следует помнить, что ч. 2 ст. 158 Трудового кодекса Республики Узбекистан считается смягчением порядка прекращения срочного трудового договора для работодателей. На самом деле эта норма не является необходимой. Причина заключается в том, что расторжение трудового договора в день окончания его срока должно быть основным правилом. В этом случае от работодателей требуется быть внимательными и вести учет срочных трудовых договоров.

Кроме того, важным моментом является соблюдение порядка установления неустойки, если трудовой договор расторгается до окончания его срока. Следует помнить, что неустойка не всегда соответствует интересам работника. Таким образом, несоблюдение порядка прекращения трудового договора может привести к ответственности работодателя.

Работодатель, не уведомивший работника о расторжении срочного трудового договора в установленный срок, должен принять меры, чтобы заменить уведомление об окончании договора компенсацией, которая соответствует сроку уведомления.

Список цитированных источников

1. Долова, А. З. Основания прекращения индивидуального трудового правоотношения как юридические факты / А. З. Долова // Юридическое образование и наука. – № 4. – 2009. – С. 33–36.

2. Иноятов, А. А. Трудовое право Республики Узбекистан : учебник / А. А. Иноятов ; Ташкент. гос. юрид. ин-т. – Ташкент : Мир экономики и права, 2002. – 383 с.

3. Письмо Верховного Суда Республики Узбекистан от 21 мая 2024 года № 07-15/241 // Верховный Суд Республики Узбекистан. – URL: https://www.sud.uz/ru/ (date of access: 16.03.2025).

4. Соколов, Е. А. Труд и право работников предприятий, или как защитить свои трудовые права и гарантии: юрид. руководство для населения / Е. А. Соколов ; отв. ред. Г. Ю. Хамидов ; пер. Х. М. Нишонов. – Ташкент : Турон-Икбол, 2009.

5. Сувалова, Т. В. Испытательный срок при срочном трудовом договоре / Т. В. Сувалова // Вестник университета. – 2017. – № 2. – С. 220–223.

6. Scheuring, S. The Effect of Fixed-Term Employment on Well-Being: Disentangling the Micro-Mechanisms and the Moderating Role of Social Cohesion / S. Scheuring. – URL: https://www.researchgate.net/publication/342447533_The_Effect_of_Fixed-Term_Employment_on_Well-Being_Disentangling_the_Micro-Mechanisms_and_the_Moderating_Role_of_Social_Cohesion (date of access: 16.03.2025).

7. Ёдгоров, Х. Споры, возникающие из трудовых правоотношений : практ. пособие / Х. Ёдгоров, Г. Зиганшина, Ш. Ахатова. – Ташкент : Бактрия Пресс, 2016. – 192 с.

8. Фомченков, С. Г. Прекращение трудового договора по соглашению сторон и в связи с истечением его срока : практ. рекомендации / С. Г. Фомченков. – Мурманск : Мурм. ЦНТИ, 2004. – 47 с.

9. Циндяйкина, Е. П. Трудовой договор: порядок заключения, изменения и прекращения : пособие / Е. П. Циндяйкина, И. С. Цыпкина ; под ред. К. Н. Гусова; Московская гос. юридич. акад. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2008. – 222 с.

10. Батусова, Е. С. Правовое регулирование срочных трудовых договоров в России и некоторых зарубежных странах (сравнительно-правовое исследование) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.05 / Е. С. Батусова ; Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». – М., 2014. –191 л.

Рецензент: Пунько Т. Н.,
заместитель директора по учебной работе
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 14.03.2025.

PROSPECTS FOR IMPROVING THE LEGISLATION PROCEDURE FOR TERMINATION OF A FIXED-TERM EMPLOYMENT CONTRACT

Bonu D. Raximberganova

Abstract. This article analyzes the problems that arise in the process of termination of a fixed-term employment contract in the practice of applying the law, and also examines the practice of considering such disputes in courts. Based on the analysis, recommendations and proposals are offered for improving labor legislation.

Keywords: employment contract, term, notice, termination of contract, severance pay, employer, employee.

УДК 35.08

ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Рахмонов Зафаржон Зайниддинович,
старший преподаватель Центра повышения квалификации юристов при Министерстве юстиции Республики Узбекистан
z.raxmanov95@gmail.com

Аннотация. В статье на основе анализа научной литературы рассматриваются подходы к определению критериев оценки деятельности государственных гражданских служащих. Изучается зарубежный опыт в области оценки деятельности государственных служащих, в частности, по системе KPI (например, в таких странах, как США, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, Франция и др.). На основе проведенного сравнительно-правовоего исследования сформулированы рекомендации по совершенствованию системы оценки деятельности государственных гражданских служащих в Республике Узбекистан.

Ключевые слова: государственная служба, государственные гражданские служащие, оценка эффективности деятельности, критерии оценки, KPI.

Введение. Как известно, в настоящее время между государствами наблюдается острая конкуренция, в рамках которой создание корпуса государственных гражданских служащих, способных быстро и качественно решать поставленные задачи, подстраиваясь под новые условия, является важной задачей. С этой целью в Узбекистане проводятся широкомасштабные реформы, направленные на повышение эффективности деятельности государственной службы. В частности, разработан ряд мероприятий, направленных на усиление социальной защиты государственных служащих.

В Законе Республики Узбекистан «О государственной гражданской службе» указано, что «поощрение государственного гражданского служащего и повышение его должности осуществляется на основе объективной и справедливой оценки его профессиональных компетенций и отдельных достижений». Согласно этому Закону для обеспечения поощрения государственного гражданского служащего и повышения его должности на основе объективных и справедливых критериев вводится система оценки его деятельности на основе самых важных показателей эффективности.

В связи с этим на основании указания специального органа в данной области – Агентства по развитию государственной службы при Президенте Республики Узбекистан – 28 декабря 2022 г. был утвержден приказ директора Агентства № 3704, которым была определена «Методика оценки эффективности деятельности государственных гражданских служащих на основе самых важных показателей». Эта методика состоит из 9 глав и 38 пунктов, в которых регламентируются этапы системы оценки, внедрение системы оценки в государственных органах, разработка, утверждение и оценка целевых показателей ЭМС (эффективности деятельности государственного гражданского служащего), расчет и оценка существующих ЭМС, механизмы оценки деятельности государственного гражданского служащего, интервью для оценки, порядок подачи жалоб и общие правила, связанные с итоговыми положениями.

Основная часть. Система оценки эффективности деятельности государственных служащих имеет важное значение для прохождения государственной гражданской службы в следующих аспектах: планирование, подбор персонала, обучение кадров, формирование кадрового резерва, анализ деятельности сотрудников, профессиональное и интеллектуальное развитие сотрудников, система материального и нематериального стимулирования [1].

Необходимо подчеркнуть, что системы оценки эффективности государственных служащих внедрены в большинстве развитых стран и служат для повышения эффективности работы государственных служащих. В частности, в большинстве стран, являющихся членами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), таких как США, Франция, Австрия, Япония, Корея и др., системы оценки эффективности показали положительные результаты в повышении эффективности работы государственных служащих. Одной из таких систем является система KPI (*Key*

Performance Indicator) – ключевые показатели эффективности. KPI – это система, которая помогает в процессе управления определить цели организации, классифицировать степень их достижения, а также предоставляет возможность организации и сотрудникам анализировать свои возможности и повышать эффективность, контролируя этот процесс [2].

Таким образом, систему KPI можно назвать «ключевыми показателями эффективности». В методике оценки эффективности деятельности государственных служащих на основе самых важных показателей указывается, что ключевые показатели эффективности [3] – это индикаторы, которые применяются для оценки эффективности и результативности выполнения функциональных обязанностей и обязательств государственными служащими и которые могут быть количественно измерены. При этом любой показатель в деятельности государственного служащего не является ключевым показателем эффективности (*KPI*). Иными словами, ключевые показатели эффективности должны отвечать следующим требованиям:

- определенность ожидаемых результатов и предполагаемых позитивных изменений;
- измеримость, возможность расчета показателей в определенных условных единицах;
- достижимость, прогнозируемые параметры должны соответствовать имеющимся ресурсам и полномочиям;
- наличие временных рамок, сроки достижения целей должны быть четко определены;
- компетентность, KPI должны находиться в пределах ответственности государственного служащего;
- ориентированность на достижение стратегических целей государственного учреждения [4].

Следует отметить, что до внедрения системы KPI в ряде западных стран материальное стимулирование государственных служащих было связано с занимаемой должностью. Великобритания, Нидерланды, Канада, США стали одними из первых стран, которые начали использовать систему KPI для материального стимулирования государственных служащих в зависимости от их эффективности. Изначально эта система была протестирована на руководителях среднего и высшего звена, а в 2004 г. была внедрена по всей Европе для государственных служащих с учетом целей и задач организации [5].

Система KPI в области государственной службы привлекла особое внимание в Германии, где она была внедрена в 1997 г., а к 2002 г. был принят специальный закон, направленный на регулирование единой системы стимулирования [6]. На основании этого закона каждая организация разработала свои собственные показатели оценки исходя из целей и задач организации.

Через систему KPI в Германии осуществляется стимулирование государственных служащих с высокими показателями эффективности работы во всех государственных органах. По последним данным, для стимулирования государственных служащих ежегодно выделяется более 50 млн евро из федерального бюджета. Однако существует ряд ограничений, связанных

с материальным стимулированием и надбавками, которые определяются Законом о государственных служащих [7].

В Соединенных Штатах Америки руководители министерств и агентств самостоятельно устанавливают индивидуальные рабочие планы для сотрудников. Эффективность деятельности государственного служащего оценивается на основе составленного индивидуального плана в конце года.

В Великобритании при оценке эффективности работы государственных служащих подписывается соглашение между государственным служащим и государственным органом относительно результативности. Это соглашение обязательно должно включать: ответственность, обязанности, критерии эффективности, степень достижения целей, полугодовой отчет, индивидуальный план развития, включая критерии оценки. Оценка проводится дважды в год – в середине года и в конце. В течение года сотрудник может провести самооценку или всестороннюю оценку, используя метод «360 градусов» [8].

В этом методе государственный служащий оценивается не только своим руководителем, но и коллегами. Особенность этого метода оценки заключается в том, что в оценке участвуют сотрудники, занимающие разные должности. Во время оценки все оценщики заполняют одинаковую специальную форму, а все результаты обрабатываются с помощью компьютера с обеспечением анонимности, и результаты оценки объявляются оцениваемому сотруднику. С помощью этого метода руководитель получает объективное представление о личных и профессиональных качествах, знаниях и навыках подчиненного [9].

В Канаде оценка эффективности работы государственных служащих осуществляется Канцелярией Тайного совета (*Privy Council Office*). Для обеспечения объективности оценки в расчет принимаются результаты самооценки и данные опросов [10].

В Новой Зеландии для сотрудников руководящего звена показатели оплаты труда и оценки эффективности их деятельности определяются непосредственно их руководителями. Оценка деятельности высокопрофильных служащих проводится руководителем Комиссии по государственной службе (*State Services Commissioner*). Основной метод оценки и анализа эффективности работы государственных служащих в этой стране – это оценка через интервью. Оценочные критерии включают не только вклад руководителей в достижение целей государственных органов, но и их роль в развитии системы государственной службы и повышении ее эффективности в целом [11].

Во Франции практика оценки деятельности государственных служащих была введена 15 лет назад. В последние годы в условиях проводимых административных реформ методология оценки государственной службы пересматривается. Ранее деятельность государственных служащих оценивалась по определенной шкале, что было полезно в процессе продвижения служащих по карьерной лестнице. С изменением требований времени Франция постепенно отказалась от этой практики. В настоящее время оценка осуществляется на основе ежегодного профессионального интервью, в ходе которого оценивается «профессиональная ценность государственного служащего»,

а результаты оценки сохраняются в документах государственного служащего, который имеет право на подачу апелляции [12].

В нашей республике система оценки эффективности работы государственных служащих также постепенно внедряется. По данным Агентства по развитию государственной службы, в 2022 г. заместитель хокима был оценен по 8 показателям, в первом квартале 2023 г. – по 5 показателям, лидер молодежи был оценен по 23 показателям, в то время как его оценка была снижена до 8 показателей, а оценка активности женщин – с 7 до 5 показателей, что свидетельствует об особом внимании к указанной системе [13].

Также следует отметить, что в результате увеличения количества показателей для оценки эффективности работы государственных служащих их основное внимание может быть сосредоточено на недостаточном планировании рабочего времени, невыполнении задач в срок или их некачественном исполнении. Сложившаяся в зарубежных странах практика показывает, что для эффективной работы государственных служащих оптимально устанавливать от 5 до 7 KPI показателей.

Например, в Казахстане оценка эффективности работы государственных служащих основывается на двух категориях. В этом случае для руководителей государственных органов, а также для акимов областей, городов республиканского значения и столицы, и административных госслужащих KPI показатели составляют 5 пунктов (целевая ориентация, профессиональный уровень и личные качества). В Японии количество показателей для оценки составляет 6, при этом целевые показатели ограничиваются 3–4, а компетенции – 5–6. В Саудовской Аравии целевые показатели для оценки могут варьироваться от 4 до 10.

Следует согласиться с мнением тех ученых-юристов, которые считают целесообразным работать по принципу «меньше – значит больше» в KPI показателях. Оправданным в связи с этим видится установление меньшего количества показателей, что, как нам представляется, позволит добиться большей эффективности.

Заключение. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что большое количество показателей для оценки эффективности работы государственных служащих без четко поставленных целей может оказать отрицательное влияние на качество выполнения их обязанностей и задач. Поэтому в будущем для разработки и внедрения KPI показателей, а также для исключения возможных проблем и недостатков предлагается следующее.

Во-первых, необходимо полностью внедрить систему оценки эффективности деятельности государственных служащих, основываясь на требованиях «Методики оценки эффективности деятельности государственных служащих на основе наиболее важных показателей», в деятельность государственных органов и организаций, так как в настоящее время эта методика на практике в полном объеме не применяется.

Во-вторых, исходя из опыта зарубежных стран, следует установить и утвердить количество показателей для оценки деятельности государственных служащих в пределах 5–7.

В-третьих, необходимо принять меры, направленные на предотвращение дополнительной нагрузки на государственных служащих и их привлечение к мероприятиям, не имеющим прямого отношения к их деятельности, для повышения эффективности их работы, ориентированной на результат.

В-четвертых, целесообразно установить оценку информации, собранной с использованием форм общественного контроля как одного из типов индикаторов для оценки эффективности деятельности государственных служащих (KPI). В рамках общественного обсуждения, общественного мониторинга, изучения общественного мнения и результатов общественной экспертизы следует установить соответствующие правовые меры воздействия по выявленным недостаткам. В этом контексте необходимо внести изменения в Закон «Об общественном контроле» и определить деятельность государственных органов в области коррупции и конфликта интересов в качестве объекта общественного контроля.

Список цитированных источников

1. Лесина, Т. В. Ключевые показатели эффективности на службе. Эффективность работы госслужащих / Т. В. Лесина, Д. А. Чернов // Вестник Евразийской науки. – 2018. – № 2. – Т. 10. – URL: https://esj.today/PDF/42ECVN218.pdf (дата обращения: 10.03.2025).

2. Office of Human Resources Management. – URL: https://www.commerce.gov/hr (date of access: 16.03.2025).

3. Приказ директора Агентства развития государственной службы при Президенте Республики Узбекистан от 21 ноября 2022 г. № 2-2022. – URL: https://lex.uz/uz/docs/6329831 (дата обращения: 16.03.2025).

4. Эранов, А. Результативность – главный критерий деятельности государственных служащих / А. Эранов // Обзор законодательства Узбекистана. – 2020. – № 1 – С. 20–22. – URL: https://inlibrary.uz/index.php/uzbek_law_review/article/view/89 (дата обращения: 16.03.2025).

5. Moon, M. Organizational Commitment Revised in New Public Management. Motivation, Organizational Culture, Sector and Managerial Level / M. Moon // Public Productivity & Management Review. – 2000. – Vol. 24. – №. 2. – URL: https://www.researchgate.net/publication/271691636_Organizational_Commitment_Revisited_in_New_Public_Management_Motivation_Organizational_Culture_Sector_and_Managerial_Level date of access: 16.03.2025).

6. Schroter, E. Reforming the Machinery of Government: The Case of the German Federal Bureaucracy / R. Koch & J. Dixon (eds.). – Public Governance and Leadership, Deutscher Universitats-Verlag, Wiesbaden, 2007. – P. 251–271.

7. Draft, F. Civil Service in Germany: Characteristics of Public Employment and Modernization of Public Personnel Management. – URL: www.uni-konstanz.de/bogumil/kuhlmann/Download/KuhlmannRoeber1.pdf (date of access: 16.03.2025).

8. Ketelaar, A. Performance-based Arrangements for Senior Civil Servants OECD and other Country Experiences / A. Ketelaar, N. Manning, E. Turkisch // OECD Working Papers on Public Governance, OECD Publishing. – 2007. – № 5. – P. 34–38.

9. Клочков, А. К. KPI и мотивация персонала : полн. сб. практ. инструментов / А. К. Клочков. – М. : Эксмо, 2010. – 155 с.

10. Барциц, И. Н. Показатели эффективности государственного управления (субъективный взгляд на международные стандарты) (часть 1) / И. Н. Барциц. – URL: https://pvlast.ru/archive/index.433.php (дата обращения: 16.03.2025).

11. New Zealand State Services Commission. – URL: https://www.publicservice.govt.nz/ (date of access: 16.03.2025).

12. Изучен опыт оценки деятельности государственных служащих. – URL: https://www.argos.uz/uz/press-center/news/522 (дата обращения: 16.03.2025).

13. Показатели KPI – важный инструмент достижения эффективности. – URL: https://argos.uz/uz/press-center/topic/33 (дата обращения: 16.03.2025).

Рецензент: Городецкая М. А.,
заместитель директора по научно-методической работе
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 14.03.2025.

ISSUES OF ASSESSING THE ACTIVITIES OF STATE CIVIL SERVANTS

Zafarjon Z. Rahmonov

Abstract. Based on the analysis of scientific literature the article examines approaches to determining the criteria for evaluating the performance of civil servants. It studies foreign experience in evaluating the performance of civil servants, particularly through the KPI system (for example, in countries such as the United States, the United Kingdom, Canada, New Zealand, France and others). Based on the conducted comparative legal research, recommendations are formulated for improving the system of evaluating the performance of civil servants in the Republic of Uzbekistan.

Keywords: civil service, civil servants, performance evaluation, evaluation criteria, KPI.

УДК 346.9

ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ НЕОБХОДИМОСТИ ПРИЗНАНИЯ СУДОМ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ПРАВА НА ДОЛЮ В УСТАВНОМ ФОНДЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ (ОБЩЕСТВА С ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ) ЗА СУПРУГОМ УЧАСТНИКА ОБЩЕСТВА, ДЛЯ «РАЗДЕЛА» ТАКОЙ ДОЛИ, НАХОДЯЩЕЙСЯ В ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ, МЕЖДУ УКАЗАННЫМИ ЛИЦАМИ

Ян Иосифович Функ,
доктор юридических наук, профессор,
Председатель Международного арбитражного суда при БелТПП

Юлия Александровна Чигилейчик-Функ,
старший преподаватель Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка

Аннотация. 13 ноября 2023 г. был принят Закон Республики Беларусь № 312-З «Об изменении кодексов», в соответствии с которым было внесено 279 изменений (значительных и небольших) в ГК Республики Беларусь. Новеллы, внесенные в ГК Республики Беларусь указанным Законом № 312-З, вступили в силу с 19 ноября 2024 г.

Одна из данных новелл касается регламентации правом Республики Беларусь «раздела» доли в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью (общества с дополнительной ответственностью), находящейся в общей совместной собственности супругов, между указанными лицами.

Настоящая статья посвящена анализу указанной новеллы.

Ключевые слова: доля в уставном фонде, общество с ограниченной ответственностью, общество с дополнительной ответственностью, общая совместная собственность супругов, раздел имущества между супругами.

Введение. Отношения по поводу раздела между супругами, являющихся общей совместной собственностью супругов, «предпринимательских объектов», связанных с участием супругов (одного из них) в коммерческих организациях, являются актуальными для доктрины и правоприменительной практики как Республики Беларусь, так и Российской Федерации [1; 2; 3; 4; 5; 6].

С 19 ноября 2024 г. национальный белорусский законодатель изменил подход к «разделу» доли в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью (общества с дополнительной ответственностью) (далее – общество), находящейся в общей совместной собственности супругов, путем изложения части первой п. 3^1 ст. 259 ГК Республики Беларусь в новой редакции; с исключением части второй данного пункта.

В силу новой законодательной регламентации при разделе имущества, находящегося в совместной собственности супругов, супруг участника общества вправе стать участником соответствующего общества с согласия остальных участников этого общества либо требовать выплаты стоимости причитающейся ему части доли его супруга в уставном фонде или выдачи в натуре имущества на такую стоимость; при этом отказ во включении в состав участников соответствующего общества влечет обязанность этого общества выплатить супругу стоимость причитающейся ему части доли его супруга в уставном фонде либо выдать в натуре имущество на такую стоимость [7].

В связи с изменением законодательного подхода возникает вопрос: кто определяет, действительно ли доля в уставном фонде общества находится в общей совместной собственности супругов и обладает ли супруг участника общества правом на указанную долю.

Основная часть. Отвечая на поставленный во введении вопрос, констатируем, что исходя как из буквального законодательного подхода, так и из его смыслового толкования можно прийти к выводу, что при разделе общего имущества между супругами (причем не только в связи с разводом супругов) супруг участника общества при наличии доли в уставном фонде общества в общей совместной собственности супругов самостоятельно, т. е. «без какого-либо дополнительного решения», в том числе и решения суда общей юрисдикции (как это было до 19 ноября 2024 г.), признает наличие у него права на часть доли в уставном фонде общества.

Тем самым сам факт раздела совместного имущества между супругами является уже достаточным, чтобы супруг участника общества признал за собой право на 50 % доли в уставном фонде общества, находящейся в общей совместной собственности супругов.

Затем, исходя из «самостоятельно признанного указанного права», супруг участника общества обращается в соответствующее общество с заявлением: (1) либо о приеме его в состав участников общества и тем самым признания за ним права личной (частной) собственности на долю в уставном фонде общества в размере 50 % от доли, находившейся в общей совместной собственности супругов; (2) либо о выплате ему действительной стоимости доли в размере 50 % от доли, находившейся в общей совместной собственности супругов; (3) либо о выдаче ему имущества общества в натуре, соответствующего действительной стоимости доли в размере 50 % от доли, находившейся в общей совместной собственности супругов.

Анализируя далее законодательный подход, необходимо подчеркнуть, что, если до 19 ноября 2024 г. роль суда общей юрисдикции в рассматриваемом нами процессе «раздела» доли в уставном фонде общества, находящейся в общей совместной собственности супругов, между указанными лицами была значительной, то в настоящее время (т. е. с 19 ноября 2024 г.) суд общей юрисдикции фактически (а точнее юридически) исключен из него.

Указанный вывод основан на том, что до 19 ноября 2024 г. именно суд общей юрисдикции признавал за супругом участника общества право на соответствующую часть доли в уставном фонде общества; и без указанного признания супруг участника не мог реализовать никакое право в связи с указанной долей в уставном фонде общества при «противодействии» со стороны супруга – участника общества.

В случае же, если указанного «противодействия» не было, то, конечно же, супруги могли достичь договоренности относительно дальнейшей судьбы доли в уставном фонде общества при разделе совместного имущества между супругами; однако однозначности в вопросе «договорного раздела» доли в уставном фонде общества между супругами нет. И даже более: скорее всего, общество и остальные (по отношению к супругу-участнику общества) участники общества могли (и могут) не следовать указанной выше договоренности супругов; а раз так, то без «судебного раздела» доли в уставном фонде общества до 19 ноября 2024 г., действительно, никакое право супруга участника общества на долю в уставном фонде общества реализовано быть не могло.

С 19 ноября 2024 г. ни о какой «предварительной роли» суда общей юрисдикции речь вообще не идет, так как, как показано ранее, вопрос о наличии права на соответствующую часть доли в уставном фонде общества супруг участника общества решает самостоятельно.

Тем самым суда общей юрисдикции с 19 ноября 2024 г. нет в решении вопроса: «раздел доли в уставном фонде общества, находящейся в общей совместной собственности супругов, между указанными лицами».

Причем суд общей юрисдикции с 19 ноября 2024 г. «не только не участвует в вопросе определения права супруга участника общества на долю в уставном фонде общества», но и не разрешает впоследствии споры, связанные с действительным наличием у супруга участника общества соответствующего права.

А именно, если супруг участника общества «ошибся» в вопросе наличия в общей совместной собственности супругов доли в уставном фонде общества; иными словами, указанная доля принадлежит на праве личной (частной) собственности исключительно супругу-участнику общества; то получается, что при обращении супруга участника общества в соответствующее общество с заявлением: (1) либо о приеме его в состав участников общества; (2) либо о выплате ему действительной стоимости части доли в уставном фонде общества; (3) либо о выдаче ему имущества общества в натуре, соответствующего действительной стоимости части доли в уставном фонде общества, – такой супруг участника должен получать отказ в удовлетворении его требования.

Споры же в связи с приведенным отказом будут разрешаться уже не судом общей юрисдикции, а экономическим судом.

Обозначенный подход основан на том, что в соответствии со ст. 47 ХПК Республики Беларусь суд, рассматривающий экономические дела, разрешает дела по спорам, связанным с применением условий учредительства юридического лица или организации, не являющейся юридическим лицом, и (или) участия в них; при этом указанные дела разрешаются судом, рассматривающим экономические дела, независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, организации, не являющиеся юридическими лицами, индивидуальные предприниматели или граждане [8].

Однако ГПК Республики Беларусь никак особо не регламентирует интересующие нас отношения [9].

Подпункт 1 п. 2 ст. 45 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (который будет действовать с 1 января 2026 г.) предусматривает, что независимо от того, являются ли участниками правоотношений, из которых возникли спор или требование, юридические лица, организации, не являющиеся юридическими лицами, индивидуальные предприниматели или иные граждане, экономические суды рассматривают дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, вытекающие из применения условий учредительства юридического лица и (или) участия в нем [10].

Таким образом, как в настоящее время, так и с 1 января 2026 г. к специальной подведомственности экономических судов относится разрешение споров, вытекающих из участия в юридическом лице, а также споров в связи с таким участием.

При этом, несмотря на то что ст. 47 ХПК Республики Беларусь в настоящее время и ст. 45 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь с 1 января 2026 г. используют правовую конструкцию: «споры, связанные с применением условий учредительства юридического лица»; данная правовая конструкция, фактически с момента ее начала применения, понимается не только как «споры, связанные с непосредственным участием в юридическом лице, учредительством юридического лица и т. д.»; т. е. как споры между участником (учредителем) юридического лица и самим юридическим лицом; или как споры между участниками юридических лиц по поводу участия в юридическом лице; но и как

«споры, любым, хотя и косвенным образом, связанные с участием в юридическом лице или в связи с таким участием».

В связи с указанным нельзя не отметить, что еще подп. 7.3 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 22 июня 2000 г. № 4/3 «О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами» (утратило силу в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2015 г. № 3) предусматривал, что хозяйственным судам подведомственны также споры по заявлениям граждан-учредителей, когда спор связан с применением условий учредительства юридического лица – коммерческой организации или участия в ней, в том числе: о восстановлении в составе учредителей (участников), о взыскании доли (вклада, пая), о внесении изменений в учредительные документы, о признании недействительными учредительных документов, о признании недействительным акта регистрации юридического лица – коммерческой организации, о признании недействительным акта регистрирующего органа, влекущего правовые последствия для коммерческой организации или ее учредителей (участников), собственника ее имущества, о признании недействительным решения органа юридического лица об исключении гражданина из числа учредителей (участников) коммерческой организации, о выходе из состава учредителей (участников) коммерческой организации в случае непринятия ею (ее органом) соответствующего решения или мер по внесению соответствующих изменений в учредительные документы и др. [11].

К указанным спорам в настоящее время относятся также и споры относительно: заключения крупной сделки хозяйственного общества; недействительности крупной сделки хозяйственного общества; заключения сделки с заинтересованностью аффилированного лица хозяйственного общества; недействительности сделки с заинтересованностью аффилированного лица хозяйственного общества; исключения участника из общества; выплаты участнику общества действительной стоимости доли в уставном фонде общества; договоров купли-продажи, мены, дарения и др. доли в уставном фонде общества, акций и др.

Таким образом, несмотря на то что в рамках описываемых отношений речь может идти о спорах между супругом участника общества и обществом относительно:

- отказа от принятия супруга участника общества в общество;
- отказа от выплаты супругу участника общества действительной стоимости части доли в уставном фонде общества;
- отказа от выдачи супругу участника общества имущества общества в натуре, соответствующего действительной стоимости части доли в уставном фонде общества;
- размера выплачиваемой супругу участника общества действительной стоимости части доли в уставном фонде общества;
- видов и стоимости имущества в натуре общества, соответствующего действительной стоимости части доли в уставном фонде общества, передаваемого супругу участника общества;

▪ и такие споры (учитывая то, что супруг участника общества не является на момент рассмотрения спора участником соответствующего общества) напрямую не относятся к спорам, в связи с участием в обществе – все равно подлежат рассмотрению именно экономическими судами, как в силу действующего в настоящее время процессуального законодательства, так и процессуального законодательства, которое будет действовать с 1 января 2026 г. В том числе несмотря на то, что в качестве истца будет выступать физическое лицо.

Тем самым отсутствие участия в обществе супруга участника общества («напрямую») не исключает исходя из подходов процессуального законодательства Республики Беларусь, подведомственности интересующих нас споров именно экономическим судам. Такой подход основан на признании того, что отношения, связанные с указанным супругом («косвенно») – это именно отношения, вытекающие из применения условий учредительства юридического лица; а точнее, в связи с участием в юридическом лице.

На основе изложенного констатируем кардинальное изменение законодательного подхода именно к вопросу «участия» судов общей юрисдикции в «разделе» доли в уставном фонде общества, находящейся в общей совместной собственности супругов, между указанными лицами.

При этом подчеркнем, что, по нашему мнению, указанное не представляется «корректной либерализацией» соответствующих отношений, так как, исключив так называемый «предварительный спор», в отношении прав супруга участника общества на часть доли в уставном фонде общества, который нам представляется спором, связанным с «простым понимаем правоотношений», когда суду общей юрисдикции необходимо было установить лишь наличие права общей совместной собственности супругов на долю в уставном фонде общества или права личной (частной) собственности супруга-участника общества на указанную долю, национальный законодатель создал почву для «более сложных последующих споров»; хотя, конечно же, все с той же «праосновой».

Единственное, что в рамках анализируемого законодательного подхода действительно наблюдается, так это исключение из «процесса» судов общей юрисдикции; и рассмотрение описанных выше категорий споров экономическими судами.

В связи с изложенным, конечно же, суды общей юрисдикции «освобождены» от решения таких «экономических вопросов», как:

▪ связанных с правом собственности на имущество общества, которое принадлежит исключительно одному лицу (юридическому лицу) – самому обществу;

▪ установлением того, что в общей совместной собственности супругов может находиться именно доля в уставном фонде общества и при этом никакое из имущества, находящегося на балансе общества, не является собственностью супругов;

▪ определением правовой природы доли в уставном фонде общества;

▪ незаконностью предмета иска: «выделение» из баланса общества какого-либо объекта (его части) с передачей этого объекта (его части) одному

из супругов в рамках раздела общего имущества супругов (имущество общества ни при каких условиях не подлежало (и не подлежит в настоящее время) разделу между супругами);

▪ перехода доли в уставном фонде общества из личной (частной) собственности супруга-участника общества в общую совместную собственность супругов (лишь при условии внесения дополнительного вклада (дополнительных вкладов) в уставный фонд общества за счет общего имущества супругов или личного имущества супруга участника общества, если это значительно увеличивает стоимость доли);

▪ отсутствием влияния роста активов или чистых активов у общества в период нахождения участника общества в браке; на переход доли в уставном фонде общества из личной (частной) собственности такого участника в общую совместную собственность его и его супруги;

▪ определением действительной стоимости доли в уставном фонде общества (хотя напрямую указанный вопрос судами общей юрисдикции и не разрешался) и др.

Однако с 19 ноября 2024 г. суды общей юрисдикции «продолжают» рассматривать споры, относительно: 1) раздела между супругами акций как открытого акционерного общества, так и закрытого акционерного общества, находящихся в общей совместной собственности супругов; 2) «раздела» доли в уставном фонде крестьянского (фермерского) хозяйства, находящейся в общей совместной собственности супругов; 3) «судьбы» учредительства и имущества унитарного предприятия, право собственности на имущество которого принадлежит супругам; в рамках раздела совместного имущества супругов; 4) обращения взыскания на долю в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью (общества с дополнительной ответственностью) по личным долгам участника общества-физического лица (хотя, возможно, в свете анализируемого нами подхода данный вопрос также будет рассматриваться именно экономическими судами; в связи с тем, что применительно к нему присутствует «связь с учредительством юридического лица») и т. д.

Единственное, что применительно к рассматриваемым отношениям действительно изменится относительно иных объектов гражданского права, связанных с «участием в юридическом лице», так это то, что аналогично с изменением подхода к «разделу» доли в уставном фонде общества, находящейся в общей совместной собственности супругов, между ними; наблюдается такое же изменение подхода к: «разделу» доли в уставном фонде полного товарищества, находящейся в общей совместной собственности супругов, между ними; «разделу» доли в уставном фонде коммандитного товарищества, находящейся в общей совместной собственности супругов, между ними; «разделу» вклада коммандитиста, находящегося в общей совместной собственности супругов, между ними; «разделу» пая в производственном кооперативе, находящегося в общей совместной собственности супругов, между ними.

Заключение. На основе изложенного в настоящей статье можно сделать выводы о том, что суд общей юрисдикции с 19 ноября 2024 г. «не только не участвует в вопросе определения права супруга участника общества на долю

в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью (общества с дополнительной ответственностью)»; но и не разрешает впоследствии споры, связанные с действительным наличием у супруга участника общества соответствующего права.

Список цитированных источников

1. Кабуш, М. Раздел доли супругов в ООО после расторжения брака / М. Кабуш // Юрист. – 2022. – № 4. – URL: https://jurist.by/zhurnal/statia/razdel-doli-suprugov-v-ooo-posle-rastorzheniya-braka?ysclid=memkju08td689436866 (дата обращения: 16.03.2025).
2. Коротаев, С. Л. Доля в уставном фонде ООО при разделе имущества супругов / С. Л. Коротаев. – URL: https://ilex-private.ilex.by/view-document/BECMB/31682/#M100001 (дата обращения: 16.03.2025).
3. Леонович, А. Я. Как разделить долю в ООО между супругами при реорганизации путем выделения? Будет ли доля в ООО являться общей совместной собственностью? / А. Я. Леонович. – URL: https://ilex-private.ilex.by/view-document/BECMB/32866/#M100001 (дата обращения: 16.03.2025).
4. Бычек, Т. А. Раздел между супругами доли в ООО / Т. А. Бычек. – URL: https://advokat-bychak.by/razdel-doli-ooo/ (дата обращения: 16.03.2025).
5. Колодежная, Н. Сложности при разделе бывшими супругами доли в ООО / Н. Колодежная, Н. Васильева. – URL: https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/slozhnosti-pri-razdele-byvshimi-suprugami-doli-v-ooo (дата обращения: 16.03.2025).
6. Вартанян, М. О. Раздел совместно нажитого имущества – доли в ООО, акций при разводе / М. О. Вартанян. – URL: https://www.dvitex.ru/poleznoe/semeynoe-pravo/razdel-sovmestno-nazhitogo-imushchestva-doli-v-ooo-aktsiy-pri-razvode (дата обращения: 16.03.2025).
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 апр. 2024 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).
8. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : 15 дек. 1998 г. № 219-З : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).
9. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь : 11 янв. 1999 г. № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).
10. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь : 11 марта 2024 г. №359-З : принят Палатой представителей 31 янв.2024 г.: одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).
11. О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь от 22 июня 2000 г. № 4/3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).

Рецензент: Перерва И. В.,
начальник информационно-консультационного центра
Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате,
кандидат юридических наук.

Дата поступления статьи: 20.02.2025.

ON THE EXCLUSION OF THE NEED FOR A COURT OF GENERAL JURISDICTION TO RECOGNIZE THE RIGHT TO A SHARE IN THE AUTHORIZED FUND OF A LIMITED LIABILITY COMPANY (A COMPANY WITH ADDITIONAL LIABILITY) FOR THE SPOUSE OF A PARTICIPANT IN THE COMPANY, IN ORDER TO «DIVIDE» SUCH SHARE, WHICH IS IN THE COMMON JOINT OWNERSHIP OF SPOUSES, BETWEEN THE SAID PERSONS

Jan I. Funk, Yulia A. Chigileichik-Funk

Annotation. On November 13, 2023 the Law of the Republic of Belarus No. 312-Z "On Amendments to the Codes" was adopted, according to which 279 amendments (significant and minor) were made to the Civil Code of the Republic of Belarus. The novels introduced into the Civil Code of the Republic of Belarus by the mentioned Law No. 312-З came into force on 19.11.2024.

One of these novels concerns the regulation by the law of the Republic of Belarus of the "division" of a share in the authorized fund of a limited liability company (additional liability company), which is in common joint ownership of spouses, between these persons.

The present article is devoted to the analysis of the mentioned novelty**.**

Keywords: share in the authorized fund of limited liability company (additional liability company), common joint ownership of spouses, division of property between spouses.

УДК 340.12

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПРАВА: ОБЗОР НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Халецкая Татьяна Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и хозяйственного права
Института управленческих кадров Академии управления
при Президенте Республики Беларусь
Tania80@rambler.ru

Аннотация. Современное состояние системы права характеризуется наличием сложных и противоречивых процессов, и в этих условиях требуется разработка научной концепции, в рамках которой будет раскрыт механизм модернизации системы права в условиях происходящих изменений. Попытки изменить существующую систему белорусского права не должны привести к полному уничтожению существующей системы, размыванию границ между отдельными элементами системы, неконтролируемой мультипликации отраслей права. В связи с этим представляется актуальным анализ существующих научных подходов, в рамках которых изучается структура системы права.

Ключевые слова: система права, структура системы права, модернизация системы права, отрасли права.

Введение. Система права, по справедливому замечанию И. А. Маньковского, «призвана удовлетворять потребности общества в правовом регулировании социальных процессов, имеющих место на каждом этапе развития

цивилизации» [1, с. 210]. В процессе развития общественных отношений отдельные элементы системы права могут изменяться с тем, чтобы наиболее полно удовлетворять потребности в правовом регулировании, однако сама система права должна при этом оставаться стабильной [1, с. 211]. Иными словами, система права любого государства должна быть организована таким образом, чтобы одновременно обеспечивались и стабильность, и динамизм этой системы. Динамическая установка, по верному замечанию Т. А. Волкогон, предполагает «непрерывный процесс изменения, развития, реформирования системы права» [2, с. 6].

В современном мире, по мнению ряда исследователей, как раз и происходит та трансформация реальности, которая должна повлечь существенную модернизацию системы права [3, с. 25]. Эта необходимость вызвана, с одной стороны, трансформацией классических институтов, и, в первую очередь, института частной собственности, с другой – трансформацией самого общества и появлением отношений, ранее имевших другую природу, либо ранее не существовавших [3, с. 13]. По мнению Е. Б. Хохлова, господствующая научная концепция системы права, сформулированная в 1930-е гг., «явно не отвечает современным потребностям» [4, с. 1].

Основная часть. Концептуальные подходы к выявлению структуры права отличаются многообразием и поражают обилием используемых аллегорий.

По мнению В. П. Мозолина, структура права включает три уровня: конституционное право, основные «ветви» права и правовые образования, которые по юридическому составу состоят из правовых норм и институтов основных «ветвей» права (таким образом, в основе данной концепции лежит идея об отказе от отраслей права и замене их «ветвями» права) [5, с. 110–111]. «Каждая ветвь имеет свой предмет правового регулирования», «соответственно характеру правоотношения решается вопрос о методе каждой основной ветви права», – отмечает В. П. Мозолин. Такой метод «…должен вытекать из характера общественных отношений, регулируемых нормами соответствующей ветви права, т. е. быть зависимым от предмета ветви или иметь вторичную по отношению к предмету классификационную природу критерия, определяющего понятие ветви права» [5, с. 112].

Иными словами, в качестве критериев выделения «ветвей» права ученый предлагает критерии, традиционно используемые для выделения отраслей права, – предмет и метод, в связи с чем неясной становится цель отказа от отраслевого деления права. Кроме того, вопросы вызывает выделение конституционного права в качестве отдельного уровня права, поскольку критерии такого выделения вообще не раскрываются. Критикуя концепцию, предложенную В. П. Мозолиным, В. И. Червонюк отмечает также о невозможности в ее рамках определить место таких образований, как, например, муниципальное право, которое выделилось именно из конституционного права, а не из норм и институтов основных «ветвей» права [6, с. 37].

Современную систему права Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич и О. Шкут сравнивают с «высокофункциональным, высокотехнологичным и сложноструктурированным небоскребом», система права «имеет общий стержень и комплекс корпусов (которые условно можно назвать циклами отраслей

права) различных уровней (которые условно можно назвать отраслями права), разнообразных по функциональному назначению, “оформлению” и техническим параметрам “помещений”, которые условно можно назвать институтами и субинститутами права» [3, с. 14]. Несмотря на весь романтизм данной аллегории, при ее перенесении в плоскость системы права возникают вопросы: что является в описанной системе «общим стержнем»? Базовым элементом системы права является субинститут (нормам права в этой аллегории не нашлось место)? Если комплекс корпусов составляют циклы права, то почему изменение уровня этих корпусов влечет трансформацию циклов в отрасли? Что является фундаментом этого небоскреба?

Отметим, что по тексту статьи авторы от своей аллегории отступают и предлагают выделение в системе права самостоятельных циклов права, т. е. совокупности отраслей, формируемых вокруг «основной профилирущей отрасли права» (хотя, по мнению авторов, есть циклы, во главе которых отсутствует основная профилирующая отрасль права, например, – пруденциальный цикл отраслей права). При этом циклы отраслей выстраиваются или «вокруг характеристик предмета отрасли» (финансовый цикл отраслей права, хозяйственный цикл отраслей права), или вокруг «характеристик предмета отрасли и специфического направления государственного регулирования» (монетарный цикл отраслей права), или вокруг «характеристик предмета отрасли и ее специфической методологии» (инвестиционный цикл отраслей права). Сами же циклы могут включать «основные специальные и комплексные отрасли права (авторы признают одновременное существование комплексных отраслей, выделение которых является предметом острых дискуссий в научной литературе и комплексных институтов [3, с. 20] – *прим. авт. – Т.Х.*)» (такой вывод можно сделать исходя из предложенной ими характеристики хозяйственного и финансового циклов отраслей права). Таким образом, авторами выстроена система права, состоящая из расположенных друг над другом правовых циклов (корпусов разного уровня), объединяющих отрасли. При этом между отраслями в рамках цикла выстроены горизонтальные связи, тогда как сами циклы по вертикали друг с другом не связаны или, возможно, имеют минимальные связи через включенные в циклы комплексные отрасли. Четкого ответа на вопрос о наличии или отсутствии вертикальных связей между циклами авторы не дают, но приводят еще одну аллегорию: небоскреб должен быть устроен так, «чтобы каждый из уровней (этажей) фактически представлял собой полностью автономный элемент конструкции, позволяющий человеку успешно удовлетворять свои потребности в пределах такого уровня (этажа), лишь иногда посещая иные этажи или иные структурные элементы здания» [3, с. 14].

Не отрицая новизну и оригинальность предложенной Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневичем и О. Шкут концепции, отметим ее «ограниченный» характер. Все выделенные авторами циклы права строятся вокруг института хозяйственной деятельности. Наряду с этим авторы указывают на существование в доктрине идеи деления «всей совокупности отраслей права на следующие циклы: на государственно-правовой, административно-правовой, уголовно-правовой, цивилистический и процессуальный циклы отраслей» [3, с. 19] (к сожалению,

в статье не приводятся ссылки на работы авторов, выделяющих указанные циклы отраслей), однако тут же выделение данных циклов критикуют и, фактически, отвергают. В связи с этим не совсем понятной становится общая картина системы права.

Кроме того, отсутствие четких критериев формирования циклов отраслей права, наряду с неутихающей научной критикой существующих критериев образования самостоятельных отраслей права в системе права [4, с. 10, 11; 7, с. 1–35], может, по нашему мнению, привести к «размножению» новых отраслей, стиранию граней между отраслями, подотраслями и институтами права. Если к этому добавить также комплексные отрасли права и комплексные институты, признаваемые авторами анализируемого подхода, то в конечном итоге можно добиться «размывания» системы права, а вслед за этим и правовой науки и юридической практики.

Свое видение отраслевой структуры белорусского частного права предложено в работе С. П. Протасовицкого. Ученый, опираясь на структуру частного права, характерную для германской системы континентального права, делает вывод о том, что «белорусское частное право состоит из гражданского права (общего частного права) и отраслей, объединенных в специальное частное право» [8, с. 48]. К специальному частному праву С. П. Протасовицкий относит: жилищное право, семейное право, трудовое право, земельное право, природоресурсное право (данный перечень оставляется открытым в связи с существующей возможностью его расширения за счет «отдельных нормативных образований, регулирующих предпринимательские отношения (например, право финансовых услуг, энергетическое право)») [8, с. 51]. Несмотря на то что в рамках данного подхода делается попытка поставить точку в дискуссии о природе ряда правовых образований, ранее выделившихся из гражданского права, он, как и предыдущий, отличается узостью и не дает представления о системе права в целом. В рамках данного подхода также допускается создание неограниченного количества отраслей, тем более что одним из формальных признаков отрасли (по смыслу статьи – отрасли специального частного права) признается «наличие кодекса, на котором базируется отрасль законодательства, содержащая нормы специального частного права» [8, с. 49].

Представители российской теории права предлагают подход к структуре системы права, имеющий общие черты с подходом, предложенным С. П. Протасовицким, но несколько расширяющем его. Например, Е. М. Макеева в своей диссертации «Система права Российской Федерации: вопросы теории и практики» предлагает при структурировании системы права исходить из деления права на три подсистемы: частное, публичное и смешанное. К отраслям публичного права ученый относит: конституционное (государственное) право, административное право, уголовное право, финансовое право, налоговое право, процессуальное право, международное публичное право. К отраслям частного права – гражданское право (при этом гражданское право должно признаваться ведущей отраслью подсистемы частного права), семейное право, международное частное право. К отраслям смешанного типа Е. М. Макеева относит «отрасли права, в которых в разных пропорциях присутствуют одновременно и частное и публичное

начало», а именно – земельное право, природоресурсное право, трудовое право, право социального обеспечения, муниципальное право [4, с. 22, 23].

Предлагая те или иные новые подходы к структуре системы права, современные исследователи утверждают, что не пытаются «сломать традиционные каноны, разрушив сложившуюся за тысячелетия концепцию и конструкцию права», они лишь стремятся «существенно модернизировать ее, значительно расширить ее горизонты» [3, с. 25]. Однако чтобы что-то модернизировать, нужно изучить дискуссии о системе и структуре права, которые велись ранее, выяснить причины этих дискуссий (полагаем, причины были те же – трансформация общественных отношений) и изучить сделанные выводы. Подобные дискуссии велись и в советский и даже в дореволюционный период. Кроме того, необходимым представляется и изучение зарубежных воззрений на систему права и ее структуру. Несмотря на господствующее представление о том, что споры о системе права характерны в основном для советской и постсоветской правовой доктрины, зарубежные исследователи в своих работах данные вопросы также затрагивали. В качестве примера можно привести целую школу изучения системы права, созданную немецким социологом и юристом Н. Луманом [9, с. 60–64].

Еще в 1982 г. на страницах журнала «Советское государство и право» был предложен концептуальный подход к структуре системы права. Систему права предлагалось рассматривать «в виде некой пирамиды», а не «плоского массива переплетающихся норм», поскольку в пирамидальности заключено одно из условий внутренней согласованности составных элементов системы права [10, с. 3–18]. Одновременно в структуру права добавлялся социогуманитарный контекст, благодаря чему проводилось отграничение права от неправа, расширялась структурная организация за счет непозитивного права. На современном этапе эти идеи развивает в своих работах доктор юридических наук В. И. Червонюк, предлагающий структурировать право на четыре уровня: 1) базовый; 2) основной; 3) субсидарный; 4) специальный. Каждому из указанных уровней соответствуют «определенные структурные ряды (или один структурный ряд)» [11, с. 12]. Так, базовый уровень объединяет два структурных ряда – права человека и принципы права. Основной уровень образует действующее в стране позитивное право, этот уровень охватывает несколько структурных рядов: первый (генеральный) структурный ряд – конституционное право; второй (высший) структурный ряд – основные правовые общности, совпадающие с отраслевым делением права и охватывающие своим содержанием так называемые базовые, или профилирующие и специальные отрасли права; третий (низший) структурный ряд охватывают комплексные межотраслевые институты, состоящие из норм материнских отраслей права первых двух структурных рядов и специальных норм. Субсидарный уровень права представлен непозитивным правом (данный уровень может охватывать обычное право, доктринальное право, религиозное право, прецедентное право). Специальный уровень права образован первичными элементами правовой структуры: нормативными обобщениями, правом, выраженным в правовых общностях, сферы действия которых ограничиваются пределами территориального верховенства государства (макроуровень права); право, выраженное правовыми семьями, а также региональными и международными системами права (мегауровень права).

Подобный подход, на наш взгляд, позволяет прервать «цепную реакцию» непрекращающегося выделения новых отраслей права, поскольку сама структура права выстраивается хотя и через отрасли права, но полностью к ним не сводится. «Строение права (его структура) принимает реальный, многоуровневый, сложноструктурный (сложносоставный) характер, не нивелируя существование отдельных его звеньев, не охватываемых отраслевым делением права» [11, с. 16].

Заключение. В заключение отметим, что сегодня, без сомнений, современное состояние системы права характеризуется наличием сложных и противоречивых процессов и в этих условиях требуется разработка научной концепции, в рамках которой будет раскрыт механизм модернизации системы права в условиях происходящих изменений. Но попытки модернизации системы белорусского права силами исключительно представителей отраслевых наук, в большинстве случаев вызывают вопросы, а не дают ответы. Представляется, что к дискуссии о структуре современной системы белорусского права должны «подключиться» представители теории права в связи с тем, что отношения между отраслевыми науками и теорией права – это отношения, построенные на взаимности: в рамках теории права должны быть сформулированы выводы, которые станут основой для решения задач отраслевых наук, тогда как отраслевые науки должны стать источником материала для теоретических обобщений.

Список цитированных источников

1. Витушко, В. А. Теоретические основы современного правопонимания : общеправовой и отраслевой правовой подходы : монография / В. А. Витушко, С. С. Вабищевич, И. А. Маньковский ; под науч. ред. В. А. Витушко. – Минск : МИТСО, 2016. – 414 с.

2. Волкогон, Т. А. Система права в условиях обновляющегося общества : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Волкогон Татьяна Александровна ; Алтайский гос. ун-т. – Красноярск, 2006. – 23 с.

3. Бондаренко, Н. Л. Дискуссия о системе права и ее значение для цивилистической науки / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, О. Шкут // Методологические проблемы цивилистических исследований. – М., 2022. – Вып. 4. – С. 12–29.

4. Макеева, Е. М. Система права Российской Федерации : вопросы теории и практики : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Макеева Елизавета Михайловна ; Моск. гос. ун-т. им. М. В. Ломоносова. – М., 2006. – 23 с.

5. Мозолин, В. П. Система российского права (доклад на всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) / В. П. Мозолин // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 107–113.

6. Червонюк, В. И. Структура права: закономерности формирования и развития (в девяти выпусках). Выпуск второй. Концепция структуры права / В. И. Червонюк // Вестник Моск. университета МВД России. – 2014. – № 2. – С. 33–39.

7. Головина, А. А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Головина Анна Александровна ; Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина. – М., 2012. – 34 с.

8. Протасовицкий, С. П. Отраслевая структура частного права / С. П. Протасовицкий // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 11. – С. 46–51.

9. Тихонова, С. В. Концептуальные основания западной коммуникативной теории права: Николас Луман / С. В. Тихонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – Т. 22, Вып. 1. – С. 60–64.

10. Система советского права и перспективы ее развития : круглый стол журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 3–18.

11. Червонюк, В. И. Структура права: закономерности формирования и развития (в девяти выпусках). Выпуск третий. Структурные уровни, ряды права. Правовые общности / В. И. Червонюк // Вестник Моск. университета МВД России. – 2014. – № 3. – С. 11–16.

Рецензент: Карпенков В. В.,
доцент кафедры гражданского и хозяйственного права Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 30.03.2025.

MODERNIZATION OF THE LEGAL SYSTEM: A REVIEW OF SCIENTIFIC CONCEPTS

Tatyana M. Khaletskaya

Abstract. The current state of the legal system is characterized by the presence of complex and contradictory processes, and in these conditions it is necessary to develop a scientific concept, within the framework of which the mechanism of modernization of the legal system will be revealed in the context of ongoing changes. Attempts to change the existing system of Belarusian law should not lead to the complete destruction of the existing system, to the blurring of the boundaries between individual elements of the system, to the uncontrolled multiplication of branches of law. In this regard, it seems relevant to study the existing scientific approaches within which the structure of the legal system is studied.

Keywords: legal system, structure of the legal system, modernization of the legal system, branches of law.

УДК 347.45

О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОГОВОРА КОНСОРЦИУМА РУКОВОДСТВАМИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ООН В СВЯЗИ С ПРИЗНАНИЕМ ИЛИ НЕ ПРИЗНАНИЕМ УКАЗАННОГО ДОГОВОРА В КАЧЕСТВЕ НЕПОИМЕНОВАННОГО В ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Чигилейчик-Функ Евгений Янович,
магистр права, аспирант факультета международных отношений
Белорусского государственного университета
chigileichik9@mail.ru

Аннотация. Гражданское право Республики Беларусь предусматривает классификацию (деление) гражданско-правовых договоров, совершаемых субъектами, подъюрисдикционными праву Республики Беларусь на поименованные (т. е. урегулированные законодательством) и непоименованные (т. е. неурегулированные законодательством).

Среди последних, исходя из наименования договора, принято выделять договор консорциума. Однако необходимо понимать, насколько действительно договор консорциума может быть отнесен к непоименованным договорам в праве Республики Беларусь. Для решения указанной задачи необходимо определить точную правовую природу договора консорциума; последнему же может поспособствовать обращение к «проистокам» нормативного регулирования указанного правового явления, в качестве каковых выступают акты Европейской Экономической Комиссии ООН (ЕЭК ООН), а именно ее Руководства 1973 г., 1976 г., 1979 г. Настоящая статья посвящена исследованию Руководств ЕЭК ООН 1973 г., 1976 г., 1979 г. на предмет определения существа договора консорциума.

Ключевые слова: Руководства ЕЭК ООН 1973 г., 1976 г., 1979 г., договор консорциума, непоименованные договоры, договор сотрудничества (кооперации, кооперирования).

Введение. Гражданское право Республики Беларусь предусматривает классификацию (деление) гражданско-правовых договоров, совершаемых субъектами, подъюрисдикционными праву Республики Беларусь, на поименованные (т. е. урегулированные законодательством) и непоименованные (т. е. неурегулированные законодательством).

В основе указанного деления лежат нормативные положения подп. 1 п. 1 ст. 7 и п. 1-1 ст. 391 ГК Республики Беларусь [1].

Среди непоименованных договоров в праве Республики Беларусь, исходя из наименования договора, принято выделять договор консорциума [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

Так, профессор Я. И. Функ указывал на то, что «достаточно сложно определить однозначно правовую природу консорциума в связи с отсутствием законодательного регулирования данного явления, причем не только в Республике Беларусь, но и в иных государствах мира» [2]. Ю. А. Амельченя констатировала, что: «в правовых условиях Республики Беларусь … не урегулирован нормами гражданского законодательства договор простого консорциума. Однако … может применяться общая норма о том, что такой договор может быть заключен как непоименованный, если он не противоречит законодательству» [7]. Л. Н. Лисица также отмечала, что «в настоящее время договор о консорциуме не регулируется нормами гражданского законодательства. Иначе говоря, он является непоименованным и может заключаться в случае, если не противоречит законодательству» [8].

Однако необходимо понимать, насколько действительно договор консорциума может быть отнесен к непоименованным договорам в праве Республики Беларусь.

Для решения указанной задачи необходимо определить точную правовую природу договора консорциума.

Основная часть. Рассматривая правовую природу договора консорциума, необходимо обратиться к «проистокам» нормативного регулирования указанного правового явления, в качестве каковых выступили акты Европейской Экономической Комиссии ООН (ЕЭК ООН), а именно:

1) Руководство Европейской Экономической Комиссии ООН по составлению договоров на сооружение промышленных объектов 1973 г. [9];

2) Руководство Европейской Экономической Комиссии ООН по составлению договоров о международном промышленном сотрудничестве 1976 г. [10];

3) Руководство Европейской Экономической Комиссии ООН по составлению международного договора между сторонами, связанными целью осуществления определенного проекта 1979 г. [11].

Рассматривая Руководство ЕЭК ООН по составлению договоров на сооружение промышленных объектов необходимо отметить, что указанное Руководство рассчитано на «международные договоры на сооружение промышленных объектов, заключаемые между рядом участников, число и роль которых могут

быть в разных случаях различными» (подп. i) п. 2)); при этом под указанными участниками понимаются: заказчик, поставщик или поставщики машинного оборудования или промышленных установок; подрядчик или подрядчики по строительным или инженерным работам; конструкторское бюро; инженер-консультант; предприятия, передающие технологию и документацию.

В качестве одной из основных категорий договоров на сооружение крупных промышленных объектов анализируемое Руководство ЕЭК ООН определяет, что заказчик может заключить с другими участниками: «комплексный договор как на выполнение строительных и инженерных работ, так и на поставку и монтаж промышленных установок, когда контрагент заказчика (главный контрагент) берет на себя ответственность за комплекс поставок и работ, хотя выполнение части поставок или работ он может передать своим субподрядчикам» (подп. ii) п. 3)).

Применительно к заключению договора по сооружению крупного промышленного объекта в соответствии с п. 5 Руководства ЕЭК ООН 1973 г. такой договор:

1) «заказчик может заключить с поставщиком промышленных установок, причем подрядчик по строительным или инженерным работам играет лишь вспомогательную роль, заключая договор на субподряд с поставщиком»;

2) «либо роли поставщика и подрядчика могут меняться; в частности, это происходит в некоторых странах либо тогда, когда стоимость строительных работ превышает стоимость промышленных установок, либо когда строительные работы являются главным предметом сделки, например, при строительстве плотины, метро, больницы и т. п.»;

3) «либо (что интересует нас применительно к настоящему исследованию) поставщик и подрядчик могут создать “объединенное предприятие” (“объединение предприятий”), которое заключает единый договор с заказчиком».

Тем самым рассматриваемое Руководство ЕЭК ООН по составлению договоров на сооружение промышленных объектов не содержит непосредственно термина «консорциум»; вместо него использует понятие «объединенное предприятие» («объединение предприятий»), под которым для целей Руководства ЕЭК ООН 1973 г. понимается «объединение предприятий не в строго юридическом смысле, а в широком значении, включая все формы “объединения предприятий” независимо от того, являются ли они юридическим лицом или нет» (п. 5 Руководства и его Раздел VII «Объединение предприятий»).

При этом в качестве разновидностей «объединений предприятий» подп. i) п. 36 Руководства ЕЭК ООН 1973 г. называет:

1) временную ассоциацию;

2) экономическое объединение;

3) юридическую форму, определяемую простым договором, объединяющим ряд предприятий в ассоциацию.

В соответствии с подп. ii) и iii) п. 36 Руководства ЕЭК ООН по составлению договоров на сооружение промышленных объектов «в случае, когда объединение предприятий является юридическим лицом, заказчик имеет дело только с одним контрагентом; в случае же, когда объединение предприятий не является

юридическим лицом, то и тогда оно также может быть представлено одним из его членов, назначенным с этой целью объединением (однако указанное последним, это лишь один из вариантов); последний в этой ситуации будет отвечать перед заказчиком за выполнение обязательств, взятых объединением, имея в виду, что в конкретных случаях для переговоров с заказчиком он может прибегать к помощи члена или членов объединения, которых непосредственно касаются требования заказчика; при этом иногда члены объединения могут брать на себя солидарную ответственность перед заказчиком; однако это последнее решение может быть неприемлемым для членов объединения с незначительным участием во всех оказываемых услугах».

Нельзя не отметить, что Руководство ЕЭК ООН 1973 г. исходит из того, что в значительном количестве случаев («как это часто случается»), «заказчик оставляет за собой право высказывать мнение о составе объединения». Кроме того, внутри объединения рекомендуется «распределять ответственность между его членами, что позволит объединению взять на себя при меньшем риске для каждого из его членов, общую ответственность, в том числе и по договору “под ключ”, которую одному субъекту было бы нести труднее».

Исходя из приведенных выше нормативных положений Руководства ЕЭК ООН по составлению договоров на сооружение промышленных объектов, необходимо отметить, что несмотря на то, что данное Руководство не содержит непосредственно термина «консорциум»; достаточное количество консорциумов по сооружению крупных промышленных объектов как были «основой» для составления указанного Руководства, так и «возникли» в будущем именно на основе положений Руководства ЕЭК ООН 1973 г.

Иными словами, «простой договор», на основе которого возникает «объединение предприятий» («объединенное предприятие») для сооружения крупных промышленных объектов, согласно Руководству ЕЭК ООН по составлению договоров на сооружение промышленных объектов, это, в действительности, и есть интересующий нас договор консорциума.

Рассматривая правовую природу «”простого договора”, на основе которого возникает “объединение предприятий” («объединенное предприятие») для сооружения крупных промышленных объектов», необходимо отметить, что исходя из Руководства ЕЭК ООН 1973 г., «виден» ряд (конечно же, не все) существенных правовых характеристик указанного договора:

1) *во-первых*, речь идет об объединении субъектов на стороне исполняющего обязательства по сооружению промышленного объекта;

2) *во-вторых*, участниками такого объединения («сторонами «простого договора») являются субъекты, осуществляющие разные виды деятельности, а именно [не обязательно в полной совокупности]: поставщик или поставщики машинного оборудования или промышленных установок, подрядчик или подрядчики по строительным или инженерным работам; конструкторское бюро, инженер-консультант; предприятия, передающие технологию и документацию;

3) *в-третьих*, от имени «”простого договора”, на основе которого возникает “объединение предприятий” («объединенное предприятие») для сооружения крупных промышленных объектов» договор с заказчиком может заключить:

либо один из членов такого объединения (имеется ввиду участников договора), «назначенный объединением» (уполномоченный соответствующими сторонами договора) либо все участники объединения, образуя множественность на соответствующей стороне договора с заказчиком.

Таким образом, если основываться на Руководстве ЕЭК ООН по составлению договоров на сооружение промышленных объектов, то «просматриваются» два типа «”простого договора”, на основе которого возникает “объединение предприятий” (“объединенное предприятие”) для сооружения крупных промышленных объектов», а именно:

1) первый – который можно условно поименовать как «товарищеский тип» – применительно к которому речь идет о заключении договора с заказчиком всеми участниками «объединения предприятий»; и тем самым все участники «объединения предприятий» в той или иной степени отвечают перед заказчиком за сооружение крупного промышленного объекта;

2) второй – условно определяемый как «кооперационный тип» – относительно которого речь идет о заключении договора с заказчиком лишь одним из участников «объединения предприятий», который непосредственно отвечает перед заказчиком за сооружение крупного промышленного объекта и координирует действия иных участников «объединения предприятий» (в Руководстве ЕЭК ООН 1973 г. содержится указание на «координацию»).

В связи с указанным нельзя не отметить, что договор «товарищеского типа» не может рассматриваться в качестве непоименованного договора в праве Республики Беларусь исходя из того, что ГК Республики Беларусь содержит гл. 54 «Простое товарищество».

Договор же «кооперационного типа» является непоименованным договором для правовой системы Республики Беларусь, так как ни ГК Республики Беларусь, ни иной акт законодательства Республики Беларусь не предусматривает его регламентации.

При этом, правда, нельзя не отметить, что проанализированное нами Руководство ЕЭК ООН 1973 г. все-таки не содержит точной (однозначной) указанной выше градации; особенно «не достает» точной характеристики «”простого договора”, на основе которого возникает “объединение предприятий” (“объединенное предприятие”) для сооружения крупных промышленных объектов», применительно к выделенному нами «товарищескому типу».

Относительно Руководства ЕЭК ООН по составлению договоров о международном промышленном сотрудничестве 1976 г. необходимо отметить, что в нем как раз («хотя и недостаточно определенно») указывается на выделенный нами выше кооперационный тип договора консорциума; при этом и данное Руководство также не содержит непосредственно термина «консорциум»; а оперирует понятием «договор (контракт) о международном промышленном сотрудничестве (кооперации, кооперировании)».

Причем Руководство ЕЭК ООН 1976 г., не определяя точно существо отраженного последним договора; даже более, отмечая, что промышленная кооперация (кооперирование) «принимает сложные формы» все-таки подчеркивает, что «договор (контракт) о международном промышленном сотрудничестве

(кооперации, кооперировании)» не соответствует никакой из известных форм торговых договоров, включая при этом много различных элементов таких договоров.

Но, что самое главное, Руководство ЕЭК ООН 1976 г. исходит из того, что «договор (контракт) о международном промышленном сотрудничестве (кооперации, кооперировании)» заключается для «объединения» различных технических знаний сторон, их специализации в производстве, использования соответствующих трудовых ресурсов.

Тем самым в силу рассматриваемого Руководства «договор (контракт) о международном промышленном сотрудничестве (кооперации, кооперировании)» представляет собой «предпринимательское объединение без образования юридического лица» для целей самостоятельных (специализированных) действий сторон договора (каждой в той сфере, в которой она обладает «наивысшей квалификацией») с координацией действий сторон договора («участников предпринимательского объединения») для создания соответствующего («единого») продукта.

При этом в связи с описываемым договором о международном промышленном сотрудничестве (кооперации, кооперировании) необходимо еще раз подчеркнуть, что законодательство Республики Беларусь не регламентирует подобный «кооперационный» тип (вид, разновидность) договорного гражданско-правового обязательства.

Что же касается Руководства ЕЭК ООН по составлению международного договора между сторонами, связанными целью осуществления определенного проекта 1979 г., то и относительно данного Руководства необходимо подчеркнуть, что оно также «не оперирует» термином «консорциум»? но при этом предусматривает, что договор между сторонами, связанными целью осуществления определенного проекта, представляет собой «объединение различных субъектов» (для осуществления определенного проекта); иными словами, перед нами опять «предпринимательское объединение без образования юридического лица»? которое может реализовываться «в различных формах».

Но при этом в качестве таких форм выделяются:

1) договор подряда одного из участников объединения (члена группы) с заказчиком и субподрядные договоры такого участника с другими участниками объединения;

2) договор, подписываемый с заказчиком всеми участниками объединения (членами группы);

3) договор, подписываемый с заказчиком одним из участников объединения (членом группы), выступающим от имени всего объединения (группы).

Таким образом, анализируемое нами Руководство ЕЭК ООН 1979 г. под договором между сторонами, связанными целью осуществления определенного проекта, понимает все те же обозначенные нами ранее типы «взаимоотношений» между участниками «предпринимательского объединения без образования юридического лица», а именно:

1) кооперационный тип – в ситуации, когда договор с заказчиком подписывается лишь одним из участников объединения;

2) товарищеский тип – когда договор с заказчиком от имени участников объединения подписывают либо все участники объединения, либо даже лишь один из них, но с множественностью в виде всех участников объединения на соответствующей стороне договора.

Правда, нельзя не отметить и то, что под «договором между сторонами, связанными целью осуществления определенного проекта», Руководство ЕЭК ООН 1979 г. «видит» и традиционный «торговый договор», а именно «основной» договор подряда и «сопутствующие» ему договоры субподряда.

Более того, указанное Руководство исходит из того, что в торговом обороте, в принципе, используются различные формы «договора между сторонами, связанными целью осуществления определенного проекта»? которые «часто дополняют друг друга»; применение же соответствующей формы зависит от технических, географических, экономических, финансовых условий определенного проекта.

Причем и Руководство ЕЭК ООН 1979 г. применительно в целом к выделению «юридических форм» реализации соответствующих отношений указывает на то, что оно рассчитано на:

1) объединение субъектов (группу субъектов), созданное исключительно на договорной основе;

2) объединение субъектов (группу субъектов), в виде компании, которая, однако, не обладает «юридической индивидуальностью» (правосубъектностью), т. е. речь идет об организации без прав юридического лица;

3) объединение субъектов (группу субъектов), в виде компании, которая обладает «юридической индивидуальностью» (правосубъектностью), т. е., является юридическим лицом.

Заключение. На основе изложенного в настоящей статье можно сделать выводы о том, что:

а) ни одно из трех Руководств ЕЭК ООН 1973 г., 1976 г., 1979 г. не дает однозначного ответа на вопрос о правовой природе договора консорциума (или договора, который по своим «внешним чертам», в частности, цели договора, существа его исполнения и т. д. сходен с договором консорциума);

б) однако на основе Руководств ЕЭК ООН 1973 г., 1976 г., 1979 г. все-таки, «просматриваются» два типа договора консорциума, а именно:

- первый – который можно условно поименовать как «товарищеский тип» – применительно к которому речь идет о заключении договора с заказчиком всеми участниками «объединения предприятий» (консорциума) и тем самым все участники «объединения предприятий» (консорциума) в той или иной степени отвечают перед заказчиком за сооружение крупного промышленного объекта;
- второй – условно определяемый как «кооперационный тип» – относительно которого речь идет о заключении договора с заказчиком лишь одним из участников «объединения предприятий», который непосредственно отвечает перед заказчиком за сооружение крупного промышленного объекта и координирует действия иных участников «объединения предприятий»;

в) при этом договор «товарищеского типа» не может рассматриваться в качестве непоименованного договора в праве Республики Беларусь, исходя из того, что ГК Республики Беларусь содержит гл. 54 «Простое товарищество»;

г) договор же «кооперационного типа» является непоименованным договором для правовой системы Республики Беларусь, так как ни ГК Республики Беларусь, ни иной акт законодательства Республики Беларусь не предусматривает его регламентации;

д) причем договор консорциума «кооперационного типа» представляет собой просто иное наименование договора о промышленном сотрудничестве (кооперации, кооперировании).

Список цитированных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 апр. 2024 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).

2. Функ, Я. И. Договор о консорциуме / Я. И. Функ // ilex: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).

3. Функ, Я. И. Договор консорциума как вид договорного обязательства, применяемого в международном торговом обороте / Я. И. Функ, А. Я. Чигилейчик-Функ // ilex: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).

4. Функ, Я. И. Примерные условия договора консорциума - кооперации в рамках международного торгового оборота / Я. И. Функ, А. Я. Чигилейчик-Функ // ilex: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).

5. Функ, Я. И. Договор консорциума-товарищества в рамках международного торгового оборота / Я. И. Функ, А. Я. Чигилейчик-Функ // ilex: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).

6. Функ, Я. И. О применении договора консорциума в рамках международного торгового оборота / Я. И. Функ, А. Я. Чигилейчик-Функ // ilex: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).

7. Амельченя, Ю. А. К вопросу о создании консорциумов при осуществлении закупок в строительстве / Ю. А. Амельченя // КонсультантПлюс. Беларусь: справ. правовая система (дата обращения: 16.03.2025).

8. Лисица, Л. Н. Реализация строительных проектов: простое товарищество или консорциум / Л. Н. Лисица // Промышленно-торговое право. – 2015. – № 11. – С. 55–58.

9. Руководство по составлению договоров на сооружение промышленных объектов. Европейская экономическая комиссия ООН, ECE/TRADE/117, 1973 г. – URL: https://docs.cntd.ru/document/8307242 (дата обращения: 16.03.2025).

10. Руководство по составлению международных договоров о промышленном сотрудничестве. – Нью-Йорк : [б. и.], 1976. – 32 с.

11. Руководство по составлению международных договоров между сторонами, объединяющимися для осуществления конкретного проекта. – Нью-Йорк : ООН, 1979. – 26 с.

Рецензент: Перерва И. В.,
начальник информационно-консультационного центра
Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате
кандидат юридических наук.

Дата поступления статьи: 14.02.2025.

ON THE REGULATION OF THE CONSORTIUM AGREEMENT BY THE GUIDELINES OF THE UNITED NATIONS ECONOMIC COMMISSION FOR EUROPE, IN CONNECTION WITH THE RECOGNITION OR NON-RECOGNITION OF THE SAID AGREEMENT AS AN UNDESIGNATED AGREEMENT IN THE LAW OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Evgeny Y. Chigileichik-Funk

Abstract. The civil law of the Republic of Belarus provides for the classification (division) of civil law contracts made by subjects subject to the law of the Republic of Belarus into named (i.e., regulated by the legislation) and unnamed (i.e., not regulated by the legislation) contracts.

Among the latter, based on the name of the agreement, it is customary to single out the consortium agreement. However, it is necessary to understand to what extent a consortium agreement can really be referred to unnamed contracts in the law of the Republic of Belarus. In order to solve the problem it is necessary to determine the exact legal nature of the consortium agreement; the latter can be facilitated by referring to the 'origins' of the normative regulation of this legal phenomenon, which are the acts of the United Nations Economic Commission for Europe (UNECE), namely its Guidelines of 1973, 1976, 1979. The present article is devoted to the study of the UNECE Guidelines of 1973, 1976, 1979 on the subject of determining the essence of the consortium agreement.

Keywords: UNECE Guidelines 1973, 1976, 1979, consortium contract, nonnamed contracts, cooperation (co-operation) contract.

РАЗДЕЛ 3
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

УДК 343.9

МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЯНИЯ: КРИТЕРИИ КОНСТАТАЦИИ[1]

Барков Александр Владимирович,
кандидат юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Республики Беларусь,
профессор кафедры судебной деятельности
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»
ukrb99@yandex.by

Аннотация. В статье рассматривается история формирования понятия преступления в отечественном уголовном законе. Определяется соотношение признаков противоправности и общественной опасности деяния. Анализируются критерии малозначительного деяния, которые исключают признание деяния преступлением.

Ключевые слова: деяние, малозначительное деяние, общественная опасность, преступление, противоправность, состав преступления, умысел.

Введение.

> Мы видели уже, что истинным мерилом преступлений является вред, наносимый ими обществу. Это одна из тех очевидных истин, для открытия которых не требуется ни квадрантов, ни телескопов и которые доступны любому среднему уму.
> *Cesare Beccaria Bonesana* [1, с. 98].

Признание классической школой уголовного права общественной вредности (общественной опасности) деяния неотъемлемым свойством преступления и, следовательно, главным основанием криминализации того или иного поведения, не сразу нашло отражение в отечественном уголовном праве. В основных уголовных узаконениях Российской империи признак общественной опасности как неотъемлемое свойство преступления не назывался. Статья 1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (издания 1885 г.) определяла: «Преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано» [2]. В ст. 1 Уголовного уложения 1903 г. сказано: «Преступным признается деяние,

[1] Научная статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Практика осуществления правосудия и правоохранительной деятельности как основание совершенствования правового регулирования в контексте закономерностей функционирования национальной правовой системы» (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства»).

воспрещенное, во время его учинения, законом под страхом наказания» [3]. Подчеркивается исключительно противоправный характер поведения: «противозаконное деяние», «деяние воспрещенное».

Основная часть. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, изданные постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР 12 декабря 1919 г. в п. 5 гласили: «Преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом». В п. 6 уточнялось: «Преступление как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)» [4]. В названной трактовке не упоминается признак противоправности, но появляется материальный признак преступления: это деяние «опасное для данной системы общественных отношений». Так в уголовном законодательстве советской власти появляется признак общественной опасности, который доминирует в последующих важнейших уголовно-правовых актах, вытеснив признак уголовной противоправности.

Признак общественной опасности деяния выступает как оценочный, что нашло отражение в п. 16 Руководящих начал: «С исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию».

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (с 24 июня 1922 г. постановлением ЦИК ССР Белоруссии распространенный на всю территорию Беларуси – УК БССР 1922 г.) в ст. 6 определял: «Преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» [5].

Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. (далее – Основные начала) провозглашали: «Уголовное законодательство Союза ССР и Союзных Республик имеет своей задачей судебно-правовую защиту государства трудящихся от общественно опасных деяний, подрывающих власть трудящихся или нарушающих установленный ею правопорядок» [6]. И хотя определения понятию преступления в этом документе не было, общественно опасное деяние фактически отождествлялось с преступлением.

Признак уголовной противоправности выполнял вспомогательную роль. В ч. 3 ст. 3 Основных начал предписывалось: «Если же общественно-опасные деяния прямо не предусмотрены уголовным законодательством, то основания и пределы ответственности, а также меры социальной защиты определяются судом по аналогии с теми статьями уголовных кодексов, которые предусматривают наиболее сходные по важности и роду преступления». Применение аналогии нашло отражение в принятых на базе Основных начал уголовных кодексах союзных республик.

Уголовный кодекс Белорусской ССР 1928 г. в ст. 4 так характеризовал преступление: «Общественно-опасным деянием (преступлением) признается всякое действие или бездействие, направленные против основ советского строя или

правопорядка, установленных рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунизму период» [7].

Оценочный характер признака общественной опасности деяния изначально создавал сложности отграничения подлинно преступного поведения от незначительных правонарушений или аморальных проступков. Проблема была решена в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г. Названный УПК был введен в действие на всей территории ССР Белоруссии с 15 июля 1922 г. [8].

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, выполняя поручение ВЦИК, постановлением от 9 февраля 1925 г. дополнил Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. ст. 4-а, согласно которой прокурор и суд имели право «отказать в возбуждении уголовного преследования, а равно прекратить производством уголовное дело в тех случаях, когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности лица, хотя и содержит в себе признаки преступления, предусмотренного Уголовным кодексом, но не может считаться общественно опасным вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшее производство дела представляется явно нецелесообразным» [9, с. 30].

Данное правило содержало два разных критерия, исключающих уголовное преследование. Первый – это незначительность, маловажность деяния и ничтожность последствий, свидетельствующих об отсутствии общественной опасности деяния, т. е. материального признака преступления. Второй критерий непосредственно не связан с констатацией отсутствия общественной опасности деяния и допускает использование оценочного признака целесообразности или нецелесообразности уголовного преследования, например, «в силу конкретной социально-политической обстановки».

В ст. 12 УК Белорусской ССР 1928 г. норма получила иное содержание: «Меры социальной защиты не применяются, если суд признает, что данное деяние, формально подпадающее под признаки той или иной статьи настоящего Кодекса, не имеет общественно-опасного характера по своей малозначительности и отсутствию вредных последствий или что лицо, совершившее данное деяние, не является общественно-опасным» [7].

Отказ от применения мер социальной защиты являлся прерогативой суда. В качестве самостоятельного основания для такого отказа помимо малозначительности деяния названо отсутствие общественной опасности лица. Это было логично применительно к ст. 8 УК БССР 1928 г., допускавшей применение мер социальной защиты к лицам, «являющимся опасными по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности».

Важнейший поворот в трактовке преступления и оснований уголовной ответственности был осуществлен с принятием 25 декабря 1958 г. общесоюзного Закона «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» [10]. В ч. 1 ст. 7 было дано материально-формальное определение преступления, отражавшее как признак «общественная опасность деяния», так и признак «противоправность деяния». Закон гласил: «Преступлением признается

предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок, общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом».

Соответственно изменилось и понимание малозначительности деяния, которое не связывалось со свойствами личности. Это был законодательный отказ от концепции «опасного состояния личности».

Часть 2 ст. 7 предписывала: «Не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Положения ст. 7 Основ 1958 г. были воспроизведены во всех УК союзных республик, принятых с 1959 по 1961 г.

Законом Республики Беларусь от 1 марта 1994 г. была изменена редакция ч. 1 ст. 7 УК: «Преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом» [11]. Правила ч. 2 ст. 7 остались неизменными.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик, принятые Верховным Советом СССР 2 июля 1991 г. (так и не вступившие в действие) (ч. 2 ст. 8) [12], Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (ч. 2 ст. 17) [13] и действующий УК Российской Федерации (ч. 2 ст. 14) [14] сохранили определение малозначительного деяния, содержавшееся в ч. 2 ст. 7 Основ 1958 г.

Обратимся к действующему Уголовному кодексу Республики Беларусь (далее – УК) [15]. Часть 1 ст. 11 УК содержит материально-формальное определение преступления: «Преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными настоящим Кодексом, и запрещенное им под угрозой наказания».

Часть 4 ст. 11 УК содержит новую, на наш взгляд, более удачную трактовку признаков малозначительного деяния:

«Не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению. Малозначительным признается деяние, которое не причинило и по своему содержанию и направленности не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может повлечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания».

Из содержания ч. 4 ст. 11 УК следует:

▪ что деяние по всем юридически значимым объективным и субъективным признакам формально совпадает с признаками всех элементов конкретного состава преступления;

▪ что преступление отсутствует потому, что деяние вовсе лишено общественной опасности либо степень общественной опасности не соответствует уровню преступного поведения;

▪ что действие или бездействие лица по осознанию и предвидению им последствий своего поведения не были направлены на причинение существенного вреда;

▪ что отсутствие в деянии общественной опасности, присущей преступлению, не исключает иных видов юридической ответственности;

▪ что норма может быть применена как на досудебной стадии уголовного процесса, так и при проведении судебного разбирательства; как путем отказа в возбуждении уголовного дела, так и посредством прекращения производства по возбужденному делу.

При принятии процессуального решения следует учитывать и практическую целесообразность уголовного преследования в конкретном случае. В августе 2009 г. мир посмешила информация о том, что судебный процесс в Бирмингеме над оправданным похитителем банана стоимостью в 25 пенсов обошелся госказне в 20 тысяч фунтов стерлингов [16].

Являясь важнейшим обстоятельством, исключающим преступность действия или бездействия, малозначительность деяния остается оценочным фактором и предполагает обоснованное усмотрение правоприменителя (следователя, прокурора, судьи). Именно в этом состоит сложность применения данного законоположения.

Было бы наивным полагать, что можно создать безупречный правовой инструмент, позволяющий безошибочно оценивать каждую уникальную ситуацию. Разного рода методические рекомендации могут только обозначать ориентиры для принятия правильного решения.

Важно обратить внимание на то, что, применяя ч. 4 ст. 11 УК, оцениваются на предмет степени общественной опасности исключительно деяние и его результат. Серьезной ошибкой является включение в эту оценку свойств личности исполнителя деяния. Действующее уголовное право ушло от концепции «опасного состояния личности». Любопытно, что в ч. 1 ст. 94 УК 1960 г. (в ред. от 14 декабря 1982 г.), предусматривавшей уголовную ответственность за мелкое хищение государственного или общественного имущества, одним из условий признания деяния преступлением были свойства личности: «Мелкое хищение государственного или общественного имущества… совершенное лицом, к которому с учетом личности и обстоятельств дела не могут быть применены меры общественного воздействия или административного взыскания». Признаком преступления и основанием уголовной ответственности невольно становятся отрицательные свойства человека. Это недопустимо. В последующем ссылка на учет личности виновного при уголовно-правовой оценке мелкого хищения из ст. 94 УК была исключена (в ред. от 1 марта 1994 г.). Еще в 1960-е гг. высшие судебные инстанции Советского Союза обращали внимание на необоснованность квалификации действий лица, совершившего мелкое хищение, как кражу, совершенную особо опасным рецидивистом [17, с. 142].

К сожалению, соблазн учесть свойства личности просматривается в современной правоприменительной практике.

Как правило, не возникает вопросов о малозначительности деяния в отношении преступлений, совершенных по неосторожности. В подавляющем большинстве случаев составы таких преступлений являются по конструкции материальными, содержащими указание на характер наступивших последствий (причинение смерти, тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, заражение ВИЧ, заболевание людей, возникновение эпидемий или эпизоотий, причинение ущерба в крупном или в особо крупном размере, крушение, авария, катастрофа, несчастные случаи с людьми, отрицательные изменения в окружающей среде и т. д.).

Иногда закон содержит указание на оценочный признак: иные тяжкие последствия. В этих ситуациях за основу принимаются признаки последствий, выработанные судебной практикой, например: психическое расстройство, неизлечимое заболевание, самоубийство, гибель при попытке спастись и др.

В редких случаях наказуемы неосторожные деяния, которые создали только угрозу наступления последствий: нарушение правил производственно-технической дисциплины или правил безопасности на объектах использования атомной энергии, создавшее угрозу радиоактивного загрязнения (ч. 1 ст. 301 УК), нарушение правил производственно-технической дисциплины, правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах либо правил безопасности взрывоопасных работ, создавшее угрозу взрыва (ч. 1 ст. 302 УК). Очевидно, что требуется заключение специалиста о причинной обусловленности и реальности соответствующей угрозы.

Вопрос о малозначительности деяния обычно возникает при оценке умышленного поведения. Часть 4 ст. 11 УК дает нам два критерия, сочетание которых позволяет минимизировать ошибку. Во-первых, деяние не причинило существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам. Во-вторых, по своему содержанию и направленности деяние не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Малозначительность деяния нельзя констатировать в ситуациях, когда даже при неопределенном умысле корыстное посягательство ориентировано на получение максимально возможной выгоды. Пустой кошелек или сейф не исключают ответственность вора-карманника или вора-медвежатника.

Проблема оценки деяния на его малозначительность снимается в случаях, когда законодатель нормативно закрепил количественные признаки масштаба или последствий общественно опасного поведения. Это позволяет провести грань между преступлением, административным правонарушением, дисциплинарным проступком или гражданско-правовым деликтом.

Так, шесть форм хищения имущества отнесены к мелкому хищению (административное правонарушение), посредством прямого указания на стоимостные границы причиненного ущерба юридическому или физическому лицу (ч. 4 примечаний к гл. 24 УК, ст. 11.1 КоАП).

Уголовная ответственность за умышленные уничтожение либо повреждение чужого имущества наступает при условии, если они повлекли причинение

ущерба в значительном размере, который определен в ч. 3 примечаний к гл. 24 УК.

Однако формальная определенность размеров ущерба при посягательствах на отношения собственности не позволяет использовать те же критерии при посягательствах на иные объекты. Грубость нарушения общественного порядка при хулиганстве оценивается не только стоимостью ремонта оторванного рукава одежды потерпевшего.

По нашему мнению, недопустимо при затруднении в решении вопроса о значительности причиненного вреда обращаться к мнению пострадавшей стороны (гражданина или представителей юридического лица). Во-первых, такое мнение чревато преувеличением масштаба вреда; во-вторых (и это главное), ставится под сомнение принцип виновной ответственности: как правило, причинитель вреда не знает и не может знать о материальном положении потерпевшей стороны.

Мнение потерпевшего гражданина непререкаемо только при посягательстве на его честь и достоинство при клевете (ст. 188 УК). Правила ч. 4 ст. 11 УК в данном случае не применимы.

Сложно оценивать наличие малозначительности деяния в формальных составах преступления, при отсутствии опоры на масштаб последствий. В этих случаях во внимание принимаются содержание умысла, цель и мотив поведения лица. 17 ноября 2017 г. по уголовному делу в отношении гражданина Франции был постановлен оправдательный приговор. Иностранец, следуя из Беларуси в Украину, при себе имел патрон к огнестрельному оружию. За то, что своевременно не задекларировал и не обозначил запрещенный груз при пересечении границы, его и задержали, возбудив уголовное дело. Обвиняемый, перемещавший патрон через границу, был уверен, что эта «пуля» – сувенир [18; 19].

Как правило, нет оснований констатировать малозначительность деяния, содержащего признаки состава тяжкого или особо тяжкого преступления. Однако категорическое утверждение, что ч. 4 ст. 11 УК в таких случаях не применяется, было бы неверным. Приготовление к таким преступлениям может быть незначительным (на грани «голого умысла»). Например, знакомство с должностным лицом при намерении в последующем склонить его к получению взятки. «Пособничество» может выразиться в даче совета, существенно не влияющего на результативность действий исполнителя преступления: напоминание воспользоваться перчатками.

Следует учитывать особенности применения ч. 4 ст. 11 УК в отношении сложных составов преступлений, посягающих на несколько объектов. Так, существует убежденность, что разбой малозначительным не бывает. Но при формальном наличии признаков этого преступления ущерб отношениям собственности может быть ничтожным. Если виновный, угрожая кастетом, отнимает у потерпевшего сигарету, то ответственность должна наступать не за разбой (ст. 207 УК), а за принуждение (ст. 185 УК) или угрозу убийством либо причинением тяжких телесных повреждений (ст. 186 УК).

Наличие в диспозиции статьи УК квалифицирующих признаков не исключает применение правила о малозначительности деяния, если объективно нет

преступления. Совершение малозначительного деяния повторно или группой лиц не меняет уголовно-правовой оценки. Проникновение в сельский дом с целью завладения литром самогона образует не кражу с проникновением в жилище (ч. 2 ст. 205 УК), а нарушение неприкосновенности жилища и иных законных владений граждан (ст. 202 УК).

Заключение. Критерии малозначительного деяния, исключающего его преступный характер, предполагают оценку поведения лица с учетом существующих на момент этой оценки экономических, социальных, политических и иных обстоятельств. Одно и то же деяние имеет разную оценку в условиях социального благополучия и в условиях общественного бедствия. Именно этим обусловлена необходимость разумного усмотрения правоприменителя.

Список цитированных источников

1. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа ; сост. и предисл. В. С. Обнинского. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 184 с.

2. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года / Россия. Законы и постановления. – Пг., 1916. Т. 15. [Ч]. 1 : Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 гг. ; [Ч]. 2 : Уголовное уложение : (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. – 1916. – 521 с. Или: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года – URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazanijah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

3. Уголовное уложение // Собраніе узаконеній и распоряженій правительства, издаваемое при Правительствующемъ Сенатѣ. 16 Апрѣля 1903 г. – № 88. – Отдѣлъ первый. Или: Уголовное уложение. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

4. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 годов. – М. : Зерцало, 1997. – С. 63–68; Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901870462 (дата обращения: 14.03.2025).

5. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_RSFSR_1922_goda.pdf. (дата обращения: 14.03.2025).

6. Основные начала уголовного законодательства Союза СССР и союзных республик. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2237.htm (дата обращения: 14.03.2025).

7. Уголовный кодекс Белорусской ССР 1928 г. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf (дата обращения: 14.03.2025).

8. О распространении действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР на территории ССР Белоруссии : постановление ЦИК ССР Белоруссии, 24 июня 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-крестьян. правительства Социалист. Совет. Респ. Белоруссии. – 1922. – № 5. – Ст. 81.

9. Курс советского уголовного права. В 6 т. / редкол.: А. А. Пионтковский [и др.]. – М. : Наука, 1970–1971. – Т. 2. Часть Общая. Преступление. – 1970. – 516 с.

10. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. – М. : Юрид. лит-ра, 1965. – 26 с.

11. Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. – 1994. – № 12. – Ст. 176.

12. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик, принятые Верховным Советом СССР 2 июля 1991 г. – URL: https://zaki.ru/pagesnew.php?id=1621&page=1 (дата обращения: 14.03.2025).

13. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901781490 (дата обращения: 14.03.2025).

14. Уголовный кодекс Российской Федерации: 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/7de2a507e335d7fb81ff4621d5d299974d5b59ef/ (дата обращения: 14.03.2025).

15. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 4 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).

16. Дело о краже банана: суд обошелся казне Великобритании в 20 тысяч фунтов. – URL: https://www.vesti.ru/article/2165321 (дата обращения: 14.03.2025).

17. Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР (1938–1969 гг.) / под общ. ред. С. В. Бородина. – М. : Юрид. лит-ра, 1971. – С. 142.

18. Француз, провозивший патрон через границу: я был уверен, что эта «пуля» – сувенир. – URL: https://www.sb.by/articles/frantsuz-provozivshiy-patron-ya-byl-uveren-chto-vezu-suvenir.html (дата обращения: 14.03.2025).

19. Патрон уничтожить, француза – оправдать. Жолана Вийо отпустили прямо в зале суда. – URL: https://progomel.by/society/laworder/2017/11/21332.html (дата обращения: 14.03.2025).

Рецензент: Марчук В. В.,
профессор кафедры уголовного права
УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
доктор юридических наук, профессор.

Дата поступления статьи: 15.03.2025.

INSIGNIFICANCE OF AN ACT: CRITERIA FOR ASCERTAINING

Alexander V. Barkov

Abstract. The article examines the history of the formation of the concept of crime in the domestic criminal law. The relationship between the signs of illegality and social danger of an act is determined. The criteria of a minor act that exclude recognition of an act as a crime are analyzed.

Keywords: act, minor act, public danger, crime, illegality, elements of a crime, intent.

УДК 343.352

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ[2]

Василевский Андрей Витальевич,
главный специалист отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»
VasileuskiAV@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы реализации отдельных форм деятельности граждан и организаций (общественных объединений) при осуществлении общественного контроля в сфере противодействия коррупции. Особое внимание уделяется проблемным аспектам, возникающим при реализации этих механизмов, включая недостаточную правовую регламентацию, низкий уровень вовлеченности граждан и организаций (общественных объединений) и др. Подчеркивается необходимость комплексного подхода, включающего как правовые, так и организационные меры, для успешной реализации общественного контроля в борьбе с коррупцией. Приводятся примеры международного и зарубежного правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений. В заключение предлагаются рекомендации по совершенствованию отечественной законодательной базы, направленные на обеспечение системности и комплексности правового регулирования общественного контроля, на усиление прозрачности и эффективности общественной антикоррупционной деятельности, а также на повышение доверия гражданского общества к государственным институтам.

Ключевые слова: коррупция; общественный контроль; гражданское общество.

Введение. В Беларуси на основе действующего законодательства сформирована практика участия граждан и организаций (общественных объединений) в осуществлении общественного контроля в сфере противодействия коррупции. В частности, об этом свидетельствует: участие граждан в обсуждении проектов нормативных правовых актов о борьбе с коррупцией, включение представителей общественности в состав комиссий по противодействию коррупции, приглашение на их заседания, размещение информации о противодействии коррупции на официальных сайтах государственных органов и организаций в глобальной сети Интернет, личные приемы граждан, организация «горячих телефонных линий» и т. д. Вместе с тем следует констатировать недостаточную эффективность участия граждан и организаций (общественных объединений) в осуществлении рассматриваемого вида контроля. Свою актуальность по-прежнему сохраняют

[2] Научная статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Повышение эффективности правотворчества и правореализации в сфере противодействия преступности с учетом современных тенденций развития общества и государства» (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства»).

отдельные проблемные вопросы, выявленные Генеральной прокуратурой Республики Беларусь в ходе мероприятий по исполнению подп. 9.4 п. 9 Программы по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 гг., а также решения коллегии Генеральной прокуратуры от 12 февраля 2020 г. № 26-05-2 [1, с. 13]. В связи с этим в абзаце четвертом подп. 43.4 п. 43 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 отмечается необходимость повышения эффективности законодательства о борьбе с коррупцией и его реализации, в том числе *путем развития форм и методов общественного контроля в сфере противодействия коррупции*.

На основании изложенного настоящее исследование направлено на рассмотрение сложившейся практики осуществления общественного контроля в сфере противодействия коррупции и выработке предложений по совершенствованию нормативного правового регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений.

Основная часть. В рамках Содружества Независимых Государств в целях оказания содействия государствам-участникам в создании правовых основ организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов публичной власти и иных публичных органов и организаций Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ 27 марта 2017 г. принят модельный закон СНГ «Об основах общественного контроля». На национальном уровне государств-участников СНГ приняты соответствующие акты законодательства, в частности: в Российской Федерации – Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»; в Республике Узбекистан – Закон от 12 апреля 2018 г. № ЗРУ-474 «Об общественном контроле»; в Республике Казахстан – Закон от 2 ноября 2015 г. № 383-V ЗРК «Об общественных советах»; в Азербайджанской Республике – Закон от 22 ноября 2013 г. № 816-ГУQ «Об общественном участии» и др.

В актах законодательства об основах общественного контроля закрепляются и развиваются следующие положения: право граждан и их объединений на участие в осуществлении общественного контроля; цели и задачи общественного контроля; принципы общественного контроля; информационное обеспечение общественного контроля; доступ к информации об общественном контроле; субъекты общественного контроля; права и обязанности субъектов общественного контроля; конфликт интересов при осуществлении общественного контроля; взаимодействие субъектов общественного контроля с органами государственной власти и органами местного самоуправления, государственными и муниципальными организациями, иными органами и организациями, осуществляющими отдельные публичные полномочия; ассоциации и союзы субъектов общественного контроля; формы общественного контроля; права и обязанности общественного инспектора; общественная экспертиза; права и обязанности общественного эксперта; общественное обсуждение; определение и обнародование результатов общественного контроля; ответственность за нарушение законодательства об общественном контроле.

В Республике Беларусь, в отличие от названных государств, по состоянию на февраль 2025 г. отсутствует комплексный законодательный акт, регулирующий отношения в сфере осуществления общественного контроля [2, с. 299; 3, с. 183]. Отдельные направления и инструменты общественного контроля регулируются отраслевыми актами законодательства исходя из специфики предмета их регулирования. Понятие «общественный контроль» широко используется в белорусском законодательстве. Соответствующий термин упоминается по меньшей мере в тринадцати актах законодательства. Между тем в содержании этих актов не раскрывается его определение [4, с. 200].

В ст. 6 Закона Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 250-З «Об основах гражданского общества» (далее – Закон № 250-З) общественный контроль относится к общим формам взаимодействия государственных органов (организаций) и субъектов гражданского общества. В абзаце втором ст. 1 Закона № 250-З под гражданским обществом понимаются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запрещенных законодательством.

В юридической литературе общественный контроль признается одной из форм участия гражданского общества в правовой политике государства, обеспечивающей подконтрольность, открытость и прозрачность деятельности органов государственной власти, связанной с принятием и реализацией управленческих решений, законодательной и правоприменительной деятельности. Названный вид контроля, с одной стороны, рассматривается как действенная мера повышения уровня вовлеченности граждан в управление делами государства, консолидации всего общества по наблюдению за состоянием определенной сферы общественных отношений, а с другой – как мера, способствующая укреплению доверия граждан к институтам государственной власти.

В 2004 г. Республика Беларусь выразила согласие на обязательность для нее Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. (далее – Конвенция) путем ратификации данного акта Законом от 25 ноября того же года № 344-З. Во исполнение положений Конвенции наше государство в числе прочего обязалось принимать надлежащие меры для содействия активному участию гражданского общества, неправительственных организаций и организаций, функционирующих на базе общин в профилактике и борьбе с коррупцией (ст. 13 Конвенции). По существу, аналогичные правовые предписания предусмотрены в ст. 37 Конституции Республики Беларусь. Положения Конвенции на национальном уровне нашли свое нормативное правовое закрепление и развитие в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон № 305-З). В указанном законодательном акте к числу правовых основ государственной политики в сфере борьбы с коррупцией причисляются контроль и надзор за деятельностью по борьбе с коррупцией. Обязанность осуществления соответствующего контроля и надзора возложена на государственные органы – органы прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности. Наряду с этим в соответствии

со ст. 46 Закона № 305-З гражданам Республики Беларусь, организациям, в том числе общественным объединениям, предоставлено право на осуществление общественного контроля за деятельностью по борьбе с коррупцией (далее – общественный антикоррупционный контроль) в порядке, определенном законодательными актами, постановлениями Совета Министров Республики Беларусь. В ст. 46 Закона № 305-З при определении субъектного состава лиц, осуществляющих общественный антикоррупционный контроль, прямо названы отдельные представители гражданского общества (в значении понятия, приведенного в абзаце первом ст. 1 Закона № 250-З), а именно граждане Республики Беларусь. Иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, могут осуществлять общественный антикоррупционный контроль в рамках деятельности организаций (общественных объединений).

В частях второй и третьей ст. 46 Закона № 305-З определены формы осуществления гражданами и организациями (общественными объединениями) деятельности при осуществлении общественного антикоррупционного контроля.

Граждане и организации (общественные объединения) при осуществлении названного вида контроля вправе принимать участие: в разработке и публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов о борьбе с коррупцией, в деятельности созданных в государственных органах и организациях комиссий по противодействию коррупции.

Представители общественных объединений дополнительно вправе: проводить общественную экспертизу проектов нормативных правовых актов о борьбе с коррупцией и направлять соответствующие заключения в государственные органы, осуществляющие борьбу с коррупцией; участвовать в заседаниях коллегий государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией, координационных совещаниях по борьбе с преступностью и коррупцией с правом совещательного голоса; участвовать в подготовке проектов нормативных правовых актов, решений органов исполнительной власти и иных документов, затрагивающих права и законные интересы граждан и организаций; участвовать в проведении социологических опросов по вопросам противодействия коррупции.

В дополнение к изложенному как одну из форм общественного антикоррупционного контроля следует рассматривать возможность обращения граждан и юридических лиц в компетентные органы по вопросам исполнения государственными органами и иными организациями законодательства о борьбе с коррупцией.

Механизмы реализации отдельных форм деятельности граждан и организаций (общественных объединений) при осуществлении общественного антикоррупционного контроля детализированы в актах законодательства.

▪ Порядок участия в публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов о борьбе с коррупцией детализируется в ст. 7 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» и принятом в ее развитие Положении о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2019 г. № 56. В период с 24 января 2016 г. (*дата вступления в юридическую силу Закона № 305-З*) по февраль 2025 г.

на сайте «Правовой форум Беларуси» (*https://forumpravo.by/*) проводилось публичное обсуждение 11 проектов нормативных правовых актов, регулирующих вопросы борьбы с коррупцией (касающиеся сферы противодействия коррупции). В то же время следует констатировать, что от общего объема принимаемых проектов нормативных правовых актов общественное обсуждение проходит в отношении незначительного их количества. Сложившаяся практика не позволяет в полной мере реализовать потенциал рассматриваемого инструмента и сформировать в обществе позицию непосредственного участия гражданина в нормотворческой деятельности.

▪ Порядок участия в деятельности созданных в государственных органах и организациях комиссий по противодействию коррупции детализируется в Типовом положении о комиссии по противодействию коррупции, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 декабря 2011 г. № 1732 (далее – Типовое положение). В содержании Типового положения в отношении рассматриваемого вопроса можно выделить следующие основные предписания:

▪ в состав комиссии по противодействию коррупции (далее – комиссия) по решению руководителя государственного органа (организации) могут быть включены граждане и представители юридических лиц;

▪ в целях информирования заинтересованных граждан и организаций (общественных объединений) предусмотрена необходимость размещения информации о дате, времени и месте проведения заседаний комиссии на официальном интернет-сайте государственного органа (организации) не позднее 5 рабочих дней до дня проведения заседания;

▪ граждане и юридические лица вправе направить в государственный орган (организацию), в котором создана комиссия, предложения о мерах по противодействию коррупции, относящиеся к компетенции комиссии. Предложения рассматриваются на заседании комиссии и приобщаются к материалам заседания. К предложениям и порядку их рассмотрения применяются требования, предусмотренные законодательством об обращениях граждан и юридических лиц. В случае несогласия с результатами рассмотрения предложения гражданин, юридическое лицо вправе направить соответствующее предложение в вышестоящий государственный орган (организацию) и (или) иной государственный орган в соответствии с компетенцией, установленной законодательством о борьбе с коррупцией;

▪ участие в заседании комиссии по решению председателя комиссии могут принять заинтересованные представители юридических лиц и граждане.

В правоприменительной практике участие в заседаниях комиссий по противодействию коррупции заинтересованных граждан имеет единичные случаи, а участие представителей организаций (общественных объединений) широко не распространено. Во многих случаях участие представителей организаций (общественных объединений) в заседаниях соответствующих комиссий обеспечивается за счет того, что состав этих комиссий формируется из работников, состоящих в членстве различных общественных и профессиональных объединений

(первичные и отраслевые организации Федерации профсоюзов Беларуси; республиканские общественные объединения «Белая Русь», «Белорусский союз женщин»; Белорусский республиканский союз молодежи и др.).

▪ Порядок организации и проведения общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов о борьбе с коррупцией в действующем национальном законодательстве не определен (*в отличие, например, от общественной экологической экспертизы*) [5, с. 165].

В то же время представителями первичных профсоюзных организаций при экспертизе проектов коллективных договоров (соглашений к ним) анализируются их нормы на предмет соответствия Закону № 350-З и в случае выявления несоответствий выдаются заключения (рекомендации). В частности, из коллективных договоров (соглашений к ним) в целях недопущения субъективного подхода нанимателя исключаются условия выплаты с цифровым интервалом («от», «до», в «в пределах» и т. п.).

Кроме того, представители первичных профсоюзных организаций осуществляют общественный антикоррупционный контроль в форме совместной с нанимателем подготовки (согласования) локальных правовых актов предприятий, затрагивающих права и законные интересы работников, регламентирующих их деятельность при осуществлении коррупционно опасных функций, а также определяющих механизм принятия должностными лицами решений о выделении арендного жилья, определении размеров материальных выплат и т. д. Представителями общественных объединений осуществляется рассматриваемый вид контроля путем участия в подготовке проектов решений исполнительных комитетов и Советов депутатов или иных документов, затрагивающих права и законные интересы граждан и организаций.

В силу наметившегося тренда по унификации законодательства государств-участников Союзного государства исследовательский интерес представляет опыт российских нормотворцев по правовому регулированию общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов о борьбе с коррупцией.

В России действует Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – Федеральный закон № 172-ФЗ), которым устанавливаются правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения. Рассматриваемый вид экспертизы вправе проводить не только органы государственной власти и местного самоуправления, но также и «институты гражданского общества и граждане … за счет собственных средств». Заключение эксперта по результатам так называемой независимой антикоррупционной экспертизы носит рекомендательный характер, однако подлежит обязательному рассмотрению соответствующим органом власти с последующим направлением «мотивированного ответа». Юридические и физические лица, изъявившие желание на проведение как независимые эксперты антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, сперва должны пройти соответствующую аккредитацию в Министерстве юстиции

Российской Федерации. В соответствии с положениями приказа Министерства юстиции от 29 марта 2019 г. № 57 в качестве независимого эксперта могут быть аккредитованы:

1) граждане Российской Федерации, имеющие высшее образование и стаж работы по специальности не менее 5 лет, за исключением: граждан, имеющих неснятую или непогашенную судимость; граждан, сведения о применении к которым взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения включены в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия; граждан, осуществляющих свою деятельность в органах и организациях, указанных в п. 3 ч. 1 ст. 3 Федерального закона № 172-ФЗ;

2) юридические лица, имеющие в своем штате не менее 3 работников, удовлетворяющих выше установленным требованиям, за исключением: международных и иностранных организаций; некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

Заключение. В завершение обозначим перспективные векторы совершенствования нормативного правового регулирования как в целом института общественного контроля, так и в частности его осуществления в сфере борьбы с коррупцией.

1. На основании положительного опыта правового регулирования общественных отношений при осуществлении общественного контроля в модельном законодательстве СНГ и национальном законодательстве отдельных государств – участников СНГ целесообразным видится разработка и принятие в Республике Беларусь соответствующего самостоятельного комплексного законодательного акта либо системное дополнение соответствующими положениями Закона Республики Беларусь «Об основах гражданского общества». Положения законодательного акта, регулирующего осуществление общественного контроля, должны отражать единые подходы к понятию общественного контроля, его формам и механизмам действия (в том числе раскрывать их содержание), сферам деятельности, правам и обязанностям сторон, видам и юридической силе актов, выносимых в результате проведения форм общественного контроля, ответственности за несоблюдение установленных требований и т. д.

2. В силу относительно недавнего принятия (февраль 2023 г.) и вступления в юридическую силу (май 2023 г.) Закона № 250-З в целях обеспечения последовательного, взаимосвязанного и согласованного правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений, исключения возможности различного толкования норм действующего законодательства полагаем возможным рассмотреть вопрос о замене в части первой ст. 46 Закона № 350-З слов «гражданами Республики Беларусь, организациями, в том числе общественными объединениями» словами «гражданским обществом и субъектами гражданского общества». В абзаце третьем ст. 1 Закона № 250-З под субъектами гражданского общества понимаются объединения граждан или юридических лиц на основе членства вне зависимости от количественного, территориального или иного ценза, уставная деятельность которых направлена на решение основных задач взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества,

указанных в ст. 4 Закона № 250-З. Субъекты гражданского общества по существу то же, что и организации, в том числе общественные объединения.

3. В целях включения в состав комиссий по противодействию коррупции сторонних представителей организаций (общественных объединений) предлагается рассмотреть вопрос о внесении изменений в часть вторую п. 2 Типового положения, посредством закрепления обязанностей по включению руководителем государственного органа (организации) в состав комиссий по противодействию коррупции представителей общественных и профессиональных объединений.

4. Целесообразно проработать вопрос нормативного определения правовых и организационных основ проведения общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов о борьбе с коррупцией, в том числе закрепить, проекты каких нормативных правовых актов о борьбе с коррупцией подлежат такой экспертизе, сроки ее проведения и порядок оформления результатов. Как представляется, предметом исследования общественной антикоррупционной экспертизы могут быть только те нормативные правовые акты (их проекты), которые не подлежат обязательной криминологической экспертизе, а также те акты, принятие которых касается определенного круга лиц или сферы правового регулирования. Полагаем, что к числу таких актов следует прежде всего относить акты местных органов власти и ведомственные нормативные правовые акты (постановления министерств).

5. В целях эффективного осуществления общественного антикоррупционного контроля и широкого участия в нем граждан и организаций (общественных объединений) необходимо продолжать комплексную работу по реализации мер, закрепленных в ст. 5 Закона № 305-З (в частности, формировать в обществе атмосферу нетерпимости в отношении коррупции, обеспечивать гласность в деятельности государственных органов, организаций, должностных и приравненных к ним лиц).

Список цитированных источников

1. Грейбо, И. Совершенствование общественного контроля как средство противодействия коррупции / И. Грейбо // Законность и правопорядок. – 2020. – № 3 (55). – С. 13–15.

2. Швед, Н. А. Общественный контроль как средство противодействия коррупции / Н. А. Швед // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. , спец. темат. изд. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; науч. ред. А. В. Солтанович. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – Вып. 12. – С. 299–305.

3. Семашко, Е. В. Общественный контроль в системе форм взаимодействия граждан и государства / Е. В. Семашко // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2018. – Вып. 13. – С. 183–189.

4. Рочева, Е. А. К вопросу об общественном контроле / Е. А. Рочева // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. , спец. темат. изд. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.] ; науч. ред. А. В. Солтанович. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – Вып. 12. – С. 200–206.

5. Рочева, Е. А. Независимая антикоррупционная экспертиза как дополнительная возможность прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов / Е. А. Рочева // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб.

науч. тр. , спец. темат. изд. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2021. – Вып. 14. – С. 164–170.

Рецензенты: Коротич Е. А.,
начальник отдела разработки мер противодействия организованной преступности
и коррупции ГУ «Научно-практический центр укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент,
Малахов В. Н.
начальник отдела организационно-финансового обеспечения
и контроля проведения криминологических экспертиз
ГУ «Научно-практический центр укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Дата поступления статьи: 24.03.2025.

SOCIAL CONTROL IN THE SPHERE OF ANTI-CORRUPTION: PRACTICE OF IMPLEMENTATION AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT OF NORMATIVE LEGAL REGULATION

Andrei V. Vasilevsky

Annotation. The article deals with the mechanisms of implementation of certain forms of activities of citizens and organizations (non-governmental associations) when exercising social control in the sphere of counteraction to corruption. Special attention is paid to the problematic aspects arising in the implementation of these mechanisms, including insufficient legal regulation, low level of involvement of citizens and organizations (non-governmental associations), etc. The article emphasizes the need for a comprehensive approach to the implementation of these mechanisms. The necessity of a comprehensive approach, including both legal and organizational measures, for the successful implementation of social control in the fight against corruption is emphasized. Examples of international and foreign legal regulation of this sphere of public relations are given. The conclusion offers recommendations for improving the domestic legislative framework aimed at ensuring the systematicity and comprehensiveness of legal regulation of social control, at strengthening the transparency and effectiveness of public anti-corruption activities, as well as at increasing the confidence of civil society in public institutions.

Keywords: corruption, social control, civil society.

УДК 343

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Дубко Михаил Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права юридического факультета
Белорусского государственного университета
mihdubko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрен ряд актуальных теоретических вопросов уголовно-правовой регламентации в Уголовном кодексе Республики Беларусь ответственности за преступления в информационной сфере. Исследуются аспекты криминализации преступлений в информационной сфере сквозь призму правового режима информации, являющейся предметом преступления, дифференциации ответственности за их совершение по признаку использования информационно-коммуникационных технологий. Обозначены перспективные направления совершенствования уголовного законодательства в этой части с учетом научных наработок, зарубежного опыта и тенденций киберпреступности.

Ключевые слова: информационная безопасность, преступления в информационной сфере, преступления против компьютерной безопасности, правовой режим информации, компьютерная информация.

Введение. Становление и развитие информационного общества в Республике Беларусь сопряжено с серьезными вызовами и угрозами, которые способны повлечь негативные последствия в различных областях общественных отношений. По этой причине информационная безопасность играет сегодня важнейшую роль в обеспечении национальных интересов в иных сферах национальной безопасности. В создании развитой и защищенной информационной среды, формировании условий и возможностей для предотвращения названных угроз значимую роль играет уголовно-правовое обеспечение информационной безопасности.

Несмотря на неоднократное внесение изменений в уголовный закон в части ответственности за преступления против компьютерной безопасности и иные преступления, учитываемые по линии противодействия киберпреступности, не теряет актуальности вопрос выработки оптимальной модели уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления в информационной сфере. Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1, к преступлениям в информационной сфере отнесены преступления против информационной (компьютерной) безопасности и иные преступления, предметом или средством совершения которых являются информация, информационные системы и сети.

В отечественной литературе в области информационного и уголовного права вопросы принципов, условий и иных социально-правовых аспектов установления юридической ответственности, в том числе уголовной, за преступления

в информационной сфере не нашли достаточного отражения. С учетом того, что повышение эффективности правовой политики должно сопровождаться усилением роли правовой науки в выработке доктринальных основ правового регулирования общественных отношений, востребованной является дальнейшая выработка теоретических основ криминализации общественно опасных деяний в информационной сфере.

Основная часть. Установление уголовной ответственности за преступления в информационной сфере посредством уголовно-правового запрета определяет пределы права в отношении отдельных видов информации, в том числе компьютерной информации, что является одной из характеристик правового режима информации. В целом правовой режим различных видов информации, помимо Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» (далее – Закон), регламентирован системой законодательных актов, на основе комплексного анализа которых возможно сформулировать следующие выводы:

▪ перечисленные в Законе виды информации отнесены к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, по причине возможности наступления вредных и даже общественно опасных последствий в случае свободного доступа к ней и беспрепятственного ее распространения;

▪ в отношении каждого вида информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, законодательными актами установлен порядок получения, передачи, сбора, обработки, накопления, хранения и предоставления, нарушение которого влечет установленную законодательством ответственность, в том числе уголовную;

▪ к тому или иному виду информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, информация относится в зависимости от ее содержания и негативных последствий ее свободного оборота, а не от формы представления (закрепления) [1, с. 32–33].

Рассмотрение научных позиций также позволяет сделать вывод о том, что правовой режим информации есть характеристика информации как объекта правоотношений, вытекающая из ее нематериальной природы. На это указывает и дефиниция информации, содержащаяся в ст. 1 Закона, которая исходит из того, что информация – сведения независимо от формы их представления.

На основе анализа норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за общественно опасные деяния, предметом которых является информация (сведения, сообщения, данные), также можем сделать вывод о том, что основными критериями их криминализации выступают содержание информации, являющейся предметом преступления (различные виды охраняемых законом тайн), и, соответственно, установленный в отношении информации правовой режим (ст. 177, 178, 203, 203[1], 254, 255, 356 УК и др.). По содержательному признаку в литературе выделяются различные классификации сведений, конфиденциальность которых охраняется уголовным законом, например: группа тайн, относящихся к конституционным правам и свободам граждан (личная и семейная тайна, тайна голосования, тайна переписки и сообщений); группа тайн, относящихся к предпринимательской деятельности, с включением в нее

коммерческой, банковской и налоговой тайны; группа тайн государственной важности; группа тайн уголовно-процессуального назначения (тайна следствия, тайна мер безопасности, применяемых к участникам уголовного процесса) [2]. Общественная опасность таких деяний обусловливается причинением (возможностью причинения) существенного вреда в результате непроизвольного доступа, неправомерного обладания данной информацией, включая последующее ее использование и (или) разглашение.

С учетом вышесказанного при правовом регулировании информации, в том числе при установлении ответственности, первичным является социальный признак, заключающийся в ее общественной значимости. При установлении уголовной ответственности данный подход в зависимости от вида информации позволяет определить родовой объект данных преступлений (преступление против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних, против конституционных прав и свобод человека и гражданина, против порядка осуществления экономической деятельности и др.) и, соответственно, место статьи в системе Особенной части УК, предусмотреть особенности условий уголовной ответственности (ст. 33 УК) и уголовного преследования за их совершение (ст. 26 УПК).

Дальнейшее совершенствование уголовного закона в данной части видится посредством проработки вопроса об установлении ответственности за незаконные действия в отношении иных видов информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено (например, адвокатская, нотариальная и иные виды профессиональных тайн), а также унификации подходов к их криминализации (например, похищение сведений, составляющих коммерческую и банковскую тайну с целью их разглашения является преступлением, а похищение сведений, выступающих врачебной тайной, тайной усыновления, «тайной следствия» таковым не является). Полагаем, это обеспечит полноту правового регулирования и системность уголовного закона.

В то же время в гл. 31 УК криминализированы деяния, предметом которых выступает информация по признаку формы представления – компьютерная информация. Это обусловливает обособление группы таких преступлений в структуре кодекса и предопределяет необходимость выделения отличного от иных преступлений в информационной сфере основания их криминализации. Полагаем, что таковым выступает общественная опасность, которая выражается в свойстве данных деяний причинить или создать реальную угрозу причинения существенного вреда охраняемым уголовным законом отношениям и интересам посредством неправомерного воздействия (нарушения системы защиты, уничтожения, блокирования, модификации, завладения) на компьютерную информацию безотносительно установленного в отношении ее правового режима (отнесения к одному из видов информации ограниченного распространения). Указанные особенности должны учитываться при конструировании и корректировке уголовно-правовых норм о преступлениях в информационной сфере.

Вместе с тем компьютерная информация, выступающая предметом преступления, одновременно по содержанию может являться банковской тайной, тайной личной жизни, персональными данными, государственными секретами,

иной информацией ограниченного распространения. Очевидно, что данное обстоятельство на практике приводит к возникновению ситуации, когда орган уголовного преследования ставится в условия выбора нормы в зависимости от разнородных характеристик информации (содержание и форма) либо необходимости оценки деяния по совокупности преступлений. Кроме того, сведения могут иметь «смешанный» правовой режим и одновременно относится к различным видам информации ограниченного распространения (например, хранящиеся в уголовном деле сведения финансового характера либо данные о состоянии здоровья физического лица).

Белорусской юридической наукой предложены варианты практического применения норм уголовного закона и квалификации общественно опасных деяний в таких случаях. В частности:

1) совершение незаконных действий с информацией о частной жизни и персональными данными (иной информацией ограниченного распространения), отображенными в форме компьютерной информации, влечет ответственность по совокупности преступлений: например, деяние в виде противоправного завладения сведениями, составляющими банковскую тайну, в электронном виде с целью незаконного использования одновременно содержит признаки преступлений, предусмотренных ст. 254 и 352 УК. Ввиду особенностей объекта, предмета и признаков объективной стороны составов преступлений конкуренция норм в данном случае отсутствует [3];

2) если информация о частной жизни или персональные данные являются составной частью иной информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено (например, государственные секреты, материалы уголовного дела, врачебная тайна и т. д.), то с учетом направленности умысла деяние можно квалифицировать по специальной статье уголовного закона (например, по ст. 178, 254, 358, 373, 407 УК), предусматривающей ответственность за посягательство на указанную категорию информации, которая в основном имеет более строгий правовой режим защиты [4].

Полагаем возможным дополнить гл. 31 УК примечанием, в котором бы были закреплены правила квалификации в рассмотренных ситуациях, как это предусмотрено, например, для преступлений против интересов службы (ч. 1 примечаний к гл. 35 УК).

В деле формирования единообразной и соответствующей уголовному закону правоприменительной практики важнейшая роль отведена судам. Однако постановление Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 4 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против информационной безопасности (гл. 31 УК)» в большей части утратило актуальность в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» (далее – Закон № 112-З), которым внесены существенные изменения в нормы гл. 24 и 31 УК. В данном контексте с положительной стороны стоит отметить опыт Российской Федерации, где в 2022 г. принято постановление Пленума Верховного Суда № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-

телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Помимо разъяснения основных понятий, используемых в гл. 28 УК Российской Федерации, в нем довольно подробно рассматриваются вопросы квалификации иных преступлений по признаку использования электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, определения места совершения преступлений с их использованием и территориальной подсудности уголовных дел, актуальные аспекты квалификации действий, связанных с распространением, публичной демонстрацией или рекламированием порнографических материалов в цифровой форме и иные.

В белорусском УК признак использования сети Интернет также нашел свое отражение в статьях, устанавливающих ответственность за признаваемые общественно опасными распространение каких-либо сведений, пропаганду, призывы к совершению определенных действий (ст. 130^2, 188, 289^1, 341^1, 343^1 и 361 УК и др.). Значительная часть статей УК о преступлениях в информационной сфере не содержат указанного признака, однако они могут быть совершены при помощи информационных технологий. С учетом имеющейся практики применения указанных норм и в условиях произошедшей модернизации уголовного закона видится целесообразным изучить и обобщить судебную практику по данной категории уголовных дел, не ограничиваясь одной главой или разделом УК.

Процессы цифровизации затрагивают большинство форм преступной деятельности: от преступлений против мира и безопасности человечества до преступлений против общественного порядка. В подобных условиях считаем возможным корректировку подходов к конструированию отдельных составов преступлений путем закрепления «гибридной» структуры уголовно-правовой нормы, отражающей «цифровой» признак на уровне основного или квалифицированного состава. В качестве примера можно привести ст. 272.1 УК Российской Федерации (введена Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ), предусматривающую ответственность за незаконные использование, передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные. Частично данный подход использован при корректировке в 2015 г. модельного УК, ст. 151 («Незаконное собирание и распространение информации о частной жизни»), 153 («Нарушение тайны переписки…»), 269 («Незаконное получение информации, составляющей коммерческую или банковскую тайну») которого дополнены квалифицирующим признаком «с использованием компьютерных устройств, системы или их сети».

Также отмечаем, что в соответствии с Законом № 112-З ответственность за модификацию компьютерной информации и компьютерный саботаж предусмотрена в одном альтернативном материальном составе преступления. Данная новация обусловлена однородностью характера указанных форм противоправного поведения, близкой степенью общественной опасности деяний и причиняемого ими вреда, а также последовательным совершением на практике указанных действий с целью достижения единой цели, как правило, корыстной. Вместе с тем полагаем, что в действующей редакции гл. 31 УК недооценена общественная опасность неправомерного завладения компьютерной информацией (ст. 352 УК), которое отнесено к преступлениям, не представляющим большой

общественной опасности. Анализ составов преступлений, предметом которых выступают материальные объекты (ст. 205, 218, 270, 344, 377–378, 459 УК и др.), показывает, что законодатель, устанавливая санкции за их совершение, не проводит существенную градацию в общественной опасности между хищением, уничтожением и повреждением имущества. Более того, для привлечения лица к уголовной ответственности размер вреда при хищении имущества ниже, чем при его уничтожении. Поэтому видится обоснованной дальнейшая унификация подходов к установлению уголовной ответственности за уничтожение, модификацию компьютерной информации и неправомерное завладение компьютерной информацией. Кроме того, требуется дальнейшая проработка конструкции ст. 349 УК, которая, несмотря на недавнюю корректировку, не лишена недостатков, а также в целом разрешение вопроса обоснованности сохранения самостоятельной уголовной ответственности за несанкционированный доступ к компьютерной информации.

В рамках дифференциации ответственности за преступления против компьютерной безопасности законодателем использован традиционный подход к определению квалифицирующих признаков (группа лиц, иные тяжкие последствия и др.), в связи с чем приобретает актуальность вопрос отражения в статьях гл. 31 УК повышенной общественной опасности действий в отношении компьютерной информации, обрабатываемой на критически важных объектах информатизации. Об обоснованности такой дифференциации свидетельствуют также положения законопроекта, предусматривающего корректировку административного законодательства в части градации ответственности за нарушение требований по кибербезопасности на критически важных и иных объектах информатизации. В зарубежной нормотворческой практике (например, Казахстан и Россия) подобный подход также нашел отражение. Так, в 2017 г. УК Российской Федерации дополнен ст. 274.1, предусматривающей ответственность за создание, распространение и использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

В завершение отметим, что в октябре 2024 г. состоялось заседание Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь, в ходе которого рассмотрен вопрос о совершенствовании правовых механизмов повышения финансовой безопасности граждан в условиях масштабного внедрения цифровых технологий и создания тем самым возможности для увеличения числа случаев несанкционированных платежных операций, мошеннических действий и киберугроз. В рамках деятельности Совета обоснована необходимость разработки правового акта, регламентирующего порядок ограничения доступа к интернет-ресурсам, используемым в противоправной деятельности, а также выработки правового механизма своевременного возврата пострадавшим гражданам находящихся на счетах безналичных денежных средств, на которые наложен арест. Полагаем, что эти и иные аспекты противодействия преступлениям в информационной сфере могут быть урегулированы в отдельном законе, который бы комплексно определил правовые основы борьбы с указанным негативным явлением, включая полномочия государственных органов в области противодействия киберпреступности, формы взаимодействия,

создание и функционирование ведомственных информационных систем, меры профилактики и иные вопросы. Следует отметить, что на уровне модельного законодательства в 2023 г. принято постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 55-20 «О модельном законе «О противодействии киберпреступности». Актуальность принятия самостоятельного нормативного правового акта, который (например, по аналогии с антикоррупционным правовым регулированием) составит ядро нормативной базы в указанной сфере, обосновывается в научной литературе [5, с. 38].

Заключение. Существующие сегодня тенденции киберпреступности диктуют необходимость последовательного совершенствования действующей архитектуры уголовно-правового обеспечения информационной безопасности. Научные и практические наработки должны стать основой формирования элементов эффективной модели регламентации уголовной ответственности за преступления в информационной сфере.

На основе проведенного исследования полагаем возможным выделить следующие перспективные направления в данной области:

▪ выработка и обоснование критериев криминализации общественно опасных деяний в информационной сфере, которые должны учитываться при конструировании новых и корректировке действующих уголовно-правовых норм, придав уголовному закону системность и сбалансированность;

▪ унификация подходов к установлению уголовной ответственности за различные способы деструктивного информационного воздействия и противоправные действия в отношении (с использованием) информации посредством закрепления в статьях УК схожих криминообразующих признаков;

▪ дифференциация уголовной ответственности за традиционные преступления по признаку использования информационно-телекоммуникационных технологий при их совершении, включая сеть Интернет, системы искусственного интеллекта, криптовалюты, а также за преступления против компьютерной безопасности в части посягательств на критически важные объекты информатизации;

▪ анализ достаточности и эффективности уголовно-правовых мер противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности, совершаемым в информационном пространстве, а также распространению в сети сведений ложного, порочащего, оскорбительного характера и «цифровому» хулиганству.

Согласно Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, изменения в уголовное законодательство должны вноситься на системной основе при наличии всесторонней прогнозной оценки и криминологического обоснования. Исследование компьютерной преступности в Республике Беларусь и зарубежных государствах, анализ существующих тенденций общественного развития, установления имеющихся и выявления потенциальных угроз в информационной сфере, противодействие которым должно осуществляться посредством уголовно-правовых запретов, позволит создать условия для эффективного их предупреждения.

Список цитированных источников

1. Дубко, М. А. Неправомерное завладение компьютерной информацией как преступление против информационной безопасности / М. А. Дубко. – Минск : СтройМедиаПроект, 2020. – 232 с.

2. Барткевич, Е. В. Вопросы уголовно-правовой охраны государственной и иной тайны в российском законодательстве / Е. В. Барткевич, А. В. Щербаков. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-ugolovno-pravovoy-ohrany-gosudarstvennoy-i-inoy-tayny-v-rossiyskom-zakonodatelstve/viewer (дата обращения: 15.01.2025).

3. Дубко, М. А. Отдельные вопросы уголовно-правовой защиты компьютерной информации от неправомерного завладения / М. А. Дубко // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол.: В. В. Марчук [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. – Вып. 10. – С. 90–96.

4. Полещук, Д. Г. Уголовная ответственность за незаконные действия с персональными данными : новое в законодательстве и правоприменении : [по состоянию на 15.11.2021] / Д. Г. Полещук // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 15.03.2025).

5. Семыкина, О. И. «Цифровой» признак совершения преступлений как вектор криминализации (компаративный обзор подходов государств – участников СНГ) / О. И. Семыкина, Р. Н. Ключко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6. – С. 34–52.

Рецензент: Новикова Е. В.,
заведующий кафедрой судебной деятельности
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 24.03.2025.

ENSURING THE SYSTEMATICITY OF THE NORMS OF THE CRIMINAL LAW ON LIABILITY FOR CRIMES IN THE INFORMATION SPHERE

Mikhail A. Dubko

Abstract. The article considers a number of topical theoretical issues of criminal-legal regulation in the Criminal Code of the Republic of Belarus of liability for crimes in the information sphere. The aspects of criminalization of crimes in the information sphere are studied through the prism of the legal regime of information, which is the subject of the crime, differentiation of liability for their commission on the basis of the use of information and communication technologies. Promising directions for improving criminal legislation in this part are outlined, taking into account scientific developments, foreign experience and cybercrime trends.

Keywords: information security, information sphere, crimes against computer security, legal regime of information, computer information.

УДК 343.28

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА О НАЗНАЧЕНИИ БОЛЕЕ МЯГКОГО НАКАЗАНИЯ, ЧЕМ ПРЕДУСМОТРЕНО ЗА ДАННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Марчук Василий Васильевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
v.marchuk.61@list.ru

Аннотация. На основе анализа положений ст. 70 Уголовного кодекса Республики Беларусь и судебной практики по ее применению сделан вывод о том, что обстоятельства, свидетельствующие о деятельном раскаянии лица, являются разноаспектными и могут быть признаны исключительными только в случае, если они очевидно снизили степень общественной опасности деяния. Обосновано, что назначить наказание ниже низшего предела суд имеет возможность только в отношении трех видов наказаний. Сформулировано предложение о том, что нарушения законодательной техники при конструировании санкций соответствующих статей Особенной части УК, препятствующие назначению более мягкого вида наказания, должны толковаться в пользу обвиняемого, предопределяя избрание судом формы реализации уголовной ответственности, не связанной с назначением наказания.

Ключевые слова: назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление.

Введение. Положения ст. 70 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) являются исключением из общего требования о том, что суд назначает наказание «в пределах, установленных статьей Особенной части, предусматривающей ответственность за совершенное преступление» (ч. 1 ст. 62 УК). При индивидуализации наказания ст. 70 УК предоставляет суду право перейти нижний предел санкции соответствующей статьи Особенной части УК. Такого рода отступление от общего требования допустимо только с учетом личности виновного и при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями, мотивами, ролью лица и его поведением во время или после совершения преступления, которые существенно уменьшают степень общественной опасности деяния.

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении от 26 марта 2002 г. № 1 «О назначении судами уголовного наказания» дал разъяснения относительно некоторых аспектов применения положений ст. 70 УК [1]. Вместе с тем анализ судебной практики показывает, что единства в понимании правил назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, к сожалению, пока не наблюдается.

Основная часть. В основе постановки вопроса о возможности назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено уголовным законом за соответствующее преступление, лежат установленные по уголовному делу особые обстоятельства (обстоятельство), исключительность которых свидетельствуют о том,

что наказание, назначенное в соответствии с общими началами, предусмотренными ст. 62 УК, будет несоразмерным, будет не соответствовать степени общественной опасности совершенного деяния.

К исключительным обстоятельствам, существенно уменьшающим степень общественной опасности деяния, законодатель отнес только те, которые связаны с целями, мотивами, ролью лица и его поведением во время или после совершения преступления. Поэтому не соответствующими указанному требованию уголовного закона вышестоящей судебной инстанцией признавались приговоры, в которых к исключительным обстоятельствам судом первой инстанцией были отнесены «наличие на расчетном счете обвиняемого денежных средств», «наличие непогашенного кредита», «воспитание обвиняемого в многодетной семье», «отсутствие у родителей обвиняемого постоянного места работы и заработка» и т. д.

Существенное влияние на снижение степени общественной опасности деяния оказывают, прежде всего, те мотивы и цели, которые не имеют низменного характера: сострадание, ложно понятые интересы службы, побуждения, обусловленные провоцирующим поведением потерпевшего, стечением тяжелых личных либо семейных обстоятельств, материальной, служебной или иной зависимостью, принуждением (т. е. под влиянием переживания исходящей от принуждающего лица реальной опасности, угрожающей собственным интересам или интересам близких лиц), стремления защитить личные, общественные или государственные интересы, при реализации которого были нарушены условия правомерности причинения вреда (например, при превышении пределов допустимого (в том числе экономического) риска) и др.

При установлении рассматриваемых мотивов и целей необходимо учитывать сущность соответствующих побуждений и направленность устремлений виновного лица при совершении преступления в конкретной обстановке. Например, хищение денежных средств, обусловленное стремлением виновного предоставить родственнику выгоду имущественного характера, будет влечь ответственность на общих основаниях, поскольку устремления виновного лица имели низменный характер. Однако если при похищении денежных средств виновный руководствовался стремлением оплатить дорогостоящую операцию для тяжело больного родственника, то в условиях сложившейся для него тяжелой финансовой и семейной обстановки указанная цель приобретает особое значение, что дает суду основание рассмотреть вопрос о смягчении наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК.

Роль лица во время совершения преступления может приобрести значение исключительного обстоятельства при назначении наказания в случае, если в процессе приготовления или непосредственного выполнения объективной стороны преступления деяние виновного не было определяющим в достижении преступной цели, вклад виновного в реализацию преступного замысла не был значимым. Обычно, в таких случаях подразумевают пособника, поскольку его роль в совершении преступления является второстепенной. Однако второстепенность деяния пособника не всегда означает, что оно обладает пониженной степенью общественной опасности в структуре соучастия в преступлении (например, лицо

по договоренности изготавливает взрывное устройство и передает его исполнителю акта терроризма). Возможна ситуация, когда роль соисполнителя преступления по своему содержанию не имела решающего значения в реализации преступного намерения. В совокупности с другими исключительными обстоятельствами это может повлиять на формирование убеждения суда о том, что основание для смягчения наказания имеется.

Установление выполняемой виновным роли во время совершения преступления, как правило, приобретает важное значение при определении наказания соответствующему соучастнику преступления. Однако и при совершении преступления по неосторожности лицо может оказаться в ситуации, когда его роль в причинно-следственном отношении не была значимой. Например, при дорожно-транспортном происшествии с участием нескольких лиц (неосторожное сопричинение) роль пешехода, велосипедиста или иного участника ДТП в цепи совершенных ими виновных нарушений не всегда может иметь значение причины, с необходимостью вызвавшей причинение физического вреда.

К поведению лица во время совершения преступления следует относить те поведенческие реакции виновного, сопровождающие совершение общественно опасного деяния, которые свидетельствуют об изменении его отношения к реализации совершаемого преступления. Это может быть значительное снижение интенсивности начавшейся преступной агрессии в силу жалости к жертве, возникнувшей в момент исполнения преступного деяния, невыполнение в полном объеме какого-либо действия, обусловленного преступным планом соучастников, принятие в процессе совершения деяния одновременно мер, минимизирующих количество потерпевших, изменение способа совершения преступления, которое сознательно было направлено на уменьшение размера причиняемого имущественного вреда, и др.

При применении ст. 70 УК суды часто признают исключительными те обстоятельства, которые связаны с поведением лица после совершения преступления: явка с повинной, активное способствование выявлению преступления, изобличение других участников преступления, оказание медицинской или иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение ущерба, устранение вреда, причиненного преступлением, и т. п. При этом, как правило, отсутствуют те исключительные обстоятельства, которые связаны с целями, мотивами, ролью лица и его поведением во время совершения преступления. Вместе с тем при назначении наказания указанным обстоятельствам иногда придается разное значение. Так, по делу Б. суд отнес к совокупности исключительных обстоятельств чистосердечное раскаяние лица в совершенном преступлении, добровольное возмещение причиненного ущерба окружающей среде и возмещение стоимости незаконно добытой продукции, что, по мнению суда существенно уменьшило степень общественной опасности совершенного преступления. С учетом личности виновного суд пришел к убеждению о необходимости применения к обвиняемому ст. 70 УК и назначении ему более мягкого вида наказания, чем предусмотрено ч. 4 ст. 281 УК, назначив основное наказание в виде штрафа без назначения дополнительного наказания [2].

По данному делу обстоятельства, свидетельствующие о деятельном

раскаянии, были признаны судом исключительными не только при решении вопроса о применения более мягкого основного наказания, чем предусмотрено законом, но и стали основанием для неприменения дополнительного наказания, предусмотренного в качестве обязательного в санкции ч. 4 ст. 281 УК.

Однако по другим уголовным делам аналогичные обстоятельства, свидетельствующие о деятельном раскаянии, при отсутствии отрицательных данных, характеризующих личность виновного, не признавались исключительными и рассматривались лишь как обстоятельства, смягчающие уголовную ответственность. Например, по приговору суда Л. была признана виновной в присвоении имущества лицом, которому оно вверено, совершенном в крупном размере (ч. 3 ст. 211 УК). В апелляционной жалобе обвиняемая, не оспаривая своей виновности и квалификации содеянного, указала на чрезмерную строгость назначенного наказания. Считала, что наличие смягчающих обстоятельств, ее поведение после совершения преступления существенно уменьшили степень общественной опасности, что в своей совокупности дает основания признать их исключительными. Просила приговор изменить, применить ст. 70 УК, назначить более мягкий вид наказания. Рассмотрев дело, обсудив апелляционную жалобу, судебная коллегия областного суда признала приговор законным и обоснованным. В определении судебной коллегии указано: «При назначении обвиняемой наказания судом первой инстанции в полной мере в соответствии с требованиями ст. 62 УК учтены характер и степень общественной опасности деяния, личность обвиняемой, смягчающие ответственность обстоятельства в виде чистосердечного раскаяния в совершенном преступлении, добровольное возмещение ущерба, наличие на иждивении малолетнего ребенка, отсутствие обстоятельств, отягчающих ответственность. С учетом изложенного суд пришел к выводу о том, что цели уголовной ответственности могут быть достигнуты назначением обвиняемой основного наказания лишь в виде лишения свободы, назначив ей предусмотренный санкцией минимальный срок такого наказания. Оснований для применения ст. 70 УК суд не усмотрел. Судебной коллегией также не было установлено каких-либо исключительных обстоятельств, связанных с целями, мотивами, ролью и поведением Л. во время и после совершения преступления, которые бы существенно уменьшали степень общественной опасности содеянного и давали основание для смягчения назначенного ей наказания. Доводы жалобы о том, что назначенное наказание является излишне строгим, по вышеуказанным причинам были признаны необоснованными» [2].

Следует учитывать, что по своему содержанию и направленности обстоятельства, указанные в пунктах 1–4 ч. 1 ст. 63 УК, разноаспектные. Например, явка с повинной способствуют раскрытию преступления, но не всегда она сопровождается раскаянием виновного и его намерением возместить причиненный ущерб, что, соответственно, не может быть очевидным доказательством «существенного уменьшения степени общественной опасности деяния».

На снижение степени общественной опасности деяния может оказать влияние то постпреступное поведение, которое выражается в непосредственном возмещении ущерба или заглаживания причиненного вреда (п. 4 ч. 1 ст. 63), поскольку оно направлено на упразднение либо минимизацию уже наступившего

преступного результата, восстановление либо попытку восстановления тех общественных отношений, которые были нарушены фактом совершения общественно опасного деяния. Приобретает ли такое поведение характер исключительного в контексте применения ст. 70 УК, во многом зависит от вида и характера причиненного ущерба или вреда, интенсивности и размера их возмещения. В отличие от имущественного ущерба, возместить физический вред адекватно невозможно, эквивалентное возмещение уничтоженного имущества отличается от его компенсации, размер и объем возмещения могут быть разными и т. д.

Установление исключительных обстоятельств еще не является достаточным для применения положений ст. 70 УК. При назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, обязательно следует учитывать свойства личности виновного. Материалами рассмотренных уголовных дел традиционно это подтверждается положительными характеристиками с места работы, данными, удовлетворительно характеризующими личность обвиняемого по месту жительства, наличием государственных, спортивных и иных наград и т. д.

При реализации положений ст. 70 УК суды учитывают и те социально-демографические и психофизические особенности личности, которые сами по себе не являются положительными либо отрицательными характеристиками: престарелый возраст, инвалидность, наличие тяжелых заболеваний и т. д. Вместе с тем вызывает сомнение отнесение в некоторых случаях к данным о личности, например, «наличие у обвиняемого постоянного места работы», «обвиняемый имеет семью», «на протяжении длительного времени постоянно проживает на территории Республики Беларусь», «является иностранным гражданином». Страдает неопределенностью указание в материалах дела на то, что «после совершенного преступления обвиняемый ни в чем предосудительном замечен не был».

По общему правилу, наличие судимости является характеристикой, отрицательно характеризующей виновного. Однако, не всегда это так. Если, например, лицо имеет судимость за умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, причиненное при превышении пределов необходимой обороны (ст. 152 УК), то при наличии исключительных обстоятельств, имевших место при совершении нового преступления, рассматривать прежнюю судимость в качестве препятствия для применения положений ст. 70 УК было бы неправильно. Подтверждением этому является позиция законодателя относительно снятия ограничений в назначении наказания при наличии опасного или особо опасного рецидива, если имеются исключительные обстоятельства, предусмотренные ст. 70 УК (ч. 3 ст. 65 УК). Особое внимание при решении этого вопроса следует обращать при установлении непогашенной судимости за преступления, совершенные по неосторожности, а также при оценке наличия факта привлечения к административной ответственности.

Судебная практика допускает возможность применения ст. 70 УК при наличии множественности преступлений, не сопряженной с судимостью за ранее совершенное преступление (совокупности преступлений и повторности преступлений при отсутствии судимости). В таких ситуациях первоначально должно быть назначено наказание с применением ст. 70 УК за одно или

за каждое из совершенных преступлений, а затем определяется окончательное наказание [1].

Главным в таких случаях является сформированное на основе материалов дела убеждение суда в том, что наличие исключительных обстоятельств дела в совокупности с данными, характеризующими личность виновного, позволяет прогнозировать достижение целей уголовной ответственности в условиях отбывания осужденным более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление.

Суд обязан в приговоре указать, какие именно обстоятельства, установленные по делу, он признает исключительными и в сочетании с какими данными о личности виновного они являются основанием для применения ст. 70 УК [1].

Статья 70 УК предоставляет суду при назначении наказания три альтернативных варианта выхода за минимальные пределы санкции, установленные конкретной статьей Особенной части УК:

- либо срок избранного судом наказания определяется ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК;
- либо назначается более мягкое наказание, чем предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК;
- либо дополнительное наказание, предусмотренное в санкции статьи Особенной части УК в качестве обязательного, не применяется.

Судебная практика допускает применение ст. 70 УК одновременно как к основному, так и дополнительному наказанию, предусмотренному в качестве обязательного.

Назначение наказания ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК, возможно только в том случае, когда в указанном в санкции статьи УК виде наказания законодателем установлена нижняя граница. Например, в санкции ч. 3 ст. 205 УК для наказания в виде лишения свободы нижним пределом является срок два года. Однако рассматриваемый вариант смягчения наказания не может быть применен к случаям осуждения к лишению свободы за кражу при отсутствии квалифицирующих обстоятельств, поскольку в санкции ч. 1 ст. 205 УК законодатель не установил нижний предел.

С учетом указанной особенности и содержания санкций действующих статей Особенной части УК суд имеет возможность назначить наказание ниже низшего предела только в отношении трех видов наказаний: лишение свободы на определенный срок, ограничение свободы либо исправительные работы. Исключено применение рассматриваемого варианта смягчения наказания к общественным работам, штрафу, аресту и лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, поскольку в санкциях статей Особенной части УК для названных наказаний законодатель не указывает их пределы, в том числе нижние пределы наказания. В статьях Особенной части УК, предусматривающих ответственность за воинские преступления, не указан нижний предел и для наказания в виде ограничения по военной службе.

Положения уголовного закона в данной части не всегда соблюдаются. Так, приговором районного суда Г. был осужден по ч. 1 ст. 14 и ч. 1 ст. 431 УК. С применением ст. 70 УК суд назначил Г. штраф в размере 100 базовых величин,

что составило 2 450 руб. Назначенный размер штрафа был ниже предела, который указан в статье Общей части УК: в ч. 2 ст. 50 УК за преступления против интересов службы штраф установлен в размере от 300 до 5 тыс. базовых величин. На основании апелляционного протеста прокурора района судебная коллегия по уголовным делам областного суда приговор изменила в связи с неправильным применением уголовного закона. Г. было назначено наказание в виде штрафа в размере 300 базовых величин, что составляет 7 350 руб. [2].

Нижний предел соответствующих видов наказаний не указывается законодателем, как правило, в санкциях тех статей Особенной части УК, в которых предусмотрена уголовная ответственность за преступления, не представляющие большой общественной опасности, либо менее тяжкие преступления. Поэтому в практике назначение наказания ниже низшего предела часто применяется за совершение тяжких либо особо тяжких преступлений. Например, по данным за 2022 г. среди лиц, которым было назначено наказание ниже низшего предела, 80 % составили лица, осужденные за тяжкие или особо тяжкие преступления. Высшая судебная инстанция обращает внимание судов на то, что при осуждении за тяжкое или особо тяжкое преступление суды должны особенно тщательно оценивать исключительность обстоятельств, дающих основание для применения ст. 70 УК [1].

Таким образом, суд, избрав вид наказания из перечисленных в санкции статьи Особенной части УК, руководствуясь внутренним убеждением, сформированным на основе данных о личности виновного в совокупности с соответствующими исключительными обстоятельствами может принять решение выйти за нижний предел предусмотренного в санкции наказания, поскольку есть основания полагать, что цели уголовной ответственности будут достигнуты в более короткий срок отбывания осужденным данного вида наказания.

Вместе с тем снижение срока назначаемого наказания не может быть безграничным. Статьи Общей части УК содержат указание на минимальный срок соответствующих видов наказаний. Для наказаний в виде ограничения свободы, лишения свободы, а также исправительных работ, назначаемых совершеннолетнему лицу, этот срок составляет шесть месяцев (ч. 1 ст. 52, ч. 1 ст. 55, ч. 1 ст. 57), для исправительных работ, назначаемых несовершеннолетним лицам, достигшим к моменту постановления приговора 16 лет, – два месяца. Снизить указанный предел суд не может ни при каких обстоятельствах.

Мотивированное снижение предусмотренной в санкции статьи Особенной части УК нижней границы наказания в виде лишения свободы не исключает возможности применения судом осуждения с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77 УК) либо осуждения с условным неприменением наказания (ст. 78 УК). В таком случае суд первоначально применяет положения ст. 70 УК, а затем решает вопрос о применении соответствующей формы реализации уголовной ответственности.

Судебная практика исходит из того, что назначению наказания ниже низшего предела, указанного в санкции статьи Особенной части УК, не препятствует наличие в санкции этой же статьи альтернативных, более мягких видов наказания [1].

Назначение более мягкого вида наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК, является в судебной практике наиболее распространенным среди вариантов смягчения наказания, которые предусмотрены в ст. 70 УК. Возможность применения более мягкого вида наказания в таком случае объясняется нецелесообразностью применения тех наказаний, которые предусмотрены в санкции статьи Особенной части УК. При наличии соответствующих исключительных обстоятельств такой вопрос неизбежно возникает в случае, когда в санкции статьи предусмотрен только один вид наказания – лишение свободы на определенный срок.

Сложным является вопрос о назначении более мягкого вида наказания в случае, когда в санкции статьи не указаны наказания, которые являются более мягкими по отношению к одним наказаниям, предусмотренным в данной санкции, но более строгими по отношению к другим. Например, санкция ч. 1 ст. 228 УК предусматривает три вида наказания: штраф, ограничение свободы и лишение свободы. В данной санкции не указаны в качестве основных наказания в виде исправительных работ, ареста и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Очевидно, что перечисленные виды наказаний являются более мягкими, чем ограничение свободы, а тем более – чем лишение свободы. Однако, исходя из последовательности наказаний, установленной ч. 1 ст. 48 УК, они являются более строгими, чем наказание в виде штрафа, которое является наименее строгим согласно санкции ч. 1 ст. 228 УК. Практика прокурорского надзора и судебная практика свидетельствуют о том, что в таких случаях суд должен ориентироваться только на те более мягкие виды наказаний, которые находятся за пределами нижнего порога санкции соответствующей статьи Особенной части УК. Так, по приговору суда Ж. была осуждена по ч. 3 ст. 174 УК к двум годам ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа. Постановлением президиума областного суда приговор был изменен и Ж. с применением ст. 70 УК назначено наказание в виде ареста. В протесте заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь ставился вопрос об отмене постановления президиума областного суда и изменении приговора с назначением Ж. с применением ст. 70 УК иного вида наказания. На момент вынесения обвинительного приговора санкция ч. 3 ст. 174 УК действовала в редакции от 5 января 2008 г. и предусматривала только два альтернативных вида наказания: исправительные работы и ограничение свободы. В протесте была приведена следующая аргументация: «Согласно ст. 70 УК при ее применении возможно назначение наказания ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК, либо более мягкого вида наказания. В соответствии со ст. 48 УК арест – более строгий вид наказания, чем исправительные работы. При таких обстоятельствах президиумом областного суда были нарушены требования ст. 70 УК при назначении Ж. ареста, являющегося более строгим видом наказания, чем исправительные работы, предусмотренные санкцией ч. 3 ст. 174 УК». Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь протест был удовлетворен. Ж. по ч. 3 ст. 174 УК в силу ст. 70 УК назначено наказание в виде общественных работ [2].

Вместе с тем при индивидуализации наказания суд может оказаться в затруднительной ситуации, когда при наличии соответствующих исключительных обстоятельств, с одной стороны, нет оснований применять самые строгие виды наказаний, предусмотренные в санкции, а, с другой, – назначению наиболее мягкого наказания препятствуют определенные обстоятельства, установленные по данному делу. Так, в приведенном примере с контрабандой (санкция ч. 1 ст. 228 УК) назначению штрафа препятствует материальное положение обвиняемого, а реализовать в порядке применения ст. 70 УК наказание в виде общественных работ не представляется возможным, поскольку обвиняемый достиг пенсионного возраста (п. 2 ч. 2 ст. 49 УК). К сожалению, не смотря на многочисленные корректировки санкций статей Особенной части УК, которые были произведены в 2025 г. [3] указанный дисбаланс в пенализации не был упразднен.

Полагаю, что в таких ситуациях нарушения законодательной техники при конструировании санкций соответствующих статей Особенной части УК должны толковаться в пользу обвиняемого, предопределяя избрание судом формы реализации уголовной ответственности, не связанной с назначением наказания.

Неприменение дополнительного наказания, предусмотренного в качестве обязательного, означает, что суд при индивидуализации ответственности ограничивает предусмотренную в санкции совокупную меру уголовно-правового воздействия только назначением основного наказания. В случае, если в санкции статьи в качестве обязательных к основному наказанию предусмотрено два дополнительных наказания, то возможно неприменение как одного, так и обоих наказаний. В любом случае суд обязательно должен указать в приговоре мотивы принятого решения.

В силу положений ст. 60 УК наказание в виде лишения воинского или специального звания не предусмотрено в санкциях статей Особенной части УК в качестве дополнительного наказания. В контексте применения ст. 70 УК реально может идти речь о неприменении только двух дополнительных наказаний: штрафа и (или) лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. При неприменении указанных дополнительных наказаний, предусмотренных в качестве обязательных, суды иногда не учитывают правило законодательной техники конструирования альтернативных санкций с дополнительным наказанием: наказание, указанное в качестве дополнительного к наиболее строгому основному наказанию, предусмотренному альтернативной санкцией, должно рассматриваться судом в качестве обязательного дополнительного наказания к иным основным наказаниям, указанным законодателем в данной санкции, если иное не предусмотрено уголовным законом.

По приговору районного суда Ц. был осужден по ч. 1 ст. 168 УК к наказанию в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение сроком на 1 год и без штрафа. В апелляционном протесте заместитель прокурора района, не оспаривая правильность квалификации содеянного и виновность Ц., указал на неправильное применение уголовного закона при назначении наказания, поскольку дополнительное наказание в виде штрафа в соответствии с санкцией ч. 1 ст. 168 УК является обязательным. Проверив материалы дела, судебная

коллегия областного суда пришла к следующим выводам: «Виновность обвиняемого в совершении преступления, за которое он осужден, сторонами не оспаривается и материалами дела доказана полностью. Действия Ц. правильно квалифицированы по ч. 1 ст. 168 УК. Вместе с тем приговор подлежит изменению. Санкция ч. 1 ст. 168 УК предусматривает наказание в виде ограничения свободы на срок до четырех лет или лишение свободы на тот же срок со штрафом. При этом по конструкции санкции данной статьи дополнительное наказание в виде штрафа является обязательным как к лишению свободы, так и к ограничению свободы. Как следует из разъяснений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, изложенных в п. 18 постановления от 26 марта 2002 г. № 1 «О назначении судами уголовного наказания», при осуждении виновного по статьям уголовного закона, согласно которым дополнительное наказание является обязательным, суд может не назначать его только при наличии оснований, предусмотренных ст. 70 УК, с обязательным указанием в приговоре мотивов принятого решения. В то же время надлежащие мотивы принятого решения о неприменении к Ц. дополнительного наказания в виде штрафа в приговоре не приведены. Судом не применена ст. 70 УК, необходимых обстоятельств для ее применения по делу не имеется. Неправильное применение судом уголовного закона повлекло назначение Ц. мягкого наказания. Таким образом, приговор подлежит изменению по доводам протеста. При этом указанный в протесте размер штрафа (50 базовых величин) соответствует, по мнению судебной коллегии, требованиям уголовного закона и является справедливым» [2].

Возможность применения в таких случаях судом дополнительного наказания в сочетании с любым основным наказанием, указанным в альтернативной санкции соответствующей статьи, в действующем УК закреплена в ч. 4 ст. 48.

При назначении более мягкого основного вида наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК, может возникнуть ситуация, в которой невозможность применения дополнительного наказания обусловлена ограничениями, предусмотренными нормами Общей части УК.

Так, П., работавшая в должности начальника смены Управления сетью ресторанов, судом была признана виновной в совершении присвоения чужого имущества в особо крупном размере и на основании ч. 4 ст. 211 УК с применением ст. 70 УК ей было назначено наказание в виде штрафа в размере 500 базовых величин на сумму 14 500 рублей. Применяя к обвиняемой положения, предусмотренные ст. 70 УК, суд исходил из учета личности П., которая ранее не судима, не привлекалась к административной ответственности, постоянно проживает на территории Республики Беларусь на протяжении длительного времени, работает, по месту жительства характеризуется положительно, мотивы совершения ею преступления, поведение обвиняемой П. после совершения преступления – добровольно сообщила правоохранительным органам о совершенном преступлении, в полном объеме возместила причиненный своими преступными действиями материальный ущерб, чистосердечно раскаялась. По мнению суда совокупность указанных обстоятельств по делу существенно уменьшают степень общественной опасности деяния, совершенного П., в связи с чем суд пришел к выводу о том, что в данном конкретном случае возможно назначение ей более мягкого

вида наказания за совершенное ею преступление, чем предусмотрено ч. 4 ст. 211 УК [2].

В данном приговоре суд не привел аргументации неприменения двух дополнительных наказаний, предусмотренных в санкции ч. 4 ст. 211 УК в качестве обязательных. Несмотря на то, что логика законодательных положений не позволяет назначить к штрафу тождественное дополнительное наказание, а применению лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью препятствует прямое указание, предусмотренное ч. 3 ст. 51 УК, суд должен был, выбирая более мягкий вид основного наказания и, мотивируя его применение, объяснить невозможность назначения дополнительных наказаний в данном случае.

В описательно-мотивировочной части приговора суд должен делать ссылку на ст. 70 УК. В противном случае требование п. 4 ч. 1 ст. 361 УПК в части определения вида, срока и размера наказания будет непонятным. Отсутствие такого рода ссылки является основанием к изменению приговора в силу неправильного применения уголовного закона. Например, при рассмотрении дела в апелляционном порядке судебная коллегия установила, что суд первой инстанции назначил С. наказание в виде общественных работ, которое не предусмотрено санкцией ч. 2 ст. 205 УК. При этом суд не сослался в приговоре на применение ст. 70 УК при назначении наказания в виде общественных работ, тем самым неправильно применил уголовный закон. Вместе с тем апелляционной инстанцией констатировано, что суд, назначая С. данное наказание, правильно учел характер и степень общественной опасности совершенного им преступления, конкретные обстоятельства дела, незначительную стоимость похищенного имущества, которое потерпевшей возвращено, данные, удовлетворительно характеризующие личность обвиняемого, принял во внимание в качестве обстоятельства, смягчающего его ответственность, чистосердечное раскаяние в содеянном. Данные обстоятельства в своей совокупности были признаны исключительными, связанными с поведением обвиняемого после совершения преступления, которые существенно уменьшают степень общественной опасности деяния. Поэтому в отношении С. следует применить ст. 70 УК и назначить ему наказание в виде общественных работ [2].

Заключение.

1. В контексте применения ст. 70 УК к поведению лица во время совершения преступления следует относить только те поведенческие реакции виновного, сопровождающие совершение общественно опасного деяния, которые очевидно свидетельствуют об изменении его отношения к реализации совершаемого преступления.

2. При рассмотрении обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 ст. 63 УК, в качестве исключительных следует иметь в виду, что указанные обстоятельства по своему содержанию и направленности разноаспектные. На снижение степени общественной опасности деяния может оказать влияние то постпреступное поведение, которое выражается в непосредственном возмещении ущерба или заглаживания причиненного вреда, поскольку оно направлено на упразднение либо минимизацию уже наступившего преступного результата, восстановление

либо попытку восстановления тех общественных отношений, которые были нарушены фактом совершения общественно опасного деяния. Приобретает ли такое поведение характер исключительного в контексте применения ст. 70 УК, во многом зависит от вида и характера причиненного ущерба или вреда, интенсивности и размера их возмещения.

3. Анализ содержания санкций действующих статей Особенной части УК показывает, что суд имеет возможность назначить наказание ниже низшего предела только в отношении трех видов наказаний: лишение свободы на определенный срок, ограничение свободы либо исправительные работы.

4. Проблемным является в судебной практике назначение более мягкого вида наказания в случае, когда в санкции статьи не указаны наказания, которые являются более мягкими по отношению к одним наказаниям, предусмотренным в данной санкции, но более строгими по отношению к другим. В таких ситуациях нарушения законодательной техники при конструировании санкций соответствующих статей Особенной части УК должны толковаться в пользу обвиняемого, предопределяя избрание судом формы реализации уголовной ответственности, не связанной с назначением наказания.

5. При решении вопроса о неприменении дополнительного наказания, предусмотренного в санкции в качестве обязательного, следует учитывать правило законодательной техники конструирования альтернативных санкций с дополнительным наказанием, которое предусмотрено в ч. 4 ст. 48 УК.

Список цитированных источников

1. О назначении судами уголовного наказания : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 26 марта 2002 г. № 1 : в ред. от 28 сент. 2023 г. // ilex: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 4 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).

3. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности : Закон Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З // ilex: информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2025).

Рецензент: Хомич В. М.,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Белорусского государственного экономического университета,
Заслуженный юрист Республики Беларусь,
доктор юридических наук, профессор.

Дата поступления статьи: 17.03.2025.

CRIMINAL LAW AND JUDICIAL PRACTICE ON THE IMPOSITION OF A MORE LENIENT PUNISHMENT THAN IS PROVIDED FOR THIS CRIME

Vasily V. Marchuk

Abstract. Based on the analysis of the provisions of Article 70 of the Criminal Code of the Republic of Belarus and judicial practice on its application, it is concluded that the circumstances indicating the active repentance of a person are diverse and can be considered exceptional only if they obviously reduced the degree of public danger of the act. It is justified that the court has the opportunity to impose a penalty below the lowest limit only in relation to three types of punishments. The proposal is formulated that violations of legislative technique in the construction of sanctions of the relevant articles of the Special Part of the Criminal Code, preventing the imposition of a more lenient type of punishment, should be interpreted in favor of the accused, predetermining the court's choice of a form of criminal responsibility unrelated to the imposition of punishment.

Keywords: the imposition of a more lenient punishment than is provided for this crime.

УДК 343.28

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАРКОТИЗМА[3]

Новикова Екатерина Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой судебной деятельности
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»
mypostadress@mail.ru

Аннотация. На основе анализа научной литературы представлено описание изменений отношения людей к опасности потребления психоактивных веществ. Кратко показана история использования человеком наркотиков. Уделено внимание появлению и разграничению понятий «наркомания» и «наркотизм». Сформулирован вывод о необходимости сбалансированного подхода к проблеме противодействия незаконному обороту наркотиков, который включает не только установление жестких уголовно-правовых запретов, но и профилактику наркопотребления, лечение наркозависимых лиц, а также разрешение ряда социально-экономических вопросов, составляющих причину вовлечения людей в распространение запрещенных веществ.

Ключевые слова: наркомания, наркотизм, незаконный оборот.

Введение. История использования человеком психоактивных веществ

[3] Научная статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Практика осуществления правосудия и правоохранительной деятельности как основание совершенствования правового регулирования в контексте закономерностей функционирования национальной правовой системы» (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства»).

уходит в древние времена. Ее изучение является необходимым условием формирования современных подходов к выработке мер противодействия наркомании и наркотизму, общественная опасность которых предопределена физической, интеллектуальной, моральной и социальной деградацией лиц, незаконно потребляющих запрещенные вещества.

Основная часть. Большинство стран мирового сообщества признают незаконный оборот психоактивных веществ общественно опасным и преступным деянием, относя его чаще всего к тяжким и особо тяжким преступлениям.

Как отмечает известный криминолог Я. И. Гилинский, «…во все времена, на протяжении всей человеческой истории люди пытались воздействовать на центральную нервную систему для получения “удовольствий”. (Это любят и животные, вспомните кошку и валерьянку.) “Отец истории” Геродот описывал употребление древними египтянами производных каннабиса; “отец медицины” Гиппократ использовал опий в медицинской практике; о снотворном действии опия упоминается в Шумерских таблицах (6 тыс. лет тому назад). Потребление наркотиков, алкоголя (тот же наркотик), различных психотропных веществ, клея “Момент”, одеколона, политуры, паров бензина, спайсов – чего только не испробовало человечество в целях “одурманивания”, изменения психики…» [1, с. 107].

Мифология, археология и история сохранили немало свидетельств употребления психоактивных веществ людьми разных эпох и народов [2, с. 174–177].

Авторы энциклопедии уголовного права выдвигают гипотезу, что первое знакомство человека с наркотиками состоялось еще 40 000 – 10 000 лет до н. э. В Индии упоминания о конопле («бханг») относится к XIV – XX вв. до н. э. В Египте наркотики применялись со времен Рамсеса 1. А в Европу, как полагал Гиппократ, наркотики были завезены скифами 5 000 лет назад [3, с. 153].

В каменном веке посредством различных магических обрядов и таинств люди пытались изменить состояние своего сознания [4, с. 71]. Первоначально употребление наркотиков было бытовым или религиозным (войти в транс) на территориях, где произрастали наркотикосодержащие растения: африканские страны (кат), Юго-Восточная Азия (опийный мак), Ближний Восток (конопля), Южная Америка (кока) [5, с. 22].

Первым упоминаемым в истории растением с психоактивными свойствами был мак. Есть данные, что около 2 700 г. до н. э. в качестве чая в Китае использовали коноплю. В Центральной и Южной Америке примерно 3 000 лет до н. э. индейцы жевали листья коки, о чем есть подтверждения в виде изображений на стенах погребальных комплексов. И уже более шести тысячелетий назад шумеры на территории современного Ирана культивировали опийный мак. В медицинских трактатах древнего Египта упоминается опий, древние инки на Американском континенте использовали в ритуальных целях кокаин [6, с. 9].

Вряд ли кто-то с достоверностью скажет, как люди впервые открыли для себя психоактивные свойства веществ, но правдоподобным представляется предположение, что это могло произойти случайно при вдыхании дыма сжигаемых растений. Обнаруженные свойства таких растений обрастали мифами и

легендами. Они становились символами забвения от боли, страха, тревог и страданий, вследствие чего возвеличивались. Так, древние греки были убеждены, что цветок мака вырос из слез Венеры. Он был для них неизменным атрибутом двух богов: бога сна Гипноса и бога смерти Танатоса. Их изображения содержали венки из маковых цветков. Жилище Морфея – бога сновидений – представлялось в воображении древних засаженным маковыми растениями и обвитым гирляндами маковых цветов. И. Н. Кузнецов и С. К. Купрейчик провели интересное обобщение относительно использования наркотиков в древние времена: они использовались как средство для преодоления страха и боли, эротического возбуждения, отправления религиозных культов и др. [7, с. 8–24].

В Средние века культура опийного мака проникает дальше на Восток. Оказалось, что опиум обладает дополнительным свойством – заглушать голод.

Первые факты масштабного злоупотребления наркотиками, употребление их с целью получения наслаждения относятся к эпохе Возрождения. Именно в этот период были зафиксированы массовые злоупотребления.

Наркомания как болезнь и глобальная проблема современности берет начало в XIX в., и связано это с развитием медицины и фармацевтической промышленности. В 1805 г. свои исследования по выделению активного начала из опиума начал немецкий химик-фармацевт Ф. Сертюрнер. Так был открыт морфий, что стало существенным фактором, способствующим развитию наркомании. Название было взято им из греческой мифологии и позднее заменено на морфин. Ф. Сертюрнер в своих исследованиях описал важнейшие особенности открытого им алкалоида: толерантность и психическую зависимость. Указанные особенности и являются самыми опасными признаками наркомании. Постепенно организм человека приспосабливается к регулярному приему наркотиков. Для достижения ожидаемого эффекта требуется увеличение дозы. Стоит отметить, что способность привыкания организма к психоактивным и ядовитым веществам породила идею использования этого свойства для предотвращения отравления. Так, до сих пор невосприимчивость к токсическим веществам называют «митридатизмом», что связано с именем понтийского царя Митридата, жившего в 120–63 гг. до н. э. Именно он изготовил антидот из опия и полусотни различных ядов, который принимал малыми дозами. Митридатизм представляет собой токсикологический феномен, суть которого заключается в развитии устойчивости к некоторым веществам, формирующейся в организме при их длительном приеме. Легенда гласит, что царь не смог даже совершить самоубийство при помощи яда, пришлось бросаться на меч [8, с. 400].

Значимыми событиями стали и выделение кокаина из листа коки (А. Ниманн, 1859–1860 гг.); получение синтетических производных морфина и кокаина, например, деривата морфия героина (А. Райт, 1874 г.).

В 1846 г. был впервые использован наркоз. А в 1864 г. создан первый шприц, что привело к росту злоупотреблений морфином. Появился известный термин «морфинисты». Открытие новых способов введения лекарств в организм человека позволило усилить действие наркотиков в несколько раз.

Эти и другие важнейшие открытия в истории медицины и фармакологии позволили человечеству получить новые эффективные лекарства и способы

их применения. В то же время широкое использование наркотиков в медицинских целях повлекло за собой болезненное пристрастие к ним. Как отмечается в литературе, указанные научные достижения одновременно «открыли в истории человечества новую печальную эру – эру наркомании».

Обезболивающие свойства психоактивных веществ широко использовались во время многочисленных войн. Например, во время франко-прусской войны (1870–1871 гг.) морфин применялся при лечении раненых. В дальнейшем волны усиления и ослабления наркомании медицинского происхождения отмечались во время и после Первой и Второй мировых войн.

Миллионы людей использовали наркотики в период Первой мировой войны. Для «поддержания тонуса», для «храбрости» возбуждающие вещества применялись в армиях западных стран. Даже нейтральная в войне Голландия на одной из своих фабрик перерабатывала «дурман-траву».

В 1937 г. Ф. Хаусчайлд, немецкий доктор-фармацевт, разработал и запатентовал наркологическое стимулирующее средство первитин (метамфитамин). 19 февраля 1939 г. директор Института общей и военной физиологии профессор, доктор Отто Ф. Ранке произнес речь на тему «Увеличение производительности из-за медикаментозного вмешательства», в которой сказал: «Особо важную роль первитин играет при осуществлении продолжительной деятельности, не требующей больших физических усилий, например, при управлении сухопутными транспортными средствами или самолетами, преодолевающими большие расстояния, когда сон является опасным врагом» [9, с. 263].

По оценке экспертов, наиболее массовое применение наркотиков наблюдалось в войсках нацистской Германии.

Таким образом, как отмечает в своем монографическом исследовании В. Н. Курченко, «развитие медицины и все более широкое использование в ней самых разнообразных препаратов, которые действительно облегчают болезненное состояние человека или позволяют полностью вылечить некоторые болезни, породили в общественном сознании установку на возможность и желательность широкого употребления лекарств, в том числе, естественно, в действующих на центральную нервную систему – психотропных, снотворных. Поскольку это перестало быть в сознании людей запретным, то переходы от препаратов с одним действием к препаратам с другим – дело сравнительно легкое и не требующее преодоления сколько-нибудь значимого психологического барьера. Этому способствовала и постепенно выработавшаяся установка людей к самолечению» [5, с. 23].

Все указанные выше факторы послужили причинами возникновения и развития самостоятельного, опасного заболевания людей, характеризующегося непреодолимым влечением к наркотикам, приводящим к тяжелым нарушениям функций организма – наркомании.

Для анализа проблемы наркомании в социальном аспекте используется особый термин – «наркотизм». Словари русского языка не содержат определения данного термина. Например, в словаре С. А. Ожегова есть определения таким понятиям, как «наркомания», «наркотики», «наркомафия». В словаре Т. В. Ефремовой имеются определения «наркомании» и «наркотиков». В настоящее

время словари фиксируют около 60 слов с элементом «нарко», но составы групп постоянно расширяются: наркополицейский, наркотрафик, наркотест, наркоситуация, наркопритон, наркозависимый и т. д.

Термин «наркотизм» употребляли в своих работах (1920-е гг.) М. Н. Гернет и В. Г. Введенский [10; 11]. Далее он был забыт и появился лишь в середине 1970-х гг.

В научных публикациях содержатся следующие определения понятию «наркотизм». Наркотизм есть социальный феномен, который выражается в массовом потреблении наркотиков с вытекающими из этого пагубными медицинскими и социально-правовыми последствиями. Наркотизм – это социальное явления, сущность которого состоит в приобщении к употреблению наркотиков отдельных групп населения. Негативное социальное явление, обусловленное неблагоприятными условиями внешней среды и антиобщественной ориентацией личности, которое выражается в незаконном умышленном употреблении наркотических средств, причиняющем вред здоровью человека и представляющем опасность для общества. Наркотизм – опасное социально-правовое явление, состоящее в незаконном, немедицинском (без назначения врача) употреблении частью населения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также в незаконном их обороте, влекущих негативные медицинские, социальные и правовые последствия.

Весьма объемное определение понятию «наркотизм» дал Э. Г. Гасанов: «Наркотизм – это негативное социальное явление, включающее социальный, правовой, криминологический, экономический, биологический и экологический аспекты, затрагивающие соответственно социальную, правовую, криминологическую, экономическую, биологическую и экологическую сферы, отличающееся высокой степенью общественной опасности, выражающееся в заболеваемости наркоманией, причинении вреда здоровью потребителей наркотических средств и совокупности противоправных деяний, связанных с наркотиками либо совершаемых с целью добывания средств для последующего приобретения наркотиков или в состоянии наркотического опьянения, среди которых преступления, связанные с наркотиками, образуют самостоятельный вид преступности – наркотическую преступность, и организованности последней, превратившей наиболее опасную часть наркотической преступности в разновидность организованной преступности» [12, с. 22].

Как правильно отмечается в литературе, общественную опасность наркотизма можно рассматривать в двух аспектах: медицинском и социальном. Медицинский аспект заключается в том, что применение наркотических средств и психотропных веществ опасно для здоровья человека. С социальной точки зрения наркотизм влечет комплекс негативных последствий для общества, затрагивающих экономическую и социальную сферы. Ухудшение качества жизни многих людей предопределяется потерей способности наркопотребителей к позитивной деятельности (семья, работа, здоровый досуг, саморазвитие и др.). Общеизвестны основные компоненты общественной опасности наркотизации, связанные с деградацией личности потребителя психоактивных веществ, что отражается на всех жизненных аспектах. Кроме того, государство несет бремя

материальных расходов, направленных на противодействие данной проблеме, лечение наркозависимых граждан. Деятельность по незаконному обороту наркотиков нередко обусловливает межэтнические конфликты в стране, поскольку известно, что данный вид преступлений относится к так называемой этнической преступности.

Наркотики негативно влияют и на нравственный климат в обществе. Определенная часть населения и, прежде всего подрастающее поколение, достаточно терпимо, без осуждения, относится как к тем, кто потребляет наркотики, так и к тем, кто их распространяет, полагая, что ничего страшного не происходит.

Сегодня наркомания поразила все страны мира, число употребляющих наркотики превышает 300 млн человек. От последствий употребления наркотиков ежегодно умирает порядка 450 тыс. человек. По самым приблизительным оценкам специалистов, от 3 до 4 % жителей планеты употребляют наркотики. Около 3,2 млн человек ежегодно умирают в связи с употреблением алкоголя и наркотиков. Об этом говорится в новом докладе Всемирной организации здравоохранения, сообщается на сайте Центра новостей ООН.

Вовлечение в потребление запрещенных веществ новых людей ведет к усугублению обозначенных выше проблем, повышению градуса общественной опасности происходящего, расширению наркотизации населения. Это обуславливает появление желающих заработать на незаконной продаже наркотиков. В научной литературе со ссылкой на данные ООН приводятся цифры мирового оборота наркоиндустрии, колеблющиеся в пределах 400–600 млрд долл. США.

Указанные процессы происходят на фоне глобализации и объединения усилий в транснациональном обороте наркотиков и слияния с международным терроризмом. Транснациональные синдикаты в преступной деятельности используют самые совершенные средства вооружения, системы электронного оснащения, новейшие методы обеспечения собственной безопасности. Как справедливо отмечается в научной литературе, причины наркомании и наркотизма следует рассматривать в тесной связи с причинами общей преступности.

В современном мире лица, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, объединяются в устойчивые организованные группы, преступные сообщества, что еще больше повышает общественную опасность данного вида преступлений. Берутся под контроль и втягиваются в преступную деятельность «одиночки». Между членами указанных групп укрепляются преступные связи. Пределы наркобизнеса расширяются, проникая за пределы государственных границ, обостряя тем самым международные конфликты.

Как и любая отрасль криминального бизнеса (торговля оружием, работорговля, проституция, рэкет и т. д.), наркоторговля тесно связана с организованной преступностью, для которой характерны устойчивость и долговременность существования, тщательное планирование своей деятельности, стремление к максимизации прибыли, наличие материальной и финансовой базы, разделение «труда» и «трудовая дисциплина», дифференциация на руководителей разного уровня и исполнителей – «специалистов» разного «профиля».

Отдельного внимания, на наш взгляд, требует вопрос оценки характера и степени общественной опасности потребления психоактивных веществ

без назначения врача (незаконного).

Как писал еще в 1965 г. Э. Шур, это «преступление без жертв», когда субъект преступления является его жертвой. Поэтому в научной литературе все чаще встречаются утверждения о необходимости не сколько привлечения к ответственности таких лиц, сколько об их лечении. «Надо активно заниматься профилактикой наркопотребления. Сокращать криминогенные факторы. Лечить наркоманов. Но оправданы ли пятнадцать (!) “составов преступлений”, связанных с наркопотреблением…», – писал Я. И. Гилинский. И еще: «Излишняя криминализация деяний, объективно не представляющих серьезной опасности, превращает едва ли не каждого гражданина страны (включая автора этих строк) в потенциального уголовного преступника. … Почему полтора десятка статей УК … пытаются из потребления наркотических средств создать “угрозу национальной безопасности”, поместив в места лишения свободы треть всех заключенных в России за то, что легализовано в большинстве стран Европы и Америки?» [1, с. 153–154].

Указанные воззрения являются, как минимум, почвой для дальнейшего осмысления.

Незаконный оборот психоактивных веществ, как любое социальное явление, подвижен, находится в постоянном развитии, что требует пристального внимания с точки зрения выявления возникающих или меняющихся угроз и оперативного реагирования на них. Сегодня все мировое сообщество продолжает работу по активному противодействию наркомании и наркотизму.

В 2024 г. на саммите в г. Астана принят важнейший программный документ – Антинаркотическая стратегия Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на 2024–2029 гг. и Программа действий по ее выполнению.

Так, с 10 по 14 марта 2025 г. в г. Вена состоялась 68-я сессия Комиссии ООН по наркотическим средствам. Комиссия по контролю над наркотиками при УНП ООН – это организация в рамках Организации Объединенных Наций, функциями и задачами которой являются координация разработки политики и стратегий в области глобальной профилактики и контроля над наркотиками, а также контроль за выполнением трех международных конвенций по профилактике и контролю над наркотиками.

Сессии данной Комиссии проводятся ежегодно и являются крупнейшими в мире форумами для международного сотрудничества и разработки политики в области профилактики наркомании. В мероприятии приняли участие 2 100 представителей из более чем 100 государств – членов ООН для обсуждения международной политики в области наркотиков. В рамках мероприятия были обсуждены вопросы глобальной наркополитики, международного сотрудничества и стратегии борьбы с незаконным оборотом наркотиков. На открытии сессии выступающие обратили внимание на меняющийся нарколандшафт по всему миру. Акцентировано внимание на всплеске наркотиков синтетического происхождения, увеличении количества на рынке кокаина, разнообразия доступных для немедицинского потребления средств и, как следствие, нарастания их опасности для здоровья.

Выступающие призвали государства-члены к осуществлению

сбалансированного подхода к проблеме наркотиков, который включает профилактику наркопотребления, противодействие их незаконному обороту, а также лечение наркозависимых лиц.

Заместитель Генерального секретаря ООН и Исполнительный директор УНП ООН в своем выступлении подчеркнула, что Организация Объединенных Наций глубоко обеспокоена растущей угрозой, которую представляет собой глобальная проблема наркотиков. Она не только наносит ущерб здоровью, но и подрывает мир, безопасность и развитие во многих регионах мира.

Заключение.

1. При разработке предложений, направленных на совершенствование уголовно-правовых норм, связанных с незаконным оборотом наркотиков, важно знать и учитывать исторический опыт. Непонимание и игнорирование истоков возникновения проблемы, связанной с появлением наркомании и наркотизма, неизбежно приведет к ошибочным решениям современного законодателя.

2. На ранних этапах человеческого развития наркотики имели ограничительное распространение и использовались в большей части как лекарственные препараты. Воспринимая с позиций сегодняшнего дня наркотик как нечто сугубо негативное, не следует забывать о его незаменимых в ряде случаев лекарственных свойствах. Устанавливая контроль за оборотом наркотиков, требуется обеспечить доступность данных веществ нуждающимся в них по медицинским показаниям людям.

3. Для анализа проблемы наркомании в социальном аспекте используется особый термин – «наркотизм». Наркотизм – опасное социально-правовое явление, состоящее в незаконном, немедицинском (без назначения врача) употреблении частью населения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, а также в незаконном их обороте, влекущих негативные медицинские, социальные и правовые последствия.

4. Современное мировое сообщество продолжает в рамках международного сотрудничества поиск путей преодоления нарастающей угрозы распространения наркотиков, которая подрывает общественную безопасность и наносит ущерб здоровью большого количества людей.

Список цитированных источников

1. Гилинский, Я. И. Криминология и девиантология постмодерна / Я. И. Гилинский. – СПб. : Алетейя, 2024. – 242 с.

2. Золотов, Я. А. Наркотики: историческая ретроспектива / Я. А. Золотов // Экономика образования. – 2013. – № 1. – С. 174–177.

3. Энциклопедия уголовного права : в 35 т. – СПб. : Изд. проф. Малинина, 2014. – Т. 22 : Преступления против здоровья населения и общественной нравственности. – 886 с.

4. Басилов, В. Н. Избранники духов / В. Н. Басилов. – М., 1984. – 208 с.

5. Курченко, В. Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ : уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты / В. Н. Курченко. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 427 с.

6. Рогатых, Л. Ф. Борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ : учеб.-метод. пособие / Л. Ф. Рогатых, Э. Г. Стрельченко, С. Б. Топоров ; под общ. ред. А. В. Савельева. – СПб. : Специальная лит-ра, 2003. – С. 239.

7. Наркотики: социальные, медицинские и правовые аспекты : справочник / Авт.–сост.: И. Н. Кузнецов, С. К. Купрейчик. – Минск : Новое знание, 2001. – С. 8–24.

8. Тиханович, Ю. Н. 350 великих. Краткое жизнеописание правителей и полководцев древности. Древний Восток; Древняя Греция; Древний Рим / Ю. Н. Тиханович. – Минск : Соврем. слово, 2005. – 479 с.

9. Норман, О. Третий рейх на наркотиках / О. Норман. – М. : Эксмо, 2016. – 320 с.

10. Гернет, М. Н. Наркотизм, преступность и уголовный закон / М. Н. Гернет // Право и жизнь. – 1924. – № 3–4. – С. 39–46.

11. Введенский, В. Г. Наркотизм и преступность / В. Г. Введенский. – М., 1925.

12. Гасанов, Э. Г. Наркотизм: тенденции и меры преодоления (на материалах Азербайджанской Республики) : монография / Э. Г. Гасанов. – М. : ЮрИнФорм, 1997. – 264 с.

Рецензент: Клим А. М.,
заведующий кафедрой конституционного и административного права
Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 15.03.2025.

HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF DRUG ADDICTION

Ekaterina V. Novikova

Abstract. Based on the analysis of scientific literature, the article presents a description of changes in people's attitudes to the dangers of psychoactive substance use. The history of human drug use is briefly shown. Attention is paid to the emergence and distinction between the concepts of "drug addiction" and "narcotism". A conclusion is formulated about the need for a balanced approach to the problem of combating illegal drug trafficking, which includes not only the establishment of strict criminal-legal prohibitions, but also the prevention of drug use, treatment of drug addicts, and the resolution of a number of socio-economic issues that are the reason for people's involvement in the distribution of prohibited substances.

Keywords: drug addiction, narcotism, illegal trafficking.

УДК 347.51

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО КОРРУПЦИОННЫМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

Савчук Александр Григорьевич,
судья Верховного Суда Республики Беларусь,
аспирант УО «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы»
savguit@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются гражданско-правовые способы возмещения вреда, причиненного коррупционными правонарушениями. Очевидно, что уголовно-правовые и административно-правовые методы и средства борьбы с проявлениями коррупции затрагивают обозначенную проблематику только с одной стороны. Это вызывает необходимость использовать иные виды юридической ответственности. Внимание автора сосредоточено на применении гражданско-правовых мер для полного возмещения вреда лицам, пострадавшим от коррупции, в том числе реального ущерба, упущенной выгоды и компенсации морального вреда.

Ключевые слова: возмещение ущерба, взыскание убытков, компенсация морального вреда, коррупция, противодействие коррупции, коррупционные правонарушения, минимизация последствий коррупции.

Введение. Исследование вопросов, связанных с гражданско-правовой ответственностью за коррупционное поведение, в отечественной литературе представлено достаточно скромно.

Стратегия борьбы с коррупцией в Республике Беларусь предусматривает законодательное закрепление правовых последствий совершения сделок под влиянием коррупционных соглашений; установление системы санкций (мер принуждения) для субъектов хозяйствования от имени или в интересах которых совершаются коррупционные правонарушения (п. 8).

По мнению Д. А. Липинского, на основе анализа мировой практики борьбы с коррупцией необходимо провести переоценку значения гражданско-правовых средств в предупреждении коррупционных деяний, расширить перечень специальных оснований и соответствующих средств защиты от коррупционных преступлений и иных проявлений коррупции» [1, с. 30].

Правовые основания применения гражданско-правовых мер ответственности приобретают особое значение для реализации законодательных предписаний, регулирующих вопросы противодействия коррупции, а также возмещения вреда, наступившего в результате совершения коррупционных деяний.

Основная часть. Одним из оснований возникновения гражданских прав и обязанностей, как указано в ст. 7 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), является причинение вреда другому лицу. О возникновении обязательств вследствие причинения вреда говорится также в п. 2 ст. 288 ГК.

Охранительная функция гражданского права по общему правилу реализуется путем восстановления нарушенных прав либо компенсации причиненных убытков. Ее важный аспект составляет предупредительно-воспитательная

(превентивная) задача, состоящая в стимулировании и организации такого поведения участников регулируемых отношений, которое исключало бы необоснованное ущемление или нарушение чужих интересов [2, с. 73].

Нормы, определяющие правовые последствия вторжения в чужую сферу абсолютных субъективных прав, повлекшего причинение вреда их обладателю, в цивилистике традиционно позиционируются как институт возмещения вреда [3, с. 4] или обязательства вследствие причинения вреда [4, с. 710]. Как самостоятельный институт обязательства вследствие причинения вреда получили закрепление в ст. 933–970 ГК.

А. В. Каравай указывает, что обязательство возмещения причиненного вреда возникает при наличии, как правило, следующих обстоятельств: нарушение (ограничение, оспаривание) права лица; наличие имущественного или морального вреда; причинная связь между нарушением права лица и возникновением вреда; вина причинителя вреда [5].

Юридическим фактом, влекущим возникновение обязательств вследствие причинения вреда, по мнению В. Н. Годунова, является правонарушение (деликт), выражающееся в причинении вреда. Поэтому такие обязательства часто именуются деликтными обязательствами, а ответственность за причинение вреда – деликтной ответственностью [6, с. 5].

Момент возникновения деликтного обязательства определяется моментом совершения деликта. Оно имеет своим содержанием ответственность правонарушителя за неправомерные действия. Поскольку деликт – это гражданское правонарушение, то его основным последствием является возмещение причиненного вреда.

К гражданско-правовым коррупционным деликтам ст. 8 Модельного закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятого на 22-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 15 ноября 2003 г., относит обладающие признаками коррупции, но не являющиеся преступлениями нарушения правил дарения и нарушения порядка предоставления услуг, предусмотренные соответствующими статьями Гражданского кодекса государства.

Достаточно узкая, на наш взгляд, трактовка гражданско-правового коррупционного деликта, поскольку она не отражает все сферы возможного проявления коррупционного поведения.

Под гражданско-правовым коррупционным правонарушением В. М. Корякин понимает «действия участников гражданско-правового оборота, в том числе с использованием властных полномочий, направленные на неправомерное получение конкурентных преимуществ по отношению к иным участникам гражданского оборота, влекущие причинение им убытков либо причинение иного вреда имущественного или неимущественного характера и караемые мерами гражданско-правовой ответственности» [7, с. 105].

К. Г. Токарева предлагает иное определение коррупционного гражданского правонарушения (коррупционного гражданско-правового деликта) – «это правонарушение (неправомерное виновное действие), обладающее признаками

коррупции, выражающиеся в причинении вреда физическому или юридическому лицу, влекущее за собой обязанность возместить причиненный вред» [8, с. 165].

В научной литературе указывается, что юридическая ответственность устанавливает последствия ненадлежащего (неправомерного) поведения, нарушающего права и интересы других лиц.

Существует мнение о разделении юридической ответственности на частноправовую и публично-правовую. М. П. Авдеенкова отделяет частноправовые формы ответственности от публично-правовых форм рядом особенностей: они возникают из конкретных правоотношений, складывающихся между сторонами в процессе экономической жизни общества; правонарушение, являющееся основанием частноправовой ответственности, наносит вред преимущественно интересам конкретных субъектов правоотношений; частноправовые формы ответственности в большей мере ориентированы на защиту прав отдельных субъектов [9, с. 27].

С. Н. Братусь рассматривал юридическую ответственность, включая гражданско-правовую, как государственное применение к правонарушителю любых неблагоприятных для него мер. А роль мер гражданско-правовой ответственности – в принудительном исполнении самим правонарушителем ранее не исполненной им же добровольно возникшей у него обязанности [10, с. 6].

Гражданско-правовая ответственность в общем понимании – это обязанность правонарушителя совершить определенное имущественное действие, направленное на восстановление нарушенных имущественных или неимущественных прав другого лица (лиц), общества или государства [11, с. 7].

О. С. Иоффе в данное понятие включал три основных элемента: гражданско-правовая ответственность является санкцией за нарушение гражданских прав, обеспеченной убеждением и государственным принуждением или его возможностью; в ее основе лежит общественное осуждение поведения правонарушителя и стимулирование его к определенной деятельности в интересах общества; она выражается в форме восстановления нарушенных оснований и установления отрицательных последствий для правонарушителя в целях обеспечения условий нормального развития регулируемых гражданским правом общественных отношений [12, с. 17].

Ряд авторов применительно к противодействию коррупции данный вид ответственности определяет как «претерпевание лицом, совершившим гражданское правонарушение, неблагоприятных имущественных последствий своего поведения в формах, предусмотренных законом в силу государственного принуждения или под угрозой его применения» [13, с. 144].

О. С. Смородина считает, что под гражданско-правовой ответственностью за совершение коррупционных правонарушений следует понимать правовую ответственность в качестве антикоррупционной меры, наступающей вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения лицом предусмотренных гражданским правом обязанностей, что связано с нарушением субъективных гражданских прав другого лица при наличии признаков коррупции [14, с. 186].

Гражданско-правовую ответственность за коррупционное поведение В. М. Корякин [7, с. 106] определяет как «установленные условиями договора

или правовой нормой негативные последствия имущественного характера, применяемые в особой процессуальной форме с опорой на государственное принуждение к лицу, совершившему коррупционное правонарушение, в целях восстановления или компенсации нарушенных материальных или нематериальных прав и благ потерпевшего». Данная ответственность обладает как общеродовыми признаками юридической ответственности, так и своими видовыми особенностями: имеет имущественный характер; ее негативные последствия обладают правовосстановительным (компенсационным) характером, при этом данные последствия могут быть устранены добровольно самим правонарушителем; представляет собой ответственность одного субъекта правоотношения перед другим (принцип равного правового положения и автономности субъектов гражданских правоотношений); ее размер, как правило, соответствует размеру причиненного вреда или убытков.

Данный подход разделяет Н. В. Путова, отмечая принцип полного возмещения причиненного вреда, возможность применения гражданско-правовой ответственности по требованию потерпевшей стороны, которая выступает в виде обязанности дополнительного характера (не вместо, а вместе с исполнением обязательства) [17, с. 382].

Некоторые исследователи указанный вид ответственности сводят к нормам, посвященным обязательствам из причинения вреда и обязательствам из неосновательного обогащения, а также компенсации морального вреда. В. И. Резюк считает, что в указанных нормах не учтен ряд особенностей правоотношений, возникающих вследствие совершения коррупционных деяний, в частности причинения вреда государству и последующего возмещения такого вреда [15, с. 24].

Основания гражданско-правовой ответственности, по мнению Д. А. Савченко [16, с. 88], возникают лишь тогда, когда в связи с коррупционным поведением лица происходят события, влекущие возникновение имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений между равными участниками, наделенными автономией воли и имущественной самостоятельностью. Иными словами, ответственность наступает только за те коррупционные правонарушения, которые повлекли за собой гражданско-правовые последствия в виде причинения вреда, подлежащего возмещению в соответствии с нормами гражданского законодательства.

Комплексный правовой характер деяния, из которого возникают гражданско-правовые последствия, проявляется в наличии действия (бездействия), запрещенного нормами публичного права, и его последствия в виде причинения вреда, требующего частноправового возмещения. Если деликтная ответственность имеет своим основанием последствия коррупционного акта, то в этом случае, как справедливо отмечает Д. А. Савченко, она становится элементом системы противодействия коррупции.

Н. В. Путова под гражданско-правовой ответственностью видит «возникшее из коррупционного правонарушения правовое отношение между государством в лице его специальных органов и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие лишения и неблагоприятные

последствия за совершение указанного правонарушения, нарушение требований, содержащихся в нормах права» [17, с. 382].

Е. О. Блинова и И. Н. Пустовалова определяют гражданско-правовую ответственность как «антикоррупционную меру, предусмотренную нормами гражданского права, которая наступает вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения лицом предусмотренных гражданским правом обязанностей, что связано с нарушением субъективных гражданских прав другого лица, при наличии признаков коррупции» [18, с. 140].

В. П. Мозолин указывает на присутствие в деликтной ответственности публично-правовых элементов, прежде всего на стадии ее возникновения. Соответствующие «гражданско-правовые отношения возникают из действий комплексного характера, непосредственно связанных с защитой прав граждан, юридических лиц и иных субъектов, которые могут совершаться в различных сферах жизнедеятельности общества и государства и по своему характеру иметь неоднородную природу (техногенную, антисоциальную, криминальную, противоправную и т. п.)» [19, с. 35–36]. Использование таких действий в качестве оснований возникновения гражданско-правовой ответственности как имущественной определяется ГК, прежде всего главами о понятии и сторонах обязательства, об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда.

Таким образом, для реализации целей предупреждения коррупции может быть использован институт обязательств вследствие причинения вреда, предусмотренный гл. 58 ГК.

С данной позицией соглашаются К. Г. Токарева [8, с. 163], С. А. Бондаренко [20, с. 135], В. А. Казакова и С. М. Иншаков [21, с. 31], однако последние указывают на трудности доказывания прокурором при предъявлении исков причинной связи между действиями должностных лиц и наступившим вредом.

С. А. Бондаренко приводит пример применения ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в системе с нормами гл. 59 ГК РФ. Так, причинение вреда коррупционным поведением становится возможным в сфере заключения государственных контрактов на поставку товаров, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд. Заказчиком в данных правоотношениях выступает публичное образование, реализующее свои функции через должностных лиц. При организации и проведении конкурса с коррупционными нарушениями участниками государственного контракта становятся другие субъекты предпринимательской деятельности. А потенциальная сторона государственного контракта лишается права на его заключение и не получает определенную прибыль. Она может требовать возмещения убытков, в том числе понесенных расходов, связанных с участием в торгах [20, с. 135].

Нормы ГК, регулирующие обязательства вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения, Ю. В. Сумарокова относит к институту ликвидации последствий коррупционных правонарушений, указывая при этом, что требования гражданско-правового характера могут предъявляться самостоятельно либо в виде гражданского иска в уголовном процессе, если будет

доказано, что физическому или юридическому лицу причинен имущественный вред непосредственно преступлением [22, с. 78].

Помимо ГК, отношения, возникающие вследствие причинения вреда совершением коррупционных деяний, регулируются также Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон). Коррупционное деяние наряду с нарушением закона всегда влечет причинение определенного вреда.

К одному из механизмов гражданско-правовой ответственности за коррупционное поведение Закон относит изъятие имущества (взыскание расходов), стоимость которого (размер которых) превышает доходы, полученные из законных источников.

Категории лиц, к которым может быть предъявлен иск, досудебный порядок урегулирования спора, иные особенности применения указанной нормы права закреплены в ст. 36 Закона.

Так, особый контроль имущественного положения предусмотрен для государственных должностных лиц, занимающих ответственное положение, лиц, поступивших на гражданскую службу путем избрания, их супругов, несовершеннолетних детей, в том числе усыновленных (удочеренных), совершеннолетних близких родственников, совместно с ними проживающих и ведущих общее хозяйство (далее – лица).

Предусмотренная законом проверка деклараций о доходах и имуществе, получение письменных объяснений об источниках доходов гарантирует исключение разного рода ошибок и неточностей при оформлении деклараций, непонимания порядка и целей декларирования, а также направлена на установление объективных данных об имущественном положении лица.

Важно отметить, что превышение расходов над доходами является поводом к проведению соответствующей проверки государственными органами, иными организациями, должностными лицами, которым лица представляют декларации о доходах и имуществе, либо налоговым органом, а не возможностью незаконного обогащения в определенном размере, как это может показаться на первый взгляд. В свою очередь выявление такого факта не может служить безусловным основанием для изъятия имущества в доход государства.

В соответствии с п. п. 10 п. 2 ст. 236 ГК в доход государства может быть изъято имущество или взыскана стоимость имущества перечисленных лиц по иску прокурора при явном превышении стоимости их имущества и иных расходов над доходами, полученных из законных источников.

Иск может быть предъявлен органами прокуратуры в суд по месту жительства (службы) лица при наличии следующих условий:

▪ лицо отказалось, не смогло объяснить источники доходов либо установлена недостоверность его объяснений;

▪ лицо отказалось добровольно передать в доход государства имущество (иные расходы) на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы, или выплатить его (их) стоимость;

▪ отсутствуют основания для проведения проверки в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь,

в возбуждении уголовного дела отказано или прекращено предварительное расследование или уголовное преследование лица.

Таким образом, ответчиками по данной категории дел могут быть лица, перечисленные в ч. 1 ст. 36 Закона, а прокурор в силу ч. 1 ст. 179 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь обязан представить доказательства соблюдения предусмотренной Законом процедуры финансового контроля, принадлежности ответчику (ответчикам) спорного имущества, приобретения его в период занятия лицом соответствующей должности, действительной стоимости имущества, явного превышения его стоимости над доходами ответчиков, соответствующие расчеты и обоснование других обстоятельств, на которые он ссылается в исковом заявлении.

Бремя доказывания приобретения имущества за счет доходов, полученных из законных источников, возлагается на ответчика. Рассмотрение данной категории дел в порядке искового производства обеспечивает ответчику возможность доказывания законности происхождения доходов, на которые приобретено спорное имущество, и опровержения сведений, послуживших основанием для обращения прокурора с иском в суд.

Объектом иска охватывается имущество, подлежащее обязательному декларированию. Не возникает проблем, когда такое имущество (квартира, земельный участок, автомобиль) зарегистрировано на имя ответчика либо иное имущество, например, предметы антиквариата, указаны лицом в декларации о доходах и имуществе. На практике же «коррупционеры» скрывают незаконные доходы. Имущество, подлежащее государственной регистрации, оформляется на иных юридических и физических лиц, в отношении которых финансовый контроль, предусмотренный ст. 36 Закона, не осуществляется.

В актах Конституционного Суда Российской Федерации [23; 24] отмечается, что нормы законодательства не предполагают принятия произвольных решений об обращении имущества в доход государства, если лицом доказана законность источников его приобретения. Сами по себе они не нарушают конституционных прав гражданина и юридического лица, в делах с участием которых суд пришел к выводу, что спорное имущество было приобретено за счет незаконных доходов лица, за расходами которого осуществлялся контроль в соответствии с законом, и данное лицо фактически пользовалось спорным имуществом или участвовало в управлении деятельностью юридического лица по распоряжению зарегистрированным на него имуществом.

Вместе с тем в обширной российской правоприменительной практике возникает ряд проблемных вопросов, связанных с применением норм п.п. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ и Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Так, высказываются предложения [25, с. 48] об установлении критериев, условий и механизма применения указанных норм по отношению к лицам, не являющимся государственными служащими; о конкретизации понятия незначительности доли доходов, законность которых не доказана; уточнении категорий имущества, которое может быть объектом обращения в доход государства;

о разработке критериев определения объема имущества или денежных средств, подлежащих обращению в доход Российской Федерации. Кроме того, при передаче должностному лицу крупных сумм наличных денежных средств иными лицами возникает необходимость установления их финансового положения, что не предусмотрено законом; суды принимают в расчет разные периоды времени, за которые получен доход; законом не определены виды расходов, которые необходимо обязательно учитывать в рамках осуществления контроля (коммунальные платежи, кредиты, иные платежи) [26, с. 245].

Заключение. Особенности мер принудительного воздействия на правонарушителей в гражданском праве и его охранительная функция позволяют регулировать общественные отношения, складывающиеся в результате причинения вреда актом коррупции, для защиты имущественных и неимущественных прав граждан, интересов индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, восстановления их нарушенных прав либо компенсации причиненных потерпевшим убытков. Требования о возмещении и компенсации вреда, причиненного совершением коррупционного правонарушения, должны применяться как самостоятельные антикоррупционные правовые меры. Следовательно, обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, иначе называемые деликтные обязательства, занимают особое место в системе гражданско-правовых способов противодействия коррупции.

Потенциальная возможность изъятия имущества, приобретенного с нарушением антикоррупционного законодательства, выступает эффективным инструментом как профилактики, так и минимизации последствий коррупции. Рассмотренный гражданско-правовой способ противодействия коррупции призван добиться бесперспективности коррупционного поведения, при этом обеспечить баланс публичных и частных интересов собственников может только справедливое судебное решение.

Список цитированных источников

1. Липинский, Д. А. Взаимодействие функций гражданско-правовой ответственности в предупреждении правонарушений: общетеоретический аспект / Д. А. Липинский // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 30–40.

2. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М. : Статут, 2011. – 958 с.

3. Поляков, И. Н. Ответственность по обязательствам вследствие причинения вреда / И. Н. Поляков. – М. : Городец, 1998. – С. 4.

4. Гражданское право : учебник. Ч. II / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М. : Проспект, 1997. – 778 с.

5. Каравай, А. В. Правовое регулирование возмещения вреда / А. В. Каравай // КонсультантПлюс. Беларусь: справ. правовая система (дата обращения: 16.03.2025).

6. Годунов, В. Н. Обязательства вследствие причинения вреда: общие положения / В. Н. Годунов // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2010. – С. 71–86.

7. Корякин, В. М. Гражданско-правовая ответственность военнослужащих и военных организаций за коррупцию / В. М. Корякин // Воен. право. – 2016. – № 1. – С. 100–110.

8. Токарева, К. Г. Основания и условия наступления гражданско-правовой ответственности за коррупционное правонарушение / К. Г. Токарева // Диалектика противодействия

коррупции : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием, 16 дек. 2016 г. – Казань : Познание, 2016. – 200 с.

9. Авдеенкова, М. П. Система юридической ответственности на современном этапе развития российского права / М. П. Авдеенкова // Государство и право. – М. : Наука, 2007. – № 7. – С. 25–32.

10. Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории / С. Н. Братусь – М. : Юрид. лит., 1976. – 215 с.

11. Вородюхин, С. Е. Гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения в Российской Федерации / С. Е. Вородюхин, Е. Л. Глушков // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2020. – № 4. – С. 6–9.

12. Иоффе, О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву / О. С. Иоффе ; отв. ред. : А. К. Юрченко. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. – 310 с.

13. Противодействие коррупции : учеб. пособие / О. А. Хотько [и др.] ; под ред. С. Ю. Солодовникова. – Минск : РИВШ, 2017. – 246 с.

14. Смородина, О. С. Гражданско-правовая ответственность за совершение коррупционных правонарушений / О. С. Смородина // Актуальные проблемы гражданского права и гражданского судопроизводства : сб. ст. VI Межвуз. науч.-практ. конф. им. К. И. Малышева. – Челябинск, 2018. – С. 186–194.

15. Резюк, В. И. Материальные нормы о гражданско-правовой ответственности за совершение правонарушений коррупционного характера в законодательстве России и Беларуси / В. И. Резюк // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2022. – № 1. – С. 24.

16. Савченко, Д. А. Юридические технологии противодействия коррупции: роль гражданско-правовых средств / Д. А. Савченко // Вопросы российского и международного права. – 2022. – Т. 12. – № 10А. – С. 83–91.

17. Путова, Н. В. Гражданско-правовая ответственность за коррупционные правонарушения / Н. В. Путова // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 74-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 18 февр. 2022 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол. : Е. Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2022. – С. 382–383.

18. Блинова, Е. О. Гражданско-правовые меры предупреждения коррупции / Е. О. Блинова, И. Н. Пустовалова // Современные наукоемкие технологии. – 2013. – № 6. – С. 139–140.

19. Мозолин, В. П. Гражданско-правовая ответственность в системе российского права / В. П. Мозолин // Журнал российского права. – 2012. – № 1 (181). – С. 33–40.

20. Бондаренко, С. А. Гражданско-правовые меры противодействия коррупции в системе публично-правового регулирования / С. А. Бондаренко // Алт. юрид. вестн. – 2019. – № 3. – С. 133–137.

21. Казакова, В. А. Предупреждение и пресечение коррупции гражданско-правовыми мерами / В. А. Казакова, С. М. Иншаков // Науч. портал МВД России. – 2019. – № 4. – С. 30–34.

22. Сумарокова, Ю. В. Гражданско-правовые аспекты противодействия коррупции / Ю. В. Сумарокова // Практика противодействия коррупции в современном мире: проблемы и достижения : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 14 нояб. 2019 г. / Регион. открытый соц. ин-т ; сост. : А. В. Самойлов, М. А. Салихова. – Курск, 2019. – С. 76–79.

23. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ООО «Капитал» на нарушение конституционных прав и свобод пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК Российской Федерации и ч. 2 ст. 17 Федерального Закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» : определ. Конституц. Суда Рос. Федерации от 30 июня 2020 г., № 1634-О // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 25.04.2025).

24. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Верещагиной Е. В. на нарушение ее конституционных прав пп. 8 п. 2 ст. 235 ГК Российской Федерации и ч. 2 ст. 17

Федерального Закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» : определ. Конституц. Суда Рос. Федерации от 31 окт. 2023 г., № 2997-О // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 25.04.2025).

25. Яковенко, Е. В. Обращение имущества в доход Российской Федерации как гражданско-правовой инструмент противодействия коррупции: проблемы правоприменения и основные пути их решения / Е. В. Яковенко // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 4(102). – С. 45–51.

26. Голоманчук, Э. В. Отдельные проблемы правового регулирования процесса осуществления контроля над расходами должностных лиц в Российской Федерации / Э. В. Голоманчук, Т. Ю. Яготинцева, О. А. Астафурова // Бизнес. Образование. Право. – 2021. – № 3(56). – С. 243–249.

Рецензент: Городецкая М. А.,
заместитель директора по научно-методической работе
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 02.05.2025.

COMPENSATION FOR DAMAGE CORRUPTION OFFENCES

Alexander G. Savchuk

Abstract. The article examines civil law methods of compensation for damage caused by corruption offences. It is clear that the criminal, administrative and legal methods and means of combating corruption address the identified problem only on one side. This makes it necessary to use other types of legal liability. The author focuses on the application of civil law measures for full reparation to persons affected by corruption, including real damages, lost profits and compensation for moral damage.

Keywords: compensation of damages, recovery of damages, compensation for moral damage, corruption, fight against corruption, corruption offences, minimizing the consequences of corruption.

УДК 343.01

КРИМИНОЛОГИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ РИСКОВ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И О ПЕРЕХОДЕ ИХ СТОХАСТИЧНОСТИ В СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Хомич Владимир Михайлович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Белорусского государственного экономического университета
Заслуженный юрист Республики Беларусь
ul.khomich@tut.by

Аннотация. Перманентно продолжаемое совершенствование уголовного закона и невысокое качество его законодательных новелл вследствие отсутствия надлежащего криминологического обоснования необходимости их введения позволяет обозначить системно обостряемую криминологическую проблему правовых рисков в уголовном праве, о переходе их случайного появления и существования в праве в состояние их динамичного накопления и, как следствие, появление симптомов социальной неопределенности в объяснении того, что признается преступлением, и для чего сегодня применяется уголовное наказание. По оценке ведущих специалистов в указанной области знаний, в качестве одной из вероятных оценок отечественной уголовной политики указывается на ее избыточную зависимость от сиюминутных желаний власти и ее неспособность решать задачи социального управления правовыми средствами, не связанными с применением норм уголовного права. Такое обращение с уголовным законом социально недопустимо, чревато серьезными негативными последствиями для уголовного права, равно как и для общества и государства.

Ключевые слова: уголовный закон, правовое качество уголовного закона, уголовная и уголовно-судебная политика, уголовно-правовые границы преступления и наказания.

Введение. В происходящих в последние десять лет изменениях в уголовном праве с очевидностью обнаружилось отсутствие единства в мировоззренческих и методологических представлениях и подходах относительно оценки содержания защищаемых базовых ценностей, которые еще в недалеком прошлом фундаментально и более или менее однозначно определяли социальное и правовое предназначение уголовного права как исключительно **правоохранительной** отрасли права. Несмотря на объявляемую каждый раз якобы острую необходимость системного общегуманитарного совершенствования уголовного закона в соответствии с новыми социальными реалиями перманентный процесс криминализации (пенализации) и декриминализации (депенализации) инициировался и осуществлялся без должного криминологического обоснования и общественной легитимации (признания и одобрения). Преступными должны объявляться **только** такие общественно опасные деяния, которые разрушают **императивные устои** и **гарантии** безопасного существования человека, общества и государства, признанного обеспечивать императивность и незыблемость этих устоев [1, с. 41–47].

В свое время архитекторы общенародного государства и общенародной собственности приложили немало усилий, чтобы убедить простой и доверчивый народ в том, что ликвидация частной собственности вместе с собственниками сделает невозможным эксплуатацию человека человеком, после чего наступит экономическое, а за ним общественно-политическое равенство и счастье для всех. Обеспечить это счастье и равенство должно было общенародное государство, а теперь социальное, а еще и правовое государство. Однако по причине недостаточной эффективности, а посему увеличивающейся отдаленности общенародной собственности (теперь государственной) от трудового народа сохраняется невозможность обеспечить нормальный материальный стандарт жизни для всех. Определяется внешне это, как и прежде, в хорошо развитых и привлекательных правовых формах. В какой-то степени этому соответствует идея формирования современного неопатерналистского социального государства, управление и правовое регулирование в котором, как отмечает Г. А. Василевич, выстраивается на принципе всемерной поддержки органами государственной власти индивидуальной ответственности за собственное благополучие. Но в условиях пока лишь провозглашенной социально ориентированной рыночной экономики, как отмечает далее автор, «полезно было бы сформулировать целостную концепцию такого государства с позиции не только экономических целей, но и правового обеспечения. Предстоит большая работа по правовому обеспечению социальной функции государства, определению содержания и пределов зафиксированного в Конституции принципа социальной ответственности, ее критериев, субъектов, управлению на основе права» [2, с. 4]. Но если мы намерены действительно выстраивать систему благоприятствования личной ответственности гражданина за собственное экономическое и, как следствие, и социальное благополучие, то следует начинать с формирования правовых гарантий свободы экономической деятельности и правовых гарантий невмешательства государства в частную экономическую деятельность. К этому взывает нынешний этап социально-экономических и политических реформаций, дальнейшее устойчивое развитие которых невозможно без актуализации и защиты общегуманитарного контента и в правообразовании, и в правоприменении, в основе которых лежит признание прав человека во всем их видовом разнообразии и развитии в качестве ведущей формы проявления сущности права [3, с. 21], но и наделение граждан соответствующей праводеятельной и правозащитной правоспособностью с четко определенными гарантиями ее реального осуществления в рамках независимого и беспристрастного правосудия.

Основная часть. Сегодня (в отличие от советского прошлого) мы наблюдаем столкновение пока непонятных моделей экономического и общественного устройства, отличающихся между собой не столько экономическими стандартами свободы и рациональной социально-экономической эффективности, сколько политико-идеологическим и культурологическим наполнением и обоснованием, в рамках которого восприятие, оценка и защита уголовно-политическая и уголовно-правовая одних и тех же ценностей (прежде всего, социально-экономических) осуществляется принципиально различным образом. Взять хотя бы обострившуюся проблему определения малозначительности деяния

и попытку ее разрешения на дуализме уголовно-политической и уголовно-правовой оценки общественной опасности соответствующих преступных деяний, наблюдаемую уже на протяжении длительного времени неустойчивость и неопределенность уголовно-правовой и судебно-правовой политики в отношении борьбы с экономической и служебно-экономической преступностью. Объяснение этому общеизвестно. Как и прежде, приоритетной причиной реформаций экономического, социального и политического характера, а вслед за этим и правового свойства остаются вполне осязаемые материальные интересы обеспечения публичного властвования. Обоснование указанных интересов с правовых позиций сегодня является чуть ли не стержневым показателем эффективности современных правовых и научно-правовых акций. В этом смысле нельзя обойти вниманием утверждение С. С. Алексеева о традиционном византийском характере социальных основ советского права (а теперь и постсоветского). Это было право (по всей видимости, оно и остается таковым), «которое, опираясь на догмы православия, по содержанию имеет ряд позитивных черт (склонность к примирительным процедурам, к “миру” и др.), а со стороны своих внешних форм отличается роскошью и украшательством, поразительной способностью создавать видимость». В практике действия – это право, которое основано на обосновании и оправдании акций на сугубо публично-приказной основе, которые характеризуется весьма развитыми и престижными юридическими формами [4, с. 189–191]. Но самый печальный результат постсоветского периода состоял в том, что мы потеряли, осознанно или по недоразумению, главную идеолого-институциональную основу общества – **коллективное представление и веро-вание в лучшее**, которые П. Бергер и Т. Лукман считают фундаментом социального конструирования объективной реальности и преодоления хаоса неопределенности [5, с. 122].

Выход из состояния хаоса неопределенности один и только эволюционный, как утверждает Л. М. Карапетян, – перманентно и правовыми средствами обеспечивать развитие общества *по пути прогрессивного и человеческого устройства политической системы.* Это возможно, как утверждает Л. М. Карапетян, только через становление правового государства, и при этом только на основе и при одновременном формировании функционально активного гражданского общества [6, с. 131]. Содержательное и функциональное насыщение права в деятельности институтов публичной власти должно не просто предопределяться интересами большинства граждан, но и находиться под постоянным контролем институционально организованных субъектов гражданского общества. Вот здесь-то как раз цифровые технологии, не подменяя институты парламентаризма, должны сформировать конкурентную среду для институционализации цифровой по технологии и правовой по сути демократии со стороны гражданского общества по отношению к государству. Но ничего подобного не происходит.

В большинстве случаев уголовное право и уголовный закон определяются преимущественно через суждения об их прикладном предназначении. В контексте теоретического (научного) знания об уголовном праве специалисты традиционно исходили из реального уголовного права и его определения, после чего

переходили к науке об уголовном праве, а не по пути **от науки** к уголовному праву. При этом придавалось забвению, что всякому научному знанию, в том числе об уголовном праве, предшествует знание о праве (а здесь не все так просто и определенно), которое в уголовном праве к тому же приобретает изначально запретительный и угрожающе принудительный характер реагирования общества и государства на девиантное поведение субъектов социальной деятельности и активная эксплуатация этой исключительной особенности проявления права в уголовном праве, в том числе для нужд уголовно-правового знания, привели к тому, что представления об уголовном праве в национальной школе уголовного права сведено к двум основополагающим и смыслообразующим уголовно-правовым феноменам – «преступлению» и «наказанию», при этом взятых либо в их эмпирическом (упрощенном) понимании, равно как и в соответствующем подходе к оценке значимых исследований в теории отечественного уголовного права, либо, наоборот, в усложненной системными онтологическими и естественными закономерностями функционирования социальной системы [7; 8].

На первом методологическом подходе останавливаться не будем, здесь все предельно ясно. Во втором случае, как мне представляется, не учитывается, что естественно-системные закономерности функционирования социальных систем уже давно реконструированы под определенные интересы субъектов социальной деятельности и задача права здесь как всегда заключается в том, чтобы обеспечивать, разумеется, на естественных (добровольных и легитимированных) началах и закономерностях правовой баланс согласования и примирения интересов неравных субъектов в социальных системах. При ином методологическом дискурсе уголовно-правовых изысканий уголовное право в буквальном смысле, т. е. как право, не включается в качестве исходной методологической основы либо лишается самостоятельности и рассматривается наряду с другими социальными нормами при исследовании институтов уголовного права, при раскрытии уголовно-правового назначения, оснований применения, правовой дифференциации и систематизации для нужд рационального и эффективного правоприменения. В научно-практическом и нормативно-правоприменительном плане это послужило и привело к формированию в уголовном законе и на практике упрощенного и минималистского понимания преступления вообще и преступления как основания уголовной ответственности, минимизации правового содержания уголовной ответственности и мер, составляющих и реализующих ее содержание, а равно к правовым, в том числе процессуально-правовым недоразумениям в их отграничении от иных мер уголовно-правового характера, реализуемых в рамках уголовного права самостоятельно или наряду с уголовной ответственностью [9, с. 464–468]. В связи с этим более чем неприемлемой является концепция уголовной ответственности, согласно которой таковая ответственность порождается одновременно с фактом совершения преступления и сразу в форме правоотношения уголовной ответственности, которая проходит два этапа: этап реализации уголовной ответственности в виде уголовно-процессуального разбирательства – установления преступности деяния и осуждения и этап исполнительного производства – исправительно-профилактического воздействия. Согласно этой концепции уголовная ответственность объединяется с уголовно-процессуальным

принуждением в единую уголовную ответственность, и это якобы необходимо для обеспечения одинаково высоких стандартов соблюдения прав человека на всех этапах и стадиях применения уголовной ответственности, для чего предлагается к мерам уголовной ответственности отнести меры уголовно-процессуального пресечения, и применять их по стандартам уголовного закона, т. е. обращаться с лицом на этапе уголовно-процессуального разбирательства как уже находящимся в состоянии подответственности, несмотря на то что его вина в совершенном преступном деянии пока не установлена, а лишь презюмируется органом, осуществляющим уголовное преследование и доказывание [10, с. 97–215]. Это крайне опасная теоретическая конструкция уголовной ответственности. Боюсь ошибиться, но что-то в ней мне напоминает «старческие» призраки инквизиционного уголовного процесса.

Закладывая в законодательные предписания какую-либо конструктивную идею, мы должны ориентироваться на получение некоторого положительного эффекта от самого уголовного права и соответствующих изменений в общественном восприятии уголовно-правового воздействия обществом и самими правонарушителями уголовного закона. Правильная оценка современного состояния сложившегося в обществе психологического климата и его учет позволяют вырабатывать более или менее адекватную современной социальной реальности систему правовых новаций, которые бы в сбалансированном формате отвечали настроению большинства. «В противном случае уголовно-правовое воздействие оказывается в некоем социально-психологическом вакууме. Формально имея вполне легитимный статус, фактически оно не находит поддержки у большинства членов ... общества, становясь, таким образом, слабым и неэффективным в процессе своей реализации. Подобное характерно именно для случаев непонимания обществом или неприятия им тех идей, которые “навязываются” ему сверху законодателем, но не имеют поддержки на уровне общественной психологии» [6, с. 183]. Это касается не только изменений в том, что мы относим к преступлению, но и происходящих функциональных изменений института наказания и уголовной ответственности, что влечет «переподчинение всего уголовного права уже другим категориям, находящимся над уровнем собственно уголовно-правовых отношений, выполняя при этом роль средства обеспечения государственной политики в построении общества нового порядка» [6, с. 184].

Так, Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» введен институт замены назначенного по приговору суда наказания на более строгое наказание в случае уклонения осужденного от его отбывания более строгим наказанием, при этом без соблюдения при замене ограничительных пределов санкции статьи Особенной части УК, по которой осужденному было назначено приговором наказание за совершенное преступление. Возможность замены назначенного наказания более строгим видом наказания предусмотрена для общественных работ, штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ и ограничения свободы.

Решение законодателя о введении института замены наказания в процессе исполнения приговора на более строгое без изменения приговора, хотя

и не является новым для отечественной уголовно-правовой системы, но в контексте современных правовых реалий в уголовной и уголовно-исполнительной политике не может рассматриваться в качестве правового решения, поскольку этим решением подорваны публично-правовые гарантии стабильности обвинительного приговора в процессе его исполнения (в части исполнения назначенного наказания), не говоря уже об очевидном снижении общей и специальной правозащитной правосубъектности осужденных к указанным наказаниям. Замена назначенного по приговору наказания производится не на основе уголовно-правовой оценки деяния–уклонения осужденного от назначенного ему наказания в качестве уголовно-правонарушающего деяния и не на основе изменения приговора в соответствии с уголовно-процессуальной процедурой (кассации и надзора), а «в процессе исполнения наказания» по упрощенной процедуре и по весьма неопределенным объективным и субъективным основаниям, относящимся в равной степени как к уклонению от отбывания, так и уклонению от исполнения наказания.

Законом от 8 января 2024 г. № 349-З уклонение осужденного от явки в организацию здравоохранения для прохождения принудительного лечения, назначенного в соответствии со ст. 107 УК при отбывании наказания в виде общественных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ и ограничения свободы, является уклонением от отбывания и исполнения этих наказаний. При этом такой противоестественный разворот в понимании содержания указанных видов наказания и соответственно в определении уклонения от их отбывания сделан не в УК, а в УИК, дабы не было слишком очевидно, что уклонение осужденного от явки в организацию здравоохранения для прохождения принудительного лечения, назначенного в соответствии со ст. 107 УК при отбывании этих наказаний, не имеет ничего общего с содержанием этих наказаний и уклонением осужденного от их отбывания. Не нахожу никаких объяснений с правовых позиций возможной замене судом, например, исправительных работ на более строгое наказание (арест или ограничение свободы) в отношении осужденного, который **добросовестно** отбывает это наказание, но не желает лечиться от алкоголизма.

Прежде всего, следует иметь в виду, что любое наказание, исполняемое и отбываемое в режиме пребывания осужденного на свободе и даже в условиях полусвободы, заведомо имеет ограниченный потенциал в организационно-право-принудительных средствах обеспечения исполнения и отбывания соответствующего наказания, особенно если такое наказание, например, как общественные работы, назначены неработающему и не мотивированному к общественно полезному труду правонарушителю. У нас это вполне стандартная ситуация. Поэтому применение наказаний, не связанных с лишением свободы, в государствах, где предусмотрены такие наказания наряду с лишением свободы, осуществляется на условиях альтернативности их применения (замены) или замены по системе испытания. Указанные вопросы относительно такого порядка и условий отбывания наказания определяются для осуждаемого лица приговором и заведомо для осужденного, в частности, альтернативность (возможность) применения другого более строгого наказания в случае уклонения от наказания,

изначально назначенного для реального исполнения и отбывания. Иными словами, указанные вопросы разрешаются в рамках обвинительного приговора и в соответствии с приговором. Это хорошо известный способ дифференциации условий применения наказания с учетом возможного уклонения осужденного от изначально назначенного для исполнения наказания по приговору суда. Нами в рамках принятой в 2010 г. «Концепции совершенствования мер уголовной ответственности и порядка отбывания наказаний» закладывалась формула назначения по приговору суда наказания в виде штрафа на альтернативной лишению свободы основе. Но в этом тогда усмотрели недопустимое нарушение законности при постановлении приговора. Теперь же в конструкция замены наказания, назначенного приговором, на более строгое в процессе его исполнения без определительного разрешения на это установочного приговора провозглашается делом вполне благоверным и законным, и даже пытаются отыскать некую правовую природу в необходимости таковой замены. Неуместна в данном случае и ссылка на п. 14.1 Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), где якобы прямо предусматривается, что при нарушении условий, подлежащих соблюдению правонарушителем, мера, не связанная с тюремным заключением, может быть изменена или отменена. Здесь речь идет о совершенно иной, безусловно, правовой по содержанию и порядку применения конструкции «изменения или отмены» уголовно-правовых мер – о внедрении и расширении систем и стандартов применения уголовно-правовых мер воздействия в отношении уголовных правонарушителей на альтернативной и условно-испытательной лишению свободы (тюремному заключению) основе. Это положение также следует понимать с учетом того, что большинство государств сегодня ориентированы на систему, состоящую из двух наказаний: лишение свободы, включающее несколько степеней изоляции осужденных (от строгой изоляции до полуоткрытого и открытого исполнения и отбывания данного наказания) и штраф. Даже такое традиционное и для нас наказание, как лишение осужденного определенного права, применяется по стандартам уголовно-правовых мер безопасности.

Заключение. Пока в законотворчестве и правоприменении будет предаваться забвению истинное социальное предназначение уголовного права как вынужденной чрезвычайно правовой защиты человека и человеческого достоинства от общественно опасного произвола субъектов социальной деятельности, включая государство, будет продолжаться, по крайней мере, стохастичное структурно-функциональное и содержательное разрушение правовых императивов применения и функционирования уголовного права.

Государству следует исходить из того, что самая важная и фундаментальная функция уголовного закона не правоприменительная, *а правозащитная,* а защиту человека и общества, в том числе национальную безопасность, не следует ограничивать обеспечением буквально выраженных на законодательном уровне запретов-санкций и ограничивающих права человека мер безопасности. При таком оценочном подходе к уголовному праву становится очевидным необходимость ограничения возрастающих социально-управленческих функций уголовного права и его основных институций – преступления и наказания.

Сегодня криминология однозначно констатирует, что социально-криминогенные риски в современных социальных системах в значительной степени обусловлены деструктивным, ситуационно-хаотическим расширением принуждающих (репрессивных) методов регулирования общественных отношений [11, с. 419–430]. Посему правовое пространство без необходимости замещалось репрессивно-принудительным регулированием социальных отношений без уяснения их криминологического состояния и уровня опасности для нормального и безопасного существования человека, общества и государства.

Список цитированных источников

1. Хомич, В. М. Обеспечение достойной жизни людей как универсальный криминологический фактор уголовно-правовой политики в сфере безопасности / В. М. Хомич // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 3 (40). – С. 41–47.

2. Василевич, Г. А. Формирование образа будущего – одна из задач юридической науки / Г. А. Василевич // Теория и практика правового регулирования общественных отношений: проблемы и перспективы взаимодействия : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Янки Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2025. – С. 3–7.

3. Левакин, И. В. Прогресс правопонимания: историко-материалистический подход / И. В. Левакин // Журнал российского права. – 2017. – № 12. – С. 13–23.

4. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М. : НОРМА, 2001. – 752 с.

5. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995.– 323 с.

6. Карапетян, Л. М. Политические партии в судьбе России / Л. М. Карапетян. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2009. – 263 с.

7. Бабий, Н. А. Учение об уголовной ответственности : монография / Н. А. Бабий. – М. : Юрлитинформ, 2022. – 667 с.

8. Бабий, Н. А. Основания уголовной ответственности : монография / Н. А. Бабий. – М. : Юрлитинформ, 2024. – 408 с.

9. Хомич, В. М. О возрождении человеческого измерения уголовного права в оценке преступного и систем уголовно-правовых мер противодействия преступности / В. М. Хомич // Правовая политика, наука, практика – 2024 : сб. материалов Респ. науч.-практ. конф., Минск, 10 окт. 2024 г. / Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь ; редкол.: Е. В. Семашко [и др.]. – Минск : НЦЗПИ, 2024. – С. 464–468.

10. Бабий, Н. А. Институт уголовной ответственности в свете теории и правового регулирования / Н. А. Бабий // Охранительная функция уголовного права : монография / Н. А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. А. В. Шидловского ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. – Минск : Колоград, 2023. – С. 97–215.

11. Бабаев, М. М. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 3. – С. 419–430.

Рецензент: Здрок О. Н.,
директор УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»,
доктор юридических наук, профессор.

Дата поступления статьи: 07.05.2025.

CRIMINOLOGY OF CRIMINAL RISKS IN MODERN CRIMINAL LAW AND THE TRANSITION OF THEIR STOCHASTICITY INTO A STATE OF LEGAL UNCERTAINTY

Vladimir M. Khomich

Abstract. The permanently continued improvement of the criminal law and the low quality of its legislative innovations due to the lack of proper criminological justification for the need for their introduction allows us to identify a systemically aggravated criminological problem of legal risks in criminal law, the transition of their random appearance and existence in law to a state of their dynamic accumulation and, as a consequence, the emergence of symptoms of social uncertainty in explaining what is recognized as a crime and for what criminal punishment is applied today. According to leading experts in the specified field of knowledge, one of the probable assessments of domestic criminal policy is its excessive dependence on the momentary desires of the authorities and its inability to solve problems of social management by legal means not related to the application of criminal law. Such treatment of criminal law is socially unacceptable, fraught with serious negative consequences for criminal law, as well as for society and the state.

Keywords: criminal law, legal quality of criminal law, criminal and criminal-judicial policy, criminal-legal boundaries of crime and punishment.

УДК 343.2/.7

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ О СПЕЦИАЛЬНОЙ КОНФИСКАЦИИ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Шаблинская Диана Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права юридического факультета
Белорусского государственного университета
3322982@gmail.com

Аннотация. В статье предложены направления совершенствования положений уголовного закона в части правового регулирования специальной конфискации. С учетом положений обязательных для Республики Беларусь международных соглашений рассмотрены: понятие конфискации, органы, имеющие полномочия ее применения, предмет конфискации и сфера применения государством средств, полученных в результате конфискации, гражданско-правовые механизмы конфискации и вопросы возвращения конфискованных доходов от преступлений.

Ключевые слова: восстановление социальной справедливости, противодействие преступлениям, расширенная конфискация, специальная конфискация, международное сотрудничество.

Введение. Специальная конфискация представляет собой комплексный уголовно-правовой институт, закрепленный в уголовном законодательстве большинства государств. Данная мера справедливо рассматривается на национальном и международном уровнях как эффективный механизм не только борьбы

с противоправными деяниями, но и для восстановления нарушенного баланса в обществе.

Примечательно, что отечественное уголовное законодательство на современном этапе предусматривает исключительно специальную конфискацию: общая конфискация имущества как вид наказания была исключена из Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) в 2019 г.

Вопросам специальной конфискации уделяется должное внимание в трудах отечественных ученых, например, Н. А. Бабия, А. И. Лукашова, В. В. Марчука, Е. В. Новиковой, Э. А. Саркисовой, В. М. Хомича, А. В. Шидловского, Ю. Л. Шевцова и др.

В рамках данной статьи уделим внимание направлениям дальнейшего совершенствования положений уголовного закона в части правового регулирования данной меры государственного принуждения.

Основная часть. Нормы о специальной конфискации содержит не только уголовный закон, но и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК). Однако УПК наряду с термином «специальная конфискация» (например, в ст. 156) оперирует термином «конфискация» (например, в ст. 98). Нормы уголовного и уголовно-процессуального права находятся в неразрывной связи, и конфискация имущества является одной из многих точек соприкосновения двух отраслей. Более того, о конфискации имущества (а не о специальной конфискации) идет речь и в ст. 244 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Причем в ст. 244 ГК конфискация определена как безвозмездное изъятие имущества у собственника в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения.

Положения международных соглашений (договоров), участниками которых является Республика Беларусь, также содержат нормы о конфискации, содержание которых следует проанализировать на предмет соотношения с положениями отечественного уголовного и иных отраслей права. Полученные выводы могут составить основу для последующей разработки предложений по возможной имплементации данных норм в УК для решения задачи повышения восстановительной составляющей мер уголовно-правового воздействия и поиска направлений согласования положений уголовного, уголовно-процессуального и гражданского права.

Роль конфискации в содействии принятию мер, направленных на эффективное и действенное предупреждение преступности, на уровне международного сотрудничества, в частности по линии ООН, особенно значима в борьбе с коррупцией и финансированием терроризма. Изучение положений соответствующих Конвенций ООН (Конвенции ООН против коррупции (принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.); Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.) [1]) позволило выделить ряд важных положений.

1. Понятие конфискации и орган, ее применяющий.

Международные соглашения (договоры) оперируют термином «конфискация». Термин «специальная конфискация», как правило, в обозначенных документах не применяется.

В Конвенции ООН против коррупции под конфискацией понимается окончательное лишение имущества по постановлению суда или другого компетентного органа. Из данного определения следует, что субъектом, применяющим конфискацию, анализируемое международное соглашение признает и иной (помимо суда) компетентный орган. При этом, полагаем, международные стандарты вкладывают в понятие конфискации широкое понимание, подразумевая под ней не только меру уголовно-правового принуждения, но и процессуальное решение, а равно такой инструмент, который, согласно национальной правовой доктрине, составляет инструмент гражданского права – «взыскание имущества» (в первую очередь имущества, приобретенного преступным путем).

Одним из положений Конвенции ООН против коррупции определяется, что для целей осуществления настоящей Конвенции, если в ней не предусмотрено иное, не обязательно, чтобы в результате совершения указанных в ней преступлений был причинен вред или ущерб государственному имуществу. В связи с этим (несмотря на понимание коррупции как деяний, совершаемых исключительно в публичном секторе), применение конфискации возможно не только в случае причинения ущерба государству, его территориальным образованиям или органам (организациям). Национальное законодательство также предусматривает возможность применения специальной конфискации независимо от формы собственности и соответствующих общественных отношений (государственная либо негосударственная сфера), которым может быть причинен ущерб в результате совершения преступления.

Возможно ли применение специальной конфискации иным органом (помимо суда) в отечественной правоприменительной практике? Исходя из положений ст. 98 УПК решить вопрос о вещественных доказательствах может и иной орган, ведущий уголовный процесс. Однако нельзя отождествлять решение, принимаемое в части вещественных доказательств, и применение уголовно-правовой меры – специальной конфискации. Применение специальной конфискации – это одно из решений вопроса о вещественных доказательствах в приговоре, определении или постановлении о прекращении производства по уголовному делу. При этом реализовать данное решение, т. е. применить специальную конфискацию, может только суд как орган, реализующий принуждение в уголовно-правовой сфере. Проблема может возникнуть на той основе, что предмет специальной конфискации на момент принятия решения о ее применении, как правило, уже определен в уголовном процессе как «вещественное доказательство». В связи с этим, прежде чем прийти к применению специальной конфискации, следует действительно решить вопрос о том, что делать с этим вещественным доказательством. Таким образом, орган, ведущий уголовный процесс, предопределяет появление предмета специальной конфискации, в связи с чем может ходатайствовать перед судом о ее применении. С другой стороны, если то либо иное вещественное доказательство не составляет предмет специальной конфискации, то вопрос о данном вещественном доказательстве может разрешиться по-иному,

в частности, в пользу его уничтожения (например, фотографии, содержащее изображение, которое является порнографическим). Если вещественное доказательство подлежит возврату потерпевшему или иному лицу, оно не может составить предмет специальной конфискации, о чем прямо указано в ст. 46^1 УК.

Полагаем, уничтожение вещественного доказательства, а равно его возврат потерпевшему или иному лицу, могут быть осуществлены следователем, прокурором, судом с соблюдением требований, предусмотренных законодательством. Иная ситуация складывается со специальной конфискацией, применить которую может только суд, так как она является мерой государственного принуждения в уголовном праве – мерой уголовно-правового воздействия. Таким образом, специальная конфискация в белорусском праве может быть реализована только судом.

2. Предмет специальной конфискации и сфера применения конфискованных средств.

Исследовав, в частности, определенный в Конвенции ООН против коррупции предмет конфискации (ст. 31), к которому относятся: доходы от преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, или имущество, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов; имущество, оборудование и другие средства, использовавшиеся или предназначавшиеся для использования при совершении преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией; другое имущество, если такие доходы от преступлений были превращены или преобразованы частично или полностью в такое имущество; часть имущества, которая соответствует оцененной стоимости приобщенных доходов от преступлений к имуществу, приобретенному из законных источников; прибыль или другие выгоды, которые получены от таких доходов от преступлений, от имущества, в которое были превращены или преобразованы такие доходы от преступлений, или от имущества, к которому были приобщены такие доходы от преступлений, можно сделать вывод, что положения белорусского уголовного закона в целом отвечают международным стандартам. В Республике Беларусь предмет специальной конфискации сформулирован широко, выделены соответствующие его группы. Единственным положением, прямо не отраженным в ст. 46^1 УК, является правовое регулирование специальной конфискации имущества, которое было приобщено к имуществу, приобретенному законным путем.

Еще один аспект, на который следует обратить внимание, это сфера применения конфискованных средств. Так, согласно п. 4 ст. 8 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма, каждое государство-участник рассматривает возможность создания механизмов, с помощью которых средства, полученные в результате конфискации, предусмотренной в настоящей статье, использовались бы для выплаты компенсации жертвам преступлений, указанных в подпункте (a) или (b) пункта 1 статьи 2, или членам их семей.

Полагаем, направление средств, полученных в результате применения конфискации, в адрес компенсации потерпевшим от преступлений видится важным компонентом и соответствующим направлением развития отечественного уголовного права в части усиления его правовосстановительной составляющей.

3. Гражданско-правовые механизмы конфискации.

Согласно п. 8 ст. 31 Конвенции ООН против коррупции, государства-участники могут рассмотреть возможность установления требования о том, чтобы лицо, совершившее преступление, доказало законность происхождения таких предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации, в той мере, в какой такое требование соответствует основополагающим принципам их внутреннего законодательства и характеру судебного и иного разбирательства.

Данное положение указывает на возможность гражданско-правового характера доказывания законности происхождения имущества, подлежащего конфискации. Таковой межотраслевой мерой, «промежуточным» звеном между общей конфискацией как видом наказания, направленным на все имущество осужденного, независимо от законности его происхождения, и специальной конфискацией, которая применяется исключительно в случаях, когда есть доказательства о том, что имущество приобретено преступным путем, является «расширенная конфискация» либо «конфискация *in rem*».

Содержательно расширенная конфискация может быть определена как гражданско-правовая конфискация. В уголовно-правовой науке Российской Федерации обосновывается подход, что к конфискации следует применять не институт исполнения, а институт взыскания. Гражданско-правовой (исковой) порядок взыскания имущества может способствовать выявлению и доказыванию существования первоначального имущества, приобретенного преступным путем. Для этого у гражданского права есть широкий арсенал средств: от самого гражданско-правового порядка доказывания до признания сделок недействительными – мнимыми или притворными. Широко использовать гражданско-правовые меры в борьбе с незаконно нажитым предложил, например, В. В. Милинчук [2].

Полагаем, особого внимания и дальнейшей научной проработки потребует институт конфискации *in rem*, по нашему мнению, объединяющий расширенную и гражданско-правовую конфискацию, предполагающий, что обязательство доказывать и обосновывать в суде, что имущество не нажито преступным путем, возлагается на подозреваемого или, более широко, на физическое лицо, у которого обнаружено имущество, во много раз превышающее источник его дохода.

Введение понятия конфискации *in rem* в уголовное законодательство предусмотрено рядом международных договоров (соглашений), однако подобные положения не представляют собой обязательные для Республики Беларусь требования.

Научный интерес представляет подход, предложенный А. А. Пропостиным. Ученый предлагает «… исключить конфискацию из УК РФ как “иную меру уголовно-правового характера” и закрепить ее в качестве меры безопасности в отдельном федеральном законе. В результате ее назначение и исполнение можно будет строить на принципиально иных началах, в частности, применять в отношении юридических лиц, а также лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Исключение конфискации из сферы уголовного права создаст позитивные условия для установления более

эффективной схемы выявления имущества, подлежащего изъятию, основанной на процедуре финансового расследования, осуществляемого специальными органами и проводимого наряду с расследованием по уголовному делу или после его завершения. Это создаст принципиальную возможность во время проведения финансового расследования при наличии определенных условий переносить бремя доказывания непреступности происхождения имущества на осужденного» [3, с. 9–10]. По мнению А. А. Пропостина, подобный закон должен иметь административно-правовую природу [4, с. 228].

Положение, представляющее собой гражданско-правовой конфискационный инструмент, схожий с расширенной конфискацией, содержит ст. 36 (Изъятие имущества (взыскание расходов), стоимость которого (размер которых) превышает доходы, полученные из законных источников) Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией». Так, в случаях установления в ходе проверки деклараций о доходах и имуществе лиц, указанных в ч. 1 настоящей статьи, явного превышения стоимости принадлежащего им имущества и иных расходов этих лиц за период, когда должностные лица занимали должности, указанные в части первой настоящей статьи, но не более чем за 10 лет, над доходами, полученными из законных источников, имущество и иные расходы на сумму, явно превышающую подтвержденные доходы, безвозмездно изымаются (взыскиваются) или взыскивается стоимость такого имущества в доход государства на основании решения суда по иску прокурора.

4. Возвращение конфискованных доходов от преступлений.

В Конвенциях ООН содержится ряд постановлений процессуального характера, обеспечивающих возможность международного сотрудничества разных юрисдикций, включая вынесение и исполнение постановлений о конфискации, в том объеме, который указан в просьбе, и в той мере, в какой оно относится к находящимся на территории запрашиваемого государства-участника доходам от преступлений, имуществу, оборудованию или другим средствам совершения преступления.

Согласно п. 1 ст. 57 Конвенции ООН против коррупции, имуществом, конфискованным государством-участником на основании ст. 31 или ст. 55 настоящей Конвенции, распоряжается, включая возвращение такого имущества его предыдущим законным собственникам, согласно п. 3 настоящей статьи, государство-участник в соответствии с положениями настоящей Конвенции и своим внутренним законодательством. При этом, на основании п. 2 ст. 57 каждое государство-участник принимает, в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства, такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы позволить своим компетентным органам возвращать конфискованное имущество, когда они действуют по просьбе, направленной другим государством-участником, в соответствии с настоящей Конвенцией, с учетом прав добросовестных третьих сторон.

В соответствии с ч. 3 ст. 58 (Исполнение решений судов о взыскании штрафов, конфискации имущества и доходов от преступной деятельности) Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной в г. Кишиневе 7 октября 2002 г. [5],

конфискованное имущество или эквивалентное ему имущество может быть передано полностью или частично Договаривающейся Стороне, в которой постановлено решение о конфискации. В каждом конкретном случае запрашивающая и запрашиваемая Договаривающиеся Стороны договариваются о разделе имущества, полученного запрашиваемой Договаривающейся Стороной при исполнении решения о конфискации в соответствии с настоящей Конвенцией.

Полагаем, возвращение конфискованных доходов от преступлений видится весьма перспективным направлением международного сотрудничества. Следует продолжить исследование и разработку уголовно-процессуальных законодательных мер, обеспечивающих международное сотрудничество по уголовным делам, направленных на возврат на территорию соответствующего государства средств, которые были незаконно получены виновным лицом на его территории.

Заключение. В заключение проведенного исследования отметим следующее.

Перед специальной конфискацией стоят важнейшие задачи в деле предупреждения преступлений и восстановления социальной справедливости. Важным шагом на пути оптимизации положений о данной мере уголовно-правового воздействия в контексте повышения ее правовосстановительной составляющей является изучение опыта международного правового противодействия преступлениям, в том числе коррупции, иному незаконному получению доходов и их легализации («отмыванию»).

Понятие и предмет специальной конфискации в уголовном праве Республики Беларусь в целом соответствует положениям международных договоров (соглашений). Полагаем, направление средств, полученных в результате применения конфискации, в адрес компенсации потерпевшим от преступлений видится важным компонентом и соответствующим направлением развития отечественного уголовного права в части усиления его правовосстановительной составляющей.

Положения международных соглашений (договоров) допускают возложение бремени доказывания законности происхождения такого имущества на самого обвиняемого и предусматривают возможность институционализации расширенной конфискации в уголовном праве.

Специальная конфискация как мера государственного принуждения в белорусском праве может быть реализована только судом. Сделан вывод о нецелесообразности расширения круга органов, уполномоченных на применение специальной конфискации.

С учетом международного опыта противодействия преступности посредством установления и применения норм о специальной конфискации предлагается:

▪ определить правовое регулирование специальной конфискации имущества, которое было и приобщено к имуществу, приобретенному законным путем, в том числе посредством закрепления возможности конфискации в данном случае денег либо имущества, покрывающих его стоимость;

▪ проработать возможность законодательного установления возможности направления средств, полученных в результате применения специальной конфискации, в адрес компенсации потерпевшим от преступлений;

▪ рассмотреть целесообразность дальнейшего расширения сферы применения гражданско-правовых механизмов доказывания законности полученных имущества или средств вплоть до институционализации в уголовном законе расширенной конфискации в целях противодействия коррупции и легализации средств, полученных преступным путем;

▪ признать возвращение конфискованных доходов от преступлений другому государству перспективным направлением международного и межгосударственного сотрудничества и обеспечить дальнейшее развитие норм, регулирующих подобное направление сотрудничества.

Список цитированных источников

1. Организация Объединных Наций : [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents / (дата обращения: 24.03.2025).

2. Милинчук, В. В. Актуальные вопросы совершенствования института конфискации / В. В. Милинчук // Государство и право. – № 7. – 2004. – С. 36–47.

3. Пропостин, А. А. Конфискация имущества как мера борьбы с преступностью: прошлое, настоящее, будущее : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. А. Пропостин. – Томск, 2010. – 24 с.

4. Пропростин, А. А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее : моногр. / А. А. Пропостин ; науч. ред. В. А. Уткин. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 264 с.

5. О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : Закон Респ. Беларусь от 14 июня 2003 г. № 207-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 24.03.2025).

Рецензент: Городецкая М. А.,
заместитель директора по научно-методической работе
УО «Институт переподготовки и повышения
квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 29.04.2025.

IMPROVING THE PROVISIONS ON SPECIAL CONFISCATION TO INCREASE THE EFFECTIVENESS OF COUNTERING CRIME

Diana V. Shablinskaya

Abstract. This article proposes ways to improve criminal law provisions governing special confiscation. Taking into account the provisions of international agreements binding on the Republic of Belarus, the following are considered: the concept of confiscation, the bodies authorized to apply it, the subject of confiscation, the scope of state application of funds obtained through confiscation, civil law mechanisms for confiscation, and the return of confiscated proceeds of crime.

Keywords: restoration of social justice, combating crime, extended confiscation, special confiscation, international cooperation

РАЗДЕЛ 4
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

УДК 343.1

НАЗНАЧЕНИЕ И ПОДГОТОВКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА КАК СТАДИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Бибило Валентина Николаевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета
zagorovskaja@bsu.by

Аннотация. Стадия назначения и подготовки судебного разбирательства занимает промежуточное положение между стадией предварительного расследования и стадией судебного разбирательства. Согласно действующему УПК эта стадия может проявляться в виде деятельности единоличного судьи или в условиях предварительного судебного заседания. В статье обосновывается необходимость упразднения предварительного судебного заседания как противоречащего предназначению данной стадии.

Ключевые слова: суд, стадия, судебное разбирательство, судебное заседание, постановление судьи.

Введение. Уголовный процесс разделяется на досудебную и судебную уголовно-процессуальную деятельность. Своеобразным каналом, соединяющим предварительное расследование и судебное разбирательство, является стадия назначения и подготовки судебного разбирательства. Особенность деятельности в этой стадии заключается в том, что основанием для нее служит законченное предварительное расследование уголовного дела, по которому необходимо продолжить производство в судебном порядке. Длительное время такая специфическая деятельность именовалась стадией предания суду, осуществляемой единолично судьей либо коллегиально судьей и народными заседателями.

История развития уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что постоянно ведутся поиски наиболее рациональной организации стадии назначения и подготовки судебного разбирательства. УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г., действие которых распространялось и на Беларусь, закрепляли смешанный порядок предания суду: по делам с предварительным следствием вопрос о предании суду решался в распорядительном заседании суда, а по делам, расследованным органом дознания, – единолично судьей. В 1930–1950-х гг. единообразия в подходах к такой деятельности суда не прослеживалось.

Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г. [1] и УПК БССР 1960 г. [2] изменили порядок подготовки уголовного

дела к рассмотрению в стадии судебного разбирательства, уточнив название: «Предание суду и подготовительные действия к судебному заседанию», а в юридической литературе используется как «стадия предания суду». Главной особенностью данной стадии стало то, что предание суду могло осуществляться единолично судьей либо коллегиально – судьей и двумя народными заседателями в условиях судебного заседания, названного распорядительным. Предназначение стадии предания суду состояло в недопущении рассмотрения в судебном заседании тех дел, которые были поверхностно расследованы, либо в которых необоснованно предъявлено обвинение, либо в случае существенного нарушения закона.

Для изучения качества и эффективности УПК БССР 1960 г. автором данных строк в конце 1980-х – начале 1990-х гг. было проведено анкетирование судей в Беларуси. Оказалось, что судьи неоднозначно оценивали стадию предания суду. В частности, 5 % опрошенных судей пришли к выводу, что правовое регулирование предания суду не нуждается в совершенствовании, надо только добиваться надлежащего применения существующих норм УПК; 34 % судей полагали, что стадия предания суду должна проводиться по всем уголовным делам судьей единолично без участия народных заседателей; 27 % опрошенных считали, что предание суду должен осуществлять прокурор; 32 % участников опроса предложили стадию предания суду исключить из системы уголовного процесса, а вопросы, связанные с подготовкой уголовного дела к судебному разбирательству, судья мог бы решать в рабочем порядке [3, с. 113]. Таким образом, отношение судей к данной стадии было неоднозначным, в юридической науке вопрос был спорным, а в законодательстве – противоречивым, что предполагает дальнейшее изучение данного этапа уголовно-процессуальной деятельности.

Основная часть. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК) [4] существенным образом преобразовал стадию предания суду. Прежде всего это коснулось самого названия стадии: вместо «Предание обвиняемого суду и подготовительные действия к судебному заседанию» (гл. 23 УПК БССР 1960 г.) – «Назначение и подготовка судебного разбирательства» (гл. 33). Данный этап уголовного судопроизводства стал обеспечиваться единолично судьей, без проведения судебного заседания, путем вынесения постановления, в котором фиксировалось одно из следующих решений: 1) о направлении дела по подсудности; 2) прекращении производства по делу; 3) приостановлении производства по делу; 4) назначении судебного разбирательства.

Впоследствии в УПК были внесены дополнения и изменения, касающиеся возможности проведения предварительного судебного заседания. Так, согласно ст. 276 УПК судья по поступившему в суд уголовному делу обязан принять одно из следующих решений: направить дело по подсудности; приостановить производство по делу; назначить предварительное судебное заседание; назначить судебное разбирательство.

Согласно ст. 277^1 УПК необходимость в проведении предварительного судебного заседания возникает: 1) при наличии оснований для возвращения уголовного дела прокурору; 2) при наличии оснований для прекращения производства по уголовному делу.

Порядок проведения предварительного судебного заседания определен в ст. 280^2 УПК, в соответствии с которой заседание проводится судьей с участием прокурора, обвиняемого, а также его законного представителя, защитника, переводчика, а в некоторых случаях и потерпевшего и (или) его представителя. Секретарь судебного заседания ведет протокол. Председательствующий разъясняет право на заявление отводов (ч. 2 ст. 280^2 УПК), опрашивает обвиняемого, а также вызванных в предварительное судебное заседание лиц, имеются ли у них ходатайства (ч. 7 ст. 280^2 УПК). Рассмотрение уголовного дела начинается с доклада председательствующего, после чего заслушиваются явившиеся в предварительное судебное заседание лица, исследуются документы, заслушивается мнение прокурора и защитника, а затем председательствующий удаляется в совещательную комнату для вынесения постановления, которое подлежит оглашению в предварительном судебном заседании.

Заметим, что процедура предварительного судебного заседания в основных своих чертах схожа с судебным заседанием стадии судебного разбирательства уголовных дел только с ограниченными возможностями конфликтующих сторон в реализации своих интересов. Например, не исключено, что в удовлетворении заявленных ходатайств в рассматриваемой стадии может быть отказано, а в стадии судебного разбирательства они могут быть удовлетворены. Возможны трудности и при решении вопроса о прекращении производства по уголовному делу, поскольку такого рода деятельность связана с оценкой доказательств, в то время как стадия назначения и подготовки судебного разбирательства не располагает надежными средствами доказывания.

Из всех участников предварительного судебного заседания значительный интерес вызывает функция прокурора. В юридической литературе данный вопрос обсуждается. Так, по мнению А. В. Спирина, принимая во внимание сущность уголовно-процессуальной деятельности прокурора, более правильным и точным представляется именовать его государственным обвинителем [5, с. 54]. А. Айтжанова уточняет, что участие прокурора в такого рода уголовно-процессуальной деятельности представляет собой один из компонентов методики поддержания государственного обвинения, относящейся к организационной составляющей этой деятельности, состоящей в том, что прокурор содействует суду в устранении препятствий для рассмотрения дела по существу и принимает меры по недопущению удовлетворения необоснованных ходатайств стороны защиты. Указанный автор подытоживает, что это первый этап противоборства сторон обвинения и защиты [6, с. 61]. Своеобразна точка зрения А. Тушева, который пишет, что прокурор в ходе всего уголовного судопроизводства осуществляет функцию уголовного преследования [7, с. 29–30].

Рассмотрим более обстоятельно вопрос о деятельности прокурора на заключительном этапе стадии предварительного расследования, от которой значительно зависят его последующие полномочия. Согласно ст. 324 УПК судебное следствие начинается с оглашения государственным обвинителем предъявленного лицу обвинения. Из содержания этого предписания неясно, какой уголовно-процессуальный документ подлежит оглашению. Если предположить, что это «Постановление о привлечении в качестве обвиняемого», то содержащейся в нем

информации явно недостаточно, поскольку расследование дела после вынесения постановления продолжается. В свою очередь, «Постановление о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд» носит чисто служебный, ведомственный характер, хотя ст. 260 УПК и обязывает составлять его достаточно пространно. Что касается такого документа, как «Справка о результатах проведенного по делу предварительного расследования», то это своего рода резюме, отчет следователя о проделанной работе по конкретному уголовному делу. Прикладной характер носит и «Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание». В результате оказывается, что прокурор, получив такого рода документы вместе с уголовным делом, хотя и проверяет его материалы в соответствии со ст. 263 УПК, но не составляет обобщающего уголовно-процессуального документа, а ограничивается лишь вынесением постановления о направлении уголовного дела в суд (ст. 266 УПК), обвиняемому же и потерпевшему направляется копия постановления следователя о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд. Такой подход законодателя снижает статус прокурора, качество осуществления им обвинительной функции в стадии судебного разбирательства, не способствует его авторитетности в судебных прениях. В связи с этим в обязанности прокурора должно входить составление обвинительного заключения как итогового уголовно-процессуального документа досудебной деятельности. Что касается постановления о направлении уголовного дела в суд, то ему больше присуще значение сопроводительного письма, чем документа, на содержание которого могут существенным образом повлиять стороны. Правила о подсудности достаточно четко обозначены в УПК. Предание суду, осуществляемое прокурором, должно охватывать: 1) составление прокурором обвинительного заключения и направление его копий обвиняемому и потерпевшему; 2) вынесение постановления о направлении уголовного дела в суд; 3) направление в суд вместе с уголовным делом обвинительного заключения и постановления о направлении уголовного дела в суд.

При такой деятельности прокурора стадия назначения и подготовки судебного разбирательства не ликвидируется, однако она должна быть модифицирована. Нет процессуальной необходимости в проведении предварительного судебного заседания. Деятельность судьи следует ограничить решением следующих вопросов: 1) подсудно ли дело данному суду; 2) приняты ли меры, обеспечивающие возмещение вреда, причиненного преступлением, и возможную конфискацию имущества; 3) о приостановлении производства по уголовному делу; 4) о возвращении уголовного дела прокурору; 5) о назначении судебного разбирательства. Результаты решения этих вопросов судья должен отобразить в соответствующих постановлениях.

Несмотря на такую ограниченную компетенцию суда, полномочия судьи по назначению и подготовке судебного разбирательства отвечают требованиям стадии уголовного процесса: осуществление уголовно-процессуальной деятельности; стремление к реализации задач уголовного процесса; подготовка обобщающего уголовно-процессуального документа. Такие системообразующие элементы присущи всем стадиям уголовного процесса, специфика которых позволяет дифференцировать уголовный процесс на соответствующие этапы.

Заключение. Правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности суда в стадии, следующей за предварительным расследованием и предшествующей судебному разбирательству, неоднократно претерпевало изменения. По действующему законодательству эта стадия получила название «Назначение и подготовка судебного разбирательства» и может осуществляться единолично судьей либо путем проведения предварительного судебного заседания, процедура которого имеет схожие черты со стадией судебного разбирательства, предназначенной для разрешения вопросов виновности и наказуемости лица. Между тем полномочия суда в предварительном судебном заседании не соответствуют правовой природе стадии назначения и подготовки судебного разбирательства и не могут надлежаще обеспечить реализацию интересов сторон. К тому же не следует забывать о требовании процессуальной экономии в уголовном процессе. В связи с этим данную стадию надо ограничить единоличной деятельностью судьи без проведения предварительного судебного заседания. Вопросы, которые ныне разрешаются в условиях предварительного судебного заседания, перенести на рассмотрение в стадию судебного разбирательства.

Список цитированных источников

1. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Закон Верхов. Совета Союза Советских Социалистических Республик от 25 дек. 1958 г. // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. – 1959. – № 1. – Ст. 15.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР // Уголовный кодекс Белорусской ССР; Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : Офиц. тексты с изм. и доп. на 1 апр. 1985 г. – Минск : Беларусь, 1985. – С. 141–331.

3. Бибило, В. Н. Проблемы правосудия по уголовным делам: анализ эмпирических данных / В. Н. Бибило // Право и демократия : межвуз. сб. науч. тр. – Минск : Университетское, 1992. – Вып. 5. – С. 110–117.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : по состоянию на 21 сентября 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 536 с.

5. Спирин, А. В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора. Судебные стадии / А. В. Спирин. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 272 с.

6. Айтжанова, А. Дискуссионные вопросы участия прокурора в предварительном слушании по уголовному делу / А. Айтжанова // Законность. – 2024. – № 2. – С. 59–61.

7. Тушев, А. А. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовным делам : учеб. пособие / А. А. Тушев. – Краснодар : КубГАУ, 2023. – 142 с.

8. Бибило, В. Н. Предание суду как заключительный этап стадии предварительного расследования преступлений / В. Н. Бибило // Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 окт. 2009 г. / редкол.: Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2010. – С. 157–159.

Рецензент: Данилевич А. А.,
заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, профессор.

Дата поступления статьи: 04.03.2025.

APPOINTMENT AND PREPARATION OF THE TRIAL AS A STAGE OF THE CRIMINAL PROCESS

Valentina N. Bibilo

Abstract. The appointment and trial preparation stage occupies an intermediate position between the preliminary investigation stage and the trial stage. According to the current Code of Criminal Procedure, this stage can manifest itself in the form of a judge's activity and in the conditions of a preliminary court session. The article justifies the need to abolish the preliminary court session as contradicting the purpose of this stage.

Keywords: court, stage, trial, court session, judge's order.

УДК 343.135

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НА ОСНОВАНИИ ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 30 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Гурьян Алексей Федорович,
магистр юридических наук,
старший прокурор по особым поручениям
управления методико-аналитического обеспечения надзора за исполнением законодательства Следственным комитетом
главного управления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь
по надзору за исполнением законодательства Следственным комитетом
aleksey.guryan@gmail.com

Аннотация. В данной статье обобщена практика применения на стадии досудебного производства положений ч. 1 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Рассмотрены проблемные вопросы, ранее возникавшие у следователей и прокуроров при принятии процессуальных решений о прекращении производства по делу с освобождением от уголовной ответственности. Подробному анализу подвергнуты существующие недостатки практики применения данного института уголовного процесса, предложены актуальные пути их решения.

Ключевые слова: государство, преступление, уголовная ответственность, наказание, прекращение производства по уголовному делу, освобождение от уголовной ответственности, исправление без осуждения.

Введение. В силу ч. 1 ст. 3 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) одним из важнейших принципов уголовной ответственности является ее неотвратимость. В соответствии с ч. 4 ст. 3 УК каждое лицо, признанное виновным в совершении преступления, подлежит наказанию или иным мерам уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности или наказания допускается лишь в случаях, предусмотренных уголовным законом.

Согласно ч. 2 ст. 44 УК уголовная ответственность имеет целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами.

Назначение судом предусмотренного уголовным законом наказания не всегда является эффективным способом разрешения уголовно-правового конфликта, поскольку имеется реальная возможность его продолжения после отбытия наказания. Лицо, совершившее преступление, заинтересованное в благоприятном исходе дела и дальнейшем законопослушном поведении, при соблюдении определенных условий должно иметь возможность разрешить возникший конфликт с минимальными негативными для себя последствиями.

В связи с этим одним из направлений уголовной политики Республики Беларусь является расширение сферы использования в правоприменительной практике внесудебных форм разрешения уголовных дел.

Основная часть. Уголовный закон предоставляет суду, прокурору или следователю с согласия прокурора право освобождения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности в связи с привлечением к административной ответственности, применением правил Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Республики Беларусь, утратой деянием или лицом общественной опасности, деятельным раскаянием, добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем, примирением с потерпевшим, передачей несовершеннолетнего под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих.

Одним из обязательных условий многих видов освобождения от уголовной ответственности является возмещение виновным причиненного преступлением вреда (ущерба). В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» разъяснено, что если ущерб от преступления остался невозмещенным ввиду отказа потерпевшего или юридического лица, которым он причинен, от предъявления требований по его возмещению, решение вопроса об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности возможно при условии заглаживания им нанесенного вреда иным образом. Отказ потерпевшего от возмещения имущественного вреда не всегда означает, что вред не заглажен иным приемлемым для потерпевшего способом. Применительно к положениям ст. 86, 88, 89 УК компенсация вреда должна быть достаточной, прежде всего, с точки зрения потерпевшего [1, с. 23].

Институт освобождения от уголовной ответственности основан на том базовом принципе, что совершенное лицом деяние является уголовно наказуемым и исследуемые основания не устраняют в действиях лица состава преступления, а потому предусмотренные законом основания освобождения от уголовной ответственности признаются нереабилитирующими, т. е. не исключающими виновности лица. По этим основаниям лицо освобождается лишь от уголовной ответственности, но к нему могут быть применены другие виды юридической ответственности: гражданско-правовая, административная, дисциплинарная.

Условиями освобождения лица от уголовной ответственности являются: во-первых, тот факт, что лицо впервые совершило преступление; во-вторых, это преступление не представляет большой общественной опасности или является менее тяжким; в-третьих, существует убежденность в том, что для исправления лица, совершившего преступление, привлечение к уголовной ответственности не является целесообразным [2, с. 85].

Согласно сведениям межведомственного статистического отчета формы 1Е «Работа органов предварительного расследования», в 2024 г. следователями подразделений Следственного комитета с согласия прокуроров на основании ч. 1 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) прекращено производство с освобождением от уголовной ответственности более 1,5 тыс. лиц. В абсолютном большинстве случаев (88 %) лица освобождены от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, а также в связи с примирением с потерпевшим (7 %).

С учетом этого имеющиеся основания освобождения от уголовной ответственности применяются неравномерно. Законодательные новеллы последних лет, в частности возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в случае внесения уголовно-правовой компенсации, с примирением путем заключения медиативного соглашения, в правоприменительной практике используются в единичных случаях.

Генеральной прокуратурой на постоянной основе анализируется состояние надзора за законностью принимаемых прокурорами, следователями с согласия прокуроров решений о прекращении производства по уголовным делам и освобождении лиц от уголовной ответственности.

Результаты проведенных обобщений свидетельствовали о том, что в ходе досудебного производства при освобождении от уголовной ответственности не всегда учитывались данные о личности обвиняемых и конкретные обстоятельства совершенных преступлений.

В отдельных регионах существовала практика прекращения производства по уголовным делам в отношении ранее неоднократно судимых лиц, судимость которых погашена, а также лиц, в отношении которых ранее принимались аналогичные решения.

Очевидно, что в таких случаях цели уголовной ответственности не могут быть достигнуты без ее применения, имеется реальная возможность совершения обвиняемым нового более тяжкого преступления, в связи с чем решение об освобождении от уголовной ответственности является преждевременным.

Уголовно-процессуальным законом и иными нормативными правовыми актами Республики Беларусь не запрещено принятие как повторного решения о прекращении производства по уголовному делу с освобождением лица от уголовной ответственности, к которому ранее уже применялся данный институт, так и в отношении ранее осужденных, судимость которых в установленном порядке снята и погашена.

Вместе с тем решение о прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности является актом индивидуального применения и должно приниматься на основании комплексной оценки как

фактических обстоятельств совершенного преступления, так и данных, характеризующих личность обвиняемого, с учетом возможности его исправления без осуждения и недопущения им противоправного поведения в будущем.

В правоприменительной практике определенные затруднения у следователей и прокуроров вызывал вопрос возможности принятия на стадии досудебного производства решения об освобождении от уголовной ответственности лиц, которые нуждаются в применении принудительных мер безопасности и лечения.

В частности, после принятия следователем с согласия прокурора, либо прокурором такого процессуального решения, вопрос о применении к указанной категории лиц принудительного лечения оставался не разрешенным.

Анализ положений ст. 107 УК позволяет сделать однозначный вывод о том, что применить принудительные меры безопасности и лечения вправе исключительно суд. В связи с этим освобождение такой категории лиц от уголовной ответственности на стадии досудебного производства представляется незаконным.

Несмотря на эффективность анализируемого института уголовного процесса, остается значительным количество уголовных дел, по которым при наличии достаточных оснований на стадии досудебного производства решения о прекращении предварительного расследования с освобождением лиц от уголовной ответственности не приняты, что влечет дополнительную нагрузку на суды, которыми достаточно активно принимаются решения об освобождении лиц от уголовной ответственности на основании ч. 1 ст. 30 УПК.

В соответствии с ч. 4 ст. 30 УПК не допускается прекращение производства по уголовному делу, если против этого возражает обвиняемый.

В свою очередь основная причина сложившейся ситуации заключается в том, что следователи не всегда разъясняют обвиняемым порядок и условия освобождения от уголовной ответственности, хотя такая обязанность закреплена ведомственными нормативными актами.

В результате обвиняемые, возместившие причиненный преступлением ущерб, уплатившие доход, полученный преступным путем, выполнившие иные условия освобождения от уголовной ответственности, однако будучи не ознакомленными с такой возможностью следователем, не заявляют ходатайства на принятие соответствующего процессуального решения, т. е. фактически не выражают свое согласие.

С учетом выявленных недостатков и нарушений, а также в целях установления определенного рода правил применения рассматриваемого института уголовного процесса, Генеральной прокуратурой и Следственным комитетом в мае 2022 г. были утверждены совместные методические рекомендации «О единообразной практике принятия на стадии досудебного производства решения об освобождении лиц от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь».

Издание методических рекомендаций в целом положительно повлияло на обеспечение взвешенного подхода при принятии процессуальных решений указанного вида.

В июле 2023 г. Генеральной прокуратурой произведена актуализация методических рекомендаций с учетом правоприменительной практики. В новую редакцию дополнительно включены положения, направленные на распространение практики применения при наличии оснований, положений ч. 1 ст. 30 УПК.

По данным Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь 17 февраля 2025 г. Главой государства подписан Закон «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», которым в том числе предусмотрены изменения, направленные на оптимизацию и расширение практики освобождения лиц от уголовной ответственности [3].

В частности, скорректированы ст. 86 и 88 УК, установлена возможность их применения ко всем лицам, совершившим не представляющие большой общественной опасности преступления, а не только совершившим их впервые.

Несмотря на то, что институт освобождения от уголовной ответственности в белорусском уголовном законодательстве разработан достаточно детально, отдельные вопросы порядка его применения до конца не разрешены.

Не вполне соответствует требованиям уголовно-процессуального закона имеющаяся в Республике Беларусь практика освобождения от уголовной ответственности отдельных лиц, которые совершили преступления в составе группы.

В случаях, когда по уголовному делу о совершенном преступлении имеются основания для освобождения от уголовной ответственности одного из обвиняемых, а уголовное дело по обвинению других обвиняемых подлежит направлению в суд, принимаются решения только о прекращении уголовного преследования.

Вместе с тем согласно ч. 1 ст. 30 УПК прекращению подлежит именно производство по уголовному делу, а не уголовное преследование.

Решением сложившейся ситуации может стать внесение дополнений в п. 3 ч. 1 ст. 165 УПК, предусматривающих возможность выделения из уголовного дела в отдельное производство другого уголовного дела в отношении обвиняемого, заявившего ходатайство об освобождении его от уголовной ответственности, в том числе по основаниям, предусмотренным ст. 86-88, 89 и 118 УК.

Наряду с вышеуказанными изменениями закона целесообразно установить в статьях УК, предусматривающих условия освобождения обвиняемого от уголовной ответственности, помимо необходимости возмещения ущерба (вреда), возврата неосновательного обогащения, уплаты дохода, полученного преступным путем, также возмещение иных издержек, понесенных государственными органами в связи с совершенным преступлением.

Например, по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях первую неотложную помощь потерпевшему оказывают различные государственные службы, в частности бригада скорой медицинской помощи, работники органов по чрезвычайным ситуациям. В свою очередь при прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности понесенные затраты указанных служб, как правило, остаются обвиняемым не возмещенными.

Дискуссионным является вопрос о реальной возможности соблюдения следователями и прокурорами требований ч. 6 ст. 30 УПК, которой установлено, что

для рассмотрения вопроса о прекращении производства по уголовному делу по основаниям, предусмотренным частью 1 настоящей статьи, уголовное дело представляется прокурору в срок не позднее десяти суток до истечения срока предварительного следствия. Решение о даче согласия либо об отказе в даче согласия на прекращение производства по уголовному делу принимается прокурором в течение пяти суток с момента поступления уголовного дела, о чем делается отметка в постановлении.

Очевидно, что основополагающим является принятие окончательного процессуального решения в пределах срока предварительного расследования. Права и законные интересы участников уголовного процесса (в первую очередь – обвиняемого и потерпевшего) не будут нарушены в случае несоблюдения вышеуказанных сроков представления следователем материалов уголовного дела прокурору и принятия прокурором решения о даче согласия либо об отказе в даче согласия.

Закрепляя такую норму, законодатель в том числе исходил из необходимости предоставления прокурору времени, достаточного для полного, всестороннего и объективного изучения уголовного дела, исключения фактов поспешного и незаконного принятия соответствующего решения.

Вместе с тем, ч. 1 ст. 136 УПК установлено, что заявление ходатайств возможно в любой стадии уголовного процесса.

На практике многочисленны случаи, когда участники уголовного процесса, в том числе обвиняемый, обращаются с ходатайством об освобождении от уголовной ответственности в последний либо предпоследний день до истечения срока предварительного следствия. В результате следователь становится заложником ситуации и вынужден либо нарушить требования закона и представить уголовное дело прокурору для согласования решения о прекращении производства по делу по истечении установленного срока, что в дальнейшем повлечет применение мер прокурорского реагирования, либо продлевать срок расследования только чтобы представить уголовное дело прокурору за 10 суток до истечения срока следствия, либо отказать в удовлетворении заявленного ходатайства.

В подобных ситуациях нередки случаи, когда следователи, мотивируя решение об отказе в удовлетворении ходатайства, ссылаясь на ч. 1 ст. 30 УПК, в постановлении указывают, что прекратить производство по уголовному делу и освободить лицо от уголовной ответственности является правом, а не обязанностью, что фактически указывает на возможность произвольного толкования и применения закона, что недопустимо.

Кроме этого, подобная формулировка является недостаточной и не соответствует требованиям ч. 3 ст. 137 УПК о вынесении мотивированного постановления об отказе в удовлетворении ходатайства.

Таким образом является целесообразным положения о сроках представления следователем уголовного дела прокурору и принятия прокурором решения закрепить в соответствующих межведомственных документах, а ч. 6 ст. 30 УПК исключить.

Заключение. Подводя итог, следует отметить, что прекращение производства по уголовному делу с освобождением лица от уголовной ответственности

при соблюдении необходимых условий является эффективным способом реализации целей уголовной ответственности, исправительного и предупредительного воздействия, обеспечения социальной справедливости и предупреждения преступности.

Институт освобождения от уголовной ответственности существенно стимулирует посткриминальное позитивное поведение лиц, впервые совершивших преступления, не являющиеся тяжкими и особо тяжкими и позволяет сократить общее число осужденных в республике. Путем возмещения причиненного преступлениями ущерба по делам этой категории обеспечивается защита материальных прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления.

В свою очередь исключительно взвешенное принятие решений о прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности на стадии досудебного производства позволяет оптимизировать нагрузку на суды и государственных обвинителей, способствует экономии бюджетных средств, выделенных на осуществление правосудия, без обострения криминогенной обстановки. Необоснованное применение указанных норм создает предпосылки для повторных противоправных посягательств, формируя общественное мнение о безнаказанности виновных лиц.

Список цитированных источников

1. Калинкович, В. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности (по материалам обзора) / В. Калинкович, В. Ракитский, Л. Дулько // Судовы веснік – 2012. – № 2. – С. 16–25.

2. Круглов, В. А. Уголовное право. Общая часть / В. А. Круглов. – 2-е изд., доп. – Минск : Тетра-Системс, 2011. – 176 с.

3. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: http://www.pravo.by (дата обращения: 20.02.2025).

Рецензент: Семенихин М. А.,
заместитель начальника главного управления координации служебной деятельности – начальник аналитического управления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 06.03.2025.

LEGAL PRACTICE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY BASED ON PART 1 OF ARTICLE 30 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Alexey F. Guryan

Abstract. This article summarizes the practice of applying the provisions of Part 1 of Article 30 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus at the stage of pre-trial proceedings. The problematic issues that previously arose among investigators and prosecutors when making procedural decisions to terminate proceedings in a case with exemption from criminal liability are considered. The existing shortcomings in the practice of using this institution of criminal procedure were subjected to a detailed analysis, and current ways to solve them were proposed.

Keywords: state, crime, criminal liability, punishment, termination of criminal proceedings, exemption from criminal liability, correction without conviction.

УДК 343.163

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Джумаев Шохжахон Бегимкул угли,
докторант Академии правоохранительных органов,
старший преподаватель Центра повышения квалификации юристов
Республики Узбекистан
shohjahon7474@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются прокурорские проверки исполнения законов, их особенности, а также предмет прокурорской проверки и правовые отношения, связанные с ней. В статье проводится научная дискуссия с множеством мнений правоведов, а также разработаны авторские определения некоторых понятий. Значение прокурорских проверок исполнения законов проанализировано в контексте задач, установленных в «Стратегии развития» Республики Узбекистан, и предложены рекомендации. Освещены понятие и содержание искусственного интеллекта, его преимущества и особенности применения в прокурорских проверках. Проведен сравнительно-правовой анализ с опытом ряда иностранных стран, включая США, Великобританию, Сингапур, Германию, Южную Корею. С учетом научно-доктринальных взглядов теоретиков обоснована позиция автора. Исследованы недавно принятые нормативные правовые акты Республики Узбекистан, связанные с внедрением искусственного интеллекта.

Ключевые слова: контроль за исполнением законов, прокурорская проверка исполнения законов, прокурорский надзор, верховенство закона, ответственность, анализ законности, искусственный интеллект, стратегия.

Введение. Обеспечение верховенства закона, укрепление законности, защита прав и свобод граждан, а также их законных интересов играет неоценимую роль в деятельности органов прокуратуры. Как отметил Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев, «укрепление законодательной базы и безусловное исполнение законов, повышение правовой культуры граждан, развитие демократического правового государства, поддержка частной собственности и предпринимательской деятельности, а также обеспечение их надежной защиты – в этих вопросах роль прокуратуры велика» [1]. Генеральный прокурор Республики Узбекистан Н. Т. Йулдошев в своем обращении к населению Узбекистана в 2024 г. отметил, что «в настоящее время Президентом уделяется важное внимание тому, чтобы законы исполнялись не на бумаге, а на практике, чтобы реформы достигали каждого дома и каждого квартала, чтобы наши соотечественники всегда ощущали их практический результат в своей повседневной жизни. Безусловно, в достижении этих целей сотрудники прокуратуры должны проявлять особую активность, быть примером и образцом в обеспечении законности во всех сферах и отраслях» [2].

В юридической литературе также представлены различные мнения правоведов о реализации законов. В частности, профессор Б. Х. Полатов отмечает: «Исполнение законов может проявляться в виде действий

или юридических актов. Действия и акты по своей сути едины. И те, и другие отражают решения, направленные на применение требований закона в жизни. Их различие заключается главным образом в оформлении. Юридические акты имеют форму документов, а действия такой формы не имеют. Однако в большинстве случаев действия, совершаемые в рамках исполнения законов, также оформляются в виде документов» [3]. О. М. Мадалиев утверждает: «Суть и цель контроля за исполнением законов прежде всего заключается в организации прокурорского надзора за точным и единообразным исполнением законов в сфере государственного управления. Именно в этой сфере государственное управление должно обеспечивать не только правильное и единое понимание законов, но и их исполнение. Указания законодателя должны строго применяться в жизни, и не должно быть никаких местных или ведомственных влияний» [4]. Также, по мнению Ф. Х. Рахимова, «надзор прокурора за исполнением законов – это особый вид деятельности прокуратуры, которая осуществляет государственную деятельность от имени Республики Узбекистан. Прокурорский надзор является самостоятельной, отдельной формой государственной деятельности».

По нашему мнению, контроль за исполнением законов – это деятельность, направленная на правильное и точное применение принятых законов соответствующими субъектами права к существующим социальным отношениям.

Кроме того, необходимо остановиться на научно-теоретическом анализе прокурорских проверок исполнения законов.

В различных научных источниках правоведами высказаны разные мнения относительно прокурорских проверок исполнения законов. В частности, правовед Б. Х. Полатов отмечает: «Контроль за исполнением законов в рамках проверок отражает стратегию деятельности органов прокуратуры. В настоящее время их тематика разнообразна. Она включает в себя контроль за соблюдением прав и свобод граждан, вопросы собственности, предпринимательской деятельности, приватизации, охраны окружающей среды, налоговых, банковских, таможенных, земельных и других законов» [5]. О. М. Мадалиев утверждает: «Основным фактором, влияющим на проверку исполнения законов, является их четкое и высококачественное планирование. Выявление незаконных правовых актов, нарушающих права граждан и юридических лиц, и принятие протестов по этим актам является одной из основных задач общей контрольной деятельности» [6]. Также А. Б. Комилов подчеркивает: «Основная цель прокурорской проверки исполнения законов заключается в обеспечении верховенства закона, укреплении законности, защите прав и свобод граждан, а также интересов общества и государства, защищаемых законом» [7].

С учетом вышеизложенных мнений, можно отметить, что прокурорские проверки исполнения законов являются важной частью деятельности прокуратуры, направленной на обеспечение верховенства закона, укрепление законности, выявление и устранение нарушений закона.

Кроме того, правовед Д. Белоусова отмечает, что «прокурорские проверки являются важным инструментом установления прокурорского надзора

за исполнением законов и выявления нарушений закона. Прокурорские проверки выступают обязательным элементом “общей контрольной” деятельности» [8].

По нашему мнению, прокурорская проверка исполнения законов – это не только важный элемент выявления случаев нарушений закона. Дело в том, что в результате прокурорской проверки не только выявляются нарушения, но и через соответствующие документы прокурорского надзора принимаются меры по их устранению. Чтобы обосновать эту точку зрения, можно привести следующий пример. Допустим, прокурор начинает проверку исполнения законов в строительной сфере, привлекая специалистов, имеющих соответствующие знания, для того чтобы проверить качество строительных и ремонтных работ в районном медицинском объединении, а также средства, выделенные государственным бюджетом, и степень их фактического использования. В процессе проверки выявляются случаи нарушения закона.

Однако действия прокурора на этом не заканчиваются. Прокурор принимает решения о привлечении виновных лиц к дисциплинарной и материальной ответственности, возбуждает уголовные дела в отношении лиц, чьи действия содержат признаки преступления. Он также выносит представления организациям или должностным лицам, имеющим полномочия по устранению нарушений, о ликвидации причин и условий, способствовавших нарушению, и направляет протесты в соответствующие организации или их высшие структуры с требованием отмены незаконных документов или приведения их в соответствие с законом. При необходимости, с целью предотвращения повторных правонарушений, прокурор предупреждает должностных лиц или граждан о недопустимости нарушений закона, разъясняя им, какую ответственность они понесут в случае совершения правонарушений.

Как видно, через прокурорские проверки исполнения законов не только выявляются случаи нарушений, но и предпринимаются меры по предотвращению их повторения, устранению причин и условий, способствующих нарушениям, а также применяются меры воздействия в отношении лиц, совершивших правонарушения.

Также Э. Р. Эргашев и А. А. Фирсовы отмечают: «Прокурорская проверка – это деятельность прокурора, состоящая из взаимосвязанных интеллектуальных, организационных, технических и управленческих действий, направленных на выявление фактов нарушений закона, привлечение виновных к ответственности в сроки, установленные законодательством» [9]. А. Н. Винокуров же утверждает, что «прокурорская проверка исполнения законов – это правовой инструмент, служащий для выявления нарушений в организациях, контролируемых объектом надзора, и выявления причин и условий, способствующих этим нарушениям, с целью привлечения виновных к ответственности» [10]. На наш взгляд, ученый несколько узко определил сущность прокурорской проверки, поскольку не включил в свою трактовку действия, направленные на предотвращение нарушений и приведение незаконных документов в соответствие с законом, которые также являются частью деятельности прокуратуры.

Анализируя вышеуказанные законодательные определения и научные (доктринальные) взгляды правоведов на прокурорские проверки исполнения законов, мы считаем целесообразным предложить следующее авторское определение понятия «прокурорская проверка исполнения законов»: «Прокурорская проверка исполнения законов – это контрольная деятельность, проводимая органами прокуратуры в установленные законом сроки, на основе определенных оснований, этапов и процедур, направленная на проверку точного и единообразного исполнения определённых законодательных актов в соответствующих объектах проверки, таких как государственные органы, предприятия, учреждения, организации и другие учреждения, в зависимости от предмета проверки».

Вместе с тем будет целесообразно остановиться на перспективах внедрения технологий искусственного интеллекта в прокурорские проверки исполнения законов, что также соответствует современным тенденциям.

13 октября 2024 г. Указом Президента Республики Узбекистан № ПҚ-358-сон была утверждена Стратегия развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года. В рамках данной стратегии предусмотрено формирование законодательной базы, регулирующей отношения в области искусственного интеллекта, а также проведение ревизии существующих законодательных актов.

Кроме того, Указом Президента Республики Узбекистан от 28 января 2022 г. № УП-60-сон была утверждена Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы, которая включает семь направлений и 100 целей. Второе направление этой стратегии касается совершенствования деятельности органов прокуратуры, а 17-я цель направлена на создание крепкой правовой основы для деятельности прокуратуры, обеспечивающей строгую законность, открытость и справедливость, а также на превращение принципа «Закон – превыше всего, наказание – неизбежно» в основной критерий.

Исходя из этих задач, проанализируем важные аспекты применения искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры, включая процесс проведения прокурорских проверок исполнения законов.

Мы полагаем, что преимущества применения искусственного интеллекта в процессе прокурорского надзора за исполнением законов проявляются в следующем:

1) с помощью искусственного интеллекта прокуроры могут автоматически собирать, упорядочивать и анализировать необходимую информацию, что повышает эффективность проверок;

2) использование искусственного интеллекта при формировании плана проверки является целесообразным. При введении причин для проведения проверки система должна автоматически формировать план-опросник;

3) на основе ранее совершенных правонарушений и результатов проведенных проверок можно разделить объекты проверок на «зеленые», «желтые» и «красные». Это позволяет выявить объекты, наиболее склонные к проверкам;

4) если прокурорская проверка проводится по какому-либо законодательному акту, искусственный интеллект может автоматически сформировать все

законодательные документы, относящиеся к этому акту, а также выявить противоречия между документами.

Кроме того, мы хотели бы предложить рекомендации, направленные на повышение эффективности применения информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов прокуратуры. В настоящее время прокурорские проверки исполнения законов регистрируются через электронную систему «Прокурорский контроль». Однако в данной системе нет раздела для загрузки документа, который является основанием для проведения проверки. Поскольку этот документ – важнейший элемент начала проверки, он должен быть отдельно загружен в систему.

Также уместно привести мнение ряда теоретиков и ученых относительно применения искусственного интеллекта. Как правильно отметил доктор юридических наук, профессор М. М. Мамасидиков, «искусственный интеллект, включая “ChatGPT”, может быть вспомогательным инструментом для исследователя, однако основную работу должен выполнять сам человек» [11].

Кроме того, профессор Гейдельбергского университета (Германия) Барсо Жи Ю в своей статье «Природа разума» анализирует интеллект как совокупность когнитивных функций, которые позволяют людям и животным понимать, моделировать и прогнозировать явления в окружающем мире [12].

Искусственный интеллект, в свою очередь, представляет собой попытку воспроизвести эти процессы с помощью компьютерных алгоритмов и машинного обучения. Как определяет редактор сайта “*Techtarget Enterprise AI*” Л. Крейг, «искусственный интеллект – это способность системы воспринимать внешние данные, учиться на этих данных и выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта» [13].

Аналитик М. Дас в своей статье «Искусственный интеллект никогда не станет настоящим разумом" отмечает, что "искусственный интеллект все еще склонен к ошибкам, и в некоторых случаях его алгоритмы могут принимать неверные решения, которые могут нанести ущерб. Это особенно важно в таких областях, как медицина, безопасность и судебная практика, где принятие решений требует высокой степени ответственности и осознания» [14].

В связи с этим считаем необходимым привести примеры передового зарубежного опыта применения искусственного интеллекта в реализации законов, а также в контроле и проверке этого процесса.

В “*AI-powered Auditing Systems* (Системы аудита на основе ИИ)” (США) используется искусственный интеллект для быстрого анализа финансовых документов, решений и транзакций, что позволяет эффективно анализировать государственные расходы и исполнение законов.

В “*AI in Compliance Audits*” (Германия) искусственный интеллект используется для проверки соблюдения законов компаниями и государственными органами. В частности, эта технология применяется для мониторинга государственных расходов и исполнения законов, а также для оперативного и точного анализа их выполнения.

Программа “*AI-based Audit Programs*” (Великобритания) помогает выявлять неопределенности в бюджете, изменения в бюджете и неправильное

расходование финансовых ресурсов, а также нарушение бюджетного законодательства.

“AI-powered Governance Audits” (Сингапур). В Сингапуре государственные организации оптимизируют процессы крупных финансовых аудитов и контроля за исполнением законов с помощью искусственного интеллекта. *Singapur Audit Office* (Сингапурское аудиторское управление) использует ИИ для мониторинга государственного бюджета, финансовых отчетов и налогоплательщиков. *Smart Regulatory Compliance*: в Сингапуре также существует потенциал для использования искусственного интеллекта в проверке исполнения законов. С помощью этой технологии аудиты и надзоры, проводимые государством, выполняются быстрее и эффективнее.

В Южной Корее искусственный интеллект используется для повышения эффективности административного контроля со стороны правительства (*AI for Administrative Oversight*). Например, ИИ помогает анализировать выполнение решений правительства и правильность расходования государственных средств. Программы на основе ИИ также используются для мониторинга соблюдения законов компаниями и применяются государственными органами *(AI in Regulatory Compliance)*. Эти технологии помогают постоянно следить за исполнением законов всеми государственными органами.

Кроме того, в юридической литературе можно найти детальные определения прокурорского надзора. Например, по мнению профессора Б. Х. Полатова, прокурорский надзор – это особая самостоятельная форма деятельности государства, осуществляемая от имени государства, и является основным, ведущим функционалом прокуратуры. Прокурор осуществляет надзор от имени государства. Прокурорский надзор остается важным механизмом для быстрого выявления и устранения нарушений прав и законных интересов граждан [15].

Анализируя вышеприведенные научно-теоретические подходы к понятиям «прокурорский надзор» и «проверка исполнения законов прокуратурой», можно сделать следующие выводы: прокурорский надзор является более широким понятием, чем проверка исполнения законов прокуратурой. Это связано с тем, что прокурорский надзор осуществляется не только через проверку, но и другими средствами (например, координация деятельности следственных органов, отправка запросов в различные органы для получения информации по делу и т. д.).

Для обоснования этой мысли можно привести опыт некоторых зарубежных стран. Например, в Конституционном Законе Республики Казахстан от 5 ноября 2022 г. № 155 «О прокуратуре», в ч. 1 ст. 17 указаны формы и пределы прокурорского надзора. Согласно этому закону, прокурорский надзор осуществляется через проверку исполнения законов прокуратурой, анализ состояния законности, оценку вступивших в силу документов. Из этого положения видно, что проверка исполнения законов прокуратурой является лишь одной из форм прокурорского надзора. Иными словами, проверка исполнения законов прокуратурой – это мера, направленная на осуществление прокурорского надзора и признанная его формой.

Следует отметить, что проверка исполнения законов прокуратурой является важной и неотъемлемой частью прокурорского надзора, и без четкого понимания сути этого понятия и целей, стоящих перед ним, невозможно достичь полной эффективности в проведении таких проверок.

Заключение.

1. Прокурорский надзор является более широким понятием, чем проверка исполнения законов прокуратурой, и он осуществляется не только через проверку, но и другими средствами.

2. Внедрение технологий искусственного интеллекта в процесс проведения проверок исполнения законов положительно скажется на ускорении и повышении качества проверок, оперативном реагировании на случаи нарушений закона и быстром формировании соответствующих документов. Однако также необходимо учитывать, что субъекты, проводящие проверку, должны тщательно проверять точность и достоверность данных, полученных с помощью искусственного интеллекта. Ведь вся ответственность за возможные ошибки и серьезные недостатки в процессе проверки остается на людях.

Список цитированных источников

1. Мирзиёев, Ш. М. Из речи на встрече с работниками прокуратуры / Ш. М. Мирзиёев. – URL: https://president.uz/ru/lists/view/178 (дата обращения: 24.07.2024).

2. Из обращения Генерального прокурора Республики Узбекистан Нигматиллы Тулкиновича Тулкиновича к населению нашей страны от 16.01.2024. – URL: https://prokuratura.uz/#/newsviewid=8986 (дата обращения: 14.06.2024).

3. Пулатов, Б. Х. Организация прокурорского надзора за исполнением законов и сборник типовых документов прокурорского надзора : практ.-метод. пособие / Б. Х. Пулатов. – Ташкент, 2013. – С. 14.

4. Мадалиев, О. М. Прокурорский надзор : учебник, специальная часть / О. М. Мадалиев. – Ташкент : ИЛМ ЗИЁ, 2012. – 44 с.

5. Пулатов, Б. Х. Организация прокурорского надзора за исполнением законов и сборник типовых документов прокурорского надзора : практ.-метод. пособие / Б. Х. Пулатов. – Ташкент, 2013. – С. 15. – URL: https://proacademy.uz/postfiles/books/u-/tp/index.html (дата обращения: 14.07.2024).

6. Мадалиев, О. М. Прокурорский надзор : учебник, особенная часть / О. М. Мадалиев. – Ташкент : ИЛМ ЗИЁ. – 2012. – С. 19. – URL: https://elibrary.namdu.uz (дата обращения: 20.04.2024).

7. Комилов, А. Б. Актуальные вопросы правового регулирования прокурорской проверки исполнения законов / А. Б. Комилов // Central Asian academic journal of scientific research. – 2021. – № 1. – С. 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/onunlar-izhrosi-yuzasidan-prokuror-tekshiruvini-onun-uzhzhatlarida-tartibga-solishning-dolzarb-masalalari (дата обращения: 17.08.2024).

8. Белоусова, Д. С. Дальнейшая процессуализация прокурорской проверки: блажь или необходимость? / Д. С. Белоусова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – М., 2021. – № 5 (85) – С. 49–55. – URL: https://www.agprf.org/userfiles/ufiles/ob%20akademii/vestnik/2021/Вестник_5_2021_end.pdf (дата обращения: 15.04.2022).

9. Ергашев, Е. Р. К вопросу об основных требованиях, предъявляемых к организации и проведению прокурорской проверки / Е. Р. Ергашев, А. А. Фирсова // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 180–184.

10. Прокурорский надзор: учеб. для вузов / под общ. ред. О. С. Капинус, науч. ред. А. Ю. Винокуров. – М. : Юрайт, 2014. – С. 175; Прокурорский надзор : учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.] ; под общ. ред. О. С. Капинус ; науч. ред. А. Ю. Винокуров. – М. : Юрайт, 2013. – 639 с.

11. Мамасиддиков, М. М. Возможности искусственного интеллекта в научной деятельности: интерактивная юридическая газета «Ҳуқуқ» Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан No 2 / М. М. Мамасиддиков. – 9 янв. 2025 г. – С. 9.

12. The Nature of Intelligence, Barco Jie You. – URL: https://arxiv.org/abs/2307.11114 (date of access: 16.03.2025).

13. What is AI? Artificial Intelligence explained. – URL: https://www.techtarget.com/searchenterpriseai/definition/AI-Artificial-Intelligence (date of access: 16.03.2025).

14. Artificial intelligence can never be truly intelligent. – URL: https://towardsdatascience.com/artificial-intelligence-can-never-be-truly-intelligent-227fe9149b65 (date of access: 16.03.2025).

15. Пулатов, Б. Х. Конституционный статус прокуратуры Республики Узбекистан: Бюл. Высш. учебн. курсов Генер. прокуратуры Респ. Узбекистан. – № 4 (32). / Б. Х. Пулатов. – 2017. – С. 27–28.

Рецензент: Зайцева Л. Л.,
заведующий кафедрой прокурорской деятельности
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 14.03.2025.

ISSUES OF IMPROVING PROSECUTORIAL SUPERVISION OF IMPLEMENTING LAWS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Dzhumaev Shohjahon Begimkul ugli

Abstract. This article discusses prosecutorial checks of law enforcement, their features, as well as the subject of prosecutorial checks and legal relations associated with it. The article contains a scientific discussion with many opinions of legal scholars, and also develops the author's definitions of some concepts. The importance of prosecutorial checks of law enforcement is analyzed in the context of the tasks established in the "Development Strategy" of the Republic of Uzbekistan, and recommendations are proposed. The concept and content of artificial intelligence, its advantages and features of application in prosecutorial checks are highlighted. A comparative legal analysis is carried out with the experience of a number of foreign countries, including the USA, Great Britain, Singapore, Germany, South Korea. Taking into account the scientific and doctrinal views of theorists, the author's position is substantiated. Recently adopted regulatory legal acts of the Republic of Uzbekistan related to the introduction of artificial intelligence are studied.

Keywords: control over the implementation of laws, prosecutorial verification of the implementation of laws, prosecutorial supervision, the rule of law, responsibility, legality analysis, artificial intelligence, strategy.

УДК 343.13

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ», «СОГЛАСИЕ» И «СОГЛАСОВАНИЕ» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

Зайцева Людмила Львовна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой прокурорской деятельности
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»
ippk.kpd@gmail.com

Аннотация. Одной из современных тенденций развития уголовно-процессуального законодательства выступает усиление диспозитивного метода правового регулирования, основанного на волеизъявлении участников уголовного процесса и появление в нем согласительных процедур. Эти процедуры предусматривают максимальный учет мнения определенных субъектов при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. К таким субъектам относятся подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и свидетель, чье согласие (отсутствие возражений) является необходимым условием для проведения отдельных следственных действий и принятия ряда процессуальных решений. Однако понятие «согласие» следует отграничивать от «согласования», хотя в законе эти две категории нередко отождествляются и употребляются как синонимы. Согласование основано на принципе публичности, субординации между государственными органами и должностными лицами, ведущими уголовный процесс. Оно выражается в утверждении, санкционировании определенных действий или решений, которые принимаются подчиненным либо нижестоящим по статусу субъектом соответствующих правоотношений.

Ключевые слова. Уголовный процесс, участники уголовного процесса, диспозитивность, волеизъявление, согласительные процедуры, согласование процессуальных действий и решений.

Введение. Появление в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) ряда следственных действий и производств, где многие процессуальные решения зависят от волеизъявления их участников, изменило соотношение публичности и диспозитивности в уголовно-процессуальной деятельности и привело к развитию так называемых согласительных процедур. В основе этих процедур лежит согласие (отсутствие возражений) субъекта уголовно-процессуальной деятельности, в котором выражается его отношение к предложению правоприменителя. В зависимости от роли и значимости данного субъекта во взаимоотношениях с правоприменителем, от пределов влияния на принимаемое решение позиции соответствующего лица его согласие может быть единственным условием законности производства следственного действия или принятия процессуального решения либо выступать в качестве одного из предусмотренных в законе условий.

Термины «воля» и «волеизъявление» отражают один из актуальных аспектов современного уголовного судопроизводства, который ориентируется

на максимальный учет мнения и интересов личности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Эти термины применительно к участникам уголовного процесса достаточно широко распространены в научной литературе, используются в судебной практике и встречаются в законодательстве. Ранее данные категории исследовались лишь в общей теории права и при изучении сделок как гражданско-правового института. Что касается уголовного судопроизводства, то проблемы волеизъявления его участников освещались в основном в работах, посвященных процессуальному статусу подозреваемого и обвиняемого, обеспечению их прав и законных интересов.

Основная часть. Следует отметить, что от волеизъявления подозреваемого и обвиняемого сегодня зависит как проведение отдельных следственных действий, так и порядок осуществления правосудия по уголовным делам. Они имеют не только субъективные права, позволяющие им при производстве по уголовному делу защищать свои законные интересы, но и возможности влиять на выбор формы уголовного судопроизводства, его ход и результаты. В связи с этим некоторые авторы предлагают признать «волеизъявление» обвиняемого (подозреваемого) «самостоятельной уголовно-процессуальной категорией» [1, с. 12].

Между тем современное законодательство, основанное на принципе состязательности и равенства сторон, ориентируется на максимальный учет при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности не только мнения подозреваемого, обвиняемого, но и позиции потерпевшего. Особенно эта тенденция проявляется при введении упрощенных процедур, условием которых выступает согласие (отсутствие возражений) как подозреваемого, обвиняемого, так и потерпевшего, в частности, при проведении судебного следствия в сокращенном порядке (ст. 326 УПК), постановлении обвинительного приговора без судебного разбирательства (ч. 3 ст. 454 УПК). А для производства некоторых следственных действий требуется согласие не только потерпевшего, но и свидетеля. Например, для дачи показаний против самого себя, членов своей семьи и близких родственников (ч. 2 ст. 220 УПК). Это позволяет утверждать, что термин «волеизъявление» следует применять к любым участникам уголовного процесса, чье мнение учитывается законодателем при проведении следственных действий и принятии процессуальных решений.

Как известно, деятельность участников уголовного процесса по своей значимости и направленности носит двойственный характер. С одной стороны, это деятельность, посредством которой данный участник выполняет возложенные на него процессуальные обязанности, с другой – это активная, самостоятельная и инициативная деятельность, посредством которой это лицо реализует предоставленные ему права с целью защиты и отстаивания своих законных интересов. Если возложение обязанностей лишает участника процесса свободы выбора, возможности действовать в соответствии с собственной волей, то реализация прав зависит от усмотрения самого лица, осуществляется под воздействием его отношения к уголовно-процессуальной деятельности и заинтересованности в ее результатах. Именно реализация прав участника судопроизводства, будучи сопряженной с его волеизъявлением, является наиболее значимой составляющей статуса любого субъекта уголовно-процессуальной деятельности, защищающего

в ней свои личные права и интересы. Таким образом, волеизъявление является выражением собственного отношения подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего (а в некоторых случаях – и свидетеля) к принимаемым процессуальным решениям и осуществляемой с их участием уголовно-процессуальной деятельности в целях защиты своих прав и законных интересов.

Волеизъявление как инструмент общения участников правового конфликта в его первозданном виде возникло одновременно с появлением процедуры уголовного судопроизводства, поскольку стороны любого спора выражали свое отношение к содеянному и жалобе, которая становилась предметом разбирательства. В истории отечественного уголовного процесса выделяют несколько этапов формирования категории волеизъявления:

1) частно-исковой процесс (до XV в.), основанный на принципе диспозитивности. В нем главенствовало желание потерпевшего, требования которого выступали в качестве основания осуществления всей процессуальной деятельности. Мнение обвиняемого могло выражаться лишь в виде его отношения к предъявленному обвинению. Например, признание вины имело решающее значение в качестве «царицы доказательств»;

2) публично-исковой процесс (XV–XX вв.), где воля частных лиц (потерпевшего и обвиняемого) практически не учитывалась. Исключением являлось производство по делам частного обвинения и применение отдельных процессуальных институтов. Например, заявление гражданского иска или приглашение конкретного защитника;

3) современный (постсоветский) уголовный процесс, обусловленный развитием демократических начал. Лица, вовлекаемые в производство по уголовному делу, признаются его субъектами и наделяются широкими правами, позволяющими отстаивать их законные интересы. Причем мнение участников, заинтересованных в исходе дела, не просто учитывается, а оказывает существенное влияние на ход и результаты уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 20–21].

Формированию категории «волеизъявление» предшествовало наделение участников уголовного процесса дополнительными правами, происходило постепенное расширение и укрепление их правового статуса. Лица, вовлеченные в уголовный процесс, получили возможность воздействовать на порядок его осуществления, что постепенно меняло характер самого судопроизводства, делало его более восприимчивым к интересам личности. Одновременно с этим менялось соотношение полномочий органов, ведущих уголовный процесс, и прав его участников.

В результате уголовный процесс стал в определенной мере зависимым от процессуального поведения ряда субъектов – подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. Если ранее они участвовали в нем с целью формального исполнения предусмотренных законом обязанностей и соблюдения принадлежащих им прав, то сегодня стали действующими лицами, чье волеизъявление вызывает соответствующую правовую реакцию и учитывается при производстве по конкретному уголовному делу. Таким образом, категория «волеизъявление участников уголовного процесса» объективно существует как базовое правовое явление,

отражая новые закономерности и отношения, возникающие в уголовно-процессуальной деятельности.

По вопросу о видах согласительных процедур и их количестве мнения специалистов существенно различаются, в результате в науке выделяются от двух до семи согласительных процедур [2, с. 11; 3, с. 6; 4, с. 26]. Отдельные авторы относят к согласительным любые процедуры, предполагающие получение разрешения (утверждения) на принятие процессуальных решений и производство процессуальных действий [5, с. 7].

Последняя точка зрения демонстрирует слишком широкий подход к определению согласительных процедур. Полагаем, что в ее основе лежит законодательное закрепление понятия «согласие» в п. 41.1 ст. 5 УПК РФ. В соответствии с указанной нормой «согласие» – разрешение руководителя следственного органа на производство следователем или разрешение прокурора, начальника органа дознания на производство дознавателем соответствующих следственных и иных процессуальных действий и на принятие ими процессуальных решений. В УПК Республики Беларусь такое разъяснение отсутствует.

Данное определение понятия «согласие», по мнению ряда российских авторов, является далеко не безупречным. Оно не охватывает собой все существующие в уголовном судопроизводстве виды согласия, что приводит к неправомерному сужению объема этого термина, отождествлению его с понятием «согласование». В связи с изложенным в некоторых публикациях содержится критическая оценка разъяснения, содержащегося в п. 41.1 ст. 5 УПК РФ, и считается ошибочным отнесение предусмотренных уголовно-процессуальным законом случаев согласования к согласительным процедурам [6, с. 90–91].

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством под процедурой согласования понимается получение согласия, т. е. одобрения ответственного лица по поводу содержания определенного документа и принимаемого на его основе решения. Указанная процедура обусловлена принципом субординации и является обязательной в силу требований закона, поэтому не зависящей от воли подотчетного лица. Фактически согласование процессуальных решений означает, что лица, мнение которых должно быть учтено, ознакомились с соответствующим документом и согласились с его положениями.

Согласующие подписи, поставленные компетентными должностными лицами, позволяют свести к минимуму принятие необоснованных, неверных, а также неграмотных решений, обеспечивают обязательность исполнения требований УПК и других нормативных актов, предусмотренных для соответствующих процессуальных решений, позволяют существенно повысить их качество. Соответственно, целью согласования является предварительная проверка и оценка уполномоченным должностным лицом законности, обоснованности и мотивированности решений подчиненных должностных лиц, целесообразности и своевременности сделанного на их основе выбора процессуального действия, а процедура согласования – это подтверждение его необходимости.

Таким образом, в определенных УПК случаях решения должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, приобретают юридическую силу лишь после их согласования (утверждения, санкционирования) прокурором,

начальником следственного подразделения, начальником органа дознания, при отсутствии которого осуществленные на основании этих решений процессуальные действия становятся незаконными. Безусловно, согласование следователем, лицом, производящим дознание, с непосредственными начальниками и прокурором своих процессуальных решений и основанных на этих решениях процессуальных действий предполагает согласие последних с принимаемыми подчиненными лицами решениями. Тем не менее это не означает, что получение согласия вышестоящего должностного лица с принятым подчиненным лицом решением позволяет относить его к согласительным процедурам. В связи с изложенным в научной литературе предлагается именовать указанные действия процедурой согласования или «согласительной процедурой» [4, с. 45].

Необходимо отметить, что в основе процедуры согласования лежит не договор (соглашение) между участниками, что характерно для согласительных процедур, а необходимость реализации полномочий должностного лица в рамках прокурорского надзора и ведомственного контроля за деятельностью следователя и лица, производящего дознание. В данном случае понятие «согласование» не означает наличие «соглашения». Кроме того, основным моментом согласительных процедур, опосредованных договором (соглашением), является автономия воли его участников. Другими словами, они вправе свободно делать выбор – вступать им в договорные отношения или не вступать. Однако следователь и лицо, производящее дознание, правом выбора согласовывать или не согласовывать свое решение с вышестоящим должностным лицом не обладают. Это значит, что договорной момент в таких отношениях полностью отсутствует.

С учетом вышеизложенного, нельзя поддержать утверждение отдельных авторов о том, что органы, ведущие уголовный процесс, при принятии решения об осуществлении согласительных процедур имеют возможность выбора и реализуют свою «процессуальную свободу» [7, с. 290]. Думается, что в данном случае выбор следователем, прокурором, судом варианта решения не зависит от его волеизъявления, а жестко ограничен предписаниями закона. Более того, допущение возможности проявления свободы усмотрения там, где установлены критерии законности принимаемого решения, неизбежно открывает путь произволу [8, с. 21].

Для правоприменителя требование законности исключает возможность произвольного усмотрения при разрешении поступивших от участников уголовного процесса обращений, ограничения или лишения их права заявлять ходатайства и подавать жалобы. Принцип законности в этом аспекте обязывает правоприменителя действовать в интересах конкретного лица, устанавливая для властных субъектов уголовного процесса требования скрупулезно следовать процессуальной форме, точно применять нормы уголовно-процессуального закона, действовать исключительно в соответствии с предоставленными процессуальными полномочиями.

Необходимо отметить, что при производстве по уголовному делу процедура согласования предусмотрена не только между органами уголовного преследования. В частности, к особенностям производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, регламентируемым гл. 49 УПК,

относится получение согласия в соответствующих случаях таких государственных органов, которые не являются субъектами уголовного процесса. Например, Президента Республики Беларусь, палаты Национального собрания Республики Беларусь, должностного лица, назначившего судью (государственного органа, избравшего его), должностного лица (органа), утвердившего списки народных заседателей (п.п. 1, 2, 5, 6 ст. 468^2 УПК). А нормами гл. 50 УПК предусмотрено получение согласия иностранного государства (п. 14 ч. 1 ст. 484 УПК). Очевидно, что во всех перечисленных случаях под получением согласия следует понимать согласование соответствующих решений.

Таким образом, термин «согласие», возможно, вообще не нуждается в разъяснении [9, с. 66], поскольку его смысловое значение очевидно и вытекает из самой структуры слова, основу которой составляет корень «соглас», означающий присоединение к голосу или мнению. В общеупотребительном смысле слово «согласие» означает принятие чего-либо, и родственными ему являются слова «соглашение» и «согласование». Использование в определении понятия «согласие» термина «одобрение» [5, с. 8] представляется не вполне корректным и вряд ли соответствует официальной юридической лексике.

Заключение. Учитывая вышеизложенное, в юридической литературе предлагается вместо понятия «согласие» дать в УПК разъяснение термина «согласование» следующего содержания: «Согласование – получение в определенных настоящим Кодексом случаях согласия компетентного органа или должностного лица на принятие процессуальных решений и на производство следственных и иных процессуальных действий» [6, с. 93]. Подобное определение позволит разграничить согласовательные и согласительные процедуры и исключить их отождествление.

Критериями разграничения указанных процедур являются круг их субъектов (сторон), правовая основа, предмет и последствия:

а) процедура согласования возможна исключительно между компетентными государственными органами и должностными лицами, обладающими властными полномочиями. В согласительных процедурах одной из сторон всегда является участник уголовного процесса, защищающий свои права и интересы (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший), а другой стороной – орган, ведущий уголовный процесс;

б) процедура согласования основана на предписаниях закона, отношениях субординации между участниками и ее результат зависит от обстоятельств дела. Для осуществления согласительных процедур определяющее значение имеет личное волеизъявление одной из сторон – соответствующего участника (либо нескольких участников) уголовного процесса, заинтересованного в исходе дела;

в) предметом процедуры согласования являются процессуальные действия или решения одного субъекта, требующие согласия, утверждения или санкционирования другого субъекта. Предметом согласительных процедур выступает возможность изменения обычного порядка производства по уголовному делу (упрощения или усложнения), т. е. дифференциации уголовно-процессуальной формы;

г) последствиями процедуры согласования выступает реализация принятых решений и производство соответствующих следственных действий. Последствиями согласительных процедур, как правило, являются взаимные уступки сторон. Ими могут быть активные действия одной стороны (подозреваемого, обвиняемого), направленные на выполнение предусмотренных законом условий (возмещение вреда, причиненного преступлением, исполнение взятых на себя обязательств). Указанные действия влекут принятие другой стороной (органом, ведущим уголовный процесс) соответствующих решений (прекращение производства по делу с освобождением от уголовной ответственности, смягчение наказания) [10, с. 173–174].

Список цитированных источников

1. Артамонова, Е. А. Волеизъявление обвиняемого в системе правовых категорий и основных начал уголовного судопроизводства : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Артамонова Елена Александровна ; Сарат. гос. юрид. акад. (СГЮА). – Саратов, 2019. – 51 с.

2. Саркисян, Т. Б. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Саркисян Тигран Борисович ; Краснодар. ун-т МВД России. – Краснодар, 2012. – 25 с.

3. Кувалдина, Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Кувалдина Юлия Владимировна; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2011. – 20 с.

4. Абшилава, Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Абшилава Георгий Валерьянович ; Моск. акад. экономики и права. – М., 2012. – 55 с.

5. Мильтова, Е. В. Согласительные процедуры в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Мильтова Екатерина Владимировна ; Тюмен. юрид. ин-т МВД России. – Тюмень, 2011. – 21 с.

6. Мишин, В. В. Содержание и отличительные признаки согласительных процедур в российском уголовном судопроизводстве / В. В. Мишин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 3(49). – С. 88–96.

7. Лугинец, Э. Ф. Идея «процессуальной свободы» в контексте концепции дифференциации уголовного судопроизводства (на примере некоторых упрощенных судебных производств) / Э. Ф. Лугинец // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 1(29). – С. 288–292.

8. Корнакова, С. В. Судейское усмотрение в уголовном судопроизводстве / С. В. Корнакова, В. А. Щербаков // Российский судья. – 2018. – № 10. – С. 18–22.

9. Марцифин, П. Г. Некоторые несогласия с понятием «согласие» в уголовном судопроизводстве / П. Г. Марцифин // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 3 (32). – С. 65–68.

10. Зайцева, Л. Л. Понятие и виды согласительных процедур в уголовном процессе / Л. Л. Зайцева // Переговоры и посредничество по уголовным делам : учеб. пособие / Л. Л. Зайцева [и др.] ; под ред Л. Л. Зайцевой. – Минск : БГУ, 2022. – Гл. 3 (раз. 3.1). – С. 162–178.

Рецензент: Самарин В. И.,
доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 25.04.2025.

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF “EXPRESSION OF WILL”, “CONSENT” AND “AGREEMENT” IN CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Ludmila L. Zaytseva

Abstract. One of the modern trends in the development of criminal procedure legislation is the strengthening of the dispositive method of legal regulation based on the expression of will of the participants in the criminal process and the emergence of conciliation procedures in it. These procedures provide for maximum consideration of the opinion of certain subjects in the implementation of criminal procedure activities. Such subjects include the suspect, the accused, the victim and the witness, whose consent (absence of objections) is a necessary condition for conducting individual investigative actions and making a number of procedural decisions. However, the concept of "consent" should be distinguished from "coordination", although in the law these two categories are often identified and used as synonyms. Coordination is based on the principle of publicity, subordination between state bodies and officials conducting criminal proceedings. It is expressed in the approval, sanctioning of certain actions or decisions that are taken by a subordinate or lower-status subject of the relevant legal relations.

Keywords: criminal procedure, participants in criminal procedure, discretion, expression of will, conciliation procedures, coordination of procedural actions and decisions.

УДК 343.138: 347.973

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ В СВЯЗИ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ РОДНЫМ ЯЗЫКОМ

Макаревич Михаил Викторович,
судья Минского городского суда
conclaw@mail.ru

Зайцева Людмила Львовна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой прокурорской деятельности
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»
ippk.kpd@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с правом обвиняемого на участие в уголовном судопроизводстве на родном ему языке и обязанностью органа, ведущего уголовный процесс, обеспечить соблюдение данного права. Отмечается закрепление такого права обвиняемого в международных стандартах и национальном законодательстве. Обсуждаются критерии определения степени достаточности владения языком судопроизводства. Авторами делается вывод о необходимости наделения судьи полномочиями по возвращению

уголовного дела прокурору в связи с нарушением данного права обвиняемого и внесения дополнений в действующее законодательство Республики Беларусь.

Ключевые слова. Уголовный процесс, владение языком судопроизводства, право обвиняемого на защиту, право пользоваться родным языком, возвращение уголовного дела прокурору.

Введение. Право обвиняемого на защиту предусмотрено ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) и может осуществляться им всеми законными средствами и способами как лично, так и с помощью защитника. Органы, ведущие уголовный процесс, обязаны обеспечить обвиняемому право на защиту, а также охрану его личных и имущественных прав. Одним из них является право обвиняемого на участие в производстве по уголовному делу на языке, которым он владеет.

В настоящее время с учетом географического положения Республики Беларусь, ее широкого взаимодействия с другими странами в торговле и социально-культурной сфере, развития миграционных процессов в правоприменительной практике нашего государства нередки случаи, когда обвиняемыми являются иностранные граждане или лица без гражданства, которые не понимают язык, на котором ведется уголовный процесс, владеют лишь письменной лексикой либо только разговорной речью.

Право граждан пользоваться родным (национальным) языком получило закрепление в ст. 50 Конституции Республики Беларусь и ст. 3 Закона Республики Беларусь от 26 февраля 1990 г. № 3094-XI «О языках в Республике Беларусь». Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 21 УПК орган, ведущий уголовный процесс, должен обеспечить права обвиняемого устно или письменно делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, подавать жалобы, знакомиться с уголовным делом, выступать в суде на родном языке или языке, которым он владеет, а также пользоваться услугами переводчика и получать копии документов в переводе на понятный ему язык.

Данные положения соответствуют требованиям ч. 3 ст. 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах, ч. 2 ст. 5 и ч. 3 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод о том, что общение с обвиняемым, не владеющим языком производства по уголовному делу, должно вестись на понятном ему языке. Для этого органом, ведущим уголовный процесс, необходимо обеспечить участие переводчика.

Основная часть. Как известно, ст. 18 УПК обязывает орган уголовного преследования и суд обеспечить обвиняемому необходимые условия для реализации своих прав. Однако обязанность судьи по поступившему в суд уголовному делу проверить соблюдение органом уголовного преследования требований закона по обеспечению права обвиняемого на защиту прямо не указана в ст. 276 и 277 УПК.

Полагаем, что такая обязанность обусловлена предписаниями, содержащимися в ч. 1 ст. 280^1 УПК. В частности, п. 2 указанной статьи наделяет судью полномочиями по возврату уголовного дела прокурору в случае, если обвиняемый при предъявлении ему обвинения не был обеспечен защитником. Вместе с тем,

представляется, что указанный в ч. 1 ст. 280[1] УПК исчерпывающий перечень оснований для возвращения уголовного дела прокурору не предусматривает иных существенных нарушений права обвиняемого на защиту, при наличии которых назначение судебного разбирательства по уголовному делу является невозможным.

В связи с этим в науке и практике обсуждается вопрос о необходимости детализации в УПК оснований возвращения судом уголовного дела прокурору в связи с необеспечением органом уголовного преследования права обвиняемого на защиту в ходе досудебного производства. Так, в п. 1 ст. 237 УПК Российской Федерации приведено лишь общее основание возвращения судом уголовного дела прокурору, связанное с нарушением права обвиняемого на защиту, – составление обвинительного заключения или обвинительного акта с нарушением требований УПК. При этом в литературе отмечается ошибочность данного подхода и аргументируется необходимость указания в УПК различных возможных нарушений права обвиняемого на защиту [1, с. 198].

Необходимо отметить, что, не смотря на наличие в УПК РФ лишь общей формулировки, виды оснований возвращения судом уголовного дела прокурору в связи с нарушением права обвиняемого на защиту (в том числе в случае когда, обвиняемому, не владеющему или недостаточно владеющему языком судопроизводства, в нарушение требований ч. 2 и ч. 3 ст. 18 УПК РФ не обеспечено право пользоваться помощью переводчика) приведены в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору».

Представляется, что более правильным является подход, использованный в УПК Республики Беларусь, связанный с указанием в законе различных видов нарушений права обвиняемого на защиту, допущенных в досудебном производстве и являющихся основаниями для возвращения уголовного дела прокурору. Это позволяет избежать необоснованно широкой трактовки соответствующих правовых норм и принятия судьями решений о возвращении дела прокурору по надуманным основаниям. Вместе с тем при подобном подходе уголовно-процессуальный закон должен содержать указание о всех возможных видах нарушений права обвиняемого на защиту, что в настоящее время еще не достигнуто.

Так, вопреки принципу обеспечения права обвиняемого на участие в уголовном процессе на родном ему языке УПК не наделяет судью полномочиями по возвращению уголовного дела прокурору в случае нарушения данного принципа в досудебном производстве. Однако судья при изучении уголовного дела, поступившего в суд, имеет возможность по ходатайству стороны защиты или по собственной инициативе установить наличие препятствия для назначения судебного разбирательства, которое связано с необеспечением органом уголовного преследования права обвиняемого на участие в уголовном процессе на родном ему языке.

В практике районных судов г. Минска имеют место случаи возвращения судьями уголовных дел прокурору при реализации своих полномочий

по поступившему в суд уголовному делу именно по этому основанию. Так, согласно ч. 2 ст. 21 УПК препятствием для участия обвиняемого в уголовном процессе на родном ему языке является отсутствие переводчика в случае не владения или недостаточного владения обвиняемым языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

Судом Партизанского района г. Минска 12 июля 2022 г. было возвращено прокурору уголовное дело по обвинению И. по ч. 2 ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) по следующим основаниям. Досудебное производство велось на русском языке. В предварительном судебном заседании было установлено недостаточное владение И. русским языком для участия в качестве обвиняемого в уголовном процессе без переводчика. Однако в ходе досудебного производства в нарушение требований ч. 2 и ч. 3 ст. 21, ч. 2 ст. 266 УПК И., недостаточно владеющему русским языком, процессуальные документы с переводом на его родной туркменский язык не вручались, обвиняемый не был обеспечен переводчиком [2].

По аналогичным основаниям прокурору были возвращены уголовные дела: судом Московского района г. Минска 8 декабря 2022 г. по обвинению Г. по ч. 3 ст. 209 УК [3], судом Ленинского района г. Минска 24 июня 2022 г. по обвинению Ш. по ч. 1 ст. 380 УК [4].

Анализ данных уголовных дел показывает, что при их изучении после поступления в суд было выявлено большое количество различного рода ошибок в записях обвиняемых, выполненных в процессуальных документах. В связи с этим у судей имелись обоснованные сомнения в достаточности владения обвиняемыми, которые являлись иностранными гражданами, русским языком. В таких случаях судьями принимались решения о назначении предварительного судебного заседания, где при личном общении с обвиняемыми подтверждался недостаточный уровень владения ими языком судопроизводства. Поэтому были приняты решения о возвращении уголовных дел прокурору в связи с нарушением права обвиняемых на защиту. При этом в каждом из указанных случаев прокурорами были принесены частные протесты на судебные постановления в связи с отсутствием в УПК такого основания для возвращения судом уголовных дел прокурору.

Суд апелляционной инстанции эти протесты оставил без удовлетворения, а судебные постановления – без изменения, мотивируя свои выводы следующим. Русский язык не является государственным языком стран, гражданство которых имеют обвиняемые И., Г. и Ш. Не является указанный язык для обвиняемых и родным. То обстоятельство, что обвиняемые изучали русский язык в период получения образования, где преподавание велось на русском языке, не свидетельствует об их знании языка на таком уровне, который обеспечивал бы их защиту в уголовном судопроизводстве. Характер допущенных ошибок, имеющихся в рукописных записях по тексту процессуальных документов, выполненных на русском языке, также указывает на невысокий уровень знаний обвиняемыми И., Г. и Ш. письменной речи. Учитывая изложенное, суды первой инстанции обоснованно признали указанные обстоятельства свидетельствующими о недостаточном уровне владения обвиняемыми И., Г. и Ш. языком, на котором

велось производство по уголовным делам. Это, в свою очередь, вызывало необходимость обеспечения данных обвиняемых переводчиком в уголовном процессе [2, 3, 4].

Таким образом, правоприменительная практика свидетельствует о том, что в настоящее время органы уголовного преследования и судьи нередко по-разному оценивают степень достаточности владения обвиняемым языком, на котором ведется уголовный процесс. При таких обстоятельствах необходима выработка объективных критериев для оценки достаточности владения обвиняемыми языком, на котором ведется производство по уголовному делу, исключающих как субъективные подходы к данному вопросу со стороны должностных лиц органа, ведущего уголовный процесс, так и возможное злоупотребление обвиняемыми соответствующим правом.

В то же время представляется спорным предложение некоторых ученых о том, что степень владения обвиняемым языком судопроизводства должна определяться исключительно с учетом ее оценки самим обвиняемым [5, с. 16]. Как обоснованно указывают другие авторы, такой подход может привести к злоупотреблению обвиняемыми своим правом [6, с. 61]. В связи с этим полагаем, что обязанность установления уровня владения обвиняемым языком судопроизводства должна возлагаться исключительно на должностное лицо органа, ведущего уголовный процесс, и не зависит от субъективного мнения об этом самого обвиняемого. Однако мнение должностного лица по данному вопросу должно безусловно основываться на объективных критериях, которые выработаны отечественной и зарубежной практикой [7, с. 160–161].

В юридической литературе под достаточным владением обвиняемым языком судопроизводства понимается возможность полного понимания им содержания проводимых с его участием следственных действий, своевременного использования им своих прав. Отмечается, что для объективного определения степени владения обвиняемым языком, на котором ведется уголовный процесс, необходимо проводить допросы его родственников, знакомых, коллег, истребовать сведения с места учебы и работы, устанавливать обстоятельства его жизни и воспитания, анализировать его переписку, свободные записи и др. [8, с. 33].

Заключение. Представляется, что изложенные решения судов первой и апелляционной инстанций, а также научные подходы к установлению степени владения обвиняемым языком, на котором ведется уголовный процесс, являются обоснованными и должны использоваться в правоприменительной практике должностными лицами органов уголовного преследования наряду с анализом имеющихся в деле записей обвиняемого, его заявлений о степени владения языком судопроизводства.

Таким образом, с учетом международно-правовых стандартов, тенденций развития национального законодательства, складывающейся правоприменительной практики, мнения научного сообщества предлагается дополнить ч. 1 ст. 280-1 УПК указанием о наделении судьи полномочиями по возвращению уголовного дела прокурору в случае необеспечения органом уголовного преследования участия обвиняемого в производстве по делу на родном языке или языке, которым он владеет. Это позволит судье при реализации своих полномочий

по поступившему в суд уголовному делу обеспечить соблюдение права обвиняемого на защиту и будет способствовать предупреждению подобных нарушений данного права со стороны органов уголовного преследования в ходе досудебного производства.

Список цитированных источников

1. Шадрина, Е. Г. Возвращение уголовного дела прокурору по основанию п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ: вопросы теории и судебной практики / Е. Г. Шадрина // Актуальные вопросы современной науки. – 2009. – № 6-1. – С. 196–207.

2. Архив суда Партизанского района г. Минска за 2022 г. – Уголовное дело № 98У22135.

3. Архив суда Московского района г. Минска за 2022 г. – Уголовное дело № 102У22658.

4. Архив суда Ленинского района г. Минска за 2022 г. – Уголовное дело № 94У22491.

5. Бунова, И. И. Критерии, определяющие степень владения участником процесса языком судопроизводства / И. И. Бунова // Российский судья. – 2010. – № 7. – С. 14–17.

6. Тетерин, О. А. Право обвиняемого на пользование родным языком / О. А. Тетерин, Т. В. Тетерина // Национальная ассоциация ученых (НАУ). – 2019. – № 45. – С. 59–62.

7. Федякин, К. П. Проблемы реализации права на пользование родным языком при производстве по уголовным делам: опыт России и зарубежных стран / К. П. Федякин, Е. С. Алексеева // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2020. – Т. 2. – № 4(97). – С. 157–165.

8. Пимонов, Б. В. Обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на использование помощи переводчика / Б. В. Пимонов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1 (43). – С. 31–38.

Рецензент: Данилевич А. А.,
заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, профессор.

Дата поступления статьи: 25.04.2025.

RETURN OF CRIMINAL CASE TO PROSECUTOR IN CONNECTION WITH VIOLATION OF ACCUSED'S RIGHT TO USE HIS NATIVE LANGUAGE

Mikhail V. Makarevich, Ludmila L. Zaytseva

Annotation. The article examines issues related to the right of the accused to participate in criminal proceedings in his native language and the duty of the body conducting the criminal process to ensure compliance with this right. It is noted that this right of the accused is enshrined in international standards and national legislation. The criteria for determining the degree of sufficiency of proficiency in the language of legal proceedings are discussed. The author concludes that it is necessary to empower the judge to return the criminal case to the prosecutor in connection with the violation of this right of the accused and to make additions to the current legislation of the Republic of Belarus.

Keywords. Criminal procedure, proficiency in the language of legal proceedings, the right of the accused to defense, the right to use native language, return of the criminal case to the prosecutor.

УДК 343.98

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО) ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Пацкевич Александр Петрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики юридического факультета
Белорусского государственного университета
Packevich_Alex@tut.by

Аннотация. Рассматриваются криминалистические средства изучения личности подозреваемого (обвиняемого) в условиях широкого распространения высоких технологий. Актуальность темы обусловлена практической потребностью органов уголовного преследования в использовании глобальной компьютерной сети Интернет, являющейся современным информационным пространством, и может эффективно использоваться правоохранительными органами с целью раскрытия, расследования и профилактики преступлений. Контент-анализ различных сайтов, социальных сетей в сочетании с другими методами расследования позволяет активно использовать виртуальное пространство в поиске различной личной информации о подозреваемых (обвиняемых).

Ключевые слова: следователь, Интернет, расследование, сеть Интернет, личность подозреваемых (обвиняемых).

Введение. Изучение личности обвиняемого осуществляется на всех этапах уголовного судопроизводства и помогает решать аналогичные вопросы, возникающие как на стадии предварительного расследования, так и в судебном разбирательстве.

Личность преступника в криминалистике следует рассматривать в виде совокупности социальных, биологических и психических свойств человека. Важным для раскрытия и расследования преступления является установление как можно большего круга указанных свойств, что дает основание говорить об анатомическом, психологическом, функциональном и других подобных портретах, однако исключительно в рамках единого портрета, характеризующего преступника, в первую очередь неустановленного, максимально полно. Именовать единый портрет «анатомо-психолого-социально-функциональным» неудобно. Следует использовать более лаконичное и вместе с тем точное определение [1, с. 556].

В настоящее время можно говорить о формировании портрета интернет-пользователя, который создается на основе анализа используемого имени пользователя, посещаемых сайтов, времени и продолжительности их посещения и других факторов. Эта информация также активно используется для создания целостного криминалистического портрета неустановленного деликвента. Это подчеркивает гибкость и открытость данной информационной модели, а также ее возможность для систематизации и анализа разнообразной информации о личности преступника.

Основная часть. Информационно-аналитический анализ профилей в социальных сетях позволяет составить социально-психологическую характеристику пользователя и определить круг его друзей и контактов. Изучение анкет в социальных сетях предоставляет разнообразную информацию, отражающую интересы, предпочтения и социальные связи личности. Важно отметить, что указанные социальные сети включают списки мероприятий, которые пользователи планируют посетить. Эта информация может помочь оперативным работникам предсказать поведение правонарушителя и определить его местонахождение.

Следователи и оперативные работники в своей практической деятельности могут эффективно использовать разнообразные интернет-ресурсы для поиска и анализа информации. В частности, они применяют поисковые системы для нахождения текстовых и графических данных, а также социальные сети и мессенджеры для мониторинга коммуникаций. Кроме того, специализированные форумы преступных сообществ могут служить источником информации о преступной деятельности. Эти инструменты способствуют сбору доказательств и выявлению связей между участниками преступлений, что является ключевым аспектом успешного расследования.

Для осуществления поиска информации через поисковую систему необходимо сформулировать поисковый запрос. Этот запрос позволяет ресурсам находить документы и файлы, содержащие ключевые слова или их взаимосвязанные термины как в прямом, так и в косвенном смысле. В ходе расследования уголовных дел посредством данных систем осуществляется поиск:

▪ по абонентским номерам (причем с целью охвата в ходе поиска максимально возможного количества ресурсов сети Интернет указываются различные варианты написания номеров);

▪ фамилиям, именам и псевдонимам фигурантов дела, наименованиям организаций (при этом указываются различные вариации имени и фамилии с использованием при поиске не только русскоязычного написания вышеуказанных поисковых запросов, но и англоязычных, так как часто пользователи используют при написании своих имен-псевдонимов англоязычный вариант);

▪ изображениям: фотографиям лиц, эмблемам, заставкам.

Осуществляется поиск изображений в сети Интернет, обнаруженных на носителях памяти и в учетных записях фигурантов, а также изображений, к которым имеются текстовые подписи, интересующие следствие. В деятельности правоохранительных органов используются общедоступные ресурсы сети Интернет, позволяющие в определенных социальных сетях по фотографии обнаружить учетную запись изучаемого лица. Примером такого сайта может являться ресурс, расположенный по адресу: “*findface.ru*”. Имея фотографию разыскиваемого лица, данный сайт позволяет найти учетные записи данного лица в социальной сети «ВКонтакте»; ключевым словам, используемым в общении лицами.

Поиск по ключевым словам в сочетании с указанием направления преступной деятельности позволит следователю найти интерпретацию определенных фраз, используемых в общении фигурантами уголовного дела: кардер – мошенник, использующий поддельные банковские карточки; белый пластик хакеры – заготовки из пластика для поддельных банковских карточек; легалка

наркотики – легальная курительная смесь; пахан тюрьма – авторитет; бро – *brother* (брат); микс наркоманы – наркотики; соль наркоманы – наркотики; кристалл наркоманы – наркотики; иные. Информацию, обнаруженную на ресурсах сети Интернет, можно осмотреть и приобщить к материалам уголовного дела [2, с. 2421].

Анализ информации, передаваемой через мессенджеры, часто позволяет выявлять преступления как связанные, так и не связанные с Интернетом. Одним из ключевых источников данных для установления личности правонарушителя, использующего Интернет, является IP-адрес компьютера или другого устройства. Установление IP-адреса устройства, с которого осуществлялись подозрительные действия, становится первостепенной задачей. Поскольку пользователи выходят в Интернет через провайдеров, информация о их публичном IP-адресе связана именно с ними. Провайдеры фиксируют факты соединения и действия пользователей, храня эти данные в электронном виде. Кроме IP-адреса, сетевой интерфейс также имеет физический адрес (MAC-адрес), который может служить доказательством совершения конкретных противоправных действий. Для получения этой информации необходимо направить официальный запрос провайдеру [3, с. 145–147].

В процессе расследования преступлений наряду с традиционными следственными действиями применяются технические средства для реализации оперативно-розыскных мероприятий, установленные у интернет-провайдеров. Эти средства, основанные на технологии глубокого анализа пакетов (DPI), способны анализировать данные на всех уровнях модели OSI. Тактика проведения оперативно-розыскных мероприятий позволяет получать значимую информацию, необходимую для раскрытия и расследования преступлений. Установление IP-адреса абонента позволяет документировать его сеансы соединения и использовать эти данные в интересах следствия. Однако широкое применение криптографических протоколов затрудняет доступ к передаваемой информации, что часто используют лица, занимающиеся противоправной деятельностью [4, с. 531].

Наиболее популярные ресурсы данной категории расположены по следующим адресам в сети Интернет: “*darkmoney.cc*”, “*master-x.com*”, “*legalrc.com*” *(зеркальный ему сайт –* “*legalrc.biz*”*),* “*legalizer.info*” и др. Посредством данных форумов осуществляется получение информации: о принципах деятельности преступников; используемых новациях при совершении преступлений; открытой переписке участников сообществ; наименовании и личной информации учетных записей; иной информации, которую возможно изучить и приобщить к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства [5, с. 44]. Важно при этом иметь в виду, что для успешного анализа следует выбрать максимальное количество разнообразной информации, и только после этого делать выводы. По одному отдельному факту объективный вывод сделать невозможно, нужно использовать несколько источников для максимально подробного портрета личности. На различных ресурсах человек ведет себя нередко по-разному, поскольку у каждого ресурса есть своя логика и назначение. Необходимо помнить, что все люди уникальны, каждый факт зависит от контекста и может иметь

несколько интерпретаций, поэтому следует изучать данные во взаимосвязи, определять тенденции и логику.

Современные научные исследования, посвященные анализу страниц в социальных сетях, подтверждают, что информация, размещенная подозреваемым (обвиняемым) на своей странице, может раскрыть его психологические свойства, что способствует эффективной подготовке к допросу в рамках криминалистических задач. На этапе изучения личности подозреваемого (обвиняемого) особенно полезно получать данные о его биографии, так как анализ этих фактов позволяет составить полный и точный образ этого лица, выявить значимые психологические черты и определить его психологический тип даже без личного контакта [6, с. 116–123].

На страницах социальных сетей среди пользовательского контента выделяются основные сведения о пользователе, включая личную информацию, аудио- и видеофайлы, текстовые сообщения, комментарии и фотоснимки, часто организованные в альбомы. Фотографии представляют собой значимый источник информации о подозреваемом (обвиняемом), так как большинство социальных сетей ориентированы на размещение изображений, сопровождаемых текстом. Однако проблема анализа личности обвиняемого на основе его фотоснимков заключается в необходимости отбирать изображения, непосредственно относящиеся к нему, исключая сохраненные фотографии и репосты. В отличие от этого, изображения, опубликованные в рамках флешмобов или после проигрыша спора, могут иметь связь с неизвестными биографическими фактами, что открывает возможность для дальнейшего анализа. Такие фотоснимки целесообразно классифицировать как «потенциально связанные с биографическими фактами из жизни обвиняемого».

Решение проблемы классификации изображений по признаку их связи с конкретными биографическими фактами обвиняемого заключается в создании двух групп. Для этого все изображения со страницы обвиняемого следует скопировать на компьютер исследователя и распределить по двум соответствующим папкам.

Первая группа – это такие изображения, которые не имеют ярко выраженного сведения, на основе которого может быть выявлен биографический факт. Косвенными признаками, указывающими на то, что фотоснимок является посторонним и прямого отношения ни к злоумышленнику, ни к его жизни не имеет, являются отсутствие или минимальное количество «лайков», минимальное количество или отсутствие комментариев к фотоснимку, а также отсутствие других фотоснимков, которые по смыслу связаны с этим фотоснимком (особенно, если в дату добавления данного фотоснимка не добавлялись другие фотоснимки). Следует уточнить, что критерий «минимальности» определяется в контексте всех остальных фотоснимков. Скорее всего, если большинство фотоснимков имеют множество «лайков» и комментариев, то не составит труда выявить такие, которые резко будут контрастировать на их фоне [7, с. 101]. Вторая группа – это фотоснимки, которые подлежат анализу. Здесь целесообразно руководствоваться тем, чтобы на изображении был либо запечатлен сам обвиняемый

(полностью или частично), либо какой-то человек, документ, вещь, связанные с его жизнью.

Затем необходимо провести смысловую группировку изображений из второй группы, сосредоточившись на фотоснимках, сделанных в рамках одного конкретного события, например, выпускного, свадьбы или новогодней корпоративной вечеринки. Признаками, указывающими на принадлежность фотоснимков к одному событию, являются общая дата добавления, тематический альбом и схожая обстановка, включая одних и тех же людей с одинаковым внешним видом (одежда, стиль, прическа и т. д.).

Заключительным этапом выступает установление связи между запечатленными на фотоснимках событиями и биографическими фактами из жизни подозреваемого (обвиняемого).

Классификация биографических фактов, которые могут отразиться в содержательной части анализируемых фотоснимков, может быть следующей.

1. Сведения о семье пользователя, например, совместные фотографии с членами семьи, в которых стоит обращать внимание на комментарии (особенно от пользователей с аналогичной фамилией), а также на отмеченных на фотографии людей, если такая функция предусмотрена сервисом данной социальной сети. В некоторых сервисах, например, в «Вконтакте» родители, братья, сестры и дети могут указываться самим пользователем в блоке информации о себе.

2. Сведения о месте жительства и жилищных условиях пользователя могут быть получены на основе фотографий, на которых запечатана домашняя обстановка. Если большинство снимков сделано в определенном помещении, это может свидетельствовать о том, что пользователь проживает в данном месте.

3. Сведения об окружении пользователя. Признаки: наличие совместных фотографий с одногруппниками, коллегами, друзьями.

4. Сведения о взглядах пользователя: фотографии из учреждений соответствующей религиозной и политической направленности, с различных тематических мероприятий, изображения с характерными символиками, фотографии пользователя в соответствующих одеждах, аксессуарах, с атрибутикой и т. п.

5. Сведения об интересах пользователя: наличие фотографий с различных мероприятий, изображения и картинки из фильмов, аниме, мультфильмов, игр, фотографии известных людей и т. д.

6. Сведения о способностях пользователя: наличие фотографий, на которых изображены продукты его творческой деятельности, награды, кубки и медали, свидетельствующие о его спортивных достижениях, фотографии, на которых изображен пользователь, выполняющий определенную деятельность, если нет оснований полагать, что фотография постановочная.

7. Сведения о деятельности пользователя, имеющиеся фотографии с мест учебы и (или) работы, дипломы, сертификаты и грамоты, связанные с его учебой или работой, а также связанные с общественной и политической жизнью, документы, аксессуары, награды, медали и атрибутика и др.

Методика выявления биографических фактов через анализ фотоснимков на странице обвиняемого в социальной сети имеет трехступенчатую структуру. Первая стадия включает техническую группировку, целью которой является

сбор всех фотоснимков с потенциальной связью с биографическими фактами обвиняемого. Вторая стадия – смысловая группировка, на которой фотографии распределяются по группам в зависимости от их связи с конкретными событиями из жизни обвиняемого. Третья стадия заключается в обнаружении взаимосвязей между фотоснимками и определенной группой биографических фактов. Эта методика служит инструментом для оптимального сбора криминалистически значимой информации о личности обвиняемого в рамках расследования уголовных дел.

В настоящее время, перспективную роль в исследовании личности преступника начинает играть искусственный интеллект. Искусственный интеллект (далее по тексту–ИИ) может быть эффективно использован для анализа видео и изображений, что позволяет сократить трудоемкие задачи и минимизировать человеческие ошибки. Например, системы распознавания лиц на основе ИИ способны идентифицировать личности и, связавшись с существующими базами данных, определять местонахождение людей, что значительно улучшает результаты оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, ИИ анализирует одежду, структуру и движения тела для выявления необычного или подозрительного поведения. Он также способствует идентификации транспортных средств, расшифровывая номерные знаки даже при низком разрешении или плохом освещении. Важную роль ИИ играет в прогнозировании рецидивизма, анализируя множество уголовных дел для оценки вероятности совершения новых преступлений [8, с. 148].

Следует отметить, что все вышеперечисленные пути использования сети Интернет в исследовании личности подозреваемого (обвиняемого) можно отнести к перспективным направлениям использования всемирной сети для выполнения поставленной задачи.

К основным методам исследования личности подозреваемого (обвиняемого) с помощью ресурсов всемирной сети Интернет исследователи относят следующие: 1) интернет-мониторинг; 2) контент-анализ; 3) наблюдение за закрытыми группами и веб-ресурсами криминальной направленности.

К результативным методам исследования личности подозреваемого (обвиняемого) с использованием сети Интернет следует отнести анализ внутренних и внешних факторов поведения с использованием искусственного интеллекта (нейросети); автоматическое распознавание лиц – в настоящее время существуют технологии распознавания эмоций человека по биометрическим характеристикам его лица; метод интернет-опроса.

Метод интернет-опроса может проводиться как через мессенджеры, так и на специализированных платформах, где граждане с информацией о преступлении или подозреваемом (обвиняемом) могут ответить на вопросы и оставить контактные данные для дальнейшей проверки. Также важно учитывать интернет-активность подозреваемого (обвиняемого), включая не только социальные сети и сообщения в мессенджерах, но и посещение тематических веб-сайтов и онлайн-покупки. Анализ этих данных может предоставить значимую информацию о характере индивида, например, покупка порнографического контента может указывать на сексуальную неудовлетворенность или наличие

специфических комплексов. Все эти аспекты имеют важное значение для успешного анализа личности подозреваемого.

Заключение. Таким образом, перспектива развития использования сети Интернет в расследовании преступлений предстает практически не имеющей границ. Эффективность использования сети Интернет во многом зависит от разработки соответствующих методик и наличия возможностей использования тех или иных ресурсов в сети для сбора криминалистически значимой информации.

Список цитированных источников

1. Середа, А. Е. Использование нейронных сетей в криминалистике / А. Е. Середа, И. И. Лузгин // Молодежная юридическая наука Alma Matter – 2022 : материалы междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 10–11 нояб. 2022 г. / БГУ, Юрид. фак. ; [редкол.: А. В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – С. 554–556.

2. Гамбарова, Е. А. Анализ персональной информации из социальных сетей для решения задач криминалистики / Е. А. Гамбарова, В. С. Бакаев, Н. В. Олиндер, А. В. Благов [и др.] // Сб. тр. IV Междунар. конф. и молодежной школы «Информационные технологии и нанотехнологии» (ИТНТ-2018). – Самара : Новая техника, 2018. – С. 2416–2421.

3. Смирнов, В. М. Социальные сети и интернет как актуальный инструмент при расследовании преступлений / В. М. Смирнов, Д. А. Завьялов // Молодой ученый. – 2019. – № 39 (277). – С. 145–147.

4. Захаров, С. С. Социальная сеть как источник криминалистической информации / С. С. Захаров, А. В. Левина // Молодой ученый. – 2023. – № 20 (467). – С. 530–532.

5. Евсеева, Ю. В. Средства поиска в глобальной сети Интернет информации, релевантной для предварительного расследования / Ю. В. Евсеева // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апр. 2018 г. / Промышленно-торговое право. – Минск, 2019. – 69 с.

6. Ишин, А. М. Современные проблемы использования сети Интернет в расследовании преступлений / А. М. Ишин // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. – Вып. 9. – С. 116–123.

7. Середа, А. Е. Использование социальных сетей в расследовании преступлений : криминалистический аспект / А. Е. Середа, И. И. Лузгин // Научное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений : материалы Всерос. науч.-практ. конф. к юбилею д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста Рос. Федерации А. А. Протасевича; Иркутск, 15 дек. 2022 г. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2023. – С. 96–105.

8. Григорович, В. Л. Технологии искусственного интеллекта: перспективы внедрения в правоохранительную деятельность / В. Л. Григорович // Обеспечение пограничной безопасности и охрана Государственной границы Республики Беларусь: теория и практика : материалы XIII Респ. науч.-практ. конф., Минск, 28 февр. 2024 г. : в 4 ч. / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь ; редкол.: П. И. Миронюк [и др.]. – Минск : ИПС Респ. Беларусь, 2024. – С. 144–148.

Рецензент: Шабанов В. Б.,
заведующий кафедрой криминалистики
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор.

Дата поступления статьи: 14.03.2025.

PROSPECTS FOR USING THE INTERNET IN STUDYING THE PERSONALITY OF A SUSPECT (ACCUSED) IN A CRIMINAL CASE

Alexander P. Patskevich

Abstract. The article considers forensic means of studying the personality of a suspect (accused) in the context of the widespread use of high technologies. The relevance of the topic is due to the practical need of criminal prosecution agencies to use the Global Internet, which is a modern information space, and can be effectively used by law enforcement agencies to solve, investigate and prevent crimes. Content analysis of various sites, social networks in combination with other investigative methods allows you to actively use the virtual space in the search for various personal information about suspects (accused).

Key words: investigator, Internet, investigation, Internet, identity of suspects (accused).

УДК 342.951:343.9

СУЩНОСТЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЯЖКИМ И ОСОБО ТЯЖКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Перевалов Дмитрий Васильевич,
доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела исследования проблем обеспечения пограничной безопасности научно-исследовательской части ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»
perevalovdim@gmail.com

Романович Евгений Иванович,
магистр,
старший преподаватель кафедры оперативной деятельности ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»
Yaugen88.88@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема раскрытия сущности оперативно-розыскного противодействия тяжким и особо тяжким преступлениям. В качестве одного из решений данной проблемы на основе подходов, сложившихся в юридической науке и теории оперативно-розыскной деятельности, выделяются характерные черты данного противодействия, раскрывающие его сущность, дается их содержательная характеристика и на этой основе предлагается его понятие. Разработанные положения о сущности рассматриваемого оперативно-розыскного противодействия позволяют сформировать единые подходы в области борьбы с преступностью.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, противодействие, преступления, меры, предупреждение, выявление, пресечение.

Введение. В современный период в условиях складывающейся в стране криминогенной обстановки повышается социальная значимость применения комплексных оперативно-розыскных мер по противодействию различным

категориям преступных деяний, в первую очередь тяжким и особо тяжким преступлениям. Для результативного решения задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) востребованным является сосредоточение усилий правоохранительных органов и органов безопасности на получение оперативно значимой информации с использованием оперативно-розыскных возможностей, на конспиративном проникновении в криминальную среду, выявлении и пресечении деятельности организованных преступных групп. Одним из важных факторов, влияющих на качественное решение оперативно-розыскных задач, является грамотное использование органами, уполномоченными на осуществление ОРД, имеющихся в их распоряжении сил, средств и методов. В этом контексте важное значение имеет осуществление оперативно-розыскного противодействия (далее – ОРП) различным видам тяжких и особо тяжких преступлений.

Учеными рассматриваются некоторые аспекты ОРП, как отдельных видов преступлений [1, с. 3–19; 2, с. 3–18; 3, с. 3–27; 4, с. 3–18], так и преступлений, совершаемых различными категориями лиц [5, с. 3–25; 6, с. 3–19]. Однако результаты анализа научной литературы показывают, что в настоящее время отсутствуют единые подходы к определению понятия и содержанию ОРП тяжким и особо тяжким преступлениям.

Основная часть. Результаты анализа белорусского законодательства и имеющейся научной литературы позволяют констатировать, что в национальной юридической доктрине сложились схожие подходы к определению сущности и содержания противодействия преступности. Так, предписания ст. 23 Закона Республики Беларусь «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах» и ст. 3 Закона Республики Беларусь «О противодействии торговле людьми» определяют, что в систему противодействия преступности входит деятельность по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений. При этом в белорусском законодательстве получила закрепление и категория «борьба с преступностью». В частности, в ст. 3 Закона Республики Беларусь «О борьбе с терроризмом» говорится о том, что «борьба с терроризмом – деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению и минимизации последствий террористической деятельности». В преамбуле Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» и в ст. 3 Закона Республики Беларусь «О борьбе с организованной преступностью» также говорится о предупреждении, выявлении и пресечении данного вида противоправной деятельности. Изложенное показывает, что категория «борьба с преступностью» по своему содержанию сходна с категорией «противодействие преступности». Вместе с тем их сопоставление позволяет констатировать, что различия составляют характер и содержание предпринимаемых мер. Меры, реализуемые в рамках борьбы с преступностью (от слова «бороться», т. е. стремиться уничтожить, искоренить [7, с. 61]), носят более жесткий характер и их содержанием является ликвидация, полное искоренение отдельных наиболее опасных форм проявления преступности, задержание, обезвреживание, а в особых случаях и ликвидация ее участников.

Примером может служить проведение контртеррористической операции в рамках борьбы с терроризмом.

Рассматривая сущность ОРП различным видам преступлений, такие исследователи, как Г. А. Овчинников [1, с. 8], Д. А. Коварин [2, с. 6], В. Н. Янгол [3, с. 15], А. В. Никитин [4, с. 14], Л. В. Мазалева [5, с. 7–8], В. А. Сасмсонов [6, с. 7] и др. подразумевают под ним, прежде всего комплекс или систему оперативно-розыскных мер, направленных на предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие преступлений, оперативно-розыскное сопровождение их расследования с использованием оперативно-розыскных сил, средств и методов. Интересной, однако недостаточно аргументированной, представляется позиция Г. А. Овчинникова [1, с. 2, 8, 15] и А. В. Никитина [4, с. 9, 14] относительно того, что ОРП является ответной реакцией на преступность и направлено в первую очередь на преодоление криминального противодействия.

Учитывая рассмотренные выше подходы, и основываясь на нормах законодательства Республики Беларусь в сфере противодействия и борьбы с преступностью, а также на результатах практической деятельности государственных органов, наделенных правом осуществлять ОРД, представляется обоснованным выделить следующие **характерные признаки, которые раскрывают сущность ОРП тяжким и особо тяжким преступлениям**.

1. Данное ОРП представляет собой компонент государственной политики в сфере борьбы с преступностью.

Государство в лице уполномоченных государственных органов является основным субъектом борьбы с преступностью и располагает для этого широкими возможностями, реализуемыми в различных видах властной деятельности (уголовная политика, профилактическая деятельность и др.). ОРП обладает своей особой спецификой, однако взаимосвязано со всеми компонентами государственной политики и направлено на достижение ее общей цели. Поскольку противодействие традиционно толкуется в одном из значений как «действие, препятствующее другому действию» [7, с. 623], то соответственно таким «действием», в ответ на которое осуществляется рассматриваемое ОРП, является совершение тяжких и особо тяжких преступлений, представляющих собой наиболее общественно опасную часть преступности.

Как справедливо констатируют М. М. Галачиева и Д. М. Томаева, «…преступность в целом на определенном развитии закономерно и неизбежно существующая реальность» [8, с. 175]. В связи с этим закономерным и неизбежным является борьба государства в лице уполномоченных органов с данным социально опасным явлением, как его ответная реакция на деструктивные действия, мешающие его поступательному развитию. Системный и наступательный характер такой борьбы может быть реализован только в рамках специального государственного воздействия – соответствующей государственной политики, частью которой и является рассматриваемое ОРП.

2. Реализация рассматриваемого ОРП в большинстве своем детерминировано неочевидным и(или) латентным характером совершаемых тяжких и особо тяжких преступлений, а также их повышенной общественной опасностью.

При установлении факта совершения данных преступлений (например, ответственность за которые предусмотрена ст. 126, 136, 139, 207, 221, 328[1], 333[1] Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) и др.) в большинстве случаев лица, реализовавшие соответствующие противоправные деяния, неизвестны либо причастность их к осуществлению таких преступлений требует доказывания. Кроме того, в целом ряде случаев указанные преступления являются латентными, что значительно затрудняет установление фактов их совершения и лиц, причастных к этому.

При этом данные категории преступлений представляет повышенную общественную опасность, поскольку рост их числа влечет за собой увеличение их устойчивости (рецидив), организованности (совершение преступлений организованными группами) и многократное усиление общественной опасности (формирование в самостоятельную угрозу национальной безопасности), а механизмы соверешния таких преступлений адаптируются под различные политические, социально-экономические, правовые условия, складывающиеся в государстве.

Изложенное детерминирует безусловное решение задач по выявлению и пресечению, а также раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений, что, в свою очередь, требует применение комплекса особых, специальных методов и средств оперативно-розыскного характера.

3. ОРП тяжким и особо тяжким преступлениям имеет целенаправленный характер.

Можно обоснованно констатировать, что рассматриваемое ОРП представляет собой определенную систему, где цель является наиболее важным элементом, так как деятельность любой системы подчинена ее достижению. Именно цель задает параметры системы: формирует содержание, конструирует структуру и определяет функции ОРП.

Представляется, что цель ОРП тяжким и особо тяжким преступлениям необходимо определять в контексте осуществления государством правоохранительной функции, одним из направлений реализации которой является государственная политика в сфере борьбы с преступностью. При этом существуют различные взгляды ученых и исследователей на тему определения цели данной политики. Позицию советской криминологической науки в свое время выразил Г. А. Аванесов, который в качестве такой цели определил «постепенное искоренение уголовных проявлений и ликвидацию преступности в целом» [9, с. 335]. В последующем данный ученый кардинально изменил свою позицию. В современный период Ю. В. Голик такой целью также называет «полное искоренение преступности» [10, с. 187–198]. Однако данная цель едва ли может считаться достижимой, так как вместе с правом зародилось и «преступление» (т. е. нарушение правовых норм) и, по мнению Н. Кристи,

«...преступность не исчезнет никогда. Деяния, которые можно рассматривать как преступления, подобны неиссякаемым природным ресурсам» [11, с. 24].

Вместе с тем вполне очевидно, что отсутствие возможности полностью искоренить преступность не отменяет необходимости удержания ее в контролируемых государством рамках, обеспечивающих социальное равновесие и справедливость в государстве. Поэтому более обоснованной видится точка зрения ученых и специалистов, в соответствии с которой в качестве цели в данном случае определяют сдерживание преступности на определенном уровне. Так, Г. А. Аванесов уже в современный период вместе с иными исследователями, критикуя советскую доктрину борьбы с преступностью, предлагает концепцию контроля государства над преступностью и в качестве цели таковой определяет «...удержание преступности в социально приемлемых для данного периода исторического развития рамках» [12, с. 392]. Данную позицию поддерживает и М. Ю. Воронин, который целью государственной политики видит «...воздействие на преступность с целью ее сокращения и удержания на социально приемлемом уровне» [13, с. 19]. М. М. Галачиева и Д. М. Томаева придерживается аналогичной точки зрения [8, с. 176]. При этом российский исследователь В. Ю. Дуюнов детализирует данную цель и понимает под ней «…сдерживание роста преступности, обеспечение максимального его сокращения и удержания на минимально возможном уровне, сведение преступности к такому уровню, при котором она перестанет быть угрозой национальной безопасности, способной подорвать устои жизни, повернуть его развитие вспять» [14, с. 24].

Представляется достаточно проблематичным определить социально приемлемый уровень конкретных видов преступлений, при котором они не будут являться угрозой национальной безопасности. Для того, чтобы разрешить данную проблему, необходимо отметить следующее. Некоторые виды преступной деятельности могут быть вызваны деятельностью внешних сил, например, специальных служб иностранных государств. Примером может служить организованный иностранными специальными службами незаконный ввоз в страну оружия с целью совершения террористических актов и захвата экстремистскими формированиями власти. Данная группа преступлений отличается повышенной общественной опасностью, так как может вызвать необратимые последствия для основ конституционного строя. В этом случае в качестве социально приемлемого следует определить отсутствие совершенных и нераскрытых преступлений, инспирированных внешними силами. В данном случае более уместным видится применение термина «борьба с преступностью». Вышеуказанная цель может быть достигнута прежде всего посредством изобличения и принудительного прекращения деятельности специальных служб и иных организаций иностранных государств по этому направлению путем выявления и пресечения каналов противоправной деятельности через Государственную границу Республики Беларусь, задержания на территории страны сотрудников и завербованных агентов иностранных специальных служб, являющихся участниками организации и осуществления преступной деятельности.

Вместе с тем, по мнению С. А. Радченко, в основном причинами преступности являются социально-психологические факторы, поэтому большинство преступлений порождается по причине корыстолюбия и стяжательства (корыстные преступления), агрессии (преступления связанные с посягательством на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность человека, преступления на почвах расовой, национальной, религиозной вражды и др.), неуважительного отношения к социальным нормам (хулиганство, преступления против конституционного строя и государственного управления), правового нигилизма (преступления против безопасности дорожного движения, безопасности труда и др.). Данные причины детерминированы различными девиациями, в основе которых лежат естественные потребности человека. Поэтому преступления, порожденные вышеуказанными причинами, являются «неиссякаемыми» [15, с. 49]. В данном случае Г. А. Аванесов совместно с иными исследователями предлагает под социально приемлемыми рамками понимать «объем преступности, который органы внутренних дел способны профессионально “пропустить” через свою систему» [12, с. 392]. Однако данная формулировка скорее характеризует качественное состояние правоохранительной системы, а не отражает уровень защищенности общества и его членов от преступных посягательств. Поэтому, как представляется, в рассматриваемом контексте необходимо рассматривать состояние объекта охраны и защиты от преступных посягательств, а не субъекта противодействия посягательствам. Если субъекты противодействия тяжким и особо тяжким преступлениям «пропуская через себя» максимально возможное количество преступных деяний не справляются с обеспечением безопасности общества, государства, целесообразно принять и реализовать соответствующие организационно-правовые меры, например, реформировать правоохранительную систему. Именно надлежащее состояние объекта охраны и защиты от преступных посягательств удовлетворяет потребности общества. Г. Я. Стахов, в частности, в качестве критериев оценки социально приемлемого уровня преступности предлагает использовать пороговые значения уровня преступности, под которыми он понимает максимальные и минимальные показатели индикаторов преступности. При этом «...при приближении к максимальным показателям преступности население не чувствует себя защищенным, при достижении минимальных показателей мнение населения меняется на противоположное» [16, с. 117].

Обобщая точки зрения рассмотренных и иных ученых, представляется обоснованным под пороговыми показателями понимать максимальные и минимальные количественно-качественные показатели тяжких и особо тяжких преступлений, в пределах которых достигается и поддерживается надлежащее состояние объекта охраны и защиты от таких преступных посягательств, удовлетворяющее естественные потребности общества и обеспечивающее его нормальное функционирование. В данном ключе как социально приемлемый уровень тяжких и особо тяжких преступлений целесообразно определить уровень таких преступных деяний, находящийся в пределах определенных

пороговых значений, позволяющий обществу и государству осуществлять свои функции.

Например, для незаконного перемещения наркотических средств и оружия объектами данных преступных деяний (ст. 328[1], 333[1] УК) выступает здоровье населения (гл. 29 УК). В связи с этим социально приемлемый уровень преступности в отношении рассматриваемых преступлений должен удовлетворять двум основным требованиям:

▪ здоровье население должно обеспечивать воспроизводимость общества в рамках смены поколений и поддержание стабильной численности населения (а в случае с нынешней демографической ситуацией в Беларуси – рост численности населения). Иными словами, недопустимо сокращение населения вследствие потребления наркотических средств или использования оружия;

▪ здоровье население должно обеспечивать вовлеченность большинства членов общества трудоспособного возраста в общественно полезную деятельность (препятствием для данного показателя может быть наличие значительного уровня тяжелых заболеваний, инвалидностей, психических расстройств, наркотической зависимостей, высокая смертность трудоспособных граждан в результате употребления наркотических средств и совершения насильственных преступлений с применением оружия).

Определение конкретных пороговых значений социально приемлемого уровня преступности для отдельно взятых объектов, в том числе здоровья населения, является самостоятельным направлением исследования, так как требует комплексной работы со стороны представителей различных направлений науки: юриспруденции, медицины, социологии, статистики и т. д.

Следует отметить, что для удержания преступлений, связанных с незаконным перемещением наркотиков и оружия, в рамках социально приемлемого уровня, государственная политика в сфере борьбы с преступностью использует различные направления деятельности: уголовно-правовую политику, уголовно-процессуальную деятельность, ОРП, профилактическую деятельность и др. Поэтому будет неверным отождествлять цель рассматриваемого ОРП с целью государственной политики в сфере борьбы с преступностью. Реализация только ОРП не позволяет достичь указанной цели, но создает необходимые условия для ее воплощения посредством реализации специальных оперативно-розыскных мер. И только осуществление всех перечисленных выше направлений государственной политики, в том числе и ОРП, обеспечит удержание тяжких и особо тяжких преступлений на социально приемлемом уровне.

Таким образом, целью для ОРП указанным категориям преступлений является создание условий для удержания их на социально приемлемом уровне с использованием специальных оперативно-розыскных мер.

4. ОРП тяжким и особо тяжким преступлениям осуществляется уполномоченными субъектами.

Субъектами рассматриваемого ОРП являются государственные органы, наделенные правом осуществлять ОРД, и их сотрудники, уполномоченные реализовывать оперативно-розыскные меры по данному направлению.

5. Рассматриваемое ОРП осуществляется посредством реализации соответствующих специальных мер.

ОРП является специфическим направлением государственной политики в области борьбы с преступностью. Его специфичность обусловлена арсеналом особых специальных средств, используемых в процессе противодействия, и тактик их применения. В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 9, 10, 15, 18, 21-34, 51) специальными средствами рассматриваемого ОРП являются институт оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и институт содействия граждан на конфиденциальной основе. Проведение ОРМ и использование содействия граждан на конфиденциальной основе осуществляется комплексно, в рамках принятия и реализации соответствующих оперативно-розыскных мер. Именно оперативно-розыскные меры определяют специфику ОРП по отношении к иным компонентам государственной политики в сфере борьбы с преступностью. Вместе с тем не следует рассматривать ОРП как некий замкнутый контур. В рамках рассматриваемого ОРП могут быть реализованы также и иные меры: информационно-аналитические, предупредительно-профилактические и др.

Таким образом, основываясь на выделенных характерных признаках (чертах), **ОРП тяжким и особо тяжким преступлениям** целесообразно определить как ***систему реализуемых уполномоченными сотрудниками государственных органов, наделенных правом осуществлять ОРД, оперативно-розыскных и иных мер, направленных на предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие соответствующих категорий преступлений в целях создания условий для удержания их на социально приемлемом уровне и в контролируемых государством рамках***.

Заключение.

1. В современный период востребованным является совершенствование деятельности уполномоченных государственных органов по противодействию тяжким и особо тяжким преступлениям. Это обусловлено повышенной общественной опасностью данной категории преступных деяний, их неочевидным и латентным характером. Успешное выявление и пресечение, а также раскрытие таких преступлений возможно в большинстве случаев только посредством разработки и применения системы специальных мер, предусмотренных законодательством об ОРД, реализация которых должна осуществляться в рамках соответствующего ОРП.

В связи с этим на современном этапе разработки проблемы представляется актуальным и обоснованным раскрыть сущность ОРП тяжким и особо тяжким преступлениям и на этой основе дать его определение.

2. Сущность рассматриваемого раскрывается через совокупность присущих ему характерных признаков:

▪ данное ОРП представляет собой компонент государственной политики в сфере борьбы с преступностью;

▪ реализация рассматриваемого ОРП в большинстве своем детерминировано неочевидным и(или) латентным характером совершаемых тяжких и особо тяжких преступлений, а также их повышенной общественной опасностью;

▪ ОРП тяжким и особо тяжким преступлениям имеет целенаправленный характер;

▪ ОРП тяжким и особо тяжким преступлениям осуществляется уполномоченными субъектами;

▪ рассматриваемое ОРП осуществляется посредством реализации соответствующих специальных мер.

Выделенные характерные признаки позволяют определить ОРП тяжким и особо тяжким преступлениям как систему реализуемых уполномоченными сотрудниками государственных органов, наделенных правом осуществлять ОРД, оперативно-розыскных и иных мер, направленных на предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие соответствующих категорий преступлений в целях создания условий для удержания их на социальноприемлемом уровне и в контролируемых государством рамках.

3. Предложенный подход ориентирован на: обеспечение единообразного толкования и понимание рассматриваемого ОРП; дальнейшее развитие положений теории ОРД; разработку системы мер, адекватных складывающейся оперативной обстановке; определение роли и места данного ОРП в составе государственной политики в области борьбы с преступностью, а также среди иных видов ОРП, реализуемых уполномоченными государственными органами.

Список цитированных источников

1. Овчинников, Г. А. Оперативно-розыскное противодействие преступлениям, совершаемым в сфере потребительского рынка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Овчинников Георгий Александрович ; С.-Петерб. ун-т МВД Рос. Федерации. – СПб., 2001. – 22 с.

2. Коварин, Д. А. Оперативно-розыскное противодействие корыстно-насильственным преступлениям, совершаемым в сфере экономики (по материалам Сибирского региона) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Коварин Дмитрий Андреевич ; С.-Петерб. ун-т МВД Рос. Федерации. – СПб., 2005. – 21 с.

3. Янгол, В. Н. Оперативно-розыскное противодействие политическому терроризму : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Янгол Владимир Николаевич ; С.-Петерб. ун-т МВД Рос. Федерации. – СПб., 2005. – 30 с.

4. Никитин, А. В. Оперативно-розыскное противодействие корыстным и корыстно-насильственным преступлениям против собственности (по материалам Восточно-Сибирского региона) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Никитин Александр Викторович ; С.-Петерб. ун-т МВД Рос. Федерации. – СПб., 2007. – 21 с.

5. Мазалева, Л. В. Оперативно-розыскное противодействие преступным группам в местах лишения свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Мазалева Людмила Валерьевна ; Владимир. юрид. ин-т ФСИН. – Владимир, 2005. – 27 с.

6. Самсонов, В. А. Оперативно-розыскное противодействие преступлениям, совершаемым этническими организованными преступными группами (по материалам Восточно-Сибирского и Дальневосточного регионов) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Самсонов Виктор Александрович ; С.-Петерб. ун-т МВД Рос. Федерации. – СПб., 2005. – 21 с.

7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1991. – 23-е изд., испр. – 917 с.

8. Галачиева, М. М. Понятие и содержание борьбы с преступностью / М. М. Галачиева, Д. М. Томаева // Аграрное и земельное право. – 2013. – № 3(219). – С. 174–177.

9. Аванесов, Г. А. Криминология / Г. А. Аванесов. – М. : Акад. МВД СССР, 1984. – 2-е изд. – 500 с.

10. Голик, Ю. В. Цель в уголовном праве / Ю. В. Голик // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исправительном праве и криминологии : материалы IV Рос. Конгресса уголовного права, 28–29 мая 2009 г. / Москов. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; редкол. : Г. И. Богуш [и др.]. – М. : Проспект, 2009. – С. 187–198.

11. Кристи, Н. Удобное количество преступлений / Н. Кристи : пер. с англ. Е. Матерновской ; общ. ред. и вступ. ст. Я. И. Гилинского. – СПб. : Алетейя, 2006. – 184 с.

12. Аванесов, Г. А. Криминология : учебник / Г. А. Авнесов, С. М. Иншаков, С. Я. Лебедев [и др.]. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 5-е изд. – 575 с.

13. Воронин, М. Ю. Криминологическая политика защиты населения от наркотизации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Воронин Михаил Юрьевич ; Акад. упр. МВД Рос. Федерации. – М., 2010. – 52 с.

14. Дуюнов, В. К. Цели государственной политики в сфере противодействия преступности / В. К. Дуюнов // Евразийский Союз Ученых. – 2021. – № 7(88). – Серия «Экономические и юридические науки». – С. 22–30.

15. Радченко, С. А. Криминологическая характеристика и предупреждение контрабанды наркотических средств синтетической группы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Радченко Сергей Александрович ; Федеральн. гос. казен. образоват. учреждение высшего проф. образования «Моск. ун-т МВД России». – М., 2013. – 180 с.

16. Стахов, Я. Г. Уголовная политика и ее реализация субъектами Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Стахов Яков Григорьевич ; Акад. упр. МВД Рос. Федерации – М., 2006. – 396 с.

Рецензент: Шабанов В. Б.,
заведующий кафедрой криминалистики
юридического факультета Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор.

Дата поступления статьи: 17.03.2025.

ESSENSE OF OPERATIONAL-SEARCH COUNTERACTION TO SERIOUS AND ESPECIALLY SERIOUS CRIMES

Dmitry V. Perevalov, Evgeniy I. Romanovich

Abstract. The article examines the problem of disclosing the essence of operational-search counteraction to serious and especially serious crimes. As one of the solutions to this problem, based on approaches that have developed in legal science and the theory of operational-search activity, the characteristic features of this counteraction are highlighted, revealing its essence, their substantive characteristics are given and on this basis its concept is proposed. The developed provisions on the essence of the operational-search counteraction under consideration allow us to form unified approaches in the field of combating crime.

Keywords: operational-search activity, counteraction, crimes, measures, prevention, detection, suppression.

УДК 343.98

ПОИСКОВО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДЛОЖНЫХ ДОКУМЕНТОВ ДЛЯ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рубис Александр Сергеевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистики
УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
mr.rubis@gmail.com

Лосева Виктория Геннадьевна,
старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз
следственно-экспертного факультета
УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
viclavrik@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания при расследовании преступлений, совершенных с использованием подложных документов для пересечения Государственной границы Республики Беларусь. Рассматривается роль подразделений пограничного контроля органов пограничной службы в раскрытии и расследовании данной категории преступлений. Поднимаются вопросы взаимодействия следователя (лица, производящего дознание), эксперта и военнослужащих подразделений пограничного контроля при проведении следственных действий в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь.

Ключевые слова: поисково-познавательная деятельность, эксперт, следователь (лицо, производящее дознание), подложные документы.

Введение. В условиях вызовов и угроз современного общества вопросы обеспечения надежности государственной границы являются важнейшими в структуре задач правоохранительных органов Республики Беларусь. Выявление подложных документов у физических лиц, пересекающих государственную границу, и последующее расследование данных преступлений решает ключевые вопросы, связанные с противодействием преступности на участке государственной границы, недопущением незаконной миграции, выявлением лиц, пытающихся скрыться от правосудия, и т. д.

В то же время анализ правоприменительной практики органов пограничной службы Республики Беларусь свидетельствует о наличии определенных проблем, связанных, прежде всего, с недостаточно проработанными вопросами методологического и тактико-организационного обеспечения деятельности субъектов доказывания при расследовании преступлений с использованием подложных документов для пересечения Государственной границы Республики

Беларусь (далее по тексту – преступлений, совершенных с использованием подложных документов). Необходимо констатировать, что имеющийся на сегодняшний день уровень организации проведения следственных и иных процессуальных действий, а также взаимодействия субъектов доказывания при расследовании указанных преступлений, выражающиеся в неполноте проводимых осмотров мест происшествий и документов, отсутствии детального описания следовой картины преступления в фиксирующих документах и т. д., недостаточен для успешного решения вопросов по расследованию преступлений, совершенных с использованием подложных документов.

Отдельного рассмотрения требует задача методологического совершенствования, используемого практическими работниками различных правоохранительных ведомств при расследовании преступлений, совершенных с использованием подложных документов. Решение данной задачи невозможно без теоретического обоснования сущности и потребности такого развития, что и обусловило наши исследования в данной области. При этом среди теоретических основ деятельности субъектов доказывания при расследовании преступлений, совершенных с использованием подложных документов, одними из важнейших нами видятся вопросы их поисково-познавательной деятельности.

Основная часть. Несомненно, что любой участник поисково-познавательной деятельности, обусловленной процессом доказывания, выявляет и оперирует в своей деятельности множеством фактов. Такое обстоятельство характерно практически для всех следственных действий, проведения предварительного расследования вообще, и, несомненно, при расследовании преступлений, совершенных с использованием подложных документов. Для раскрытия сущности поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания при расследовании преступлений, совершенных с использованием подложных документов, необходимо, в первую очередь, апеллировать к теории познания, которое «исследование истины о мире и о себе» [1, с. 98], «существует лишь в нашем представлении об искомых фактах, событиях, явлениях» [2, с. 63]. Как мы уже ранее указывали, «равно как и в ходе процессуального доказывания, мы апеллируем не вещами, предметами и явлениями, закономерностями их взаимодействия и развития и так далее, а мысленным представлением о них в сознании познающего субъекта следовой картины прошлого, то есть следовой картины системы “преступление”» [3, с. 60].

В то же время «полученные знания в виде сведений о фактах – это не просто симбиоз знаний об искомых фактах, полученных различными участниками процесса доказывания, это по существу совокупный продукт их совместной поисково-познавательной деятельности. Иными словами, это симбиоз их совместной мыслительной деятельности по установлению следовой картины преступления» [4, с. 55]. Именно данный симбиоз реализуется по сути в любом процессуальном решении по делу через установление и фиксацию следовой картины события прошлого – преступления.

Все вышеизложенное констатирует полисубъектность познавательной функции в расследовании всех видов преступлений и, несомненно, преступлений, совершенных с использованием подложных документов.

Существующей особенностью выявляемых подложных документов в пунктах пропуска является тот факт, что поисково-познавательная деятельность здесь осуществляется не только экспертом и следователем (лицом, производящим дознание) но и, что особенно специфично, военнослужащим подразделения пограничного контроля, осуществляющим свою служебную деятельность в пункте пропуска. Каждый из них вносит свой необходимый вклад в доказывание факта совершенной подделки документов.

Имеющая место в настоящее время фрагментарность исследования подложных документов следователем (лицом, производящим дознание), проводящим осмотр места происшествия или осмотр документов, указывает на существующие дефекты взаимодействия субъектов доказывания при расследовании данной категории преступлений. Данные дефекты проявляются в первую очередь при определении следователем (лицом, производящим дознание) состава участников осмотра. При этом, очевидно, что следователь (лицо, производящее дознание), проводя осмотр места происшествия и отдельно осмотр документов, в процессе своей поисково-познавательной деятельности по данному факту для обнаружения, выявления признаков необычности, «неустановленности» в исследуемых документах вправе и, как правило, привлекает специалиста для проведения осмотра. Общий характер вышеуказанной тактики действий следователя (лица, производящего дознание) при производстве следственных действий в тоже время на практике демонстрирует отсутствие специалистов при проведении большинства осмотров в пункте пропуска через государственную границу, что обусловливает существующие проблемы взаимодействия субъектов доказывания и приводит к тактическим пробелам проводимых следственных действий.

Данные проблемы, несомненно, обусловлены в том числе особенностью расположения самого места выявления подложного документа – пункта пропуска через Государственную границу Республики Беларусь, где до приезда следственно-оперативной группы уже проведен комплекс обязательных мероприятий в рамках пограничного контроля. Данные мероприятия направлены на установление факта подложности и заключаются в проведении специальной проверки документов военнослужащими подразделений пограничного контроля. Ранее нами уже неоднократно указывалось на отсутствие необходимости при этом участия специалиста при осмотре места происшествия, а приглашение его в качестве обязательного участника следственного действия именно на осмотр документов в ходе отдельного следственного действия. Данный следственный осмотр при этом видится целесообразным проводить в другом помещении, а не в том, в котором был выявлен документ военнослужащими подразделения пограничного контроля в ходе проверки документов у физических лиц, пересекающих государственную границу. Только в таком виде участие специалиста позволит разрешить имеющиеся проблемы взаимодействия, будет эффективно востребовано и может принести положительные результаты для дальнейшего расследования.

Существующие проблемы взаимодействия также видится целесообразным решить путем привлечения сотрудника подразделения специальной проверки документов, заступающего в составе дежурной пограничной смены в пункте

пропуска, где проводится осмотр [5, с. 35] в качестве специалиста при проведении следственного действия – осмотра документов, о чем нами уже ранее указывалось [5, с. 35]. Тем самым в поисково-познавательную деятельность таких субъектов, производящих доказывание по фактам преступлений, совершенных с использованием подложных документов, как следователь (лицо, производящее дознание) и эксперт, добавляется поисково-познавательная деятельность военнослужащих подразделений специальной проверки документов подразделений пограничного контроля органов пограничной службы Республики Беларусь. Их узкие познания в области проверки подлинности документов через взаимодействие субъектов доказывания в рамках конкретной следственно-оперативной группы позволят с большей степенью уверенности достигнуть общую цель – осуществить процесс познания на стадии проведения предварительного расследования. Именно познания данных специалистов позволят в дальнейшем сформулировать следователем (лицом, производящим дознание) версию совершенного преступления и составить план дальнейшего расследования.

Для дальнейшего осуществления доказывания важной является информация о преступлении [6], поступающая, в данном случае, из самого пункта пропуска. Выявление фактов подложных документов в пунктах пропуска через государственную границу осуществляется не случайными людьми, а специально подготовленными военнослужащими подразделений пограничного контроля органов пограничной службы Республики Беларусь в ходе осуществления ими своих прямых служебных обязанностей по проверке документов у физических лиц, пересекающих государственную границу. Ежедневно заступая на смену в пограничный наряд «Проверка документов», их деятельность направлена на поиск возможных подделок и ежеминутное познание, представляющее собой анализ и сопоставление видимых признаков в документе с имеющимися знаниями о способе подделки, способе имитации документа.

От того, что конкретно «найдут» в документе военнослужащие подразделений пограничного контроля, будет зависеть дальнейший вектор поисково-познавательной деятельности следователя (лица, производящего дознание). Ее эффективность должна быть напрямую детерминирована изучением подложного документа как основного (ввиду первоначального отсутствия иных) источника информации о совершенном преступлении. Таким образом, познание следователя (лица, производящего дознание) в данном случае должно быть направлено на исследование и последующий анализ сведений о способе подделки документа и примененных при этом технических средствах.

Данные сведения первоначально могут быть успешно получены из актов специальной проверки документов, составляемых военнослужащими подразделений пограничного контроля [8; 9; 10]. Задача же следователя (лица, производящего дознание) при этом не сводится просто к принятию информации о факте и способе изготовления подделки от военнослужащего подразделения пограничного контроля и эксперта, но и заключается также в оценке достоверности полученной информации. Это же относится и к оценке заключения эксперта, который, в отличие от военнослужащего подразделения специальной проверки документов, не только осуществляет поиск «несоответствий» в исследуемом

документе, но и в рамках своего заключения дает им анализ и формулирует вывод о внесении изменений в представленный документ. При этом получение следователем (лицом, производящим дознание) информации из актов специальной проверки документов о совершенном преступлении должно быть направлено не на упрощение в последующем проведения экспертизы, но на более качественный анализ достоверности получаемых в ходе ее знаний.

Исходя из вышесказанного, фиксируя значимость акта специальной проверки документов как специфичного именно для данной категории преступлений источника информации акцентируется внимание на необходимости дальнейшей разработки тактического комплекса действий и взаимодействий субъектов доказывания, направленного на установление подлинности документов, предъявляемых для пересечения государственной границы, с закреплением в нем роли специальной проверки документов.

Заключение. Таким образом, поскольку «одной из важнейших недооцененных ранее задач криминалистики должна являться комплексная разработка основ поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания…» [2, с. 68], вопросы теоретического обеспечения деятельности по расследованию преступлений, совершенных с использованием подложных документов для пересечения Государственной границы Республики Беларусь, реализуемые в познании сущности поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания, вовлеченных в этот процесс, в современных условиях правоприменения приобретают огромную актуальность. Одновременно с этим обусловленное важностью научных разработок в области охраны государственной границы государства и направленное, в первую очередь, на повышение безопасности его граждан, все вышеизложенное, по нашему мнению, детерминирует необходимость дальнейшей разработки:

- методологических основ установления способов подделки документов, удостоверяющих личность граждан, которые могут предъявляться при пересечении Государственной границы Республики Беларусь;
- тактико-теоретического комплекса действий субъектов доказывания, направленного на установление подлинности документов, предъявляемых для пересечения государственной границы;
- научно- и практико-обоснованных основ криминалистического взаимодействия следователя (лица, производящего дознание), эксперта и военнослужащих подразделений пограничного контроля органов пограничной службы в процессе расследования преступлений, совершенных с использованием подложных документов для пересечения Государственной границы Республики Беларусь.

Список цитированных источников

1. Философия и методология познания: Учебник – С.-Петерб. ун-т МВД России; Акад. права, экономики и безопасности жизнедеятельности ; СПбГУ ; СПбГАУ ; ИпиП (СПб) / под общ. и научн. ред. В. Л. Обухова, Ю. Н. Солонина, В. П. Сальникова и В. В. Васильковой. – СПб. : Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2003. – 560 с.

2. Рубис, А. С. Теоретические основы поисково-познавательной деятельности субъектов доказывания при принятии ими процессуально значимых решений / А. С. Рубис // Право.by. – 2022. – № 5 (79). – С. 62–69.

3. Дулов, А. В. Основы формирования криминалистической теории доказывания / А. В. Дулов, А. С. Рубис. – Минск : БГУ, 2004. – 262 с.

4. Рубис, А. С. Основы теории криминалистического обеспечения деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью : монография / А. С. Рубис. – Минск : Харвест, 2006. – 416 с.

5. Лосева, В. Г. Особенности проведения осмотра подложных документов в пунктах пропуска через Государственную границу Республики Беларусь / В. Г. Лосева // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь ; [редкол.: Рубис А. С. (пред.) и др.]. – Минск, 2022. – Вып. 2 (52). – С. 33–39.

6. Трусов, А. И. Понятие доказательств // Курс советского уголовного процесса. Общая часть / А. И. Трусов; под ред. А. В. Бочкова, И. И. Карпеца. – М., 1989. – 552 с.

7. Рубис, А. С. Экспертное познание в структуре познавательной функции права / А. С. Рубис // Право.by. – 2023. – № 3 (83). – С. 86–98.

8. О Государственной границе Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. к Закону Респ. Беларусь от 21 июля 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10 янв. 2015 г. ; под общ. ред. Л. С. Мальцева. – Минск : Белорус. Дом печати, 2016. – 280 с., [8] л.

9. Борейко, Н. Н. Административная ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь как средство обеспечения пограничной безопасности: теоретические и правовые аспекты : монография / Н. Н. Борейко. – Минск : ИПС Респ. Беларусь, 2024. – 446 с.

10. Решетников, В. Н. Теоретико-правовые основы доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях в области защиты Государственной границы Российской Федерации : дис. …канд. юрид. наук : 20.02.03 / Решетников Виктор Николаевич ; Моск. погран. ин-т ФСБ Рос. Федерации. – М., 2005. – 210 л.

Рецензент: Чванкин В. А.,
доцент кафедры криминалистических экспертиз
следственно-экспертного факультета
УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 11.04.2025.

SEARCH AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES OF SUBJECT EVIDENCE IN INVESTIGATION OF CRIMES USING FRAUDULENT DOCUMENTS TO CROSS THE STATE BORDERS REPUBLIC OF BELARUS

Alexander S. Rubis, Victoria G. Loseva

Abstract. The article examines the features of the search and learning activities of the subjects of proof in the investigation of crimes committed using false documents to cross the State Border of the Republic of Belarus. The role of the border control units of the border service in the detection and investigation of this category of crimes is considered. The issues of interaction between the investigator (person conducting the inquiry), the expert, and the military personnel of the border control units during investigative actions at the checkpoints across the State Border of the Republic of Belarus are raised.

Keywords: search and learning activities, expert, investigator (person conducting the investigation), false documents.

УДК 343.163

ТЕНДЕНЦИИ В РАСШИРЕНИИ ПРОКУРОРСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Савчук Татьяна Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь
tamerlan75@mail.ru

Аннотация. В статье на основе научных представлений и обзора уголовно-процессуальных норм рассматриваются вопросы, связанные с последовательным усилением полномочий прокурора в досудебном уголовном производстве; акцентируется внимание на последних новеллах уголовно-процессуального закона в расширении диапазона таких полномочий. Выявляются проблемные аспекты нормативной регламентации и реализации отдельных прокурорских полномочий, в связи с чем автором формулируются выводы и предложения по дальнейшему законодательному совершенствованию полномочий прокурора в досудебном производстве по уголовным делам.

Ключевые слова: прокурор, полномочия прокурора, требование, представление, санкция прокурора, досудебное производство.

Введение. В последнее время роль прокурора в досудебном производстве находится в центре дискуссий представителей белорусской науки и практиков в связи с неоднократным изменением отношения законодателя к объему и характеру полномочий прокурора на данном этапе уголовного процесса. Различные аспекты реализации прокурором полномочий в досудебном уголовном производстве и пробельности правовых норм в части недостаточности таких полномочий освещались в работах И. В. Данько, А. В. Конюка, А. М. Сербуна, А. С. Сенько, В. М. Соркина, В. Н. Мелешко, В. К. Мойсака, Л. Ф. Лазутиной, Р. В. Бурака и А. В. Солтановича и др. При этом отдельные авторы высказывались за лишение прокурора «неограниченных возможностей» [1] в досудебном производстве, совмещавших в себе функции контроля и управления [2, с. 288]. Напомним, что диапазон прокурорских полномочий с момента введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) в 1999 г. носил широкий властно-распорядительный характер в одинаковом объеме по отношению к органам дознания и предварительного следствия, что позволяло определять прокурора «хозяином процесса» [3, с. 202]. Ситуация изменилась в связи с принятием специального Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 325-З, перераспределившего отдельные полномочия прокурора в пользу начальника следственного подразделения, что нашло поддержку среди ученых [4, с. 269] и практиков [5]. Впоследствии (с 2014 по 2021 г.) законодатель предпринимал шаги по усилению полномочий прокурора за деятельностью органов предварительного следствия. В 2023 г. Концепция правовой политики Республики Беларусь (утв. Указом Президента Республики Беларусь № 196 от 28 июня 2023 г., в ред. от 14 марта 2024 г. № 96) задала вектор

на совершенствование прокурорского надзора в уголовном процессе (п. 43.1), что в 2025 г. воплотилось в Законе Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности». Названным Законом корректируются уголовно-процессуальные нормы, определяющие полномочия прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса. Данный правовой импульс обуславливает научный и практический интерес к изучению полномочий прокурора с позиции их обновленного нормативного закрепления и практического использования. Это особенно актуально, поскольку эффективность осуществления прокурорского надзора в значительной степени зависит от объема и содержания процессуальных полномочий прокурора, позволяющих своевременно выявлять и устранять любые нарушения закона [6, с. 171–172].

Основная часть. Усиление полномочий прокурора за предварительным следствием датируется 2014 г., знаковым событием которого стало введение в УПК новой меры прокурорского реагирования – требования на нарушения законности в ходе дознания и предварительного следствия (п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК), которое ошибочно трактовалось практиками как аналог письменных указаний прокурора [7; 8]. В 2021 г. цитируемая норма УПК была конкретизирована за счет расширения действия диапазона требования и на нарушения, допущенные органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем при приеме, регистрации и рассмотрении заявлений, сообщений о преступлении, и установлением правила обязательности рассмотрения требования прокурора в течение месяца с момента его поступления или в иной срок, установленный прокурором. Ю. С. Климович верно указывает на то, что можно было избежать такого «укрупнения» п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК путем замены в общей норме – в ч. 5 ст. 34 УПК «ошибочного выражения при производстве предварительного следствия и дознания на словосочетание в ходе досудебного производства» [9, с. 131].

Примечательно, что предпосылки таких новелл 2021 г. были вызваны потребностью прокурорско-надзорной практики: не имея легальной возможности устранять нарушения закона на этапе «доследственной» проверки, прокуроры вносили представления либо выносили постановления о возбуждении дисциплинарного производства. В обоснование принятия таких актов ими использовался Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон о прокуратуре), что не являлось законным, поскольку прокурор вправе использовать только те полномочия, которые ему прямо предоставлены законом: в сфере уголовного процесса таким законом является УПК. Поэтому нельзя согласиться с позицией А. С. Сенько, предлагавшим закрепить в ст. 34 УПК норму о том, что «прокуроры в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания обладают также правами, предоставленными им и иными нормативными правовыми актами» [10, с. 250].

Целесообразность включения требования прокурора в ст. 34 УПК и его эффективность подтверждает практика: в 2023 г. прокуроры вынесли 2 060 требований (в том числе 559 в подразделения Следственного комитета Республики Беларусь); в 2022 г. – 1 869 (в следственные подразделения – 584) [11, с. 36–37];

в 2021 г. – 1 707 (в следственные подразделения – 614 [12, с. 33–34]; в 2020 г. – 1 745 (в следственные подразделения – 621) [13, с. 33–34]. Однако изучение нами содержания требований прокурора показывает различные подходы в установлении срока его исполнения, чему косвенно способствует п.11 ч. 5 ст. 34 УПК, устанавливающий срок в один месяц или иной срок, определяемый прокурором. Так, например, в одном случае требование вынесено 10.11.2016, а срок для рассмотрения и уведомления прокурора о принятых мерах обозначен 23.12.2016, в другом случае требование датировано 13.07.2016, а конечной датой его исполнения определено 29.08.2016 [14, с. 398–401]. Вместе с тем, учитывая характер нарушений, причиной которых является вынесение прокурором требования, считаем, что срок рассмотрения и исполнения требования прокурора должен быть максимально коротким и может варьироваться в диапазоне до 10 суток, что следует отразить в п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК. Данное предложение обусловлено тем, что такие нарушения допускаются, как правило, по находящимся в производстве уголовным делам, что обуславливает оперативность в их устранении.

Также обратим внимание на пробел п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК в части не установления обязательного исполнения требований прокурора, что ошибочно расценивается как усмотрение начальника следственного подразделения выполнить или отклонить такое требование [5, с. 202]. Основываясь на тезисе, согласно которому «требование прокурора – обязательное для исполнения властно-волевое веление (указание) прокурора, вытекающее из его полномочий, направленное на обеспечение исполнения закона…» [15, с. 65], приходим к выводу о необходимости дополнения п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК указанием на обязательное письменное уведомление прокурора о мерах, принятых по исполнению его требования.

В 2021 г. арсенал мер прокурорского реагирования пополнился представлением об устранении нарушений законодательства в деятельности органов предварительного следствия и дознания, причин и условий, им способствующих (п. 17^1 ч. 5 ст. 34 УПК). Несмотря на отсутствие интереса к данной новелле в белорусской юриспруденции, полагаем, что представление восполнило дефицит прокурорских полномочий для устранения системных неединичных нарушений законности в деятельности органа уголовного преследования, стало инструментом для постановки вопроса о привлечении к ответственности лиц, допустивших такие нарушения.

В данном контексте отметим, что первый опыт по внесению прокурорами представлений иногда носил ошибочный характер, а выборочное изучение нами практики вынесения требований (п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК) и представлений (п. 17^1 ч. 5 ст. 34 УПК) показало нередкое использование этих мер как замещающих, а иногда – дублирующих друг друга, что позволяет отдельным ученым именовать их «дефективными» мерами [16, с. 70]. Между тем названные акты имеют свои особенности и различия. Так, требование направлено на незамедлительное устранение нарушений уголовно-процессуального закона, носящих *единичный* характер; оно носит конкретный характер, позволяющий оперативно устранить нарушения закона по определенному материалу, уголовному делу. А представление имеет цель – устранение нарушений *системного* характера, а также причин и условий, им способствующих, и привлечение виновных лиц к «строгой»

ответственности [14, с. 436, 457]. Иными словами, представление имеет обобщающий характер: в нем анализируются схожие по сути нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные по различным уголовным делам и даже по разным регионам республики, что не присуще требованию прокурора. В отличие от требования, представление выполняет профилактическую функцию, что подтверждает сформулированная в резолютивной части представления рекомендация по принятию мер к недопущению нарушений «впредь» [14, с. 430], а также включает обязательный элемент – постановку вопроса о необходимости привлечения виновных лиц к дисциплинарной ответственности. Требование, по нашему мнению, как акт прокурорского реагирования не преследует такой дополнительной цели, как привлечение виновных к ответственности, хотя на практике прокуроры ставят такой вопрос и нередко результатом является привлечение следователей к материальной (дисциплинарной) ответственности [14, с. 367].

Представление доказало свое «право на жизнь», о чем свидетельствует практика: в 2023 г. прокурорами в адрес органов предварительного расследования внесено 692 представления, в 2022 г. – 723 [11]; в 2021 г. – 643 [12]. Однако в первые месяцы использования представлений в отдельных регионах республики наблюдался неверный подход: в конце описательно-мотивировочной и резолютивной части представления, как правило, прокуроры ссылались не на п. 17^1 ч. 5 ст. 34 УПК, а на ч. 4 ст. 27 и ст. 38 Закона о прокуратуре, на что нами указывалось ранее [17]. Единообразный и правильный подход к обоснованию вынесения представления сформировался после указаний заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь от 28 апреля 2022 г. № 2-11/188 «О практике прокурорского реагирования на нарушения законодательства в ходе досудебного производства». В то же время для повышения эффективности представления считаем целесообразным пересмотреть п. 17^1 ч. 5 ст. 34 УПК, предусмотрев в нем безотлагательность рассмотрения представления с письменным уведомлением прокурора о мерах, принятых по его исполнению, в течение одного месяца с момента его поступления в орган дознания или предварительного следствия либо в иной срок, определяемый прокурором.

Еще одной новацией 2021 г. стало дополнение ст. 34 УПК новой ч. 5^1, в соответствии с которой Генеральный прокурор Республики Беларусь и его заместители, прокуроры областей, г. Минска (лица, исполняющие их обязанности), при отмене постановлений органа предварительного следствия об отказе в возбуждении уголовного дела и о приостановлении предварительного расследования наделены правом давать обязательные для исполнения письменные указания о производстве дополнительных следственных и других процессуальных действий.

Законом Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» ч. 5^1 ст. 34 УПК конкретизирована: перечисленные должностные лица вправе давать такие указания следователю не только при отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и о приостановлении предварительного расследования, но и, что важно, о производстве следственных и других процессуальных действий по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя. Иными словами, законодатель

вернул прокурору утраченные в 2011 г. полномочия, позволяющие направлять ход следствия, своевременно исправлять ошибки в квалификации преступления и объеме обвинения, что подтверждает тезис об эффективности письменных указаний прокурора [18; 19, с. 197]. Данное нововведение поставило точку в споре между прокурором и органами предварительного следствия в разной оценке наличия (отсутствия) состава преступления и (или) доказанности участия лица в его совершении, ведь такой спор на практике нередко приводил к тому, что прокуроры были вынуждены принимать уголовные дела к своему производству (т. е. фактические выполнять работу следователя). Однако, к сожалению, в законе не нашло поддержку разделяемое нами мнение представителей надзорного ведомства о распространении ч. 5^1 ст. 34 УПК и на прокуроров районов (городов), поскольку последние вынуждены инициировать перед вышестоящим прокурором вопрос о даче таких указаний [20, с. 221].

Вышеупомянутый Закон вводит в УПК иные нормы, усиливающие прокурорский надзор в досудебном производстве по уголовным делам. Так, значимыми новеллами являются нормы, уточняющие полномочия прокурора, которые корреспондируют к обязанностям органа уголовного преследования: п. 1 ч. 5 ст. 34 УПК обрел новую редакцию, в которой указывается на обязанность предоставлять для проверки уголовные дела, материалы в течение 72 часов с момента поступления прокурорского запроса; а ст. 173^3 УПК дополнена новой ч. 1^1 об обязанности направления прокурору заявления (сообщения) о преступлении и материалов проверки по нему (при приостановлении проверки) в течение 10 суток после принятия соответствующего решения. Установление таких сроков, на наш взгляд, будет способствовать исполнительской дисциплине органа уголовного преследования и повысит эффективность и оперативность прокурорского надзора.

Также Законом Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» обновлена редакция ч. 4 ст. 190 УПК, наделившая Генерального прокурора Республики Беларусь (его заместителей) исключительным правом продления срока предварительного следствия свыше шести месяцев вне зависимости от того, в производстве какого органа уголовного преследования находится уголовное дело, изъяв такое продление из компетенции Председателя Следственного комитета Республики Беларусь и Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, их заместителей. В данном контексте уместно отметить, что Генеральной прокуратурой Республики Беларусь неоднократно указывалось на ухудшение оперативности расследования уголовных дел и на несоблюдение установленных УПК сроков расследования, что подтверждает практика. Так, в 2023 г. с нарушением срока расследования окончено производством следователями Следственного комитета Республики Беларусь 17,8 % и следователями органов государственной безопасности 69,5 % уголовных дел от их общего количества; в 2022 г. – 17,4 % и 72,1 % [11, с. 40]; в 2021 г. – 18 % и 76,9 % [12, с. 37]; в 2020 г. – 15,8 % и 76,9 % [13, с. 37]. Таким образом, данное нововведение призвано исправить сложившуюся негативную ситуацию с ведомственным процессуальным контролем, повысить качество и оперативность расследования уголовных дел, будет

способствовать своевременному принятию мер прокурорского реагирования на нарушения закона, препятствующие быстрому расследованию преступлений.

Законом Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» уточняется понятие «санкция прокурора» (п. 38 ст. 6 УПК): вместо письменного решения стало «разрешение» (что является более корректным и соответствует этимологии слова «санкция» как «утверждение, разрешение чего-либо»); обобщающее понятие «прокурор» заменено на «Генерального прокурора Республики Беларусь, прокуроров областей, г. Минска, прокуроров районов, районов в городах, городов, межрайонных и приравненных к ним транспортных прокуроров, их заместителей» (чем конкретизируется должностной перечень прокуроров, уполномоченных на дачу санкции). Кроме того, данным Законом в УПК вводится новая ст. 34^1, определяющая порядок дачи санкции, ее оформление «в виде резолюции на постановлении (ином документе) органа уголовного преследования о проведении процессуальных действий, скрепляемой печатью соответствующего органа прокуратуры», содержащая правило об указании мотивов при отказе в даче санкции (такое определение санкции было ранее предусмотрено в ч. 2 ст. 36 Закона о прокуратуре).

В то же время, на наш взгляд, цитируемая норма имеет уязвимость: в ней говорится о резолюции прокурора на «иной документ», выносимый органом уголовного преследования. Однако анализ статей УПК, регламентирующих проведение следственных и процессуальных действий с санкции прокурора, позволяет вести речь только о постановлении, в котором формулируется решение органа уголовного преследования на проведение таких действий. И даже такое действие, как «требование о представлении информации и выемка документов, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну» (п. 14 ч. 5 ст. 34 УПК), по смыслу ч. 1 ст. 210 УПК предусматривает обязательное вынесение постановления. Таким образом, использование словосочетания «иной документ» в ст. 34^1 УПК не соответствует положениям закона, предусматривающим единственно возможную процессуальную форму оформления решения о проведении процессуальных действий – постановление.

Заключение. Подытоживая вышеизложенное, можно утверждать, что корректировки УПК за последние десять лет демонстрируют последовательные и закономерные шаги законодателя по усилению прокурорских полномочий в досудебном производстве по уголовным делам. Такая ситуация подтверждает тезис, что «при всем многообразии ответственных прокурорских обязанностей главной остается состояние надзора в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания» [21, с. 4]. Нами отстаивается позиция о том, что прокурор должен обладать одинаковым объемом полномочий за органами дознания и следствия, поскольку защита публичного интереса по обеспечению законности в досудебных стадиях не должна ставиться в зависимость от формы расследования и субъектов его производства.

В целях повышения эффективности деятельности прокурора в ходе досудебного уголовного производства и устранения нормативных пробелов видится целесообразным внести следующие корректировки в УПК: во-первых,

дополнить п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК указанием на обязательное письменное уведомление прокурора о мерах, принятых по исполнению требования об устранении нарушений законодательства в срок до 10 суток; во-вторых, пересмотреть п. 17^1 ч. 5 ст. 34 УПК, предусмотрев в нем безотлагательность рассмотрения представления с письменным уведомлением прокурора о мерах, принятых по его исполнению, в течение одного месяца с момента его поступления в орган дознания или предварительного следствия либо в иной срок, определяемый прокурором; в-третьих, расширить перечень должностных лиц органов прокуратуры, изложенный в ч. 5^1 ст. 34 УПК, включив в него прокуроров районов, городов; в-четвертых, исключить из ст. 34^1 УПК словосочетание «иной документ» в связи с тем, что УПК определяет единое правило оформления решения о проведении процессуальных действий – постановление, которое в предусмотренных уголовно-процессуальным законом случаях санкционируется прокурором.

Список цитированных источников

1. Бибило, В. Н. Статус следователя в уголовном процессе / В. Н. Бибило // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2006. – Вып. 17. – С. 1–9.

2. Рубис, А. С. Использование специальных знаний в прокурорском надзоре – путь повышения его эффективности / А. С. Рубис // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск : БГУФК, 2010. – С. 287–296.

3. Мелешко, В. Н. Участие прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса / В. Н. Мелешко // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 14–15 окт. 2016 г. / Белорус. гос. ун-т, юрид. факультет ; редкол. : С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 201–204.

4. Бурак, Р. В. Полномочия прокурора в уголовном процессе Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / Р. В. Бурак, А. В. Солтанович // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. М. Хомич [и др.]. – Минск, 2013. – Вып. 6. – С. 268–273.

5. Сосновский, А. А. О расширении прокурорских полномочий в досудебном уголовном производстве / А. А. Сосновский // Следственная деятельность: наука, образование, практика : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 24 июня 2021 г. / редкол.: С. Я. Аземша (пред.) [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2021. – С. 202–204.

6. Васько, Н. О. Прокурорский надзор за предварительным следствием: история развития и пути совершенствования процессуального статуса прокурора / Н. О. Васько // Надзорно-правоохранительная деятельность прокуратуры в условиях глобальной трансформации систем обеспечения национального правопорядка : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня образования органов прокуратуры Респ. Беларусь, г. Минск, 14 июня 2022 г. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: В. В. Марчук (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2022. – С. 171–174.

7. Мойсак, В. К. Требование прокурора в уголовном процессе: головоломка для правоприменителей / В. К. Мойсак // Законность и правопорядок. – 2013. – № 1. – С. 12–17.

8. Шарангович, Д. И. Надзор за исполнением законодательства на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы и перспективы / Д. И. Шарангович // Законность и правопорядок. – 2021. – № 1. – С. 12–13.

9. Климович, Ю. С. О реформировании уголовно-процессуального законодательства / Ю. С. Климович // Следственная деятельность: наука, образование, практика : тез. докл.

Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 24 июня 2021 г. / редкол.: С. Я. Аземша (пред.) [и др.]. – Минск : СтройМедиаПроект, 2021. – С. 130–133.

10. Сенько, А. С. Проблемы прокурорского надзора за законностью возбуждения уголовных дел / А. С. Сенько // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск : БГУФК, 2010. – С. 246–253.

11. Обобщенные сведения о состоянии преступности, прокурорском надзоре и результатах следственной работы в Республике Беларусь за январь– екабрь 2023 г. / Генер. прокуратура Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – 107 с.

12. Обобщенные сведения о состоянии преступности, прокурорском надзоре и результатах следственной работы в Республике Беларусь за январь–декабрь 2022 г. / Генер. прокуратура Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – 108 с.

13. Обобщенные сведения о состоянии преступности, прокурорском надзоре и результатах следственной работы в Республике Беларусь за январь–декабрь 2021 г. / Генер. прокуратура Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – 108 с.

14. Надзор за исполнением законодательства на стадии досудебного производства : сб. норматив. актов и документов / Генер. прокуратура Респ. Беларусь ; сост. : Г. И. Дыско [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. – Минск : Белорус. Дом печати, 2017. – 515 с.

15. Оносов, Ю. В. Юридическая практика удовлетворения требований прокурора / Ю. В. Оносов // Электрон. прилож. к «Рос. юрид. журналу». – 2019. – № 3. – С. 64–68. – URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 22.09.2023).

16. Винокуров, А. Ю. Представление прокурора в уголовном процессе / А. Ю. Винокуров // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 69–70.

17. Савчук, Т. А. Представление в арсенале правовых средств прокурорского надзора в досудебном производстве по уголовным делам / Т. А. Савчук // III Минские криминалистические чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 15 дек. 2022 г. / УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Р. М. Ропот (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2023. – С. 315–319.

18. Куница, Е. Возвращение прокурором уголовных дел для производства дополнительно предварительного расследования / Е. Куница // Законность и правопорядок. – 2014. – № 2. – С. 34–38.

19. Соркин, В. М. О полномочиях прокурора и начальника следственного подразделения в уголовном судопроизводстве в связи с созданием Следственного комитета / В. С. Соркин // Современные тенденции развития юридической науки, правового образования и воспитания : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Полоцк, 18–19 мая 2012 г. : в 2-х т. / Полоц. гос. ун-т ; редкол. : А. Н. Пугачев (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2012. – Т. II. – С. 201–203.

20. Сербун, А. М. Указания прокурора как способ обеспечения законности в досудебном уголовном производстве / А. М. Сербун // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика : сб. ст. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: Т. А. Савчук (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. – С. 219–222. – URL: alis.pac.by/alis/StartEk/index.php. (дата обращения: 12.01.2025).

21. Василевич, Г. А. Роль прокуратуры в становлении правового государства / Г. А. Василевич // Законность и правопорядок. – 2008. – № 3. – С. 3–10.

Рецензент: Рыбак С. В.,
доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 07.03.2025.

TRENDS IN THE EXPANSION OF PROSECUTORIAL POWERS IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Tatsiana A. Savchuk

Annotation. In the article on the basis of scientific ideas and review of criminal procedural norms the issues related to the consistent strengthening of prosecutor's powers in pre-trial criminal proceedings are considered; attention is focused on the latest novelties of the criminal procedural law in expanding the range of such powers. Problematic aspects of the normative regulation and implementation of certain prosecutorial powers are identified, in connection with which the author formulates conclusions and proposals for further legislative improvement of the powers of the prosecutor in pre-trial criminal proceedings.

Keywords: prosecutor, prosecutor's powers, demand, submission, prosecutor's authorization, pre-trial proceedings.

РАЗДЕЛ 5
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ. ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

УДК 34:002

ПРАВО ТРЕБОВАТЬ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Гавриленко Алексей Игоревич,
аспирант кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета
aliaksei.haurylenka@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются отечественное правовое регулирование права субъекта персональных данных требовать прекращения обработки персональных данных, правовая регламентация указанного права в государствах – членах Евразийского экономического союза, Европейском союзе. Исследуются также имеющиеся теоретические подходы в рамках рассматриваемого права. В результате исследования вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства о персональных данных в части механизма реализации права требовать прекращения обработки персональных данных, срока рассмотрения соответствующего заявления субъекта персональных данных и т. п.

Ключевые слова: персональные данные, обработка персональных данных, прекращение обработки персональных данных, право субъекта, удаление персональных данных.

Введение. В условиях стремительного развития цифровых технологий и значительного увеличения объемов обрабатываемых персональных данных право требовать прекращения обработки персональных данных становится одним из ключевых прав субъекта персональных данных.

Персональные данные, являясь основным ресурсом для современных информационных систем и ресурсов, подвержены рискам хищения, несанкционированного доступа и т. п. В связи с этим законодательство многих государств, в том числе Республики Беларусь, нацелены на укрепление прав субъектов через предоставление им возможности инициировать прекращение обработки своих персональных данных.

Право на прекращение обработки персональных данных является не только действенным инструментом защиты, но и механизмом, позволяющим субъектам персональных данных сохранять контроль над своими данными.

Проблематика рассматриваемого права не раз находила свое отражение в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей. Так, вопросы, связанные с правом требовать прекращения обработки персональных данных, рассматривались такими белорусскими исследователями, как А. Г. Тиковенко [1], Г. А. Василевич [2], Е. Н. Мазаник и Д. А. Шинкарук [3], М. А. Городецкая [4], М. С. Абламейко и Н. В. Шакель [5].

Среди представителей научного сообщества иностранных государств неоднократно рассматривали отдельные вопросы регулирования права на приращение обработки персональных данных, например, Т. И. Оганесян [6], Ф. Северино и Л. Спонзини [7], Ю. Н. Петров [8].

При этом в настоящее время отсутствуют комплексные исследования отечественного правового регулирования права на прекращение обработки персональных данных, которые бы учитывали последние нормативные тенденции государств – членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), Европейского союза в части особенностей реализации указанного права, что и обуславливает новизну и актуальность настоящей статьи.

Основная часть. Согласно части первой п. 1 ст. 13 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон) субъект персональных данных вправе требовать от оператора бесплатного прекращения обработки своих персональных данных, включая их удаление, при отсутствии оснований для обработки персональных данных, предусмотренных Законом и иными законодательными актами.

Как справедливо отмечается в литературе, указанное право вытекает из положений ст. 4 Закона и является важнейшим контрольным инструментом субъекта персональных данных по отношению к оператору. Если права, предусмотренные ст. 11–12 Закона, носят преимущественно информационный характер, то рассматриваемое право дает возможность запрещать обработку, требовать удаления данных, т. е. требовать от оператора осуществления фактических действий, которые нередко могут иметь для него серьезные последствия (финансовые, организационные и др.) [9].

Указанное право получило также широкое распространение в нормативных правовых актах государств-членов ЕАЭС и Европейского союза.

Так, в соответствии с частью первой ст. 14 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Федеральный закон) субъект персональных данных имеет право требовать от оператора удаления персональных данных в случае, если персональные данные не являются необходимыми для заявленной цели обработки [10].

Согласно подп. 5 п. 1 ст. 24 Закона Республики Казахстан от 21 мая 2013 г. № 94-V «О персональных данных и их защите» (далее – Закон Республики Казахстан) субъект имеет право требовать от собственника и (или) оператора, а также третьего лица уничтожения своих персональных данных, сбор и обработка которых произведены с нарушением законодательства Республики Казахстан, а также в иных случаях, установленных данным Законом и иными нормативными правовыми актами Республики Казахстан [11].

В соответствии с п. 1 и 3 ст. 19 Закона Кыргызской Республики от 14 апреля 2008 г. № 58 «Об информации персонального характера» (далее – Закон Кыргызской Республики) в случае выявления субъектом персональных данных недостоверности персональных данных или неправомерности действий с ними держателя (обладателя) массива персональных данных субъект может подать заявление держателю (обладателю) массива этих данных или уполномоченному органу [12].

Статья 21 Закона Республики Армения от 18 мая 2015 г. №ЗР-49-Н «О защите личных данных» (далее – Закон Республики Армения) содержит обязанности оператора при устранении нарушений законодательства, допущенных в ходе обработки личных данных, исправлении, блокировании или уничтожении личных данных, в частности, на основании запроса субъекта данных [13].

Таким образом, в государствах-членах ЕАЭС существует две модели установления права на прекращение обработки персональных данных:

1) непосредственное указание на право субъекта персональных данных требовать прекращения обработки своих персональных данных, т. е. выделение указанного права в качестве отдельного самостоятельного права (Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Казахстан);

2) указание на обязанность оператора прекратить обработку персональных данных при обращении субъекта персональных данных (Кыргызская Республика, Республика Армения).

В Европейском союзе также реализован подход, заключающийся в выделении указанного права в качестве самостоятельного. Так, согласно ст. 17 Общего регламента защиты персональных данных Европейского союза от 27 апреля 2016 г. № 2016/679, субъект персональных данных вправе требовать от контролера удаления без неоправданной задержки относящихся к нему персональных данных, а контролер обязан незамедлительно удалить персональные данные при наличии соответствующих оснований (отсутствует необходимость дальнейшей обработки персональных данных, субъект отозвал свое согласие, наличие факта незаконной обработки персональных данных и т. п.) [14].

Вместе с тем законодательство Республики Беларусь и других рассматриваемых государств устанавливают единый подход в отношении инициирования процесса прекращения обработки персональных данных. Соответствующим основанием является, как правило, заявление субъекта персональных данных. При этом требования к его содержанию различны.

Отечественное законодательство о персональных данных предъявляет общие требования к заявлению субъекта персональных данных вне зависимости от того, на реализацию какого права оно направлено. Согласно п. 2 ст. 14 Закона такое заявление должно содержать:

- фамилию, собственное имя, отчество (если таковое имеется) субъекта персональных данных, адрес его места жительства (места пребывания);
- дату рождения субъекта персональных данных;
- идентификационный номер субъекта персональных данных, при отсутствии такого номера – номер документа, удостоверяющего личность субъекта персональных данных, в случаях, если эта информация указывалась субъектом персональных данных при даче своего согласия оператору или обработка персональных данных осуществляется без согласия субъекта персональных данных;
- изложение сути требований субъекта персональных данных;
- личную подпись либо электронную цифровую подпись субъекта персональных данных.

Таким образом, заявление о реализации исследуемого права должно содержать значительное количество персональных данных, отдельные из которых являются весьма «чувствительными» (идентификационный номер, адрес места жительства) и не способствуют на практике его эффективному рассмотрению, на что неоднократно обращалось внимание в литературе [15; 16].

В постатейном комментарии к Закону подчеркивается, что отсутствие в заявлении необходимых сведений не всегда должно рассматриваться как нарушение законодательства о персональных данных (например, указание в заявлении информации, которая поможет оператору идентифицировать субъекта) [9].

В связи с этим, на наш взгляд, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о дополнении ст. 14 Закона пунктом 4 следующего содержания: «4. В случае поступления оператору заявления субъекта персональных данных, не содержащего всей информации, предусмотренной абзацами вторым – четвертым пункта 2 статьи 14 настоящего Закона, и наличия возможности рассмотрения поступившего заявления по существу без ее указания, оператор должен рассмотреть заявление в установленный срок».

Весьма интересным видится существующий в законодательстве Российской Федерации, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Армения механизм временной блокировки персональных данных.

В случае выявления неправомерной обработки персональных данных при обращении субъекта персональных данных оператор обязан осуществить блокирование неправомерно обрабатываемых персональных данных с момента такого обращения или получения указанного запроса на период проверки (п. 1 ст. 21 Федерального Закона).

Собственник и (или) оператор обязаны блокировать персональные данные, относящиеся к субъекту, в случае наличия информации о нарушении условий их сбора, обработки (подп. 8 п. 2 ст. 25 Закона Республики Казахстан).

Держатель (обладатель) обязан принять к производству заявление субъекта и заблокировать его персональные данные с момента его получения на период проверки заявления (п. 1 ст. 19 Закона Кыргызской Республики).

Оператор обязан заблокировать личные данные, относящиеся к субъекту данных, с момента получения запроса до окончания действий по проверке (п. 1 ст. 21 Закона Республики Армения).

При этом указанные нормативные правовые акты при отсутствии оснований для прекращения обработки персональных данных предписывают оператору снять блокирование (разблокировать) персональных данных.

Следует отметить, что белорусским Законом блокирование рассматривается как альтернатива прекращению обработки персональных данных при отсутствии технической возможности их удаления (часть вторая п. 2 ст. 13 Закона). В соответствии с абзацем третьим ст. 1 Закона под блокированием понимается прекращение доступа к персональным данным без их удаления.

Указанный подход позволяет обеспечивать целостность обрабатываемых данных, что особенно актуально при автоматизированной обработке персональных данных посредством реляционных, иерархических и сетевых баз данных. Структура такого типа баз данных зависит от взаимосвязей между записями

в них. Удаление определенных записей может вызвать проблемы с целостностью и работоспособностью в них.

На наш взгляд, включение в Закон норм о временном блокировании персональных данных на период рассмотрения соответствующего субъекта персональных данных является преждевременным и нуждается в проработке. Так, при обязательном блокировании персональных данных возрастает риск злоупотреблений со стороны субъектов персональных данных, остается неясным механизм блокирования персональных данных, содержащихся в открытом доступе (например, на интернет-сайте оператора). Кроме того, при осуществлении такого блокирования имеет место риск возникновения у оператора дополнительных обременений, влекущих значительные финансовые, организационные и технические затраты.

Актуальным также является вопрос срока рассмотрения заявления субъекта о требовании прекратить обработку персональных данных.

Согласно части первой п. 1 ст. 13 Закона в Республике Беларусь такой срок составляет 15 дней. Однако в других государствах – членах ЕАЭС установлены более короткие сроки прекращения обработки персональных данных: в Российской Федерации – в срок, не превышающий трех рабочих дней, в Республике Казахстан – в течение одного рабочего дня, в Кыргызской Республике – незамедлительно, в Республике Армения – незамедлительно.

Полагаем, что установление менее длительных сроков прекращения обработки персональных данных является оправданным и способствует должной защите прав и законных интересов субъекта персональных данных. Кроме того, такой срок особенно важен, когда речь идет о персональных данных, распространенных в глобальной компьютерной сети Интернет, поскольку существует большой риск ознакомления с ними большого количества субъектов за непродолжительный период времени.

В связи с этим следует рассмотреть вопрос о стимулировании операторов рассматривать заявления субъектов о прекращении обработки персональных данных в более короткие сроки. Отметим, что указанное позволит гармонизировать сроки прекращения обработки персональных данных по заявлению субъектов не только с нормами законодательств отдельных государств-членов ЕАЭС, но и отраслевыми нормами национального законодательства. Например, согласно п. 1 ст. 12 Закона Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» рекламодатель обязан по первому требованию абонента или адресата в течение одного рабочего дня со дня поступления такого требования обеспечить прекращение размещения (распространения) рекламы в адрес этого абонента или адресата, а рекламораспространитель – в этот же срок прекратить размещение (распространение) такой рекламы.

Предлагаем рассмотреть вопрос об изложении части первой п. 1 ст. 13 Закона в следующей редакции: «Оператор в случае, предусмотренном пунктом 1 настоящей статьи, обязан незамедлительно, но не позднее пятнадцатидневного срока после получения заявления субъекта персональных данных прекратить обработку персональных данных, а также осуществить их удаление (обеспечить

прекращение обработки персональных данных, а также их удаление уполномоченным лицом) и уведомить об этом субъекта персональных данных».

Заключение. Таким образом, реализация права требовать прекращения обработки персональных данных является одним из важнейших механизмов обеспечения возможности субъектов осуществлять действенный «контроль» за ними и инициировать их удаление. При этом в ЕАЭС отсутствуют единые подходы правового регулирования указанного права, что не способствует выстраиванию на его территории единого правового поля, направленного на защиту прав субъектов персональных данных. Предлагаемые в настоящей статье изменения Закона в части объема сведений, указываемых в заявлении субъекта о прекращении обработки персональных данных, а также сроках его рассмотрения, на наш взгляд, отвечают существующим в ЕАЭС тенденциям и поспособствуют повышению эффективности защиты прав субъектов персональных данных.

Список цитированных источников

1. Тиковенко, А. Г. Конституционно-правовые основы гарантирования реализации прав человека и безопасности информационно-цифрового общества: некоторые аспекты / А. Г. Тиковенко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. – Минск, 2023. – С. 111–127.

2. Василевич, Г. А. О некоторых вопросах защиты персональных данных / Г. А. Василевич // Право и цифровые технологии : электрон. сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 26 нояб. 2021 г. / Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой ; редкол.: И. В. Шахновская, П. В. Соловьев. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2022. – С. 6–10.

3. Мазаник, Е. Н. Правовое регулирование «права на забвение» в законодательстве зарубежных стран / Е. Н. Мазаник, Д. А. Шинкарук // Наука. Предпринимательство. Инновации : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. форума, Минск, 29 марта 2024 г. / Белорус. гос. экон. ун-т, факультет права, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; редкол.: О. В. Бодакова, Л. Р. Миронович ; под общ. ред. А. Н. Шкляревского. – Минск : БГЭУ, 2024. – С. 148–152.

4. Городецкая, М. А. Защита персональных данных умерших лиц: сравнительно-правовое исследование / М. А. Городецкая // Право.by. – 2024. – № 5. – С. 14–24.

5. Абламейко, М. С. Биометрические персональные данные и дипфейки: правовой аспект / М. С. Абламейко, Н. В. Шакель // Право.by. – 2024. – № 3. – С. 79–87.

6. Оганесян, Т. Д. Право быть забытым в эпоху цифровых технологий / Т. Д. Оганесян // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 481. – С. 238–248.

7. Severino, F. Overcoming the Friction between the “Right to be Forgotten” and Blockchain Technology through a New Approach / F. Severino, L. Sposini // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – № 2. – С. 565–584.

8. Петров, Ю. Н. Право на забвение: понятие, содержание, проблемы законодательного регулирования / Ю. Н. Петров // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. – 2024. –№ 3. – С. 310–315.

9. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-З // Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – URL: https://cpd.by/pravovaya-osnova/metodologicheskiye-dokumenty-rekomendatsii/postatejnyj-kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-zashhite-personalnyh-dannyh/ (дата обращения: 03.03.2025).

10. О персональных данных : Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ: в ред. от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801 (дата обращения: 03.03.2025).

11. О персональных данных и их защите: Закон Респ. Казахстан от 21 мая 2013 г. № 94-V // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000094 (дата обращения: 03.03.2025).

12. Об информации персонального характера: Закон Кыргызской Респ. от 14 апр. 2008 г. № 58 // Государственное агентство по защите персональных данных при Кабинете Министров Кыргызской Республики. – URL: https://dpa.gov.kg/ru/npa/4 (дата обращения: 03.03.2025).

13. О защите личных данных: Закон Респ. Армения от 18 мая 2015 г. №ЗР-49-Н // Правовая информационная система Республики Армения. – URL: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=114851 (дата обращения: 03.03.2025).

14. Общий регламент защиты персональных данных Европейского союза // Онлайн-портал законодательства Европейского союза. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (дата обращения: 03.03.2025).

15. Гавриленко, А. И. К вопросу о праве субъекта персональных данных на получение информации, касающейся обработки персональных данных / А. И. Гавриленко // Право.by. – 2024. – № 1. – С. 99–105.

16. Савельев, А. И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» / А. И. Савельев // КонсультантПлюс. Россия : справ.-правовая система (дата обращения: 03.03.2025).

Рецензент: Шилко В. В.,
специалист по внутреннему контролю за обработкой персональных данных
ООО «Экомедсервис-Медицинский центр»,
кандидат юридических наук.

Дата поступления статьи: 14.04.2025.

THE RIGHT TO REQUEST THE TERMINATION OF PERSONAL DATA PROCESSING: TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION

Alexey I. Gavrilenko

Abstract. The article analyses the domestic legal regulation of the right of the subject of personal data to demand the termination of processing of his personal data, the legal regulation of this right in the member states of the Eurasian Economic Union, the European Union. The available theoretical approaches within the framework of the considered right are also investigated. As a result of the study, proposals are made to improve the current legislation on personal data in terms of the mechanism of realisation of the right to demand the termination of personal data processing, the term of consideration of the relevant application of the personal data subject, etc.

Keywords: personal data, processing of personal data, termination of personal data processing, right of the subject, deletion of personal data.

УДК 340.13

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПОСРЕДСТВОМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

Городецкая Марина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель директора по научно-методической работе
УО «Институт переподготовки и повышения квалификации
судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета»
GorodetskayaMA@bsu.by

Аннотация. В статье анализируются подходы к правовой регламентации обработки персональных данных посредством видеонаблюдения в Республике Беларусь и некоторых зарубежных странах, рассматриваются требования к такой обработке с учетом норм ст. 4 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных». Обращается внимание на необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования использования видеонаблюдения.

Ключевые слова: видеонаблюдение, персональные данные, требования к обработке персональных данных, правовые основания.

Введение. Развитие технологий видеонаблюдения стало неотъемлемой частью нашей повседневной жизни: камеры можно заметить практически повсюду – от улиц городов до офисных помещений и жилых домов, квартир. Их использование в ряде случаев необходимо для реализации государственными органами возложенных на них публично-властных функций, в том числе поддержания порядка и общественной безопасности. Так, применение систем видеонаблюдения справедливо рассматривается как современный способ охраны общественного порядка, используемый для анализа оперативной обстановки, складывающейся на определенной территории, систематического наблюдения за общественной безопасностью. В то же время наряду с удобством и повышением уровня желаемой безопасности активное повсеместное внедрение видеонаблюдения сопряжено с существенным вторжением в частную жизнь граждан, в связи с чем актуализируется вопрос о необходимости обеспечения баланса интересов всех заинтересованных, т. к. камеры видеонаблюдения могут фиксировать лица людей, их поведение, в том числе маршруты их передвижения, привычки, эмоциональное состояние и другие личные данные.

Вопросы использования видеонаблюдения в контексте требований законодательства о персональных данных, несмотря на их актуальность, к сожалению, в настоящее время мало освещены в научной литературе. Наиболее подробно указанная тематика раскрыта в публикациях Д. Г. Полещука [1], И. А. Пырко и Н. А. Швед [2]. Подходы уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных – Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь в отношении особенностей осуществления

видеонаблюдения с точки зрения требований национального законодательства о персональных данных и отраслевого законодательства раскрыты в соответствующих рекомендациях и разъяснениях.

Вместе с тем, как представляется, рассмотрение вопросов использования видеонаблюдения в контексте требований законодательства о персональных данных не теряет своей актуальности. Об этом, в частности, свидетельствуют и данные статистики, представленные национальным регулятором: среди всех жалоб, рассмотренных им в 2025 г., около 13 % приходится на вопросы видео- и аудионаблюдения.

Основная часть. В соответствии с абз. 6 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 07.05.2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) обработка персональных данных представляет собой любое действие или совокупность действий, совершаемых с персональными данными, включая сбор, систематизацию, хранение, изменение, использование, обезличивание, блокирование, распространение, предоставление, удаление персональных данных. Как видно из приведенного определения, перечень действий, признаваемых обработкой персональных данных, является открытым, «не носит исчерпывающего характера и является ориентиром для правоприменителя» [3]. Вместе с тем отсутствие в нем прямого указания на видеонаблюдение в правоприменительной практике породило заблуждение о том, что на такие случаи (имеется в виду, когда оно фактически осуществляется) Закон о персональных данных не распространяется.

Анализируя указанный вопрос, Д. Г. Полещук справедливо отмечает, что «вариантом обработки персональных данных непосредственно выступает их *сбор*, к которому могут быть отнесены видеонаблюдение и видеосъемка (или видеозапись)» [1, с. 33].

Интересно, что в ст. 4 Общего Регламента по защите данных Европейского союза видеонаблюдение (или видеосъемка) среди действий по обработке не упоминаются, однако имеется указание на *сбор* и *запись* личных данных, которые рассматриваются как самостоятельные действия по их обработке. Такой подход нашел отражение также в Федеральном законе Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О защите персональных данных» (п. 3 ст. 3), Законе Кыргызской Республики от 14 апреля 2008 г. № 58 «Об информации персонального характера» (абз. 14 ст. 3). В Законе Республики Армения от 18 мая 2015 г. «О защите личных данных» используется *сбор и фиксирование, в том числе с применением любых средств автоматизации и технических средств* (ст. 3). А вот в Законе Грузии от 14 июня 2023 г. № 3144-XIმს-Xმპ «О защите персональных данных» к обработке данных отнесено непосредственно *видеонаблюдение* и, кроме того, отдельно назван *аудиомониторинг* (п. е ст. 3).

Поскольку само по себе видеонаблюдение представляет обработку персональных данных, на него, как и на любую иную обработку (такой в частности, может выступать аудиомониторинг (аудиозапись)), распространяются требования, установленные ст. 4 Закона о персональных данных (законности, соразмерности и справедливости, наличия правового основания,

ограничения цели, запрета избыточности, прозрачности, достоверности и ограничения хранения).

Так, например, п. 2 ст. 4 Закона о персональных данных установлены требования *соразмерности и справедливости* при обработке персональных данных. В частности, определено, что обработка персональных данных должна быть соразмерна заявленным целям их обработки и обеспечивать на всех ее этапах справедливое соотношение интересов всех заинтересованных лиц. Соразмерность в контексте этой нормы следует рассматривать как разумное и достаточное соотношение цели обработки персональных данных и используемых средств для ее достижения, которое должно оцениваться на всех этапах обработки персональных данных, в том числе при принятии решения об обработке персональных данных посредством видеонаблюдения. Рассматриваемое требование ориентирует также на то, что при выборе способа обработки персональных данных оператору необходимо рассматривать вопрос о том, возможно ли достижение заявленной цели иными способами, не предполагающими использование персональных данных или предусматривающими меньшее вмешательство в частную жизнь граждан и меньшие масштабы обработки их персональных данных.

На степень вторжения в частную жизнь граждан могут оказывать влияние следующие параметры и настройки системы видеонаблюдения:

▪ расположение камер (в том числе угол обзора). Представляется, что камера, размещенная у входа в здание, в холле или направленная непосредственно на охраняемое имущество представляет собой меньшее вмешательство в частную жизнь, чем камера, установленная непосредственно на рабочем месте и фиксирующая поведение субъекта персональных данных на протяжении всего рабочего дня;

▪ количество камер. Одна камера, направленная на вход в здание, помещение, учебную аудиторию и т. д. является меньшим вмешательством в частную жизнь, чем большое количество камер, следящих за поведением субъектов персональных данных почти непрерывно;

▪ режим работы камеры. Например, при определенных условиях камера в помещении, на складе, установленная для целей охраны имущества и обеспечивающая видеозапись в нерабочее время, является меньшим вмешательством в частную жизнь, чем камера, работающая в непрерывном режиме.

Другими словами, если заявленные цели можно достичь более мягкими средствами, то установка камеры (или нескольких камер) видеонаблюдения для этих целей может содержать признаки незаконной, избыточной обработки. Видеонаблюдение нельзя ставить «на всякий случай». Оно должно быть оправдано, использоваться разумно, в том числе с учетом принципа «минимизации данных», и имеющихся у субъектов персональных данных прав.

Согласно *требованию прозрачности* субъекты персональных данных должны быть проинформированы о местах осуществления видеонаблюдения. Так, в разъяснениях Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь отмечается, что «для обеспечения реализации принципа прозрачности процесса обработки персональных данных оператор обязан проинформировать граждан об осуществлении видеонаблюдения в конкретных местах

путем размещения специальных информационных табличек в зонах охвата видеокамер» [4].

Примечательно, что в европейской надзорной практике первый штраф в размере 4 800 евро за нарушение Общего Регламента по защите данных Европейского союза был наложен именно по причине нарушения принципа прозрачности при использовании видеонаблюдения на улице. Австрийский регулятор обнаружил отсутствие соответствующей вывески с информацией о том, кем ведется видеонаблюдение, его целей, правовых оснований и т. п., что и привело к штрафу [5].

Исходя из требований Закона о персональных данных для любой обработки персональных данных субъектов необходимо *надлежащее правовое основание*, предусмотренное этим Законом или иными законодательными актами. Следует учитывать, что в случае, если правовым основанием для видеонаблюдения оператором (уполномоченным лицом) определено согласие, оно должно быть получено у всех лиц, находящихся в контролируемом камерой пространстве вне зависимости от продолжительности их пребывания в контролируемой камерой зоне (например, у всех обучающихся при установке камеры в учебной аудитории). В целом можно отметить, что на практике бывает достаточно затруднительно легализовать видеонаблюдение через получение у субъектов персональных данных согласий. Причин несколько. Важно понимать, что такое согласие должно отвечать всем требованиям, установленным ст. 5 Закона о персональных данных, а отзыв субъектом персональных данных своего согласия в порядке ст. 10 названного Закона ведет к невозможности дальнейшей видеосъемки (видеонаблюдения) ввиду отсутствия для нее законных оснований.

В Разъяснениях об обработке персональных данных в связи с трудовой (служебной) деятельностью Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь обращается внимание на следующее.

В ситуациях, когда при использовании системы видеонаблюдения в трудовых отношениях отсутствует прямое требование законодательного акта либо соответствующая обязанность (полномочие), такая обработка персональных данных может осуществляться с согласия работников. Однако, в силу неравного статуса работника и нанимателя в трудовых отношениях согласие на обработку персональных данных посредством видеонаблюдения, как правило, не может быть признано добровольным. Оно может выступать в качестве правового основания такой обработки только тогда, когда у работника имеется реальная альтернатива выбора [6].

В отдельных случаях необходимость осуществления видеонаблюдения напрямую предусмотрена законодательством (и согласие на такую обработку не требуется). Например:

▪ *для целей организации личного приема граждан* в соответствии с Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц». Так, п. 6 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» предусмотрено, что при проведении личного приема по решению руководителя организации могут применяться технические средства (аудио- и видеозапись, кино-

и фотосъемка), о чем заявитель должен быть уведомлен до начала личного приема. Предполагается, что видеонаблюдение в данном случае должно иметь дискретный характер, т. е. осуществляться при непосредственном проведении руководителем личного приема, в связи с чем запись может производиться только в определенный промежуток времени.

▪ *для целей обеспечения общественной безопасности и общественного порядка* в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2013 г. № 527 «О вопросах создания и применения системы видеонаблюдения в интересах обеспечения общественного порядка», постановлениями Совета Министров Республики Беларусь от 11 декабря 2012 г. № 1135 «Об утверждении Положения о применении систем безопасности и систем видеонаблюдения», от 30 декабря 2013 г. № 1164 «О критериях отнесения объектов к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности». Критериями отнесения объектов к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности выступают следующие:

1. Отнесение объекта к объектам, представляющим повышенную техногенную и экологическую опасность, условно уязвимым в диверсионном отношении, в том числе осуществляющим хранение и (или) эксплуатацию радионуклидных источников 1 и 2 категории по степени радиационной опасности.

2. Размещение на объекте:

▪ стационарных торговых объектов, в том числе объектов общественного питания;

▪ зрелищных объектов, дискотек, культурно-развлекательных (ночных) клубов;

▪ учреждений образования, организаций здравоохранения, туристических объектов;

▪ физкультурно-спортивных сооружений с предусмотренной вместимостью 100 и более мест;

▪ гостиниц, общежитий, объектов придорожного сервиса.

3. Использование автомобильной дороги для въезда в г. Минск, административные центры областей и районов, города областного и районного подчинения и выезда из них.

4. Необходимость обеспечения общественной безопасности на объектах метрополитена, автомобильного, железнодорожного, водного и воздушного транспорта (аэропорты, вокзалы, станции, стоянки, посадочные платформы, вестибюли, тоннели, пешеходные путепроводы).

5. Отнесение объекта к рекомендованным местам для проведения массовых мероприятий, определенным местными исполнительными и распорядительными органами.

6. Возможность единовременного массового пребывания в общественных, административных зданиях, сооружениях, зонах отдыха, парках, скверах, на городских площадях и бульварах 100 и более человек [7];

▪ *для целей организации охранной деятельности и пропускной системы* в соответствии с Законом Республики Беларусь от 8 ноября 2006 г. № 175-З «Об охранной деятельности в Республике Беларусь» и иными актами законодательства в сфере охранной деятельности;

▪ *для целей организации автомобильных перевозок пассажиров (в такси)* в соответствии с требованиями Указа Президента Республики Беларусь от 25 января 2024 г. № 32 «Об автомобильных перевозках пассажиров». Так, предусматривается, что автомобиль-такси (кроме маршрутного) должен быть оснащен оборудованием видеофиксации, которое ведет запись на протяжении всей смены водителя, при этом на основании подп. 2.13 п. 2 названного Указа в салоне такси обязательно должна быть размещена информация о наличии в салоне средств видеофиксации.

В указанных случаях согласие на обработку персональных данных посредством осуществления видеосъемки (видеонаблюдения) не требуется на основании абз. 20 ст. 6 Закона о персональных данных.

В Рекомендациях об обработке персональных данных в связи с трудовой (служебной) деятельностью подчеркивается, что необходимость выполнения обязанностей (полномочий), предусмотренных законодательными актами, не предоставляет нанимателю неограниченных возможностей по использованию видеонаблюдения. Видеонаблюдение на рабочих местах допускается лишь при наличии специфических обстоятельств, требующих организации постоянного контроля на рабочем месте. Регулятором обращено внимание, что такое видеонаблюдение может иметь место при наличии высокой степени рисков, связанных с опасными условиями труда (на строительных площадках, иных травмоопасных производствах и т. п.), работе с материальными ценностями (кассиры на торговых объектах, в банках и т. п.) или связанной с непрерывным обслуживанием клиентов. Видеонаблюдение за офисными работниками, работа которых не обременена подобными факторами (рабочие места считаются безопасными) или выборочно на рабочих местах отдельных (конкретных) работников, выполняющих аналогичные функции, не соответствует требованиям ст. 4 Закона о персональных данных [6].

В Рекомендациях также отмечено, что в последнее время получила распространение практика осуществления видеонаблюдения *в целях противодействия коррупции*. Вместе с тем, как указывается регулятором, законодательство не предусматривает норм, обязывающих использовать для этого системы видеонаблюдения, а гипотетические возможности совершения правонарушений коррупционного характера или их единичные случаи не могут являться основанием для сплошного видеонаблюдения за всеми работниками. В связи с этим, разъяснено, что видеонаблюдение в целях противодействия коррупции может иметь место в исключительных случаях в связи с наличием в том числе статистически подтвержденных высоких рисков совершения правонарушений коррупционного характера [6].

Интересен в обозначенном ключе законодательный опыт Грузии.

Так, Законе Грузии от 28 декабря 2011 г. № 5669-вс «О защите персональных данных», действовавшем до 2023 г. (в настоящее время утратил силу),

порядок осуществления видеонаблюдения был определен в нескольких статьях (ст. 11-13) и детализировался в зависимости от места установки соответствующих систем видеонаблюдения и целей обработки (на улице и в общественном транспорте (ст. 11), для осуществления видеонаблюдения за зданиями публичных и частных учреждений (ст. 12), в жилых помещениях (ст. 13)). В 2023 г. обозначенный подход был скорректирован в связи с принятием нового закона о защите персональных данных – Закона Грузии от 14 июня 2023 г. № 3144-XIმს-Xმპ «О защите персональных данных», в котором видеонаблюдению посвящена одна статья, которой устанавливаются базовые подходы к его осуществлению с учетом общих требований (принципов) обработки персональных данных и защите соответствующей информации. Например, определено, что видеонаблюдение допускается в целях превенции преступлений, раскрытия преступлений, общественной безопасности, защиты личной безопасности и имущества, защиты несовершеннолетних (в том числе от вредного влияния), защиты секретной информации, экспертизы/тестирования, а также для выполнения задач, связанных с публичными или (и) иными законными интересами, при условии, что видеонаблюдение является адекватным и соразмерным цели обработки данных (п. 1). Установлено, что видеонаблюдение за рабочим процессом/территорией занятого лица допускается только в исключительных случаях, когда законные цели, не могут быть достигнуты иными способами или требуют несоразмерных усилий (п. 3); система видеонаблюдения и видеофиксации должна быть защищена от неправомерных посягательств и использования, а контролер должен обеспечить запись любого доступа к видеозаписям, включая время доступа и имя пользователя, которые позволяют идентифицировать лицо, получившее доступ к видеозаписи (п. 5) и т. д. [8].

Сравнительно-правовое исследование показывает, что Закон Грузии – один из немногих законов о защите персональных данных, устанавливающий особенности обработки персональных данных для такой обработки персональных данных как видеонаблюдение. В упомянутых выше законах Российской Федерации и Кыргызской Республики соответствующие положения отсутствуют.

В США в 15 штатах действуют отдельные законы, касающиеся видеонаблюдения. Например, закон Калифорнии запрещает кому-либо записывать видео с сообщениями, которые являются конфиденциальными. По общему правилу законы штатов о видеонаблюдении должны соответствовать Четвертой поправке к Конституции, согласно которой люди не могут находиться под наблюдением без их согласия в местах, где у них есть «разумные ожидания неприкосновенности частной жизни», например, в их домах или гостиничных номерах, в ванных комнатах, туалетах, раздевалках, в кабинетах врачей или адвокатов, а также во время разговора с терапевтом или священником. При этом, нет никаких разумных ожиданий в отношении неприкосновенности частной жизни, когда человек находится на дорогах общего пользования или в местах, где обычно присутствует общественность, таких как торговые центры, магазины, офисы или общественный транспорт [9].

В Великобритании вопросы осуществления видеонаблюдения

регулируются положениями Кодекса практики использования камер видеонаблюдения (2013 г., в ред. 2022 г.) [10], а, кроме того, разъяснены в отдельном Руководстве по видеонаблюдению, подготовленном офисом уполномоченного (комиссара) по информации (ICO) [11]. Указанный документ принят в развитие положений Общего регламента Великобритании по защите данных (UK GDPR) и Закона о защите данных 2018 г. (DPA 2018).

Обратим внимание, что в национальном Законе о персональных данных видеонаблюдение (или видеосъемка) прямо не упоминается, не содержатся положения, устанавливающие особенности по обработке и защите информации, полученной в процессе такой обработки. В связи с чем специалистами высказывается мнение о необходимости комплексного правового регулирования вопросов, связанных с видеонаблюдением [1, с. 39; 2, с. 29].

Необходимость оценки целесообразности закрепления специального законодательного регулирования осуществления видеонаблюдения юридическими и физическими лицами, в том числе обработки полученных при его проведении персональных данных, обозначена также в рекомендациях Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, подготовленных по итогам парламентских слушаний на тему «Развитие цифрового права в Республике Беларусь», состоявшихся 22 ноября 2024 г.

Такое пристальное внимание к рассматриваемому вопросу обусловлено важностью соблюдения баланса между защитой прав граждан и обеспечением общественной безопасности, а также потребностью в уточнении требований к юридическим и физическим лицам при осуществлении такой деятельности, их более детальной проработке.

Вместе с тем отметим, что Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь уделяется значительное внимание вопросам обработки персональных данных при осуществлении видеонаблюдения. В настоящее время при их толковании белорусским регулятором используется отраслевой подход: особенности применения законодательства о персональных данных при осуществлении видеонаблюдении разъяснены для сфер трудовых отношений [6], образования [4] и здравоохранения [12], для жилищной сферы (видеонаблюдение в многоквартирных жилых домах) [13], малого предпринимательства. По прошествии почти 4 лет с момента принятия Закона о персональных данных такое решение видится наиболее удачным, ориентированным не на революционное, а на поэтапное (эволюционное) развитие законодательства в соответствующей сфере с учетом складывающейся правоприменительной практики.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие общие выводы.

1. Видеонаблюдение играет важную роль в обеспечении безопасности, однако оно требует ответственного подхода к обработке и защите персональных данных со стороны операторов (уполномоченных лиц). Решение об использовании в своей деятельности видеонаблюдения, должно основываться также на понимании необходимости принятия соответствующих правовых, организационных и технических мер по защите информации, полученной с камер видеонаблюдения.

2. Видится оправданным уточнение в Законе о персональных данных понятия «обработка персональных данных» путем дополнения действий, ее составляющих, видео- и аудионаблюдением. Соглашаясь с необходимостью дальнейшего совершенствования правового регулирования использования видеонаблюдения, в том числе сопряженного с обработкой персональных данных, полагаем, что не меньший интерес для правоприменительной практики могут представлять комплексные разъяснения уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных по вопросам видеонаблюдения, а также последующая актуализация уже имеющихся отраслевых разъяснений, учитывающая современные тенденции развития информационных технологий, их активное внедрение на практике.

Список цитированных источников

1. Полещук, Д. Г. Видеонаблюдение и видеосъемка как обработка персональных данных / Д. Г. Полещук // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / под ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск : МИТСО, 2023. – С. 32–46.

2. Пырко, И. А. Использование видеонаблюдения в целях обеспечения общественной безопасности: зарубежный опыт и регулирование в Республике Беларусь / И. А. Пырко, Н. А. Швед // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / под ред. Н. Л. Бондаренко. – Минск : МИТСО, 2023. – С. 16–31.

3. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-З / Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – С. 22. – URL : https://cpd.by/pravovaya-osnova/metodologicheskiye-dokumenty-rekomendatsii/postatejnyj-kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-zashhite-personalnyh-dannyh/ (дата обращения: 03.03.2025).

4. Разъяснения о применении законодательства о персональных данных в деятельности учреждений среднего специального и высшего образования / Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – URL: https://cpd.by/storage/2025/01/15-Razjasnenija-o-primenenii-ZPD-v-dejatelnosti-USSO-i-UVO-1.pdf (дата обращения: 03.03.2025).

5. Влияние Общего регламента по защите данных на видеонаблюдение. – URL: https://tcn.by/novosti/vliyanie-obshchego-reglamenta-po-zashchite-dannykh-na-videonablyudenie (дата обращения 12.03.2025).

6. Разъяснениях об обработке персональных данных в связи с трудовой (служебной) деятельностью / Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – URL: https://cpd.by/storage/2025/09/RTO-s-izmenenijami.pdf (дата обращения 12.03.2025).

7. О критериях отнесения объектов к числу подлежащих обязательному оборудованию средствами системы видеонаблюдения за состоянием общественной безопасности: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 декабря 2013 г. № 1164 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.10.2024).

8. Law of Georgia on Personal Data Protection / Legislative Herald of Georgia. – URL: https://matsne.gov.ge/en/document/view/5827307?publication=4 (дата обращения: 12.03.2025).

9. Обзор мирового наследия. Законы о видеонаблюдении по штатам до 2025 года https://worldpopulationreview.com/state-rankings/video-surveillance-laws-by-state (дата обращения: 11.03.2025).

10. Руководство по видеонаблюдению (в том числе для организаций, использующих системы видеонаблюдения) / Офис Уполномоченного (комиссара) по защите информации Великобритании. – URL: https://ico.org.uk/for-organisations/uk-gdpr-guidance-and-resources/cctv-and-video-surveillance/guidance-on-video-surveillance-including-cctv/about-this-guidance/ (дата обращения: 11.03.2025).

11. Кодекс практики в отношении камер видеонаблюдения Великобритании. – URL : https://www.gov.uk/government/publications/update-to-surveillance-camera-code (дата обращения: 11.03.2025).

12. Рекомендации по обработке персональных данных в сфере здравоохранения / Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – URL: https://cpd.by/storage/2025/01/16-Rekomendacii-po-obrabotke-personalnyh-dannyh-v-sfere-zdravoohranenija-1.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

13. Разъяснения законодательства о персональных данных (порядке осуществления видеонаблюдения в многоквартирных жилых домах) / Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь. – URL: https://cpd.by/storage/2025/01/13-Razjasnenija-o-porjadke-osushhestvlenija-videonabljudenija-v-mnogokvartirnyh-zhilyh-domah-2023-1.pdf (дата обращения: 19.01.2025).

Рецензент: Клим А. М.,
заведующий кафедрой конституционного и административного права
Института управленческих кадров Академии управления
при Президенте Республики Беларусь,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 16.04.2025.

LEGAL REGULATION OF PERSONAL DATA PROCESSING BY VIDEO SURVEILLANCE: INTERNATIONAL AND NATIONAL APPROACHES

Marina A. Gorodetskaya

Abstract. The article analyzes the approaches to the legal regulation of personal data processing through video surveillance in the Republic of Belarus and some foreign countries, and examines the requirements for such processing, taking into account the provisions of Article 4 of the Law of the Republic of Belarus No. 99-Z dated May 7, 2021, ‘On the Protection of Personal Data” Attention is drawn to the need for further improvement of the legal regulation of the use of video surveillance.

Keywords: video surveillance, personal data, processing of personal data, legal grounds.

УДК 340.13

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОТЗЫВ СОГЛАСИЯ НА ОБРАБОТКУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Синюк Екатерина Викторовна,
заместитель начальника отдела по работе с обращениями
Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь
zvarot@cpd.by

Аннотация. Статья посвящена разъяснению отдельных положений законодательства о персональных данных, связанных с действиями оператора по реализации права субъекта персональных данных на отзыв согласия на их обработку. Автор анализирует нормативные положения, определяющие различные виды информационной продукции, и выделяет ее характерные признаки. Отмечается отсутствие закрепленных на законодательном уровне способов введения в гражданский оборот и сложность применения подобной конструкции при реализации права субъекта на отзыв. Принимая во внимание цели законодательства о персональных данных, предлагаются условия применения п. 4 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных».

Ключевые слова: информационная продукция, отзыв согласия, права субъекта персональных данных, персональные данные, прекращение обработки персональных данных.

Введение. Обработка персональных данных на основании согласия субъекта персональных данных (далее – согласие) является одним из ключевых правил как национального, так и зарубежного законодательства о персональных данных.

При этом предоставление человеку права дать согласие на обработку его личной информации подразумевает необходимость наделения его также и правом на отзыв данного согласия. Такая взаимосвязь обусловлена принципами автономии и контроля над личной информацией [1, с. 9], закрепленными в том числе международными правовыми нормами в сфере защиты данных, включая Общий регламент защиты персональных данных от 27 апреля 2016 г. № 2016/679 (далее – GDPR).

Право на отзыв согласия призвано обеспечить баланс между деятельностью операторов по обработке персональных данных и правами субъектов персональных данных, гарантируя их защиту от потенциального злоупотребления.

Отметим, что значительная часть научных работ, посвященных отзыву согласия, была проведена зарубежными учеными преимущественно в сфере медицинских исследований и связанных с этим этических норм [например, 2; 3; 4]. В отечественной литературе вопросы отзыва согласия, включая его последствия, остаются неизученными. Указанное обуславливает актуальность настоящего исследования.

Основная часть. Пункт 1 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон) гарантирует субъекту персональных данных право отозвать свое согласие в любое время без объяснения причин.

Обработка персональных данных до реализации субъектом права на отзыв согласия не является незаконной, однако оператор обязан прекратить дальнейшую обработку персональных данных при отсутствии иных правовых оснований, предусмотренных ст. 6 и п. 2 ст. 8 Закона.

Необходимо отметить, что аналогичное правило об отсутствии обратной силы отзыва согласия и обязанности незамедлительно прекратить дальнейшую обработку персональных данных предусмотрено и GDPR (ст. 7(3) и 17(1) соответственно). При этом, как подчеркивается в Преамбуле 42 к GDPR, отзыв согласия не должен влечь для субъекта никакого ущерба.

Исключение из требования о прекращении обработки персональных данных закреплено п. 4 ст. 10 Закона, предусматривающим отсутствие обязанности изымать из гражданского оборота информационную продукцию, содержащую персональные данные, если она была выпущена до момента отзыва согласия. Подобные нормы имеют универсальный характер и встречаются в законодательстве о персональных данных многих стран, хотя их формулировки могут иметь некоторые отличия.

Реализация данного положения зависит от ряда обстоятельств, которые мы рассмотрим далее.

Перечень, определенный п. 4 ст. 10 Закона, включает печатные издания, аудио- либо видеозаписи программ, радио-, телепрограммы, кинохроникальные программы, а также иную информационную продукцию.

Непосредственно Закон не содержит определений обозначенных понятий, содержание которых раскрывается отраслевым законодательством.

Так, согласно абзацу тринадцатому ст. 1 Закона Республики Беларусь от 29 декабря 2012 г. № 8-З «Об издательском деле» печатным изданием является документ, предназначенный для распространения содержащейся в нем информации, прошедший редакционно-издательскую подготовку, полиграфически самостоятельно оформленный, изготовленный и выпущенный в свет.

Виды печатных изданий конкретизированы в абзаце втором п. 5 Положения об обязательном бесплатном экземпляре документов, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 3 сентября 2008 г. № 1284, и включают текстовые, в том числе периодические и непериодические, нотные, картографические, изобразительные.

В соответствии с п. 3 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ) видео-, кинохроникальная программа, радио-, телепрограмма – это совокупность аудио-, аудиовизуальных сообщений и (или) материалов (передач), аудиовизуальных произведений, радио-, телепередач, имеющая постоянное название и носящая периодический характер.

Важно отметить, что радио-, теле-, видео- и кинохроникальные программы являются видами средств массовой информации и предназначены для неопределенного круга лиц (п. 2 ст. 1 Закона о СМИ).

Что касается иной информационной продукции, то ориентир для понимания этого термина можно обнаружить в нормативных правовых актах, регулирующих:

▪ присвоение продукции знака возрастной категории;

▪ оценку продукции на предмет наличия (отсутствия) в ней признаков проявления экстремизма.

Поскольку присвоение знаков возрастной категории является необязательным для отдельных категорий информационной продукции, более широким является предмет регулирования Положения о порядке проведения оценки символики, атрибутики, информационной продукции, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 октября 2021 г. № 575.

В соответствии с абзацем третьим пункта 2 указанного Положения информационная продукция – это печатные издания, аудио-, аудиовизуальные, печатные и другие информационные сообщения и (или) материалы, плакаты, портреты, транспаранты и иная наглядная агитация, рекламная продукция, предназначенные для публичных демонстрации, использования и распространения либо распространенные любым способом.

Вместе с тем определение информационной продукции, используемое для цели присвоения знака возрастной категории, также представляет интерес, поскольку содержит ранее не упоминаемые примеры такой продукции.

Так, помимо продукции средств массовой информации, печатных изданий, аудиовизуальных произведений, фонограмм, к информационной продукции также отнесены игры, в том числе с электронным дисплеем, компьютерные игры и программы на любых видах носителей, а также информация, распространяемая посредством культурных мероприятий (часть первая статьи 37^2 Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка», п. 1 Положения о критериях определения возрастной категории детей, среди которых допускается распространение информационной продукции, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 октября 2016 г. № 871). *Справочно.*

Продукция средства массовой информации – тираж (часть тиража) отдельного номера печатного средства массовой информации, отдельный выпуск радио-, теле-, видео-, кинохроникальной программы, тираж или часть тиража аудио- либо видеозаписи программы, а также информационные сообщения и (или) материалы, распространяемые посредством сетевого издания (п. 15 ст. 1 Закона о СМИ).

Нельзя не обратить внимание, что большинство приведенных определений указывает на распространение как цель изготовления информационной продукции. При этом термин «распространение» в ряде актов законодательства раскрыт применительно к объекту этого действия (например, распространение продукции средства массовой информации (п. 18 ст. 1 Закона о СМИ), распространение фильма (п. 4 ст. 200 Кодекса Республики Беларусь о культуре)).

В отсутствие нормативного регулирования, полагаем верным с этой целью учитывать возможность получения доступа к информационной продукции третьих лиц.

Помимо этого, следует также помнить об отсутствии каких-либо ограничений к форме выпуска информационной продукции (в электронном или печатном виде).

Исходя из изложенного, к информационной продукции могут быть отнесены, например, как отправленный постоянным клиентам в качестве корпоративного подарка календарь, содержащий изображения работников предприятия, так и размещенный в чате *Telegram* или *Viber* пост, содержащий иные сведения, которые могут быть отнесены к персональным данным.

При этом отнесению тех или иных сведений к категории персональных данных необходимо уделять особое внимание: этот вопрос разрешается в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств, в том числе относимости информации к лицу и возможности его идентификации на основании такой информации [5, с. 44].

Более сложным представляется толкование понятий, связанных с гражданским оборотом, в частности, способов введения в гражданский оборот.

Унифицированное определение этого понятия в законодательстве отсутствует, а используемый в Гражданском кодексе Республики Беларусь термин «введение в гражданский оборот» относится к материальным объектам (продукты, устройства, изделия), в то время как информационная продукция может быть изготовлена в электронном виде.

В связи с этим на данном этапе следует обратить внимание на значение и цель исследуемого нормативного положения.

Несмотря на важность закрепления в Конституции Республики Беларусь права на защиту персональных данных [6, с. 22], действующее законодательство о персональных данных содержит не только положения, направленные на защиту прав субъектов персональных данных, но и меры, гарантирующие защиту интересов операторов, что подтверждается закрепленным в п. 2 ст. 4 Закона требованием справедливого соотношения интересов всех заинтересованных лиц.

Так, полагаем, отзыв согласия, не влекущий обязанность прекратить всю возможную обработку персональных данных, является инструментом правового регулирования, направленным на поиск оптимального баланса между интересами субъектов и потребностями операторов.

Такая конструкция ограничивает риск злоупотребления правом со стороны субъектов персональных данных, предотвращая проявление потребительского экстремизма с их стороны.

Упомянутая норма ст. 4 Закона также позволяет урегулировать ситуации, в которых прекращение обработки персональных данных субъекта не зависит от одного лишь оператора и (или) повлечет для него существенные финансовые или иные издержки, обеспечивая таким образом стабильность деятельности операторов в сфере обработки персональных данных.

Указанное подтверждается позицией, изложенной в опубликованном Национальным центром защиты персональных данных Республики Беларусь постатейном комментарии к Закону, согласно которой при обработке персональных данных с целью изготовления, например, брошюр в несколько тиражей, отзыв согласия влечет прекращение обработки персональных данных в отношении еще не изготовленных тиражей [7]. Соответственно, предшествующая отзыву согласия обработка персональных данных, включая распространение изготовленной продукции, признается правомерной.

Рассмотрим в качестве примера ситуацию использования изображения субъекта персональных данных в рекламных материалах. Так, в рамках рекламной компании организацией была разработана серия наружной рекламы (размещена на щитовых рекламных конструкциях в нескольких городах страны). Обозначенные материалы были также размещены на сайте и в социальных сетях организации, а впоследствии – на других сайтах с указанием ссылки на исходный пост и в аккаунтах иных пользователей социальных сетей посредством репоста первоначальной публикации.

В случае использования изображения субъекта на основании его согласия и отзыва такого согласия необходимо прекратить обработку персональных данных, включая их удаление, что в рассматриваемой ситуации подразумевает удаление публикаций, содержащих изображение субъекта, на сайте и в социальных сетях оператора, а также подготовленных для публикации рекламных материалов макетов.

В свою очередь, обработка персональных данных посредством распространения средства наружной рекламы считается правомерной в течение срока действия договора на размещение средства наружной рекламы. Отметим, однако, что продление такого договора после поступления заявления субъекта об отзыве его согласия не соответствует законодательству о персональных данных.

Таким образом, реализация субъектом персональных данных права на отзыв согласия не означает автоматического прекращения обработки его персональных данных всеми задействованными в этом процессе сторонами и требует анализа ряда обстоятельств. Для минимизации рисков возникновения неблагоприятных ситуаций, в том числе касающихся нарушения положений Закона, операторам следует взвешенно отнестись к выбору правового основания для обработки персональных данных.

Список цитированных источников

1. Opinion 15/2011 on the definition of consent (WP187) – URL: https://ec.europa.eu/justice/article-29/documentation/opinion-recommendation/files/2011/wp187_en.pdf (date of access: 08.04.2025).

2. Colcelli, V. Consent withdrawal: What is the procedure if consent will later be withdrawn / V. Colcelli, R. Cippitani, C. Brochhausen-Delius [et al.] // GDPR Requirements for Biobanking Activities Across Europe. – Cham : Springer, 2023. – P. 137–142.

3. Florea, M. Withdrawal of consent for processing personal data in biomedical research / M. Florea // International Data Privacy Law. – 2023. – Vol. 13, № 2. – P. 107–123.

4. Withdrawal of consent and destruction of samples / Ethical issues in governing biobanks: Global Perspectives / ed.: B. Elger [et al.] – London, 2016. – P. 131–166.

5. Саванович, Н. А. Дефиниция персональных данных в Законе Республики Беларусь «О защите персональных данных» и проблемы ее применения / Н. А. Саванович // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 6. – С. 41–44.

6. Гавриленко, А. И. К вопросу о реализации конституционного права на защиту персональных данных / А. И. Гавриленко // Современные новеллы Конституции Республики Беларусь : сб. науч. ст. / БГУ, юрид. фак., каф. конституционного права ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – С. 22–25.

7. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных». – URL: https://cpd.by/pravovaya-osnova/metodologicheskiye-dokumenty-rekomendatsii/postatejnyj-kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-zashhite-personalnyh-dannyh (дата обращения: 08.04.2025).

Рецензент: Саванович Н. А.,
кандидат юридических наук, доцент.

Дата поступления статьи: 11.04.2025.

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF CONSENT WITHDRAWAL

Katsiaryna V. Siniuk

Abstract. The article is devoted to the clarification of certain provisions of personal data legislation related to the operator's actions in exercising the right of consent withdrawal. The author examines the regulations that define various types of information products and identifies their distinguishing features. The absence of legislatively established methods for introducing into civil circulation is noted, as well as the complexity of applying such a framework when exercising the right of withdrawal. Taking into account the objectives of personal data legislation, the author proposes conditions for the application of paragraph 4, article 10 of the Law of the Republic of Belarus dated May 7, 2021, № 99-З "On Personal Data Protection".

Keywords: information products, consent withdrawal, data subject rights, personal data, termination of personal data processing.

УДК 342.72/.73

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Янушкевич Ксения Андреевна,
специалист отдела по работе с обращениями
Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь
ksenia_yanushkevich8@mail.ru

Курсова Арина Дмитриевна,
специалист отдела по работе с обращениями
Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь
kursovaarina8@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется механизм реализации права на ознакомление с материалами исполнительного производства в соответствии с законодательством о персональных данных. Особое внимание уделено балансу между конституционным правом на ознакомление с материалами исполнительного производства и защитой прав субъектов персональных данных. В результате исследования были выявлены основные проблемы в действующем законодательстве и предложены пути их решения в целях повышения эффективности исполнительного производства.

Ключевые слова: исполнительное производство, персональные данные, правовое регулирование, право на ознакомление.

Введение. В современных условиях информационного общества персональные данные приобретают особую значимость. В связи с этим государство приняло на себя обязательства по созданию условий для их защиты и безопасности личности и общества при их использовании.

Соответствующие положения включены в Конституцию Республики Беларусь (ст. 28) и нашли дальнейшее отражение в основных программных документах.

Так, неправомерные действия в отношении персональных данных признаны одной из основных угроз национальной безопасности в соответствии с абзацем тридцать третьим п. 29 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5.

Согласно абзацу второму п. 78 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1, множественные угрозы и риски незаконного и необоснованного вмешательства в частную жизнь граждан, похищение персональных данных, компрометация реквизитов доступа и избыточное профилирование сужают личное пространство человека и нарушают его приватность.

Необходимость своевременной актуализации законодательства в сфере обработки персональных данных, а также совершенствование практики обработки персональных данных отражены в подп. 41.13 п. 41 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, что олицетворяет потребность в учете указанных положений в практической деятельности государственных органов и иных организаций, в том числе органов принудительного исполнения.

Изложенное позволяет заключить, что персональные данные являются уязвимой информацией, требующей особого подхода при их обработке. Одним из важных аспектов их защиты является ограничение доступа к персональным данным, в том числе обрабатываемым в информационном ресурсе (системе). Указанное обусловливает в том числе актуальность исследования вопросов реализации права доступа к документам, содержащим персональные данные.

Со вступлением в силу Закона о персональных данных отмечается увеличение количества научных публикаций по указанной тематике.

Основная часть. Право граждан на ознакомление с указанными материалами вытекает из ч. 2 ст. 34 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой государственные органы, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы.

Развитие обозначенной нормы нашло свое отражение во многих актах законодательства. Применительно к рассматриваемому вопросу интерес представляет абзац второй части первой ст. 18 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве), согласно которому стороны исполнительного производства вправе знакомиться с материалами исполнительного производства, в том

числе сводного, за исключением документов, содержащих информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, делать выписки из документов, содержащихся в материалах исполнительного производства, снимать за свой счет их копии.

В соответствии с абзацем вторым ст. 17 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, относится информация о частной жизни физического лица и персональные данные.

В свою очередь, персональными данными является любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано, в том числе через один или несколько признаков, характерных для его идентичности (физической, психологической, экономической и иной) (абзацы девятый и семнадцатый ст. 1 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон о персональных данных)).

Как справедливо отмечает Н. А. Саванович, «универсального перечня сведений, которые должны признаваться персональными данными, нет и, наверное, не может быть. Вместо этого в Законе содержится своеобразный “тест” с признаками относимости к лицу информации и возможностью его идентификации на основе такой информации. Как следствие, вопрос об отнесении сведений к персональным данным должен рассматриваться в каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств» [2, с. 44].

Так, в рамках ведения исполнительного производства информацией, относящейся к идентифицированным физическим лицам, являются фамилии, собственные имена, отчества (при их наличии), номера банковских счетов, номера телефонов, места жительства, данные документов, удостоверяющих личность и другие сведения о сторонах исполнительного производства.

В частности, персональными данными являются сведения об индивидуальных предпринимателях, а также о работниках юридического лица, уполномоченных подписывать заявления о возбуждении исполнительного производства. Не имеет значения при этом, относится ли такая информация к сторонам исполнительного производства, иным участникам исполнительного производства, представителям органов принудительного исполнения или иным лицам.

Обращаем также внимание, что сведения о лицах, согласовавших (завизировавших) подписавших и (или) исполнивших документы, также являются персональными данными.

Таким образом, сведения, содержащиеся в материалах исполнительного производства (контактные данные сторон, их банковские реквизиты, данные документа, удостоверяющего личность и т. п.), являются персональными данными.

Исходя из положений части первой п. 3 ст. 4 Закона о персональных данных, обработка персональных данных может осуществляться без согласия субъекта персональных данных только при наличии правовых оснований, предусмотренных указанным Законом и иными законодательными актами.

В частности, согласие субъекта персональных данных на обработку персональных данных не требуется, когда такая обработка является необходимой для выполнения обязанностей (полномочий), предусмотренных законодательными актами, а также принятыми в развитие иными актами законодательства (абзац двадцатый ст. 6 Закона о персональных данных).

Обязанность судебных исполнителей предоставлять сторонам исполнительного производства или их представителям возможность знакомиться с материалами исполнительного производства (за исключением документов, содержащих информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено), а также возможность делать выписки из них или снимать за свой счет копии с этих материалов предусмотрена абз. 8 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 440-З «О судебных исполнителях».

Таким образом, установленные законодателем пределы ознакомления с информацией, распространение и (или) предоставление которой ограничено, значительным образом затрудняют реализацию данного права и получение необходимых сторонам сведений.

Вместе с тем в ряде случаев предоставление сторонам информации, включающей персональные данные иных лиц, не требуется.

Так, например, в рамках обращения взыскания на денежные средства и иное имущество, причитающееся должнику от третьих лиц, третьему лицу предписывается перечислять причитающиеся должнику денежные средства полностью или частично на счет органа принудительного исполнения до уведомления судебным исполнителем об отмене такого предписания (часть третья ст. 77 Закона об исполнительном производстве). Соответственно, ввиду перечисления денежных средств на счет органа принудительного исполнения, практическая необходимость в предоставлении расчетного счета взыскателя третьим лицам или самому должнику отсутствует.

Из этого следует отсутствие полномочия (обязанности) работников органов судебного исполнения предоставлять персональные данные взыскателя и иных лиц, содержащиеся в материалах исполнительного производства, в том числе в рамках реализации права на ознакомление с ними. Соответственно, правовое основание для такой обработки в рассматриваемой ситуации отсутствует, абзац двадцатый ст. 6 Закона применен быть не может, и совершение таких действий является нарушением законодательства о персональных данных, влекущим ответственность по ст. 23.7 КоАП.

Иная ситуация, когда персональные данные являются общедоступными в силу распространения их в соответствии с требованиями законодательных актов. Например, в соответствии с абзацем седьмым подп. 7.1 п. 7 Положения о порядке функционирования интернет-сайтов государственных органов и организаций, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 г. № 645, на главной странице интернет-сайта размещаются сведения о руководителе государственного органа и организации и его заместителях (должность, фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется), номер служебного телефона, фотографическое изображение).

Следовательно, размещенные на интернет-сайте государственного органа или организации сведения об их руководителях являются общедоступными. В связи с этим установление запрета на получение такой информации в рамках ознакомления с материалами исполнительного производства не является целесообразным и может служить одним из доводов в пользу изменения исследуемой нормы.

Диаметрально противоположной является точка зрения В. В. Делибозговой, в соответствии с которой критерий «распространение и (или предоставление) которой ограничено» является неконкретным и неприменимым в деятельности органов принудительного исполнения. Вследствие этого автор высказывается о необходимости выработки рекомендаций для работников органов принудительного исполнения относительно выделения дополнительных критериев (не только по законодательно установленным ограничениям на обработку (распространение)) информации о персональных данных, но и критериев, по которым судебный исполнитель в целом может оценить, что, несмотря на отсутствие прямого запрета, информация может нарушать права и законные интересы и при этом не влиять непосредственно на процесс исполнения [2, с. 391].

Так, исследователь не отделяет правовое основание обработки персональных данных в целях исполнения исполнительных документов (абзац третий ст. 6, абзац седьмой п. 2 ст. 8 Закона о персональных данных) от правового основания на предоставление персональных данных иных лиц в рамках ознакомления с материалами исполнительного производства (абзац двадцатый ст. 6, абзац семнадцатый п. 2 ст. 8 Закона о персональных данных).

Орган принудительного исполнения, являясь оператором, обрабатывает персональные данные в целях исполнения исполнительных документов, однако для целей такого исполнения, как правило, не требуется предоставлять персональные данные иных лиц при реализации права на ознакомление с материалами исполнительного производства (в том числе с учетом установленного законодательством порядка взаимодействия органа принудительного исполнения и участников исполнительного производства). В связи с этим считаем, что с мнением ученого согласиться нельзя.

Отметим также, что аналогичный подход применяется и в Законе Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц», абзац третий ст. 7 которого закрепляет право заявителей знакомиться с материалами, непосредственно относящимися к рассмотрению их обращений (за исключением материалов, содержащих информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено), в том числе делать выписки из этих материалов, осуществлять их фотосъемку.

Как справедливо отмечает Е. В. Синюк, «исследуемая норма Закона об обращениях императивна и не содержит исключений в части круга персональных данных, которые могут послужить основанием для ограничения доступа к материалам» [3, с. 110].

Таким образом, право на ознакомление с материалами исполнительного производства является значимой предпосылкой для полноценной реализации других прав граждан (прежде всего, права на обжалование), а также

инструментом контроля за деятельностью работников органов принудительного исполнения.

В то же время полагаем, что в целях недопущения ограничения права на ознакомление с материалами исполнительного производства, реализующее свое право лицо вправе знакомиться с такими материалами при соблюдении одного из следующих условий:

▪ сокрытие содержащихся в них персональных данных иных лиц способами, не позволяющими идентифицировать этих лиц (например, с помощью замены символами ”****“ или заливки цветом определенной части текста документа);

▪ изъятие документов, содержащих информацию о таких лицах, в том числе сведения, по которым эти лица могут быть идентифицированы.

Полагаем, такой подход будет главным образом содействовать обеспечению баланса интересов различных субъектов в исполнительном производстве.

Кроме того, с учетом изложенной аргументации правовое регулирование реализации указанного права, на наш взгляд, подлежит последующей корректировке.

Список цитированных источников

1. Саванович, Н. А. Дефиниция персональных данных в Законе Республики Беларусь «О защите персональных данных» и проблемы ее применения / Н. А. Саванович // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 6. – С. 41–44.

2. Делибозоглова, В. В. Проблемы ознакомления сторон исполнительного производства с материалами, содержащими персональные данные / В. В. Делибозоглова // Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2023 : материалы Междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 16 нояб. 2023 г. / БГУ, юрид. фак. ; [редкол.: А. В. Шидловский (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 390–391.

3. Синюк, Е. В. К вопросу об ограничении права знакомиться с материалами, непосредственно относящимися к рассмотрению обращений / Е. В. Синюк // Актуальные проблемы гражданского права. – 2023. – № 2 (22). – С. 107–113.

Рецензент: Шилко В. В.,
специалист по внутреннему контролю за обработкой персональных данных
ООО «Экомедсервис-Медицинский центр»,
кандидат юридических наук.

Дата поступления статьи: 13.03.2025.

LIMITATION OF THE RIGHT TO ACCESS ENFORCEMENT PROCEEDINGS MATERIALS

Kseniya A. Yanushkevich, Arina D. Kursova

Abstract. The article analyzes the mechanism for exercising the right to access enforcement proceedings materials in accordance with personal data protection legislation. Special attention is given to balancing the constitutional right to access enforcement proceedings materials and protecting the rights of personal data subjects. As a result of the study, key issues in current legislation were identified, and solutions were proposed to improve the efficiency of enforcement proceedings.

Keywords: enforcement proceedings, personal data, legal regulation, right to access.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово 4

Раздел 1. ЗАЩИТА ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ, ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ, СЛЕДСТВИЯ И ЮСТИЦИИ

Миклашевич П. П.
Конституционное правосудие: современное развитие 6

Борисова Е. А.
Пути продвижения идеи урегулирования споров в примирительных процедурах 15

Здрок О. Н.
Тенденции развития правового регулирования отношений по примирению сторон в цивилистическом процессе Республики Беларусь 23

Кацубо С. В.
О перспективах применения партисипативной процедуры как способа урегулирования спора сторон путем переговоров при участии адвокатов 34

Раздел 2. ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО, ХОЗЯЙСТВЕННОГО, СЕМЕЙНОГО, ТРУДОВОГО, ФИНАНСОВОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Амельченя Ю. А.
Теоретическое осмысление межотраслевого характера правового регулирования государственных закупок 43

Белоусова С. Д.
Влияние концепции устойчивого развития и ESG-принципов на интересы юридического лица 51

Мацкевич И. М., Жубрин Р. В., Бут Н. Д., Добрецов Д. Г.
Развитие экологического законодательства и прокурорский надзор за исполнением законов в экологической сфере 56

Минько Н. С., Минько Л. Ф.
Перспективные направления экологизации экономики на евразийском пространстве: научно-правовые аспекты 69

Опанасюк И. О.
Проблемы распространения коллективного договора на работников, находящихся в отпуске по уходу за ребенком 76

Пунько Т. Н.
Правовой статус эмбриона *in vitro*: этико-правовые проблемы определения 83

Рахимберганова Б. Д.
Перспективы совершенствования установленного законодательством порядка прекращения срочного трудового договора 91

Рахмонов З. З.
Вопросы оценки деятельности государственных гражданских служащих 97
Функ Я. И., Чигилейчик-Функ Ю. А.
Об исключении необходимости признания судом общей юрисдикции права на долю в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью (общества с дополнительной ответственностью) за супругом участника общества, для «раздела» такой доли, находящейся в общей совместной собственности супругов, между указанными лицами 103
Халецкая Т. М.
Модернизация системы права: обзор научных концепций 111
Чигилейчик-Функ Е. Я.
О регламентации договора консорциума Руководствами Европейской экономической комиссии ООН, в связи с признанием или не признанием указанного договора в качестве непоименованного в праве Республики Беларусь 117

Раздел 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ
Барков А. В.
Малозначительность деяния: критерии констатации 126
Василевский А. В.
Общественный контроль в сфере противодействия коррупции: практика реализации и перспективы совершенствования нормативного правового регулирования 135
Дубко М. А.
Обеспечение системности норм уголовного закона об ответственности за преступления в информационной сфере 144
Марчук В. В.
Уголовный закон и судебная практика о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление 152
Новикова Е. В.
Историко-социологические предпосылки появления и развития наркотизма 164
Савчук А. Г.
Возмещение вреда, причиненного коррупционными правонарушениями 173
Хомич В. М.
Криминология уголовно-правовых рисков в современном уголовном праве и о переходе их стохастичности в состояние правовой неопределенности 183
Шаблинская Д.В.
Совершенствование положений о специальной конфискации в целях повышения эффективности противодействия преступлениям 191

Раздел 4. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Бибило В. Н.
Назначение и подготовка судебного разбирательства как стадия уголовного процесса 199

Гурьян А. Ф.
Правоприменительная практика освобождения от уголовной ответственности на основании части 1 статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 204

Джумаев Ш. Б. угли
Вопросы совершенствования прокурорского надзора за исполнением законов в Республике Узбекистан 211

Зайцева Л. Л.
О соотношении понятий «волеизъявление», «согласие» и «согласование» в уголовно-процессуальном праве 219

Макаревич М. В., Зайцева Л. Л.
Возвращение уголовного дела прокурору в связи с нарушением права обвиняемого пользоваться родным языком 226

Пацкевич А. П.
Перспективы использования сети Интернет в изучении личности подозреваемого (обвиняемого) по уголовному делу 232

Перевалов Д. В., Романович Е. И.
Сущность оперативно-розыскного противодействия тяжким и особо тяжким преступлениям 239

Рубис А. С., Лосева В. Г.
Поисково-познавательная деятельность субъектов доказывания при расследовании преступлений с использованием подложных документов для пересечения государственной границы Республики Беларусь 249

Савчук Т. А.
Тенденции в расширении прокурорских полномочий в досудебном уголовном производстве 255

Раздел 5. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ. ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Гавриленко А. И.
Право требовать прекращения обработки персональных данных: актуальные вопросы правового регулирования 264

Городецкая М. А.
Правовое регулирование обработки персональных данных посредством видеонаблюдения: зарубежные и национальные подходы 271

Синюк Е. В.
Особенности реализации права на отзыв согласия на обработку персональных данных 281

Янушкевич К. А., Курсова А. Д.
Ограничение права на ознакомление с материалами исполнительного производства 286